

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

●

Злодейство замучает женщин
невинных,

Кровь вдов потечёт от великого
зла.

Пожар от свечей угрожает
иконам старинным,

И ярость людская в движение
пришла.

Мишель де Нотрдам
(Нострадамус)

Китайская Народная
Республика, военная авиабаза НОАК
Пин Фан Тянь. Примерно 15
километров южнее г. Харбин, 6
ноября 2011года. 03.12 по местному

времени. Главнокомандующий объединёнными вооружёнными силами России — генерал армии Алексей Макарович Широков. Друг моего врага.

... Из задумчивости меня опять вывел длинный и очень резкий нырок туши самолёта в особенно глубокую воздушную яму. Истребители эскорта только что отвалили и пилот нашего «суперджет 100» начал выводить машину для захода на посадку. Поворочавшись в мягком кресле, я выглянул в иллюминатор, отодвинув штору: темень предрассветная, да ещё минимум огней на «взлётке». Но тут всё ясно — китайцы разумно

страхуются от вездесущих
янкесовских спутников, да и
обычных глаз вокруг будет
предостаточно. Тёмная, ореховая
обивка салона опять резанула глаз, от
всей этой показной роскоши
передёргивало всякий раз, как
приходилось сталкиваться с
наследием довоенных времён.
Пышность временщиков, воровская
показуха. На все деньги, вбуханные, к
примеру, в этот самолёт - вполне
можно было полностью вооружить и
экипировать взвод мотострелков.
Нужно будет предложить китайцам
купить его, а обратно вылететь
грузовым бортом. Если не согласятся
купить, можно попробовать обменять

на обмундирование, или
медикаменты, это должно сработать.
Скулы свело как от зевоты, чувства
горького сожаления об утраченных
возможностях и обиды, опять
нахлынули с новой силой. Я тоже
виноват, раз помалкивал и не сумел
настоять, не смог убедить. Но теперь
уже всё случилось, пролитой крови
не вернуть, мёртвых не воскресить.
Осталась только месть, а потом
пусть пишут трактаты, пускай судят
что мы делали не так и где
ошибались. Но это самое «потом»,
настанет только если сейчас
получится одолеть, перехитрить
врага. Янки сильны, с ними вся мощь
Европы и покорённая Африка, а

также лукавый Ближний Восток. Целый мир ополчился против нас. Только бы угадать слабинку, ударить в болезненное место и сломить хребет этой гидре!.. Хватит ли у меня сил, достаточно ли того времени, что ещё отпущено Судьбой? Надеюсь, что его достаточно, хочу верить в это...

Рядом прошуршали приглушённые ковровым покрытием шаги. Это подошёл Костя с подносом на котором был высокий стакан минералки и горсть таблеток в пластиковой мензурке. Ни слова не говоря, я просто закинул разнокалиберные пилюли в рот, запив их прохладной минералкой и сглотнул. Разговор впереди

ождается непростой, ясная голова и отсутствие боли нужны особенно остро. Кутья заживала медленно, кожа постоянно лопалась, но швы больше не расходились, срастаясь в толстые уродливые змеи рубцов. Поёрзав в кресле, вызвал начальника фронтовой разведки Маевского, тот не замедлил явиться. Я успел заметить, как он украдкой сдвинул пальцами переносицу, отгоняя усталость. Никому из нас нет покоя на этой войне, нет гладкой дороги, тёплой постели и долгого сна. Вот к примеру, Маевский прорвался ко мне через фронт с посланием от командующего западным направлением адмирала Коломейца,

ещё в самом начале войны. Полковник и его люди маскировались под гражданских, и под конец пути их чуть было не пристрелил патруль ВВшников в прифронтовой полосе. Солдаты приняли шестерых вооружённых автоматами оборванцев за мародёров. Однако в тот раз всё утряслось, поскольку полковник обладает каким-то особым даром убеждать людей. С взаимодействием тогда ничего не вышло: Коломеец вместе со штабом был уничтожен во время очередного рейда американской авиации высокоточной ракетой. Как это уже случилось с его предшественником, генерал-

полковником Калачёвым, того уработали высокоточной ракетой, во время поездки в действующую армию вместе с ним тогда накрыло почти весь высший командный состав группировки. С самого начала на западном направлении дела обстояли неблестяще. И за четыре с небольшим месяца войны, обстановка только ухудшалась. Однако Маевский пробился сквозь царящий на фронте бардак, что говорит о его незаурядных талантах как бойца и командира. Я научился доверять его суждениям, когда речь заходила о возможной реакции американцев на то или иное наше действие. С тех самых пор, мой

неполный тёзка Алексей Степанович Маевский возглавил разведотдел штаба фронта, быстро ставший центром всех тайных операций новой возрождающейся России. Было трудно: структура органов контрразведки более чем на две трети уничтожена, основная работа по выявлению агентуры противника и диверсантов легла на особые отделы действующих частей. Не лучше дело обстоит и с зарубежной разведкой, чья структура тоже подверглась тотальному уничтожению: в Европе и Северной Америке надёжных источников информации почти не осталось, всюду царит паника и предательство.

Неожиданная помощь пришла с потоками беженцев из центральных областей страны. К нам явилось несколько человек из внутренних резидентур главного разведуправления генштаба Минобороны. В предвоенные годы ГРУ осталась единственной структурой, не подвергшейся бездумному реформированию. Прочность военной разведки и её влияние на руководство страны оказалась несколько выше, чем рассчитывали «реформаторы». Здоровым силам в центральном аппарате службы удалось сохранить или законсервировать большую часть агентуры. Сеть зарубежных

конспиративных явок, некоторое количество ценной «спящей» агентуры [1], 1 "Спящим" называется агент или группа агентов глубокого внедрения. Люди живут, работают, ни чем не выделяясь на фоне соседей. Однако после получения определённого сигнала агент выходит на связь и приступает к активным ниточки к этим бесценным ресурсам — вот что принесла нам закутанная в рваное тряпье высокая средних лет женщина, назвавшаяся Ниной Ивановной Бережной. Мне её представил начштаба Пашута, и мы часов пять проговорили. Бережная представилась начальником

аналитической группы ГРУ, работавшей в Зеленограде до вторжения. Ей удалось уйти до того как в город вошли американцы, прихватив средства связи. В дальнейшем она работала вместе с такими же как она, при штабе Коломейца. Нина перешла линию фронта следом за Маевским, но пробиралась к нам в одиночку. Как только стало ясно, что штаб Северо-западной группировки не сможет обеспечить достаточного уровня секретности при работе с агентурой внутри страны и зарубежом. Вместе с полковником они стали налаживать работу новой секретной службы объединившей в себе функции

разведки и контрразведки. Придумывать нового названия не стали, продолжив традиции. Так было воссоздано Главное разведуправление или по-старому ГРУ. Заниматься приходилось также экономикой, уголовщиной, контрабандой – всем, что до войны было растаскано по разным ведомствам. Нина Ивановна возглавила управление, а Маевский и Пашута вместе с пограничниками и представителями уцелевших управлений ФСБ занялись формированием структуры в целом. Несмотря на колоссальный ущерб, скоро у меня на столе стали появляться сводки где в качестве

адресов стояли названия
американских, немецких,
французских городов. Упорядочились
сводки контрразведки по мародёрам
и диверсантам, а также редким
случаям саботажа на вновь
создаваемых заводах и фабриках
действиям.

работавших на оборону. Кивнув
на кресло напротив, я закрыл
иллюминатор шторкой и
вопросительно посмотрел на
главного разведчика.

- Что скажете хорошего, Алексей
Степанович?

Маевский устроился в кресле и
разложив на откидном столике
ноутбук быстро пробежав пальцами

по клавишам вывел на экран карту приграничных районов Казахстана. Красными линиями вдоль границы пульсировали восемь участков.

- На обозначенных участках нами развёрнуто двенадцать фильтрационных лагерей, беженцы из центральных областей России через сопредельную территорию стремятся попасть на освобождённые территории.

- Это хороший знак, много людей удалось принять?

Лицо Маевского помрачнело, однако он снова вызвав на экран какую-то таблицу ответил почти сразу же:

- В сутки мы пропускаем от двух

десятков, до десяти тысяч человек. Много больных, часть людей на грани полного истощения. Казахские власти помогают, чем могут, но там и без нас проблем хватает. За прошедшие три недели пограничники совместно с местными военными комендатурами установили и проверили более трёхсот тысяч человек. В лагерях временного размещения сейчас находится примерно столько же. На границах у временных пунктов пропуска и досмотра скопилось по разным данным до пятисот тысяч беженцев.

- Сложности?

Маевский согласно кивнул, но

сверяться с таблицами не стал, такие вещи он всегда помнил наизусть.

- Мародёров и бандитские группы численностью от пяти человек выявляем быстро. Диверсантов отлавливаем совместно с казахами в пределах общей сорокакилометровой порубежной зоны. Есть проблемы, но людей нехватает везде, набираем девушек и парней от шестнадцати лет. Часто пожилые идут. Есть случаи, когда в комиссариаты приходят люди под семьдесят лет, пока отказываем, но... Трудно, товарищ командующий. В частях Внутренних войск тоже постоянный недокомплект, отсюда переменный успех в ликвидации

мелких банд. С теми, что побольше, помогают подразделения фронтовых частей из тех, что на переформировании, выздоравливающих из госпиталей иногда привлекаем.

В который уже раз, я сдержался, чтобы не выругаться от души. Положение кругом хуже, чем предрекали штабные аналитики. С расширением освобождённых районов проблем только прибывало. Из разорённых областей и сопредельных стран в освобождённые области устремилась широким потоком разномастная волна беженцев. В основном, это уцелевшие жители сельских районов

Средней полосы России, Приуралья, встречались организованные группы из разбитых частей Центрального и Южного округов. От них мы и узнали о замкнутой в кольцо группе войск 58-й армии. Печально, но помочь пока ничем не получалось, хотя я дал распоряжение проверить возможности налаживания воздушного коридора с Ростовым. В случае успеха, можно будет предпринять попытку деблокады окруженцев. Закалённые, опытные бойцы сейчас на вес золота...

- Хорошо, но принятые меры лучше скоординировать с контрразведкой ГРУ. Пусть Нина Ивановна выделит своих

сотрудников, организуйте совместную рабочую группу по нормализации обстановки в приграничных районах. Скоро опять в наступление, бардак в тылу это не дело... Что по текущим вопросам?

- Наш пекинский источник сообщает, что на переговорах также будет присутствовать представитель северокорейского правительства. Это из-за него китайцы настаивают на встрече у себя, однако источник считает, что это не главная причина. Но это лишь предположение агента, конкретных данных у него пока нет, а перепроверить мы не можем — ресурсов недостаточно.

- Ничего, будем работать с тем,

что имеем. Нам есть что предложить Пхеньяну, пусть приходит. Ещё что-нибудь?

На узкое лицо начразведки набежала мимолётная тень, он утвердительно кивнув развернул ко мне свой потёртый ноутбук в бронированном корпусе. На экран было выведено несколько чёрно-белых снимков плохого качества. Везде был в движении схвачен невысокий лысеющий человек в тёмной пиджачной паре. Я всмотрелся внимательнее: круглое щекастое лицо, безвольный подбородок, нос картошкой. На вид человеку лет пятьдесят, может быть чуть больше, ничего

примечательного. Комментарий полковника не заставил себя ждать.

- Это Эрнест Майер, глава секретариата германского канцлера. Майер занимается вопросами урегулирования всяких спорных конфликтов, есть сведения о подкупе чиновников, шантаже, десятке — другом заказных убийств. Косвенные улики так или иначе всегда вели к Майеру, но прямых улик никогда не было. Третьего ноября он прибыл в Пекин, а вчера оказался в уже в Харбине. Официально, он тут улаживает дела от имени концерна «Байер», согласовывает поставки медицинского оборудования.

- Посредник?

- Мы пока не знаем точно, китайские коллеги его опекают, фотографии прислали нам они по каналам посольства.

- Как там Светлов, справляется с нагрузкой? Провокаций больше не было?

После начала вторжения, большинство наших диппредставительств оказалось ликвидировано. Американцы совместно с союзниками врывались в посольства и торговые представительства, большинство персонала было вывезено в неизвестном направлении. В Европе нетронутым оказалось только посольство в Швейцарии. Некоторое

время аппарат посольства пытался скоординировать свои действия со штабом ОСК «Центр», но это продлилось от силы недели три. После ликвидации Коломийца тамошний глава миссии попросил политического убежища, как и остальные десять человек из числа персонала. Однако после успеха операции «Снегопад», нам удалось частично восстановить систему министерства иностранных дел. Сейчас уже начали работать в нормальном режиме представительства в Китае, Индии, Сингапуре, Вьетнаме и Лаосе. Европа и частично Ближний Восток пока были полностью потеряны, но я

думаю это временно. Сейчас Пекин стал своеобразным центром возрождающейся российской дипломатии. Во главе МИДа, по совету Надежды Бережной, я поставил дипломата старой советской школы — Викентия Михайловича Светлова, бывшего на момент вторжения послом в Монголии. Эта страна слыла традиционным местом ссылки неугодных ещё в советское время, так что мне достались в целом отличные кадры. Говорили, что Светлов попал в опалу из-за пристрастия к «зелёному змию» и якобы не просыхал даже на новом месте. Однако после начала войны, если и

пил раньше, то сейчас резко завязал. И с остервенением кинулся в работу, как только ему предложили возглавить МИД новой России. Наследство досталось непростое: заново комплектовались штаты, опытных сотрудников не хватало как и везде сейчас. Обычным делом стали провокации против персонала, в Пекине даже пришлось отразить попытку хорошо организованного налёта на посольство. Меня впечатлили хладнокровие и решительность с которыми Светлов говорил с бандитами позволили выиграть время до того, как прибыли китайские контрразведчики. Бандиты были перебиты, в плен

китайцы никого не брали, показательно расстреляв выживших налётчиков чуть в стороне от ворот посольства. Сейчас Викентий Михайлович уже должен был прибыть на базу, чтобы всё шло по протоколу. Пол под ногами снова дрогнул, мягко проваливаясь вниз, я едва успел удержать наполовину полный стакан с водой. Рядом опять возник Костя и вполголоса предупредил:

- Получено «добро» от диспетчера базы, мы заходим на посадку Алексей Макарович...

... На лётное поле мы не вышли, самолёт ранее принадлежавший хабаровскому губернатору, а ныне

ставший «бортом номер один» новой России, загнали в просторный ангар. Выйдя на трап, я вдохнув поглубже стылый воздух и крепче сжав ручку костыля начал спускаться вниз. Остальные шли сзади, Костя старался идти так, чтобы в любой момент успеть подхватить если оступлюсь. Где-то на середине пути удалось бросить взгляд вниз, чтобы осмотреть немногочисленную группу встречающих. Из знакомых удалось разглядеть только крупную фигуру Светлова в чёрном пальто и старомодной шляпе, с двумя охранниками из посольства. Сразу за ними была свита представителя китайского госсвета, которого мы

знали как «товарищ Чжан». Он тоже прихватил охрану, я сразу заметил четвёрку крепких парней в деловых костюмах-«двойках» и девушку в изящном тёмно-синем полупальто с непокрытой головой. Она слегка выделялась на общем фоне, хотя её роль мне не понятна. В последнюю нашу встречу Чжан прекрасно говорил по-русски. Выдавлив нечто вроде улыбки я кое-как спустился вниз, где меня тут же подхватили посольские, а Светлов принялся что-то говорить. Чжан приблизился и протянув мне руку сказал на очень хорошем русском:

- Добро пожаловать в КНР, госпо...

Я пожал сухую и ожидаемо крепкую ладонь китайского чиновника, на ходу возразив:

- Товарищ! Теперь и навсегда только товарищ генерал. Думаю, что теперь уже совершенно очевидно — господа давно по другую сторону линии фронта.

На лице Чжана не дрогнул ни один мускул, но умные карие глаза за стёклами очков в тонкой золотой оправе всё же лукаво блеснули. Ещё раз тряхнув мне руку, он всё же закончил:

- Рад, что мы с самого начала взяли верный тон товарищ генерал. Сейчас мы поедem в город, это всего двадцать минут. К сожалению, не

могу дать вам время на отдых, наша встреча и так привлекла много лишних глаз. Как скоро мы сможем начать переговоры?

- Двух часов на подготовку нам вполне хватит. Я тоже не хочу тратить время зря, товарищ Чжан.

Чиновник деловито кивнул и почти в тот же миг к трапу подъехало три длинных чёрных автомобиля. Это были германские «мерседесы» представительского класса, которые прибыли тремя днями раньше из Благовещенска, грузовым рейсом. Китайцы не возражали против принятых специалистами моей личной охраны. Штат сформировали люди Бережной, пока это были

ребята отобранные из действующих частей, опыта в охране у них было не так много. Из первой машины вышел Максим Вернер – мой шеф охраны. По его знаку ещё трое парней почти подхватили на руки и бережно внесли меня в мягкий салон среднего автомобиля. По обе стороны тут же уселись Маевский и Бережная, а впереди возле водителя неизменный капитан Ларионов. Нина Ивановна была в чёрном деловом брючном костюме, бледное лицо женщины тронул румянец, коротко стриженные тёмно-каштановые волосы слегка растрепались. Извинившись, женщина быстро поправила причёску и тут же обернувшись

положила мне на колени бордовую кожаную папку.

- Там документы по новым межправительственным соглашениям и проект декларации нового оборонительного союза. Нужно просмотреть это до начала переговоров, Алексей Макарович.

- Хорошо, я посмотрю. Что говорят аналитики по поводу участия в союзе индийцев и КНДР, индийцы и северокорейцы не обидятся на статус ассоциированных членов?

Бережная отрицательно показала головой, от чего волосы её блеснули бликами отражённого скупого света салонных светильников. Лицо женщины

излучало спокойствие, во взгляде улавливалась предельная сосредоточенность. Голос её прозвучал уверенно:

- Нет, мы считаем, что это исключено: индусы из кожи вон лезут, чтобы не привлекать внимания американцев к своим поставкам запчастей и медикаментов. Ну а северокорейцы согласятся со всем, о чём их попросит китайское руководство. Однако есть сведения, что индусы готовят какой-то сюрприз, мы пока точно не знаем в чём суть, но...

- Нина Ивановна, после американского «сюрприза», другие уже не так страшны. К тому же,

китайские товарищи наверняка в курсе, не в их интересах допускать провокации.

Ещё минут сорок ушло на дорогу и переход в двухэтажный особняк, окружённый высоким трёхметровым забором. Внутренний дворик с голыми сейчас деревьями, показался на удивление уютным, не знаю почему. Как мне сообщил начальник охраны, нас разместили в правительственной резиденции местного губернатора. Апартаменты вполне комфортабельные. С удовольствием умылся горячей водой с хорошим напором, после чего долго и тщательно скоблил лезвием опасной бритвы щёки. Однако после

всего снова пришлось сесть за документы. Разложив бумаги на банкетном столике и усевшись на мягкий, обитый светло-оливковой материей диван, погрузился в чтение. Попутно включил висящий на противоположной стене плоский телевизор, передавали международные новости. Китайцы ретранслировали какой-то общеевропейский канал. Сейчас сухопарая белоголовая дикторша лет сорока, говорила о последствиях выпадения в районе Фрейбурга радиоактивных осадков. Жертвы, вспышки онкологических заболеваний, в приграничных с Калининградом областях,

выступления активистов защиты
окружающей среды. Так вещала
похожая на говорящую воблу
дикторша. На лицо невольно
набежала кривая усмешка. Ох и
хлебнёте вы лиха из нашего котла,
господа европейцы. Уже скоро
вспомните, что войн без потерь не
бывает. Ещё раз понаблюдав за
толпой немцев, одетых в клеёнчатые
накидки, с закрытыми марлевыми
повязками лицами, я склонился над
бумагами. Сил неожиданно
прибавилось, буквы и графики
больше не плыли перед глазами, боль
в культе стихла. Отдыхать не
пришлось ни единой минуты, да и не
особенно хотелось. Всё время заняла

подготовка обращения к союзникам и изучение материалов по договорам о поставках продовольствия, медикаментов и военных грузов. На освобождённых территориях царит тотальная разруха, а война требует ресурсов. Налаживались нужные производства, но пока Россия не могла обеспечить даже полной трети всех потребностей. Выручала почти полностью восстановленная инфраструктура газовых и нефтепроводов. Только это позволило начать поставки сырья в обмен на военную и гуманитарную помощь. Бросовые цены существенно повлияли на решение индусов сыграть на нашей стороне. Китай

помогал исходя из своих, мне до конца неясных соображений, однако тут не чувствовалось двойного дна. Скорее мы не до конца понимали логику руководства КНР, но в сложившихся обстоятельствах выбирать особо не приходится: на врага работает экономика и ресурсы всей Европы и большей части Ближнего Востока, у нас же опять только Сибирь и Восток, но уже дальний. Не смотря на всю плачевность ситуации, нам было что предложить: космические, ракетные и ядерные технологии, да мало ли что ещё. Именно поэтому с руководством новой России всё ещё считаются, принимают меня как

реальную силу в будущей игре. План зимней компании разработанной генштабом в случае успеха способен окончательно переломить ход войны в нашу пользу. А когда большая часть страны окажется под контролем, тут и американские прихвостни станут задумываться, а не предать ли слабеющего хозяина? Спасти будущее своих стран ценой предательства, это всегдашнее прибежище европейских лицемеров в дорогих костюмах. Но пока ещё рано выкладывать все карты на стол, пока всё только начинается. Сделав усилие, я поднялся с дивана и подойдя к двери позвал Костю, дежурившего в коридоре.

- Костя, свяжи меня с Пашутой.

Через пару минут адъютант уже вернулся с трубой спутникового телефона. Спецы утверждали, что шифратор тут надёжный, однако я всё же постарался выразаться без конкретики. Пашута откликнулся почти сразу же, голос его звучал чётко, но мне слышались нотки усталости.

- Владимир Николаич, как там погода на севере?

Услышав кодовую фразу, начштаба напрягся, убрав из голоса всякий намёк на усталость и ответил после некоторой заминки, так же осторожно подбирая слова.

- Погода лётная, но метеорологи

советуют подождать ещё сорок восемь часов.

Это означало, что первая фаза новой операции, под кодовым наименованием «Северное сияние», автором которой снова был Греков, уже прошла стадию финальных приготовлений. Сейчас все задействованные в ней силы немедленно готовы действовать. Фраза «сорок восемь часов» была ключевой для обозначения полной готовности. Мельком глянув в окно на занимающийся серый рассвет, я приказал:

- Двое суток это не критично, пусть подготовят точный прогноз и перешлют его мне завтра в это же

время.

- Есть переслать завтра в это же время, товарищ командующий!..

Вот и всё, механизм снова запущен, права на ошибку как всегда нет. Именно эта мысль острой занозой засела в голове во время следующего получаса, пока мы вместе со Светловым и Бережной ехали на встречу с представителями союзников. Неожиданно вспомнив о самолёте, я прервал Светлова на полуслове и спросил:

- Викентий Михалыч, вы не могли бы узнать, не нужен ли кому тут новый представительский самолёт?

Министр слегка опешил, но

быстро собравшись с мыслями ответил предельно нейтральным тоном:

- Это Китай, товарищ командующий, тут покупают и продают всё.

- Отлично, тогда поручите товарищам из торгпредства, пусть начинают переговоры. Узнайте у майора Ларионова что сейчас нам нужно больше всего, может оборудование или медикаменты... На это и поменяйте тот самолёт на котором я прилетел. А я вернусь в Хабаровск грузовым бортом, так привычнее.

Чуть наклонившись вперёд, я окликнул адъютанта, тихо

переговаривавшегося с кем-то по спутниковому телефону. Тот обернулся и только неодобрительно покивал, когда я объяснил Косте суть поручения. Однако же тут можно было уже не волноваться, по бросовой цене самолёт не уйдёт и вместо нормального обмундирования, солдаты не получают гнилую мешковину.

Спустя некоторое время, мы въехали на территорию целого комплекса зданий, более всего напоминавшего гостиничный комплекс. Только вот по периметру коттеджный посёлок сплошь состоящий из вычурного вида домиков, был окружён высоким

трёхметровым забором. Вдоль стен и на каждой дорожке ходили внимательные ребята в штатском с автоматами наперевес. Несколько раз проходили кинологи с овчарками, что уже говорило в пользу серьёзности охраны. Собак в Китае не так много, а служебных и того меньше. Нас пропустили через четыре КПП, каждый раз проверяя документы у водителя, но к нам в салон никто не заглянул, всё решали Костя с Вернером. Через подземный коридор в гараже одного из коттеджей мы прошли в вестибюль ещё одного здания. Окон, как я и предполагал, не было. Однако отовсюду струился мягкий свет, от чего дискомфорт

практически не ощущался. Затем к нам вышла та самая девушка, что встречала нас на лётном поле. Теперь на ней был строгий чёрный деловой костюм, роскошные тёмные волосы собраны в аккуратный узел на затылке, минимум макияжа на миловидном лице.

- Товарищ, генерал, добрый день! От имени Председателя госсвета Китайской народной республики, приветствую вас и сопровождающих вас соратников. Моё имя Мэй Лин, в данный момент я заместитель министра торговли, но имею все полномочия для ведения переговоров по самому широкому спектру вопросов.

Я пожал узкую, но удивительно крепкую руку девушки и представив своих спутников только добавил:

- Благодарю за оказанный нам тёплый приём. Надеюсь, мы обо всём договоримся.

Мэй Лин согласно наклонила изящную голову и с удивительно искренней улыбкой проговорила в ответ:

- Ещё раз, добро пожаловать в Китай, товарищи!..

... Зал для переговоров был оборудован по последнему слову техники: длинный прямоугольный стол, по сути, представлял собой один большой сенсорный экран компьютера со шпилем

голографического проектора посередине. Однако же все участники пользовались собственными средствами связи, коммуникаторами. Только передо мной и сидевшим напротив Чжаном лежали небольшие стопки бумаг и старомодные кожаные папки для документов. Справа и слева, чуть поодаль и тоже напротив друг друга, разместились четвёрка индусов и один представитель северокорейского правительства. Маевский быстро выводил на экран своего ноутбука информацию по делегатам, так что я оперативно получал данные о тех, с кем придётся иметь дело. У индийцев главным был

бригадный генерал Наран Сингх, согласно краткой справке — начальник стратегической разведки при генштабе вооружённых сил. Вообще, его звание по индийскому табелю о рангах звучало просто — «бригадир», но по международным стандартам принятым в Европе и США, равнялось младшему генеральскому чину и звучало так, как написано в краткой справке всплывшей у меня на столе. Это был высокий, с аккуратно зачёсанными назад иссиня чёрными с проседью волосами, выразительными карими глазами чуть навывкате и изрытым оспинами лицом. Источники Маевского характеризовали его как

опытного службиста, специализирующегося как раз на России. Кореец смотрелся так же внушительно: шитый на заказ генеральский мундир, планка высших наград. На вид около сорока, но согласно справке Ким Ен Пак только выглядел моложаво. Корейскому генералу было шестьдесят два года, тридцать из которых он прослужил в погранвойсках. Зная близость этого рода войск к сфере службы его индийского коллеги, я только слегка улыбнулся про себя. Сначала всё шло как обычно, разговор шёл предметный и особых разногласий не возникло. Индийцы согласны

были поставлять нам продовольствие, медикаменты, боеприпасы и сталь. Их конвои уже шли в китайские порты под негласным присмотром флота КНР и под их же торговыми флагами. Американцы только издали наблюдали, однако попыток досмотра не предпринимали, китайский флот служил надёжной гарантией от чужого любопытства. Я передал индусам карты будущих общих концессий в Сибири и на Дальнем Востоке, которые должны были пойти в счёт оплаты. Для нас это было даже выгодно, поскольку удалось выторговать правила обустройства социальной

инфраструктуры, постройку
перерабатывающих производств.
Китайцы вообще мало о чём
просили, поскольку у нас уже был
подписан солидный пакет
соглашений о военно-техническом
сотрудничестве и поставках
продовольствия. Уже сейчас, при
содействии их специалистов
восстанавливалась разрушенные
города, в том числе и Хабаровск,
тянулись километры автодорог,
восстанавливались мосты,
налаживалось авиасообщение и
морские маршруты. Но обмен с
Китаем был тяжелее, тут
приходилось делиться технологиями,
оружейными и космическими

наработками, чего лично я с самого начала пытался если не избежать, то уж точно ограничить этот вид сотрудничества. Однако же такой обмен был частью той огромной цены, которую Россия теперь вынуждена платить за выживание и за победу.

- Товарищ Широков, а что предпримет Россия, если американцы, совместно с южными коллаборационистами задумают напасть?

Реплика Пака отвлекла меня от чтения короткой записки всплывшей передо мной прямо на столе. В ней Сингх просил о личной встрече, после окончания переговоров.

Переслав согласие, я глянул корейцу прямо в глаза.

- Генерал Пак, я понимаю чего вы хотите от России. Мы обещаем помочь всем, чем можно, но только в том случае, если вы не полезете в драку без согласия руководства всех стран-союзниц.

- Хорошо, но если они устроят провокацию, как это бывало уже не раз? По данным нашей разведки, южане накапливают войска в непосредственной близости от демилитаризованной зоны. Их корабли устраивают имитацию высадки десанта и всё это под прикрытием американских военных кораблей. После того как

американцы осмелели настолько, что напали на вашу страну, что их удержит от нападения на мою?

- Нет, сейчас это бы означало отвлечение сил от нашего театра военных действий. Они хотят вас напугать, пока весь потенциал США и их сателлитов в регионе сосредоточен на боях в нашем Зауралье. К счастью для вас и к сожалению для нас, такова реальность.

- Такой ответ не устроит моё руководство, товарищ главнокомандующий!..

Кореец сложил руки перед собой. На его лице практически не отразилось никаких эмоций. Но

пальцы рук побелели от напряжения с которым он впился в гладкую поверхность стола. Так же глядя ему в глаза, я ответил:

- Другого ответа не будет, товарищ Пак.

Мэй Лин деликатно упредила открывшего было рот корейца. Повинуясь какой-то незримой команде. От дальней стены отделилось двое невысоких молодых людей в тёмных деловых костюмах. Подойдя к корейскому представителю они стали что-то объяснять вполголоса. Пак отвечал так же тихо, лицо его выражало крайнюю степень раздражения. Однако вслух он больше ничего не

сказал. Мэй удовлетворённо кивнув, обратилась ко мне с ожидаемой просьбой.

- Товарищ главнокомандующий, мы все внимательно следим за обстановкой на юго-западном фронте и искренне желаем победы русскому оружию. Однако же нам желательно будет узнать, каковы перспективы на зимнюю кампанию.

Игнорируя помощников, я поднялся со своего места и стараясь как можно меньше хромать, направился к невысокой кафедре, отстоящей от общего стола на пару метров. Доклад готовился заранее, однако в бумаги я особо не смотрел, поскольку с памятью проблем

никогда не испытывал.

- Друзья, ведь после всего, что ваши страны делают для нас, всех присутствующих я в праве так называть. Положение России крайне плачевно: инфраструктура на западном и центральном направлениях полностью разрушена, население подвергается геноциду. Крупные города частью уничтожены полностью, частично полуразрушены. Население страдает от голода и привнесённых болезней, наши эксперты полагают, что противником применено биологическое оружие. По самым приблизительным подсчётам, небоевые потери составляют от

сорока, до шестидесяти восьми миллионов человек. Европейская часть России на две трети под контролем оккупантов, юг страны и почти весь кавказский регион контролируются экспедиционными силами ВС Турции. Наши войска дезорганизованы, действуют не согласованно и часто в полном окружении. В частности, группировка, где основной костяк составляют части 58-ой армии с боями закрепились в районе Ростова на Дону, но сейчас окружена силами 13-ой группы войск турецких экспедиционных сил... По моим данным войска генерала Владимирского держатся, но помочь

мы им ни чем не можем...

Переведя дух, я крепче обхватив нагретую пластиковую ручку костыля оглядел лица собравшихся. Никто особо не удивлялся, сейчас говорились очевидные для них вещи. Но вот сейчас следует начать выкладывать козыри, а они уже были, хоть и небольшие. Для виду перевернув пару листов доклада, я снова заговорил.

- Однако, это лишь часть картины. Поскольку на Дальнем востоке и в Сибири, нам удалось сохранить боеспособные войска и часть флота, обстановка несколько иная. После проведения многофазной наступательной

операции под кодовым
наименованием «Снегопад»,
агрессор был отброшен, понеся
значительные потери. В частности
уничтожена оперативная авианосная
группа в составе суперавианосца
«Нимиц» и восьми боевых кораблей
разных классов, боевые потери
американцев и их союзников только
в первые сутки составили до
пятнадцати тысяч человек.
Уничтожено до шестисот единиц
наземной боевой техники, боле трёх
десятков самолётов в том числе
четыре новейших F-22 «Раптор».
Общие потери агрессора составили
по уточнённым данным – пятьдесят
восемь тысяч, сто восемьдесят три

человека убитыми. По понятным причинам, пленных мы берём только в исключительных случаях, их около трёх десятков. Большинство будут расстреляны, как только перестанут представлять интерес для разведорганов. Нами в ходе наступления освобождено восемь крупных городов... вернее, то, что от них осталось. Из зон бедствия выведено в тыловые районы от двухсот сорока, до восьмисот тысяч мирных жителей и это без учёта тех, кого отыскиали и опросили до начала операции. Всего на освобождённой территории сейчас около двадцати миллионов мирных жителей, больше в живых никого не осталось. Однако

это лишь небольшая часть, очень много людей укрылись на территории Казахстана. Там обстановка сложная, хотя инспирированный американской разведкой военный мятеж провалился, республику всё ещё лихорадит. Люди ютятся в палатках, точного числа беженцев мы не знаем, ведутся переговоры о выводе российских граждан в освобождённые районы. Восстановлено частичное оперативное взаимодействие с находящейся в окружении группировкой ОСК Центр, налажено стратегическое взаимодействие с группировкой ОСК Запад. Теперь,

когда командование восстановлено, войска управляемы и нами разработан подробный план зимней компании, удары по врагу теперь будут чётко согласованными. Всё это позволило перейти к следующему этапу – освобождению Зауралья и выходу на оперативный простор среднерусской возвышенности...

После того, как я произнёс последнюю фразу, среди делегатов поднялся осязательный ропот. Северокорейский генерал даже слегка прихлопнул от возбуждения, только китайцы остались невозмутимы, с Чжаном мы держали постоянную связь, о положении на фронтах он и его правительство

осведомлены в наиболее полном объёме. Индийцы возбуждённо переговаривались, тут я с эффектом угадал. Сглотнув, чтобы прогнать отчаянную сухость, я приступил к финалу:

- Таким образом, нам необходима поддержка чтобы окончательно переломить ход компании в свою пользу. Россия примет любую помощь, но лучше если это будут боеприпасы, запчасти, бензин и рабочие руки. Особенно важны поставки обычных боеприпасов, после начала войны мы отрезаны от производственных мощностей в Украине. Российская линия в Ижевске работает едва на

треть от требуемых объёмов [2]. Мы в силах справиться и 2 Замалчиваемый факт действительности. Линия по производству промежуточного патрона калибра 5.45x39мм с индексом 7Н10(который считается в армии РФ основным с середины 80-х годов прошлого века), после раздела имущества бывшего СССР, осталась на Украине в г. Луганске. Теперь на тамошнем патронном заводе , сокращённо – ЛПЗ, производится до 2/3 боеприпасов для российской армии. Более того, патроны для снайперских винтовок, а так же патроны самостоятельно, однако это отнимет гораздо больше времени и жизней граждан моей Родины.

Прошу вас довести информацию о сложившейся ситуации до ваших правительств и сообщить об их решении по каналам российского МИД. Спасибо, это всё.

Под возбуждённые возгласы и ропот, я почти не хромя прошёл к своему месту и едва не рухнул в кресло, настолько сильным был приступ острой боли в культе. Однако это осталось незамеченным, доклад оказал положительный эффект на индийцев. Что и было целью всей встречи. Переговоры сами собой перетекли в консультации помощников, поскольку основные слова были уже сказаны. Итоговый документ мы

подписали спустя ещё три часа работы, а потом все начали разъезжаться. У выхода меня догнал Чжан и отведя чуть в сторону тихо предупредил:

- Алексей Макарович, знаю, как неприятно это прозвучит, но... тут с неофициальным визитом еврокомиссар Эрнест Майер. Он добивается встречи с вами, хотя решение принять его или нет зависит только от вашего желания.

Стараясь не подавать виду что знал о визите немца заранее, я только согласно кивнул и тут же был перехвачен выходящим из зала Сингхом. Индус открыто 7.62x39мм также закупаются именно там.

Линия по производству данных боеприпасов в г. Тула, на данный момент не обеспечивает потребностей ВС РФ в достаточном объёме. Остальные предприятия данного профиля в настоящий момент не производят боевых патронов, максимум строительные и дробовые. Армия России пользуется запасами созданными на момент до 1986г. Основную массу боеприпасов для стрелкового оружия типа АК-74М составляют патроны калибра 5.45x39мм с индексом 7Н6, которые не отвечают требованиям современных военных реалий.

улыбнулся, мы обменялись крепким рукопожатием и тот на

вполне сносно русском языке заговорил:

- Здравствуйте ещё раз, Алексей Макарович! Мой сахиб, генерал-лейтенант Раджив Сатиапал передаёт вам привет. Он просил сказать, что пельмени вашей супруги помнит до сих пор.

Как же я мог забыть! Раджив учился с нами в академии Фрунзе, я как сейчас увидел высокого, смеющегося парня, каким тот был тридцать лет назад. Помню, как учил его петь русскую похабную песню про купца Садко, а потом поил водкой и мы заедали это всё пельменями приготовленными женой. Господи, как же давно всё это

было! Теперь уже точно можно сказать: в другой жизни, до войны.

- Надеюсь, что и песню он не забыл. Как у него дела?

- Жив, хвала богам, всё благополучно у него в доме. Его старший сын сейчас служит у меня, хороший, способный офицер.

- Передавайте Радживу, что и я рад был узнать что он помнит то, что было так давно.

- Алексей Макарович, наше правительство уполномочило меня передать, что индийский народ помнит всё то доброе, что связывало наши страны. И в знак доброй воли, мы передаём России, группу интернированных кораблей. Как раз

сейчас, под предлогом продажи, ваш «Адмирал Кузнецов» [3], два 3 Тяжёлый авианесущий крейсер, проекта 1143.5, известный на западе как "Кузнецов" класс – "Орёл". На данный момент это единственный действующий авианосец в составе российского флота. Был построен на Черноморском судостроительном заводе на в г.Николаев. Проект разработан на основе предшественника ТАКР "Адмирал Горшков" (бывший "Баку"), проект 1143.4, который был заложен в 1982 году, но превосходит его по водоизмещению (58500 тонн по сравнению с 40000 тонн) и имеет несколько меньшую скорость (30

узлов по сравнению с 32 у "Адмирала Горшкова").

Площадь лётной палубы составляет 14700 квадратных метров и лётная палуба оснащена расположенной под углом 12 градусов взлётно-посадочной полосой. Лётная палуба оборудована аэрофонишёрами. Два подъёмника доставляют авиатехнику из ангара на лётную палубу.

Корабль имеет возможности по вместимости и обслуживанию на 16 самолётов Як-41М (известен под кодовым наименованием НАТО "Фристайл") и 12 самолётов Су-27К (Су-33) (Кодовое наименование НАТО "Фланкер") входящих в

авиасоединение самолётов и
соединение вертолётов включающее
4 Ка-27ЛД (Кодовое наименование
НАТО Хеликс), 18 Ка-27ПЛО и 2
Ка-27С.

Корабль оснащён
противокорабельными ракетами
Гранит (поверхность-поверхность),
оборудовано 12 пусковых установок.
На западе ракеты Гранит известны
под кодовым наименованием
"Shipwreck" и имеют дальность
свыше 400 километров.

Противовоздушное ракетно-
артиллерийское вооружение
включает противовоздушные ракеты
"Клинок" с 24 вертикальными
пусковыми установками и 192

ракетами. Эта система защищает корабль от противокорабельных ракет, самолётов, беспилотных летательных аппаратов и надводных кораблей. Управление осуществляется с помощью многоканальной РЛС с фазированной решёткой с электронным управлением. Система включает управляющую систему, подпалубную пусковую установку с четырьмя пусковыми модулями барабанного типа, каждый из которых имеет 8 ракет и ракетами "поверхность-воздух" в контейнерной пусковой установке. Система может достигать частоты запуска 1 ракета каждые 3 секунды. Четыре цели могут быть

атакованы одновременно в секторе 60 х 60 градусов. Дальность поражения составляет 12-15 километров.

Противовоздушная система "Каштан", изготавливаемая Тульским машиностроительным заводом имеет 4 командных и 8 боевых модулей с 256 противовоздушными ракетами. Система обеспечивает защиту от высокоточного оружия, включая противокорабельные и противорадиолокационные ракеты, самолёты, вертолёты и малоразмерные морские цели. Радиус действия ракет 1,5 – 8 километров. Орудия могут вести огонь со скорострельностью до 1000

выстрелов в минуту на дальность 0,5 – 1,5 километров. Зенитные орудия – АК-630АД.

Корабль оборудован системой противолодочной обороны "Удав-1" с 60 противолодочными ракетами. "Удав-1", поставляемый Научно-Производственной Ассоциацией "Сплав", защищает надводные корабли отвлекая и уничтожая торпеды противника. Система также обеспечивает защиту от подводных лодок, карликовых подводных лодок и диверсионных средств, таких как подводные мотоциклы. Система имеет 10 секций и способна вести огонь глубинными реактивными снарядами 111СГ, ставить минные

заграждения (111СЗ) и использовать отвлекающие снаряды (111СО). Дальность действия составляет до 3000 метров по горизонтали и до 600 метров по глубине.

ракетных крейсера и четыре эсминца – направляются в китайский порт Далянь. Прошу прислать ваших представителей для передачи всего имущества, а так же команды. Ваши моряки и лётчики были гостями индийского правительства, не пленниками.

... Индиец ещё некоторое время говорил о деталях, однако я уже слушал не особо внимательно. Наш единственный авианосец находился в походе на момент начала войны.

Однако никаких точных данных об их судьбе до сих пор получить не удавалось. Значит, теперь план по вытеснению американцев из Японии будет гораздо легче осуществить. ГРУ совместно с китайскими коллегами удалось инспирировать ряд волнений на Филиппинах, Тайване и в Малайзии. Флот агрессора теперь разрывался между разными точками волнений, часто выполняя роль обычного извозчика. Крупная ударная авианосная группировка находится на Филиппинах. В её составе ещё неделю назад были два самых боеспособных авианосца, это братья потопленного «Нимица», тоже

атомные – «Джордж Буш» и «Рональд Рейган» [4]. Но учитывая сложившуюся ситуацию, они Корабельные электронные системы включают Боевой информационный центр и систему боевого авиасопровождения. Корабль имеет навигационную систему и средства связи, включая спутниковую связь. Корабль оснащён 8 котлами и 4 паровыми турбинами, каждая мощностью 50000 л.с., вращающими 4 вала с винтами фиксированного диаметра. Максимальная скорость составляет 29 узлов, дальность плавания на максимальной скорости – 3800 миль. Максимальная дальность плавания на скорости 18

узлов составляет 8500 миль.

Экипаж корабля насчитывает 1960 человек, включая 200 офицеров. Также корабль укомплектован 626 чел. лётно-технического состава, включая 40 чел. командного состава.

4 К настоящему времени авианосные силы США составляют 11 кораблей. Основой их являются тяжелые атомные авианосцы типа «Нимитц». Водоизмещение кораблей этого класса 91500-97000 тонн, размеры полетной палубы достигают 336 метров в длину и 77 метров в ширину. Экипаж включает 3200 человек, плюс авиационное крыло – 2800 человек. Ядерная энергетическая установка могут

заявиться к нашим берегам и тогда достигнутый успех может обернуться сокрушительным поражением. Плюс, вызывает опасение активность окинавской группировки, хоть она и отрезана после деблокады Сахалина. В штабе контр-адмирала Никифорова уже разрабатывают план по нейтрализации угрозы, но прорвись к побережью хоть один из «президентов», наступление на Урале будет сорвано. Подавив волнение, я поинтересовался у индийца, состоянием кораблей. Тот понимающе усмехнулся в усы и покачав роскошной сидящей шевелюрой заверил, что корабли в полном порядке, а моряки и лётчики

здоровы. Тогда я спросил напрямик:

- Это очень щедрый дар, господин посланник. И я не думаю, что только добрая воля индийского народа заставила ваше правительство пойти на такой риск и вызвать гнев американцев. Чего вы хотите?

Сингх снова улыбнулся, но карие глаза индуса смотрели очень жёстко. Лицо его закаменело, когда всё тем же любезным тоном, что и раньше он пояснил:

- Мира, товарищ командующий, единственно мира хотим. К нашему великому сожалению, сейчас этот путь лежит только через войну, большую кровь... Америка – великая страна, но её величие слишком

тяжкое бремя для стран, чьи амбиции не так велики. Подобно своим старшим братьям с туманного Альбиона, янки только мощностью 260000 л.с. обеспечивает скорость полного хода 30 узлов (56 км/ч) и дальность плавания 1480-1850 тыс. км. Интервалы между перезарядками ЯЭУ составляют 10-13 лет.

Упомянутые корабли , самые современные из действующих в настоящее время. CVN-76 «Рональд Рейган» служит с 2003 года, CVN-77 «Джордж Буш» в строю с 2009 года.

обнаглеют от безнаказанности. Кому как не нам знать об этом. Их надо остановить, пока они не пожрали весь мир. История учит нас,

что только одна страна и лишь один народ на земле всегда вставал на пути агрессора. Лишь русские остановили Наполеона, а после него Гитлера. Это всегда была ваша нелёгкая ноша, у нас говорят – карма.

Резкая боль снова пронзила культу, но я вновь сдержался. После того как я пожал индийцу руку на прощание, всё же спросил:

- А какова карма вашего народа, господин Сингх?

Тот обернулся уже на пороге комнаты и только неопределённо пожал плечами. Глаза посла печально блеснули, а вновь возникшая улыбка не была весёлой.

- Наблюдать и помогать,

Алексей Макарович. Нам осталось только наблюдать и помочь в трудную минуту. Если падёте вы, не будет и нас.

Годы военной службы сделали меня фаталистом, однако же разделять пессимизм индийского коллеги не хотелось. Поэтому, догнав Сингха, я передал ему давно заготовленный подарок. Тот с недоумением повертел в руках флеш-карту. Опережая любые слова, я пояснил:

- Новая Россия не останется у вас в долгу, господин посланник. Тут данные по достроенному и почти полностью оснащённому авианосцу «Адмирал Горшков». Нашим

морякам и части персонала верфи удалось спасти корабль и вывести его в море. Сейчас корабль находится в районе Новой Земли. Как только будет возможно, мы передадим брата нашего «адмирала» под командование ваших офицеров. Думаю, что если поднять там индийский вымпел, вы без особых проблем сможете, миновав все препятствия вывести корабль к родным берегам. Тут координаты и данные по техническому состоянию судна. С иркутского завода мы перегоним недостающую часть самолётного парка. Сообщите моему адъютанту, когда сможете прислать на тамошний авиазавод своих

ПИЛОТОВ.

Индиец держал себя в руках, однако же на этот раз его голос дрожал, выдавая истинное волнение. Снова пожав мне руку, он сказал на прощание:

-Рад, что Судьбе было угодно, чтобы я дожил до нынешнего дня. Сахиб предупреждал, что вы необыкновенный человек, генерал. Рад, что он не ошибся... мы не ошиблись поддержав вас.

Ещё одна ошибка недавнего прошлого была исправлена. И пусть её совершил не я, однако же сейчас в полной мере ощущался груз принятой ответственности за каждое слово, каждый свой последующий

шаг.

... Обратная дорога в резиденцию много времени не отняла. По прибытии, я отпустил адъютанта и около двух часов работал с документами в очень удобном кабинете на втором этаже резиденции. Когда от цифр стало нестерпимо зудеть веки, я откинулся на высокую спинку удобного, обитого ситцем, кресла и прикрыл глаза. Впервые после перелёта, мне вспомнился ещё один вояж на самолёте, но менее комфортабельный. За два дня до начала визита в Китай, я тайно вылетел сначала в Иркутск, а потом на специально сформированном

составе, поездом, в Железногорск. Сам город сильно пострадал от налётов американской авиации, но после известных событий, сюда стали возвращаться люди укрывшиеся в штольнях подземных хранилищ госрезерва. Спаслось немногим больше ста тысяч человек, ещё тысяч триста прибыли по программе переселения. На месте городских руин уже виднелись кварталы блочных домов, компоненты которых непрерывным потоком шли из Китая. Проезжая по улицам, я настоял на том, чтобы выйти и даже поговорил с переселенцами несколько минут. Разговор был непростым, я был в

форме но без знаков различия, представился интендантом тылового обеспечения. Люди выглядели растерянными, взгляды многих были пусты, народ растерялся перед лицом постигшей их утраты. Вопросы сыпались градом, но общий лейтмотив был таким: когда же вы погоните врага, когда война наконец закончится? Пришлось призвать на помощь всё своё красноречие и скрываясь за общими фразами переключить внимание людей на бытовые вопросы о горячей воде, продуктовых талонах и новых рабочих местах. Вышло неплохо, но от увиденной в лицах соотечественников смеси тоски,

усталости и страха, решимости лишь прибавилось. Цель поездки давила тяжким бременем, но именно эти измождённые лица на заваленной строительным мусором улице у новеньких стен одинаковых пятиэтажек, придали сил. Нужно заново завоевать доверие простых людей, на чью долю как и всегда это бывает, выпали самые нелёгкие испытания. И пустота этих взглядов, ещё раз подстегнула, заставив увериться до конца в том, что середины сейчас нет. Спасти оставшихся людей можно только идя на крайние меры, выжимая все возможности до предела.

В двух десятках километрах от

города, наш небольшой кортеж свернул с шоссе на просёлок и проехав по нему ещё семь километров остановился. Костя связался с охраной периметра по рации и кусок скалы слева от ставшей едва заметной дороги, почти бесшумно отъехал в сторону открыв скупое освещённый тоннель уходящий в глубь горы. Мы проехали по тоннелю ещё метров триста, почти по прямой, потом машины пришлось оставить и спускаться на промышленной лифтовой платформе вниз. Всё это время вокруг царил сырой полумрак, еле разгоняемый жёлтым светом светильников вмонтированным в железобетонные

кольцевые крепёжные обода свода шахты. Спуск занял без малого двадцать минут, в течение которых я с трудом удерживался чтобы не опуститься прямо на ребристый, едва ощутимо вибрировавший пол платформы. Едва клеть остановилась, а створка с громким лязгом отошла влево освободив путь, я с облегчением ступил на твёрдую землю. Тут нас встретила небольшая делегация из трёх человек в полевой форме. Невысокий майор с гладкой зачёсанной назад темноволосой шевелюрой и острыми чертами землистого лица, вышел вперёд и козырнул представляясь:

- Здравия желаю, товарищ

командующий! Майор медицинской службы Колосов, генерал-профессор Ивушкин уже ждёт, прошу следовать за мной, товарищи.

Последовав за майором, мы вошли в неожиданно ярко освещённый белый зал с высокими потолками залитый ярким светом струившимся отовсюду. Колосов провёл нас в тесноватый бокс, где я с помощью Кости облачился в просторный белый комбинезон из незнакомой жёсткой ткани. Протез первое время не хотел пролазить, но совместными усилиями нам удалось загнать строптивую железку куда надо. Пройдя следом за майором дальше, мы прошли процедуру

дезинфекции в большой комнате рассчитанной на тридцать человек. Всё это время мы не встретили ни единой души. Хотя за комнатой дезинфекции я видел внушительной толщины овальные двери со штурвалами герметичных замков. Там тоже горел свет. Сновали какие-то тени, но более подробно ничего рассмотреть не удалось. Пройдя по извивам коридоров подземного комплекса ещё довольно долгое время, мы вышли в тупик, который заканчивался обычной двустворчатой дверью, оклеенной плёнкой светло-коричневого цвета «под орех». Колосов пройдя вперёд распахнул правую створку и мы прошли в

просторный амфитеатр, в центре которого был обычный фанерный стол за которым на железном табурете сидел склонившийся над потёртым бронированным полевым ноутбуком высокий седой мужчина с клиновидной короткой бородкой и аккуратными подкрученными щегольски усами. Перво-наперво напрашивалось единственно возможное сравнение...

- Здравия желаю, товарищ командующий!

Человек захлопнул крышку ноутбука и поднявшись во весь свой немалый рост, вышел из-за стола. Я пожал широкую, прохладную ладонь с сильными длинными пальцами.

Глядя в серые, пронзительные глаза собеседника, я хотел было что-то сказать, но ему удалось опередить все догадки:

- Я генерал-профессор Ивушкин, Геннадий Николаевич. Или как меня тут все заглазно зовут из-за характерной внешности – доктор Айболит.

При этом усы и борода слегка шевельнулись маскируя мимолётную улыбку. Следом в глазах Ивушкина мелькнули и пропали лукавые искорки. Указав нам на первый ряд мест перед столом, он продолжил слегка извиняющимся тоном:

- Товарищ командующий, прошу простить, что принимаю тут, в

аудитории. После того как год назад наше отделение ГУМП «Биопрепарат» перевели сюда по решению генштаба из-под Бердска, ещё не всё обустроено должным образом [5]. Пока вот даже собственным кабинетом не обзавёлся, на чемоданах сижу.

Я не присел за парту, поскольку со своей культёй едва ли бы там поместился. Но примоститься на столешнице помешал майор Колосов, принёсший откуда-то довольно удобное офисное кресло. Опустившись в него с облегчением и прислонив костыль к парте, я только махнул рукой, долгая дорога совершенно вымотала, а дело ради

которого я сюда добирался почти четверо суток ещё не сделано.

- Можно без церемоний и по имени-отчеству.

Айболит только обрадовано кивнул. Выжидательно глядя мне прямо в глаза. Сделав знак адъютанту, начинать я продолжил:

- Геннадий Николаевич, вы слышали о том, что наш противник применяет наступательное биологическое оружие без ограничений и главным образом против мирного населения?

5 Реально существовавшая госструктура по разработке биологического наступательного оружия. После 1973 г. была создана

как параллельная, гражданская, система подготовки к наступательной биологической войне, работавшая по заданию Генштаба. "Биопрепарат" был интегрирован в гражданское ведомство — Главное управление микробиологической промышленности, став отраслеобразующим. Официально была нацелена на массовое производство вещей, в том числе необходимых для простых людей — витаминов и лекарств, антибиотиков и вакцин. Филиал под г.Бердском в Новосибирской области реально существовал, настоящее положение в отрасли и филиалах — только мои

ДОМЫСЛЫ.

Лицо профессора потемнело, он кивнул и заложив руки за спину резко прошёлся вдоль исчёрканной какими-то формулами доски. Сквозь зубы он ответил:

- Колонна беженцев из-под Брянска была заражена боевым мутагеном на основе вируса оспы. Вирус убивал мужчин в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет и мальчиков от трёх лет в течение сорока часов. Жар, рвота и кровавый понос, а после судорог – смерть. Женщины и девочки переносили болезнь, но по некоторым данным вирус ослаблял иммунитет настолько, что почти все они гибли

от малейшей лёгкой простуды в течение тридцати дней. То же самое на Алтае и в Архангельской области. Под Нижнеудинском нам удалось вовремя локализовать очаг заражения, но так не везде. Мы прививаем солдат, но мощности предприятия ограничены, а противник не медлит.

- Рад, что вы владеете оперативной информацией, Геннадий Николаевич. Оборудование и расходные материалы, а так же некоторое количество специалистов из числа проверенных контрразведкой беженцев уже на пути сюда, соответствующий приказ я подписал неделю назад.

Глухим от нахлынувших переживаний голосом, Ивушкин поблагодарив и с моего разрешения чиркнул спичкой закулив папиросу вынутую из обычной пачки «Беломорканал». Присев за стол он некоторое время смотрел перед собой, но спохватившись снова выжидательно посмотрел в мою сторону. Скрепя сердце и тщательно выговаривая слова, я начал разговор о том, за чем собственно прибыл сюда:

- Геннадий Николаевич, я прибыл с тем, чтобы отдать непростой для меня приказ. Враг сейчас отброшен и ошеломлён, пока у нас есть краткий миг для передышки, но время дорого, а сил

для адекватного отпора у нас нет.

Ивушкин вскинул голову, глаза его впились в меня с такой силой, что я невольно качнул головой. Снова поднявшись на ноги, он глубоко затянулся и долго держа дым в лёгких затушил прогоревшую гильзу в большой хрустальной пепельнице стоявшей перед ним на столе. Выдыхая дым он спросил:

- Мы применим наши разработки, таков будет ваш приказ, товарищ командующий?

Не отводя глаз, выдержав прямой взгляд профессора и утвердительно кивнув, я пояснил:

- Не на территории России. Нам нужно вывести из строя его резерв на

аласкинском плацдарме. Тамошняя территория — удобный наступательный трамплин, американцы скоро начнут сосредотачивать там значительные силы. А потом ударят в тыл нашей атакующей юго-западной группировке. Сил отразить такой удар у нас просто нет. Морально, это тяжкий выбор, однако другого выхода у нас нет. Нужен такой препарат, который убивал бы пришлых, не затрагивая тамошнее коренное население и как можно более долго способный сопротивляться вакцинам. Мне докладывали, что среди ваших перспективных разработок есть такой мутаген. Это

правда, Геннадий Николаевич?

Ивушкин только покачал головой, решительно склонился над вновь открытым ноутбуком. Быстро набрав какую-то комбинацию цифр, он развернул компьютер дисплеем к нам. Оттуда, с большой фотографии на меня смотрело некое насекомое, по виду клещ или блоха. Профессор вышел из-за стола и начал объяснять. Говорил Ивушкин просто, избегая непонятных слов, за что все собравшиеся были ему искренне благодарны.

- Это обычная блоха, такие водятся в том числе и в окрестностях населённых пунктов на территории Аляски. На человека она не обитает,

довольствуясь собаками, кошками. Но особенно любит паразитировать на крысах и домашних кроликах.

Снова нажав какую-то клавишу, профессор переключил картинку и теперь весь экран заполнил снимок круглого серого тела с отростками по поверхности. С виду это нечто напоминало безобидный колючий плод садового вьюнка. Ивушкин тем временем продолжал пояснения, водя карандашом по экрану.

- А это наша последняя разработка, метаморфный боевой мутаген «Мираж-4». Основа - бактерия *Francisella tularensis*. Первичное заражение происходит через укус или длительный

тактильный контакт с заражённым животным, либо при употреблении в пищу мяса тех же кроликов. Порченных крысами злаков и даже умывания обычной водопроводной водой. «Мираж» устойчив к обычной санобработке, не задерживается известными абсорбентами используемыми в гидрофилтрах.

Первичные симптомы напоминают обычную простуду, однако лечение даёт лишь временный эффект. После видимого улучшения, наступает отсроченная агония. Весь процесс длится максимум четыре дня. Вакцинирование эффективно только до заражения, после этого болезнь нельзя укротить, выявить и

победить.

Снова переключив картинку, Ивушкин показал блоху и мутаген на двух сравнительных снимках. Потом снова посмотрел на нас и произнёс:

- Вместе это боевой биоорганизм «Фата-моргана». Способы доставки могут быть любые. Но предпочтительнее будет доставить контейнеры вручную. Распыление и бомбардировка нужного эффекта не дадут, должна работать агентура. Мутаген будет обработан чтобы вызвать соответствующую региону мутацию. Местные жители и все, кто прожил от пяти до пятнадцати лет на Аляске в полосе от порта Ном, до Ситки,

будут болеть только простудой.
Вирус убьёт лишь пришлых.

Я откинулся на спинку кресла, увиденное превзошло всё то, о чём я думал до встречи с вирусологом. Невидимая, неотвратимая смерть словно слепой кровожадный пёс, рвалась с тонкой но прочной цепи. Немного помедлив, я снова отринул шевельнувшееся было сомнение и уточнил:

- Американцы быстро обнаружат, что атакованы?

- Не могу гарантировать срок выделения культуры, но думаю, что в течение пяти-шести недель. Однако «Мираж» устойчив к обнаружению и с виду похож на своего предка,

туляремия, это довольно известное заболевание. Вакцина против него сначала окажет видимый эффект. Но на самом деле только ослабит инфицированный организм, смерть будет более стремительной и болезненной [6]. Никто не выживет, это 6 Туляремия – заболевание реально имеющее место, Возбудитель туляремии – бактерия (грамотрицательная палочка) *Francisella tularensis* встречается в природе не более, чем в 50 организмах и особенно распространен среди грызунов (крыс, полевых мышей), кроликов и зайцев. Человек обычно заражается через контакт с инфицированными

животными, через укусы насекомых, при потреблении в пищу зараженных пищевых продуктов или при вдыхании бактерий в аэрозольной форме.

сто процентный эффект. До того как противник подберёт антидот, поражение будет достаточным чтобы Аляска в качестве плацдарма стала непригодной. Они объявят карантин, большего ожидать не стоит. Чего американцы не знают, так это одного важного нюанса. Активность мутагена конечно по времени, таким образом мы избежим пандемии без особых затрат. Сейчас мы имеем возможность контролировать его активность. Срок который можно

задать от трёх часов, до шести месяцев, после чего вирус впадает в спячку и никакой опасности не представляет.

Несмотря на то, что летальный исход при заражении туляремией случается лишь в пяти процентах случаев, микроорганизм, который вызывает развитие болезни, является одной из самых опасных инфекционных бактерий на Земле. В 1941 году Советский Союз сообщил о 10000 случаях заболевания. Позднее, во время битвы за Сталинград, это число выросло до 100000. Большинство случаев заражения зафиксировано на немецкой стороне конфликта. Бывший советский

исследователь биологического оружия Кен Алибек (бежал в США в 1992г.) утверждает, что этот всплеск инфекции не был случайностью, а был результатом биологической войны.

Я считаю, что в условиях тотальной, мировой войны, когда одной из сторон культивируется тезис полного уничтожения населения противника без разделения на военных и мирное население, могут быть применимы любые меры защиты, в том числе и оружие массового поражения. Поэтому мне непонятна истерика некоторых "правозащитников" и их сторонников по этому поводу.

Оружие массового поражения существует прежде всего как одно из средств сдерживания потенциального агрессора. И в условиях тотальной войны, важно использовать любую возможность для получения преимущества над врагом. Тем более если ОМП используется противником как средство шантажа, а тем более прямой агрессии, что происходило во время Второй мировой войны. То же самое наверняка планируется сделать, если начнётся третий по счёту глобальный конфликт, в этом я нисколько не сомневаюсь.

Однако обращаю особое внимание читателей на то

обстоятельство, что ситуация и сам боевой мутаген "Мираж-4" – суть вымысел автора. Мне не известно какие виды боевых вирусов реально существуют, или разрабатываются в России на настоящий момент.

Выражаю отдельную благодарность Денису Потанину, за консультацию по генезису бактерий и вирусов – А.К.

- Тогда пусть будет шесть месяцев, Геннадий Николаевич. И пускай изготовят достаточное число вакцины для российского населения и армии. Времени как всегда нет, нужно действовать максимально быстро. Сколько носимых контейнеров нужно для того, чтобы

болезнь распространилась по всей Аляске и прилегающей территории Канады, в течение трёх недель начиная с этого момента?

Ивушкин снова склонился над компьютером и после недолгих вычислений вывел на экран какой-то цветной график. Видя, что перебрал с академичностью, снова пояснил:

-Десять двухлитровых контейнеров с возбудителями сейчас доставленные на указанную территорию и размещённые в местах скопления грызунов, скотных ферм или городских свалок уже в течение ста восьмидесяти часов, дадут нужный эффект...

...От воспоминаний меня

отвлёк негромкий голос адъютанта, он стоял у дверей наверное минут десять, а я так и не услышал. Заметив, что я смотрю в его сторону, Костя снова повторил:

- Приехал эмиссар Евросоюза, некто Майер. С ним двое китайских «контриков», говорят. Что вы в курсе.

- Да, Костя, всё нормально. Угости китайских товарищей чаем, а немца позови сюда. Послушаю, чего скажет, я обещал Чжану.

Не вставая, крутанув кресло так, что входная дверь оказалась перед глазами. Немец появился спустя довольно продолжительное время и когда это случилось, вид у эмиссара Евросоюза был слегка

взъерошенный. Ребята из охраны несколько перестарались, однако я их не осуждал. Ведь неизвестно, смогу ли я удержаться от того, чтобы не пристрелить этого рыхлого холёного чиновника прямо тут, на пороге. Костя включил дополнительный свет и по моему знаку тут же вышел. Встреча один на один, таково было условие сообщённое китайским посредником. Не скажу что решение далось просто: о чём будет говорить немец и так известно, вместо этого бесполезного на данном этапе войны разговора, я бы лучше немного поспал. Однако же не выказывая своего истинного отношения указав

гостю на диван у стены возле двери, начал разговор первым:

- Господин Майер, у вас есть десять минут на то, чтобы изложить то, с чем вы прибыли. Я знаю, немцы — аккуратный и пунктуальный народ... хочется лично в этом убедиться.

Оправившись от устроенного ребятами обыска, Майер чуть заметно улыбнувшись, сложил физиономию в дежурно-любезную гримасу. Положив перед собой тонкую стопку каких-то бумаг, он начал говорить, чётко, но с характерным жёстким акцентом выговаривая русские слова:

- Господин главнокомандующий,

мой визит носит неофициальный характер. Предложение которое я хочу сделать, это исключительно жест доброй воли, акт милосердия.

Немец сделал паузу, выжидательно глядя мне прямо в глаза, пытаясь прочесть реакцию собеседника. Однако я решил не вступать в полемику, поскольку примерный характер «гуманных» предложений европейского представителя был ясен заранее. Поощрительно кивнув, я переложил костыль на левую сторону и взяв со стола стакан минеральной воды сделал пару длинных глотков. Обескураженный немец снова заговорил, уверенности в его голосе

поубавилось:

- Россия как государство более не существует, те войска которые ещё сражаются не имеют шансов против военной машины Коалиции. Остатки населения истерзаны голодом и болезнями, вас они не поддерживают, я читал рапорты разведки, в тыловой зоне у вас хаос, приграничные с Китаем и Казахстаном области кишат беженцами.

Снова отпив воды, я глядя парламентёру прямо в лицо уточнил, что вызвало некий всплеск надежды в его бесцветных невыразительных глазах:

- Понимаю, значит выходит так:

мы разбиты и беспомощны, а гуманный Евросоюз предлагает нам почётную сдачу и тёплые бараки для всех?

Уловив иронию и издав приглушённый протяжный вздох, немец с видом учителя, объясняющего нерадивому ученику очевидные вещи ответил:

- Не совсем так, господин генерал. Я лишь уполномочен передать вам, что в том случае, если вы обратитесь к подчинённым вам войскам с приказом сложить оружие и прекратить всякое сопротивление, Евросоюз предоставит вам и нескольким избранным офицерам с семьями, политический иммунитет и

достойное проживание в любой стране мира по вашему выбору.

- И мы ни в чём не будем нуждаться, так, господин Майер? Нам дадут землю, денег и вид на жительство, верно я вас понял?

Снова сбитый с толку моим спокойным тоном, Майер осторожно, но твёрдо кивнул. Зашуршав бумагами, он вынул несколько листов из стопки перед собой и подвинул их через стол в мою сторону. При этом вид у него был как у человека вываживавшего на крючке крупную рыбу. Он уже знал как её приготовить, но всё ещё боялся что хитрый зверь сорвётся и всё придётся начинать сначала.

- Да, всё так.

- А как же солдаты, что будет с беженцами к которым я тоже должен обратиться с тем, чтобы они оставались на месте и ждали приходе ваших войск? Им что гарантирует Евросоюз?

- Эти вопросы я не уполномочен обсуждать, все гарантии распространяются только на вас и ваших приближённых офицеров.

В голосе иностранца больше не было и следа той уверенности с которой он начинал этот разговор. Как человек явно неглупый, он понял что обратился не тому. Глядя на стрелки больших настенных часов у посланца за спиной, я совершенно не

меня ровного, любезного тона ответил:

- История имеет свойство повторяться, если люди забывают её уроки, господин посланник. Наша новейшая история России началась с обмана и предательства собственной страны и её народа кучкой корыстолюбивых негодяев. Простой народ это чувствовал, потому так и не принял того, что творилось до самого начала того, что вы называете «миротворческой операцией».

Майер хотел было что-то возразить, но я не дал ему этого сделать, поскольку устал от пустых разговоров. Настал черёд прояснить всё окончательно и больше подобных

встреч уже точно не будет.

- Нет, выслушайте то, что я скажу и передайте своим хозяевам как можно ближе к тексту. Война даётся нам нелегко, но её урок пошёл жителям моей Родины на пользу. Больше не будет переговоров и обменов пленными, мы ведём войну с Западом на уничтожение. Это не вопрос выживания только нашей страны или нашего народа, это война цивилизаций. Вы можете спасти своих людей если выведете войска с нашей территории, начнёте возмещать нанесённый ущерб и выдадите тех, кто эту войну развязал. Предложение действует только семь суток, начиная с нуля часов

завтрашнего дня. Не ищите предателей среди моих офицеров, все кто мог и хотел уже давно по ту сторону линии фронта. Возврата к недавнему прошлому больше не будет, мы заплатили за эксперимент с капитализмом и нравственными устоями слишком высокую цену. Я не брошу ни свой народ, ни тем более своих солдат и офицеров.

Эмиссар Евросоюза не спеша начал собирать бумаги, складывая их в основательную папку чёрной кожи с тиснёной в левом нижнем углу лицевой стороны эмблемой НАТО. Затем он шумно застегнул молнию и с напускной укоризной ответил:

- Громкие, высокие слова,

господин генерал. Только всё это пустая риторика, не ожидал такого от человека военного, должного мыслить конкретными реалиями. Жаль, что договориться не получилось.

Я тоже слегка улыбнулся, подобный ответ был вполне ожидаем. Поэтому я заговорил вновь, но уже избегая казённых фраз.

- А как прагматик и человек военный, причём совершенно не официально, я могу предложить лидерам Европы и в частности вашему канцлеру следующее...

Майер понимающе кивнул, думаю, что ему стало казаться будто бы логика оппонента стала более

понятной. Мол, громкие слова это для своих, а вот теперь русский покажет свою истинную суть и всех продаст за ломанный грош. Все эти мысли словно в открытой книге отразились на его лице. Но и тут немец просчитался, по мере того как до него стал доходить смысл моего предложения.

- Очень скоро, господин Майер, мы погоним ваших главных союзников за Урал и дальше. Их, как я и обещал, мы будем стрелять как бешенных собак. И они скорее всего бросят вас нам на растерзание, а сами благополучно отплывут за океан. Тогда перед Европой снова откроются перспективы разрухи,

голода и нищеты. Россия не оставит целым ни одного европейского города, а в живых ни одного итальянца, француза или немца. Ваш народ уже пережил подобное однажды и теперь будет шанс повторить. И так, я спрошу ещё один раз, господин Майер, вам это нужно?

На этот раз немец молчал долго, холёные руки его с волосатыми пальцами беспокойно бегали по поверхности папки с бумагами. Создавалось впечатление, будто натовскую эмблему поедает жирные белые черви. Наконец оторвав взгляд от своих рук, Майер остро глянув мне в глаза тихо спросил:

- Что вы можете предложить

нам... не официально, господин главнокомандующий?

Снова откинувшись на спинку кресла и украдкой переводя дух, я как и прежде ровным голосом произнёс:

- Я знал, что немцы не только пунктуальны, но ещё и очень умны в основной своей массе. Нам нужны станки для военных заводов. Специалисты для обучения наших людей, чтобы ими пользоваться. Линии по производству оптики и электроники.

- Это не реально, господин генерал, американцы...

- Вы имеете дело с КНР, пока поставки могут идти через эти

каналы. В обмен я гарантирую всем европейцам которые сдадутся в плен – жизнь и выезд через тот же Китай. Но с условием, что они повторно никогда не будут воевать на восточном фронте. Если это условие будет нарушено, такого европейца расстреляют. А когда мы войдём в пределы Евросоюза...

- Если, господин генерал, если войдёте...

На секунду я вновь вспомнил лица беженцев, на заваленной строительным мусором улице заново строящегося города. Подавив волну раздражения на вёрткого иностранца, я опять ровным тоном продолжил:

- Войдём и пройдем насквозь, чтобы скинуть американцев в море. Так вот, когда это случится, даю слово: ни один безоружный европеец не умрёт, а ваши города сдавшиеся без боя останутся целы.

По лицу эмиссара ничего понять было нельзя. Он решительно поднялся и сдержанно поклонившись пошёл к двери где тут же возник майор Ларионов. На пороге немец ещё раз поклонился и произнёс:

- Жаль, что вы не приняли столь щедрое предложение, Алексей Макарович. Прощайте.

- А я рад, что вы выслушали моё. Однако помните, что срок его действия крайне ограничен. Может

статься так, что скоро русские не будут так щедры к своим упорствующим в ошибках соседям. Так и передайте тем, кто будет принимать окончательное решение. Не задерживаю вас больше, господин Майер.

Немец ещё раз сдержанно поклонившись, скрылся за дверью. Я снова повернулся к столу и промокнув салфеткой со лба выступившую от сдерживаемого напряжения испарину, негромко приказал, глядя на тихо падающие с серого неба мелкие робкие снежинки:

- Костя, узнай когда мы вылетаем. Тут больше делать нечего,

домой пора.

Адъютант кивнул, но всё же задержавшись у края стола спросил:

- Алексей Макарович... товарищ генерал, можно вопрос?

- Задавай, отвечу если сумею.

Сжав в руках чёрный прямоугольник спутниковой «трубы» со сложенной антенной, Костя медленно подбирая слова заговорил:

- Зачем вы предложили немцу сепаратный мир, он и его хозяева думают, что сейчас на коне?

Наклонившись вперёд, чтобы адъютант не видел гримасы боли так не вовремя пришедшей снова, я отпил из высокого стакана согревшейся минералки и как можно

более ровным голосом проговорил:

- Европа, как и мы, пережила две мировые войны, Константин. Страх потерять благополучие и собственную жизнь там сильнее, чем в благополучной Америке. Я кинул немцу кость, чтобы не загонять европейцев в угол. Дав им надежду уцелеть, я избавлю нас от необходимости воевать как минимум ещё год.

- И вы думаете, что они предадут американцев?

От нового приступа боли в глазах на миг потемнело, из уголков глаз засочилась влага, которую я промокнул носовым платком. Ларионов подался было к столу. За

таблетками, но я жестом удержав адъютанта выпил ещё води и уже ровным голосом ответил:

- Не сейчас и скорее всего даже не через месяц. Ты прав, пока они ещё в плюсе. Но вот когда мы перешагнём через Уральский хребет, европейцы вспомнят уроки прошлой войны. Страх перед русскими войсками на улицах своих городов у этой публики в крови, они струсят, как всегда.

- А если нет?

Усталость свинцовой лапой упала мне на плечи, такие вопросы я сам себе задаю постоянно. Однако же часто просто нет выбора в том, как поступить. Есть только вера в то,

что ты поступаешь правильно, потому что иначе можно упустить время. Да, можно ошибиться, но если просто опустить руки, цена за бездействие будет во сто крат выше. Адъютанту я ответил коротко, но с уверенностью в голосе:

- Струсят, Костя, они обязательно струсят...

... Через час с небольшим, грузная туша грузового транспортника оторвалась от взлётной полосы. Однако рёва двигателей я уже не слышал. Внутри правительственного лимузина надёжно закреплённого в чреве грузового самолёта, посторонние звуки были едва различимы. Только

тут, на символическом клочке родной земли я мог наконец-то уснуть, но на этот раз ничего из ночных грёз так и не удалось запомнить.

7 ноября 2011г. Борт АПЛ «Томск». Активная фаза операции «Северное сияние». Залив Аляска, примерно 338км от порта Анкоридж. Боец разведывательно-диверсионной группы глубинной разведки фронтового подчинения ОСК Восток, позывной «Вихрь- 9» - старший лейтенант Станислав Ярцев. В поисках страха.

... Вывод на рабочую глубину из тесной шлюзовой камеры подлодки это не самое приятное из того, о чём

будет повод вспомнить
впоследствии. И хоть давление через толстую шкуру водолазного костюма почти не ощущалось, но вид набегающей уже выше бровей мутной воды вызывал раздражение и любопытство одновременно. Страх ушёл из спектра моих ощущений уже довольно давно, это случилось как раз в тот момент, когда я понял, что погребён под ошмётками тел пацанов, с которыми мы вышли в обычный поиск три месяца назад. Странно, в тот момент я видел оторванный кусок торса нашего командира – капитана Михальчука. Но различая в темноте блеск запёкшейся крови вытекшей из его

выбитых взрывной волной глаз, я видел другое лицо. Вот командир живой и здоровый орёт на нас за то, что нашёл в наблюдательном окопе бидон с брагой. И его мало волновало, что это для его же Дня рождения, сам бидон к перекочевал в окоп совсем недавно. Непонятно, как Михальчук его унюхал, видно и вправду говорят, что он ясновидец. Однако же вот, чуйка подвела и мы попали в засаду. Страх мой умер вместе с ребятами и с тех самых пор ни разу так и не побеспокоил ни разу...

- Девятка, направление юго-юго восток. Скорость полтора, дистанция три, как принял?

Лишний раз можно не отвечать, я просто показал знаком, что всё понял. Постепенно тело стало повисать в чёрном, непроницаемом пространстве. Сделав пару вдохов, отталкиваюсь от борта лодки и следом за Симой иду вверх, туда где на палубе под рубкой в специальных держателях закреплены плавсредства. Слышу только лёгкий треск помех в наушнике и собственное дыхание. Мрак немного разгоняют узкие лучи двух наплечных фонарей ребризера – так называют этот дыхательный аппарат, который компоновкой немного походит на парашютную систему [7]. Горб за плечами, выпуклая «подушка»

смесителя впереди. И всё это скреплено 7 Имеется ввиду индивидуальный дыхательный аппарат, сокращённо – ИДА. Данный подвид представляет собой безпузырьковый дыхательный аппарат замкнутого цикла, где для дыхания используются газосмеси (азот, кислород, гелий). Ребризеры предназначены для работы на больших глубинах (50-120м) с продолжительностью нахождения на глубине до 300 минут и бескомпрессионного т.е. быстрого всплытия. Ярцев использует регенеративный ребризер с электронным контролем ppO_2 . С появлением кислородных датчиков

отпала необходимость подавать "стабилизирующую" смесь с большим запасом. Реальное значение p_{rO_2} в контуре ребризера отслеживается автоматически и в случае необходимости корректируется порцией газа из баллона. Все характеристики подобных современных аппаратов составляют предмет гостайны, я привожу лишь примерные.

жёстким каркасом их титанового сплава, хотя по-прежнему весит дофига.

- Клещ, твоя «лайба» вторая по левому борту. Заводи и пристраивайся за мной.

Смутная тень командира

размытым пятном висела впереди и в этот раз пришлось ответить, отмолчаться не получилось.

-Принял. Есть пристраиваться и следовать.

Немного поднырнув, освобождаю защёлки креплений буксировщика и высвободив массивную тушу аппарата цепляю сзади слева к корпусу контейнер со снаряжением. Забираюсь в седло, развинчиваю гнездо для подключения интерфейса управления. Соединив гибкий шнур нашлемного дисплея с бортовым компьютером буксировщика, жду, пока идёт полоса загрузки программного обеспечения. Через

пару секунд, на дисплее перед глазами побежали тестовые таблицы запуска, затем появились координатная сетка и датчики приборов — скорость, давление дыхательной смеси, уровень заряда аккумуляторных батарей, радар ближнего обнаружения. Вспыхнули четыре зелёные метки на радаре, я тронул тумблер старта на левой рукояти руля. Корпус буксировщика мелко завибрировал и аппарат двинулся вперёд. Набрав нужную комбинацию на виртуальной клавиатуре перед собой. В левом верхнем углу дисплея проецируемого на стекло маски, побежали пока ещё зелёные цифры обратного таймера.

Спустя час они станут жёлтыми, а когда покраснеют – лучше уже быть на поверхности иначе – верная смерть...

- Навигационные метки установлены, обратный отсчёт включён. Девятый готов к движению, приём.

- Принял, начинаем движение. Курс, скорость и дистанция – прежние. Огни гасим, идём только по приборам.

Буксировщик оторвался от палубы лодки и повис в тёмной бездне, рядом с ещё четверыми собратями. Дрожь аппарата стала привычной, я занял своё место в строю и начался безмолвный путь в

полной темноте. Частичка сознания всё же не может успокоиться, мысли о поисках одолевают даже сейчас.

- Клещ, ты главное не спи, по монитору ты как киборг: не телеметрия, а запись прямо.

Чёрт, опять он проверяет, да попутно прикалывается. Знал бы в чём дело, так бы не веселился. Однако придётся снова стать нормальным, выкручиваться:

- Ты бы видел мой сон, командир: борщ со сметаной, а на второе...

- Ладно, потом доскажешь, я так — проверял состояние. Теперь молчим, отбой связи.

... Когда ротный проводил

беседу перед этим заданием, он почему-то особо упирал на всякие страхи: не боюсь ли того, да не страшно ли это. Сказать, что страха нет уже давно, значит подписать рапорт о переводе. Нет, на фронте тоже можно жить, просто там гораздо больше времени придётся общаться с народом, а мне это не нужно. В отряде же я могу искать собственный страх не вызывая подозрений. Ребята обычно или заняты или измотаны, чтобы замечать как я изменился после того обстрела.

Маршрутизатор пискнул, заставляя отжать рулевой штурвал на две четверти от себя. Цифры

глубиномера дрогнули: шестьдесят пять, семьдесят, восемьдесят восемь... девяносто метров. Дышать стало немного труднее, однако расфокусировки зрения и глюков не было, значит всё в норме. На такой глубине, нас не обнаружить стандартными средствами поиска, сейчас мы просто группа китов или ещё какой-нибудь местной живности...

...Тогда, после яркой вспышки разрыва тоже сразу стало темно и тихо. Звук и свет словно кто-то отключил одним резким ударом лишив меня способности видеть и слышать. Ещё я успел подумать, что умер. Но следом пришли звуки чьих-

то голосов и кусочек звёздного неба... ну и конечно мёртвое, безглазое лицо Михальчука. Потом ослепительная вспышка, в лицо ударил яркий луч фонаря, закреплённого на автоматном стволе. Чужая речь, тёмное, почти чёрное лицо и неестественно белые зубы, когда вражеский солдат пытался перевернуть тело капитана, под которым я лежал. Непроизвольно сжав пальцы на ремнях «разгрузки» покойника, я вцепился в пропитанную кровью скользкую ткань. Амер сначала потыкал стволом спину трупа, потом дёрнув пару раз, отступился и отойдя на пару шагов назад вскинул к плечу

автомат. Снова яркая, ослепительная вспышка света и...

-Та-та-ах!

Свет по какой-то причине оказался быстрее звука выстрела. Тело командира дёрнулось, принимая в себя выпущенные пули. Побелевшими от напряжения пальцами я почувствовал их удары, но не выдал себя ни единым звуком. Напряжение сковывало так, что теперь уже трудно было понять, а жив ли я сам?.. Перекинувшись несколькими словами с двумя приятелями, стрелявший смачно плюнул в спину изуродованного тела Михальчука и выбравшись из воронки пошёл прочь. Ещё какое-то

время я лежал не двигаясь, от холода пронизавшего до кончиков пальцев, мне казалось, что пришла пора умирать...

- ...Девятка, как принял?!..

В сознание снова ворвался голос моего нынешнего командира, прогнавший яркую вспышку воспоминаний. Но в настоящем тоже царила непроглядная тьма. Сверившись с показаниями приборов, я скорректировал курс и буксировщик стал плавно подниматься вверх, мы снова меняли глубину. Семьдесят... шестьдесят восемь... пятьдесят три метра.

- Принял нормально, Первый. Меняю курс, корректирую

положение.

- Ты в норме, Клещ? А то по твоей телеметрии всё одно ни черта не поймёшь.

- Всё в порядке, командир.

- Ладно, на берегу поговорим...

Отбой связи!

-Принял, отбой.

Теперь тьма вокруг немного рассеялась, водная толща теперь переливалась всеми оттенками тёмно-зелёного. На поверхности позднее утро, мы прошли большую часть пути. Цифры таймера уже окрасились в бледно-жёлтый цвет, минуло два часа с тех пор как мы покинули борт подлодки. Вдруг, индикатор ведущего на радаре

замигал и остановился. Снова замигала и искривилась вправо стрелка вектора направления, я вывернул штурвал вправо. Отряд выстроился в цепь, в окружающей зелени водной толщи, различить друг друга было почти невозможно – так, мутный силуэт и всё. Ещё одним признаком приближения к цели стало появление противовдолазной сети, которая преградила нам путь спустя ещё полчаса. Сима приказал перейти на холостой ход и лечь в дрейф. Мы снова повисли в пространстве, пока командир и приданный группе на время задания боевой пловец подойдут к сплошной мелкоячеистой завесе из

высокопрочного сплава, перекрывшей путь к побережью. С нами пошёл один из немногих оставшихся настоящих боевых пловцов, имеющий квалификацию на преодоления подобных подлянок. Он же был инструктором обучавшим нас, сухопутных, как погружаться с ребризером. Командир дал команду наблюдать по секторам, а сам вместе с инженером стал собирать сложную конструкцию рамки с термитным зарядом. Через десять минут, они наложили собранный прямоугольник на участок сети и отошли метра на три разматывая страховочные шнуры крепившиеся к рамке. Затем последовала короткая яркая вспышка

и участок сети вывалился назад, повиснув на тросах. По сети, одновременно со вспышкой прошёл разрядный импульс, выводящий встроенные в неё простейшие датчики. Теперь амеры вышлют патрульный катер, перекроют район, а сюда пойдёт группа таких же как наш спец, боевых пловцов. Другое дело, что сейчас подобный разрыв произвели ещё три группы вроде нашей. Их целью станет дать себя обнаружить и уйти под прикрытие группы наших кораблей. Снова мигнул вектор направления на нашлемном дисплее и мы втроём втянулись в пробитую дыру, командир с инженером шли

замыкающими, втягивая вывернутый кусок сети обратно. Закрепив его по краям, они пристроились в конец шеренги сразу за мной. На вводном инструктаже, инженер сказал, что термитный состав на рамке идёт в несколько слоёв и когда его пристыкуют обратно, он снова схватит место разрыва. Поэтому при поверхностной диагностике решат, что произошёл какой-то сбой. Такое часто бывает, когда на сеть нарывается крупная рыба или кусок плавучего мусора. Но даже если лаз обнаружат, возвращаться мы будем другой дорогой и поисковикам ничего не светит.

- Группа, идём курсом северо-

восток. Направление — три, пять, ноль.

Снова меняем глубину и ещё минут десять идём вдоль берега, пока слева весь горизонт не заслоняет основание скалистой гряды, выдающейся далеко в океан. Тут до берега всего два десятка метров и буксировщики придётся оставить. Как нам сказали на инструктаже, ещё до войны, такой вариант проникновения в бухту Анкориджа уже был рассчитан. Ещё когда Россия была большой и сильнейшей мировой сверхдержавой, планы на случай большой войны, так или иначе разрабатывались. И вот теперь нам довелось воспользоваться

такой схемой и проверить жизнеспособность давней заготовки.

Снова направляю аппарат носом вниз и аккуратно загоняю буксировщик в естественную нишу среди камней, рядом с аппаратом командира. Отсоединив шнур интерфейса. Хлопнул бок машины три раза на удачу, теперь на стекле шлема в левом углу мигает только индикатор давления смеси и таймер. Оттолкнувшись от дна всплываю метров на пять вверх, тут уже ощущается прибрежное течение, приходится работать ластами чтобы удержаться на месте. Мы вчетвером повисаем над тайником, давая инженеру время выставить

навигационный маяк и заминировать тайник. Если транспорт обнаружат, мы об этом тот час же узнаем — погаснет индикатор на наручной панели тактического компьютера и в действие вступит запасной план отхода. Запасной. Это не значит плохой или шибко отчаянный, просто как правило он менее удобен, да и риска в разы больше чем в тех случаях, когда всё идёт штатно. Снова построившись правым уступом, мы пошли к берегу. Перед самым всплытием, повинуясь жесту командира, я перетащил автомат из-за плеча на грудь и отщёлкнул туговатую скобу предохранителя, чтобы в случае чего сразу начать

воевать. Оружие нам дали непростое: это четырёхствольный пистоль, ветеран подводных войн - «стёпа» [8] и новый, только-только прошедший испытания, автомат АДС [9]. Перед самой войной, новое 8 Имеется ввиду единственный в своём роде подводный пистолет СПП-1М. кал.4,5х40R; Данное оружие разработано специально для боевых пловцов ВМФ СССР конструкторами Кравченко и Сазоновым. Пистолет использует спецбоеприпасы сильного удлинения, визуально напоминающие дротик без оперения. Пуля такой конструкции, в отличие от боеприпасов от обычного пистолета, не теряет боевой

эффективности в воде и способна поражать противника на расстоянии до 11 метров, на глубине до 20 метров.

Пистолет не самозарядный, имеет блок из четырех стволов, откидывающийся на шарнире вниз для перезарядки. Патроны объединяются в один блок при помощи плоской стальной обоймы, и извлекаются из стволов или заряжаются в них одновременно. Ударно-спусковой механизм только двойного действия, то есть каждый выстрел производится самовзводом. Ударник расположен на вращающемся основании и при каждом нажатии на спусковой

крючок взводится и проворачивается на четверть оборота, подходя к следующему стволу. Предохранитель выполнен на рамке слева, и имеет три положения: нижнее – «огонь», среднее – «предохранитель», верхнее – «перезарядка». При переводе предохранителя в верхнее положение происходит отпирание блока стволов для перезарядки оружия.

Описываемый в романе образец с литерой "М" в названии, имеет более надёжный УСМ выполненный из современных материалов и увеличенную спусковую скобу.

9 Буквально: Автомат
Двухсредный Специальный. Принят
на вооружение ВМФ РФ в 2007г.

Создан для замены морально устаревшей системы АПС(автомат оружие только поступало в войска и единственно чего не хватало по сей день это патронов. Однако нам выдали полный боекомплект, исходя из чего я заключил, что в контейнерах которые мы везём заключено нечто очень важное. Вот ноги мягко коснулись каменистого дна и в потёках уходящей воды, я увидел сначала поросшие редким кустарником близкие скалы, а затем и редкий лес на фоне блёклого зимнего неба. Мы прибыли на место.

подводный специальный),
использовавшей дротиковидные
боеприпасы, малопригодные для

ведения боя вне водной среды.

В основу конструкции автомата АДС заложено использование двухсредного боеприпаса, позволяющего вести бой с ходу, без смены магазина. Группа конструкторов КБ Приборостроения (КБП) в г.Тула к 2005 году разработала патрон под гильзу от российского штатного армейского патрона 5.45x39мм и имеющий те же внешние габариты. Стальная пуля с ведущими поясками длиной 53мм, в боевом положении утоплена в гильзу на большую часть своей длины. Такое решение позволило сохранить общие габариты нового патрона в заданных размерах, обеспечив при

этом форму пули, пригодную для действий в водной среде. Новый патрон получил название ПСП, он комплектуется твердосплавной бронебойной пулей массой 16 грамм, имеющей начальную скорость (в воздушной среде) порядка 330 м/с. В водной среде стабилизация пули и уменьшение сопротивления окружающей жидкости осуществляется посредством кавитационной полости, создаваемой вокруг пули при движении за счет плоской площадки в носовой части пули. Эффективная дальность стрельбы патроном ПСП под водой составляет примерно 25 метров на глубине 5 метров и до 18

метров на глубине погружения 20 метров.

АДС использует весь спектр обвеса современных автоматов: приборы бесшумно-беспламенной стрельбы, лазерные целеуказатели, коллиматорные и ночные оптические прицелы, подствольный 40мм гранатомёт с удобной схемой спуска перед основным спусковым крючком. Автомат допускает стрельбу как обычными патронами калибра 5.45x39 (7Н6, 7Н10, 7Н22), так и подводными 5.45 ПСП путем установки магазинов с соответствующими патронами и переключения регулятора газоотводного механизма "вода/суша".

Питание обоими типами патронов осуществляется из штатных магазинов от автоматов АК-74.

Недостатков у АДС, на мой взгляд, всего два: компоновка буллпап, не позволяющая использовать магазины большей ёмкости и влияющая на показатели точность/скорость ведения огня; а также прицельная рамка выполненная в форме ручки для переноски, существенно увеличивающая силуэт бойца в положении лёжа т.к. оптика крепится на её верхнюю планку.

... Снаряжение и гидрокостюмы мы спрятали в приготовленном заранее тайнике. Это постаралась

группа обеспечения из местной агентурной сети. Нет, никаких документов или дополнительного снаряжения тут не было, наоборот — мы оставили там небольшой чемоданчик с кодовым замком, который потом заберут. Сейчас мы выполняли роль попутной машины. Доставив разведчику-нелегалу какие-то нужные ему в работе вещи или приборы. Но и он нам помог — указав такое место, куда амеровские розыскники точно не сунутся. Такие места есть всегда, но чтобы знать их, нужно хорошо изучить местность, а никто из нас этим похвастаться не мог. Переодевшись в обычный камуфляж и распределив снарягу, мы

совершили первый марш-бросок по вражеской территории.

Погода была для разведчика хуже некуда: солнце, лёгкий восточный ветерок приносил почти что весенние запахи осеннего леса. Снегом ещё даже не пахло, это единственное положительное обстоятельство немного успокаивало. Природа и климат тут похожи на магаданские: сосны, берёзки, травы и кустарники — всё как у нас. Отличия стали попадаться спустя три часа быстрого бега, когда Карась шедший в головном дозоре, обнаружил небольшой коттеджный посёлок. В неглубокой низине, разместилось пять одноэтажных

деревянных каркасных домов. Четыре из них казались нежилыми: ставни-жалюзи опущены, на верандах и дорожках кругом – палая листва и горки нагнанной ветром хвои. Но вот самый ближний к склону холма дом точно обитаем. На подъездной дорожке стоял серебристо-серый микроавтобус, жалюзи подняты, в больших прямоугольных окнах заметно движение.

Командир дал сигнал рассредоточиться, мы стали ромбом, заняв круговую оборону и замаскировались. Мне достался сектор обстрела выходящий на южную сторону едва заметной в

зарослях тропинки ведущей к небольшому роднику. Лёжа в корнях поросшей мхом огромной старой сосны, замираю ожидая приказа. В отряде никому ещё не удавалось победить меня в гляделки или найти то место где я схоронюсь. После той памятной ночи в американском тылу, я научился лежать так тихо, что многие думали – помер Клещ от усердия. Как объяснить, что странная особенность передалась от осознания собственного бесстрашия, ведь труп действительно ничего не боится. А мне и вправду приходилось долгих десять часов подряд изображать стылый, окоченевший труп. Вдруг я почувствовал слабое

колебание почвы, шорох лёгких шагов
впереди у тропинки. Шаги, идёт
один человек, может быть женщина
или ребёнок, слишком уж слабо
шумит прохожий. Смыкаю пальцы
левой руки на тангенте рации,
которые выведены прямо на кисть
руки на фалангу среднего пальца.
Даю два коротких тона: в секторе
движение. Командир отозвался
длинным и двумя короткими
щелчками — жди, наблюдай. Позиция
досталась удачная, с пригорка на
котором росла сосна открывался
полный обзор на ту часть тропинки,
что вела к роднику. Хоть осенний лес
и стоял почти что без листьев, а
трава пожухла и стала ломкой от

утренних заморозков, хорошо замаскироваться можно и тут. Осторожно раздвинув стволом автомата колючие кусты шиповника, я прильнул к прицелу чтобы в оптику разглядеть источник шума. Сначала, виднелся только кусок тёмно-синей материи, едва заметно двигавшийся вверх и вниз. Значит, в кемпинге есть люди и придётся менять маршрут. Но обходной путь лежит через зону поиска местных погранцов, а значит риск обнаружения удваивается. Ждать темноты тоже не вариант — время отпущенное на выполнение задачи тоже ограничено, терять целых пять-шесть часов это неприемлемо. Синяя куртка вновь

резко дёрнулась и всё поле прицела заслонила узкая спина и худая шея молодой женщины выполнявшей какие-то гимнастические упражнения. Я чуть качнул ствол вверх и убедился, что ошибки нет: женщина, под тридцать лет, среднего роста в спортивной ветровке, тренировочных штанах и кроссовках для бега. Хорошая новость заключалась в том, что заметит она меня только если наступит – из ушей «спортсменки» торчали тонкие провода от наушников, хоть из пушки стреляй, не услышит. Ещё немного осмотрев всё вокруг, я убедился, что эта бегунья тут одна, никаких сопровождающих, собак или детей.

Так же не двигаясь свожу пальцы левой руки, на тангенте, вызываю Симу и шёпотом докладываю:

- Командир, в секторе женщина. Белая, лет тридцати, среднего роста. Похоже, вышла на пробежку и это её обычный маршрут. Одна, рядом никого. Как принял?

- Слышу... Ждём десять минут, пока уйдёт. Остальное - по ситуации. Отбой.

- Принял, отбой.

Снова прильнув к окуляру, ловлю движения женщины, хотя ничего особенного больше не происходит. Она закончила приседания и вдруг резко взяла с места, припустив трусцой в мою

сторону. Отложив автомат, пришлось быстро искать другой вариант решения проблемы. На всякий случай, медленно извлекаю из ножен на поясе нож, прикидывая расстояние до цели. Если что, стрелять, даже из тихого оружия нельзя. Жертва может вскрикнуть, громко упасть на землю и привлечь внимание. Поэтому лучше не рисковать и работать ножом. Нам дали штатные водолазные «катраны», в принципе нож довольно неплохой. Прочная сталь долго держит заточку, режет даже сталь и не тупится о кирпич и бетон. Но подумав, всё же убрал клинок обратно — случись оказия, лучше просто сломаю шею.

Собачки учуют кровь, быстрее возьмут след.

Спортсменка приближалась, а я в свою очередь сжимался для броска, чтобы сходу взять её на приём. Но вдруг я ощутил какое-то беспокойство, дыхание начало сбиваться, а левая кисть мелко дрожала. Холодной волной по телу пробежал озноб, но подавив неясное ощущение, я снова сфокусировался на цели. Вот, девчонка бежит и ритмично потряхивает головой в такт неслышимой никому кроме неё мелодии. Ещё двадцать шагов и столкновения не избежать — тропинка обрывается и удобнее всего ей будет пробежать через неглубокий

овраг, а тут мы.

Пятнадцать... Она беззаботно бежит, на узком не загорелом лице выступил лёгкий румянец, карие глаза за стёклами тонких очков, смотрят в пространство перед собой. Десять... Я приподнимаюсь для броска вперёд. Ещё четыре широких шага и придётся её убить. Жалости нет, просто одна досада на то, что пропавшую девчонку станут искать, а когда найдут – обязательно выйдут на след группы. Вот бегунья, поравнявшись со мной, начинает притормаживать, чтобы осмотреться и это будет последнее движение в её жизни. Сквозь морозные ароматы утреннего леса, проступают волны

запаха разгорячённого от бега тела с резкими вкраплениями парфюма. Ну всё, пора!..

- Привет милая, я на пробежке!..

Сбивчивый от бега голос останавливает бросок за доли секунды. Оказывается, в ушах не просто музыка. Это ещё и телефон и кто-то звонит спортсменке. Снова замерев на месте, жду и прислушиваюсь к чужой речи, которую уже довольно неплохо научился понимать. Женщина остановилась и оперевшись спиной о ствол моей сосны, громко говорит с кем-то. Может быть подруга или родственница. Главное, чтобы не долго...

- Эйден сейчас в городе, будет только к выходным, а я...

Вдруг она осеклась на полуслове и в следующее мгновение голос спортсменки дрожал от напряжения.

- Зак жив?! Кристи, что тебе известно, не молчи!.. Я... Хорошо, сейчас приеду, мы в кемпинге, пойду собирать детей. Через час будем у вас, пока.

Выключив что-то у себя на поясе, женщина вдруг резко оттолкнувшись от дерева развернулась и побежала обратно. Но это был уже не спортивный бег, она торопливо бежала по тропинке назад к кемпингу, громко выкрикивая детские имена. Случайность спасла

жизнь чьей-то матери, как впрочем и уберегла нас от беготни по незнакомым лесам. Дав тоном рации сигнал отбоя тревоги и получив ответный сигнал к сбору, я подхватил автомат и в полуприсяде направился к точке сбора. Сима вопросительно дёрнул подбородком и я коротко доложил:

- Кемпинг пуст, там только трое: эта спортсменка и двое детей. Им позвонили минуту назад, сейчас женщина пакует вещи. Ориентировочно, в течение часа тропа будет свободна, можем пройти.

Командир глянул на экран наручного тактблока и прикинув потерянное время согласно кивнул.

Экран моргнул, значит спутник только что прошёл над нами. В наушнике пискнул сервисный сигнал, данные со спутника по обстановке пришли и ко мне. Дав знак остальным приблизиться, командир обновил вводную по заданию.

- Время потерянное сейчас, наверстаем. Сократится третья днёвка, тогда на исходный рубеж выйдем по графику. Трое суток до цели, это вполне осуществимо. Вот здесь, у дороги нас будет ждать грузовик с канадскими номерами. Белый тягач «Кенворт» с тёмно-синей эмблемой фирмы «Нортлайн» на бортах кабины и кузова. Сигнал о провале — открыта настежь

пассажирская дверца. Если всё ровно — двери будут закрыты. Он притормозит ровно на пять минут, створ кузова будет не плотно прикрыт. До встречи три часа, мы должны успеть. Если агент провален, идём по запасному варианту. Всё, вперёд!...

...К исходу контрольного срока, мы выбрались на неширокий просёлок, ведущий к широкой автотрассе на Анкоридж. Фура должна была несколько раз проезжать точку встречи, легендируясь под заблудившегося новичка. Судя по данным спутниковой разведки и скану радиочастот через наш передатчик,

зоны прочёсывания сместились на южнее. Значит амеры решили, что наша цель – авиабаза неподалёку от Фейрбэнкса. Исходя из логики поиска, это самая очевидная цель. Пускай себе бегают, в тамошних горах масса укромных мест, работы хватит аккуратно до того момента как мы уйдём. Уже начало темнеть, время поджимало, но у меня было чувство, что мы не опоздали. Вдали слева мелькнул слабый отсвет фар, а через пару минут появилось внушительное рыло грузовика, волокущего за собой длинную матово-белую с синими разводами по бортам фуру. Проехав метров десять вперёд, грузовик остановился сыто

рыкнув мотором. Чуть помедлив, водила не торопясь вылез из кабины и что-то вполголоса бормоча под нос, пошёл назад и снова буркнув нечто неразборчивое открыл правый створ рефрижератора. Я присмотрелся: дверь пассажира плотно закрыта, охранение молчит. Водитель снова отошёл, гипнотизируя взглядом покрышки правой задней сцепки. Это сигнал, что всё нормально.

- Чисто, загружаемся.

Это прошуршал в наушнике голос командира. Короткий рывок и я уже у кузова, держу на прицеле дорогу позади фуры. Краем глаза вижу, как четыре тёмно-зелёных тени

одна за другой скрылись в тёмном чреве промышленного холодильника. Водила подошёл ко мне и с лёгким акцентом спросил:

- Третий раз уже проезжаю, коп на съезде документы проверял. Больше никого не ждём?

- Нет.

Я невольно всмотрелся в круглое, заросшее седой щетиной лицо пожилого дальнобойщика. Засаленная красная кепка с какой-то витиеватой эмблемой, дикий выхлоп чеснока изо рта. Сломанный и свёрнутый набок боксёрский нос, коротко стриженные седые волосы. Глаза почти скрытые набрякшими красными веками когда-то были

серыми, но сейчас выцвели и опутаны красной сеткой воспалённых прожилков. Ничего особенного, типичный работяга. Одним коротким взглядом указав на распахнутую дверь фуры, он так же тихо сказал:

- Закройтесь в ящике у дальней стены, его уже проверяли, кроме того там есть потайной люк. Будет плохо, погашу свет и выбирайтесь. Пока свет горит – едем по расписанию. Свет мигнёт три раза – приехали. Стою три минуты, потом всё.

Не знаю почему, но вдруг снова пробрал озноб. Мельком глянув ещё раз в воспалённые от недосыпа глаза этого непонятного старика, мне

стало ещё больше не по себе. Неужели страх возвращается и больше не будет этого мерзкого ощущения внутренней пустоты? Очень похоже, что так и есть. Утраченный инстинкт снова холодными змейками заполз в грудь и сжал сердце ледяными пальцами. Я из тех, кто испытал нечто худшее, чем быть просто трупом. Быть лишённым страха, это как видеть один кошмарный сон внутри другого: нельзя проснуться, нельзя убежать... И вот сейчас передо мной стоит человек, бремя которого во сто крат хуже моего. Он, как и я тоже всегда один, всегда настороже и кругом враг. Только вот я-то могу умереть и знать

будут что вот был такой и помер. А что скажут про него? Нет имени, нет биографии, всё чужое. И жил-то вместо него кто-то другой. Нет, это реально хуже мёртвых глаз командира, хуже пустоты... Это Бездна. Взяв себя в руки, я киваю водиле и уже забираясь в кузов, тихо шепчу не оборачиваясь:

- Спасибо, отец.

И уже сквозь сужающуюся ель закрывающегося за мной дверного створа я слышу такой же тихий ответ:

- Бейте их крепче, ребята.

... В коллекторе темно, однако там, впереди на стенах тоннеля горят тусклые огоньки распределительного

щита насосной магистрали. Местная канализация пролегает не глубоко из-за хаотичной инфраструктуры городской застройки. Новые многоэтажки имеют свою сеть коммуникаций. А деревянные каркасные бараки, которых лет сорок назад в Анкоридже было большинство, соответственно, свою.

Прислонившись к шершавой бетонной стене, впитываю все запахи и звуки какие в состоянии уловить. Двое ремонтников только-только поднялись на верхний горизонт, бегло осмотрев не широкий сточный желоб, по которому лениво течёт скверно пахнущая мутная вода. Меня работяги не заметили, поскольку для

укрытия я использовал изгиб между двух труб идущих куда-то наверх. Сверившись с планом коллектора и выждав пока шаги и глосса рабочих стихнут наверху и звякнет крышка люка, я снова выбираюсь наружу, чтобы завершить начатое. Остановиться пришлось метров через пятьдесят, когда от основной магистрали стали появляться боковые ответвления. Там, за опечатанными дверями находятся штреки старых заброшенных сейчас отвалов породы, по которым ничего прокладывать не стали из-за непроходимого слоя вечной мерзлоты. Оттуда же на поверхность ведут десятки выходов из крысиных и

кротовых нор, обитателей которых я собственно и искал. А вот и моя цель — в узком луче потайного фонаря мелькнула чёрная тень, сверкнули бусинки глаз. Крыса издав едва слышимый писк метнулась в угол и скрылась в кучке осыпавшейся штукатурки и щебня. Вокруг на стенах и трубах толстый слой жирной плесени и свалявшиеся комки пыли на полу, похоже сюда редко кто заглядывает. Подойдя к железной двери, когда-то выкрашенной в тёмно-красный цвет, осматриваю замок. Ничего особенного, обычный навесной, немного проржавел от сырости и испарений, однако это поправимо.

Две струйки антфризного аэрозоля в скважину замка и вот уже универсальная отмычка без проблем его открывает. Осторожно, чтобы избежать любого шума, снимаю цепь и после проделывания с петлями двери той же что и с замком процедуры – тяну её на себя. Оттуда пахнуло прелой каменной сыростью и душными тёплыми испарениями. Свод отрывшейся пещеры резко снижается через десяток метров, дальше никто крупнее кошки не пролезет. Проводя лучом фонаря по полу и стенам, медленно продвигаюсь вперёд. Какие-то полусгнившие ящики, кучки тряпья и... десяток глаз-бусинок

шарахнувшихся прочь от света. Ну, вот и встретились!

Теперь осталось самое сложное – собрать компоненты устройства, замаскировать его и запустить таймер. Грызуны пищат, но ни один ко мне близко не приблизился, хотя судя по всему их гнездо тут совсем рядом. Странно, но от чего-то возникло ощущение, будто крысы поняли – ни странный человек, ни баллон который он зарывает в тряпье у стены им ни чем не грозят. Сам контейнер – десятилитровый баллон в дырчатом кожухе с гнездом активации внутреннего механизма запуска таймера под выдвижной крышкой. Большая его часть –

резервуар с активным веществом и устройство самоликвидации. Соединив наручный коммуникатор с баллоном гибким шнуром, вбиваю цифры пароля и как только процесс активации проходит, ввожу нужное время. На двойном монохромном дисплее, подсвеченном изнутри слабым светодиодом, чтобы только разобрать цифры, но ни в коем случае не засветить местоположение, побежали цифры. До активации осталось ровно шесть часов. Созданный из прочного полимера, баллон развалится под воздействием высвобожденного микровзрывом реагента, как только выйдет срок указанный на таймере. А до этого

момента баллон будет просто лежать, а то, что сейчас скрыто внутри, будет тихо выходить наружу сквозь открывшиеся дыры в корпусе. Набрав на Пристроив контейнер у стенки и замаскировав его кусками пакли и вонючей ветоши, ещё раз осмотрев закладку со стороны, ухажу так же тихо, как и вошёл...

...Город мы покидаем спустя три часа мучительного ожидания в подвале только что построенной многоэтажке, откуда был единственный безопасный вход в канализацию. Всё время пока я лазил по колодцам, ребята сидели и ждали, ловя каждое движение снаружи и напряжённо вслушиваясь в

переговоры местной полиции. В случае обнаружения, их задача увести волкодавов за собой и любой ценой не дать обнаружить истинную цель нашего визита в Анкоридж. Когда я поднимаюсь наверх и показываю большой палец, внутреннее напряжение сквозившее в позах и жестах ребят немного спадает. Карась посылает в эфир сжатый миллисекундный пакет радиоволн, теперь где положено знают, что посылка успешно доставлена. Ещё долгих три часа мы сидели в подвале, пока наблюдающий за подъездной дорогой Карась не дал сигнал о том. Что к стройплощадке приближается

невзрачный крытый грузовик, на которых тут осуществляют мелкие грузоперевозки. Машина остановилась в переулке и мы благополучно забравшись в кузов снова тронулись в путь.

... Снова, как и в ту злополучную ночь, меня окружали холод и темнота. Внутренность кузова полуторки пахла старым деревом и комнатной пылью. Сквозь щели иногда помаргивали редкие всполохи света, от уличных фонарей и проскакивающих мимо домов. Прислонившись спиной к мелко подрагивающей жестяной стене, я ещё раз прислушался к собственным ощущениям: острота восприятия

несколько притупилась, однако это только усилило ту полноту спектра чувств, которые словно бы проснулись после долгой спячки. И хоть мы ещё далеко от дома и расслабляться время не пришло, я ощущал прилив хорошего настроения. Когда страх вернулся на той просёлочной дороге, впервые за столько времени стало не всё равно что случится в следующий миг. Пускай жизнь бывает коротка, но чёрт побери, как же приятно быть действительно живым!

Россия, 7 ноября 2011 года.
Освобождённая территория РФ, г.
Хабаровск. Примерно 2183км от

любой точки соприкосновения с войсками Коалиции. 15-ая палата военного госпиталя №33, отделение для выздоравливающих. Антон «Ропша» Варламов, рядовой. Живые и мёртвые.

... Сон ушёл, забрав с собой остатки неясных грёз, смысл которых сводился к тому, что на меня снова падали обломки башни. В круг синевато-белого света у изголовья попала свесившаяся с соседней койки худая рука. Осторожно спустив ноги на пол, сажусь. Взгляд машинально опустился влево и вниз, чтобы отметить время по наручным часам, но увы, кроме серовато-белой казённой пижамы на мне ничего нет.

Думаю, что и часов тоже не отыщу — ходят упорные слухи, что местный каптёр в тихаря подворовывает вещи раненых и умерших. Участь часов точно разделят нож и трофейный прицел, а уж берцы и подавно. Ничего кроме лёгкого сожаления по этому поводу я не испытывал, главное, что остался жив и не покалечен. В любом случае, мне повезло больше, чем соседу слева, чья рука свесилась почти до самого пола, синевато-бледная ладонь с обломанными ногтями на длинных узловатых пальцах обращена вверх в невольном просящем жесте. Парня зовут не то Толик, не то Коля, точно сейчас вспомнить не получается.

Люди в нашей палате надолго не задерживались и свести знакомство некогда. Про закованного в гипсовый панцирь соседа, я слышал, что он из стройбата, который помогал восстанавливать какой-то порт на побережье. Из-за невнимательности сапёров, этот пацан и ещё человек десять строителей напоролись на неразорвавшийся снаряд. Ударной волной и осколками убило всех, кроме Коли-Толи. Основной удар приняла на себя бетонная стена, которой солдата и придавило. История похожая на мою, только везение у нас с соседом вышло разное: он остался без левой ноги по колено и с перебитым

позвоночником, а я отделался парой сломанных рёбер и рваной раной на бедре. По счастью, осколок не задел артерию, но крови всё равно вытекло много. Слабость ощущалась даже теперь, когда до выписки оставалось каких-то пять часов. Повинуясь выработанной за время лечения привычке, осторожно встаю и нагнувшись бережно поднимаю руку парня и кладу поверх одеяла. Случайно коснувшись кончиков пальцев строителя, чувствую как внутри что-то оборвалось — они были мертвенно холодны. Поспешно наклонившись к лицу раненого и пытаюсь различить малейшее дыхание, замираю так на несколько

мгновений. На худом, заострившемся лице выделялись открытые карие глаза, смотрящие в потолок, а по сути уже в пустоту. Стараясь не будить остальных шестерых соседей, накинув халат, тихо выхожу в коридор. Тут всегда горит верхний свет, больница за пределами палаты не спит.

- Ропша, ты чего бродишь по коридору, режим для всех один!

Фраза настигла меня в тот момент, когда я собирался сам позвать кого-нибудь из персонала. Конторка за которой обычно сидит медсестра сейчас была пуста, только лампа на гибкой ножке с полукруглым абажуром освещала

тонкий экран компьютерного монитора, да стопку бумаг лежавших в лотке на стойке. Обернувшись, я увидел спешащую ко мне от выхода на лестницу медсестру Леночку. Невысокая, пышнотелая девушка лет двадцати с небольшим, она отличалась тем особенным медицинским характером, с которым сталкивается всякий. Кто хоть раз лежал в любой больнице. Строгая и безапелляционная манера говорить, мирно соседствует с приступами участия и сердечности, которой обладают только медсёстры.

- Сосед мой помер, Лена. Я дыхание проверил, остывает уже.

На круглом лице девушки не

отразилось и следа паники, чувствовался опыт. Потеряв ко мне как к нарушителю распорядка всякий интерес, она проходя мимо только кивнула, говоря уже тихо и деловито:

- Посмотрим. Может и не отошёл ещё... Пойдём, поможешь если что.

Сосед действительно умер, причём случилось это в тот самый момент, когда я находился на грани бодрствования и досматривал всё тот же сон. Лена убежала на пост, вызывать санитаров. Я вышел в коридор, находится в палате было незачем. Тут тянуло холодом от выхода на лестничную площадку ведущую на первый этаж. Ветерок

противно вился у ступней, в нос проникала обычная больничная смесь запахов лекарств, хлорки и табака. Прислонившись спиной к окрашенной в тёмно-зелёный цвет стене, я вновь подавил старый, оставшийся ещё с прошлой войны порыв - добыть у кого-нибудь курева. Затянуться крепким дымом хотелось так, что заломило уши, а во рту появился противный горьковато-железный привкус. Привычным уже усилием воли подавив мимолётную слабость, я удивился как играет нами на войне случай. Нас обоих, соседа и меня, завалило щебнем. И у меня изначально был прямой билет на ту сторону, откуда никто уже не

возвращается. Однако же вот довелось выжить и встать на ноги, а парня в мирной обстановке долбануло до смерти, шансы изначально были не в мою пользу, однако Судьба распорядилась иначе. От лестницы слышалось громкое бурчание, а следом, источая запахи кухни и улицы в коридор вошли наши санитары Фархад и Макс. Первый был таджиком, приехавшим в Хабаровск к родне, а второй вроде бы из сирийских студентов-договорников. Шёл сюда аж из Воронежа, натерпелся всякого, рассказывал про свои приключения если кто спрашивал. Оба успели повоевать, но в силу характера

ранений, были списаны в чистую. Теперь пристроились в госпиталь из-за пайка и военной нормировочной карточки. По моим ощущениям, парни неплохие, но успели подхватить профессиональную болезнь младшего медперсонала — когда санитары проходили мимо, меня обдало волной свежего перегара. Макс, или правильнее — Максуд, узнав меня хмуро кивнул и скрылся в закутке откуда через секунду вынырнул обратно, толкая впереди себя каталку. Фархад пожав мне руку спросил:

- Кто?

В больницах, как впрочем и на войне, жизнь и смерть всегда ходят

рука об руку. У санитаров вырабатывается нюх на обстоятельства вызова, подспудно они чувствуют, как и солдаты в бою, когда надо торопиться и когда спешить уже некуда. Непроизвольно кивнув на дверь палаты, где Лена уже зажгла верхний свет, я ответил:

- Сосед мой справа... Колей звать, кажется.

- А-а!.. Строитель, который на мину наскочил. Отмучился, значит... Бисмилля!

Отработанным за многие годы жестом, санитар провёл широкой смуглой ладонью правой руки по лицу, что у мусульман аналогично нашему крестному знамению. Я

просто сунул руки в карманы куртки поглубже, стиснув ладони в кулак так, что заныли костяшки пальцев. Стараясь говорить ровно, счёл нужным заметить:

- Не мучился, тихо отошёл.

Фархад ещё раз кивнул мне напоследок и скрылся в палате, пройдя вслед за поскрипывавшей каталкой, которую макс уже вкатил туда. В палате зажёгся свет, возникла обычная в таких случаях суета: Лена вызвала дежурного врача, это был молодой хирург, кореец из обрусевших – Владимир Николаевич Гвак. Хмурый и малоразговорчивый, врач задавал короткие вопросы Лене, потом кивнув мне указал Ринату на

дверь в палату:

- Везите в морг, пусть Константинов займётся. Ропша, а ты готовься, после обхода заберёшь документы у медсестры и на вещевой склад иди. Левон Ашотович в курсе, получишь у него вещи свои и оружие. Из комендатуры в двенадцать будет машина, с ней все и отправитесь.

Гвак был из гражданских врачей, беженец, их сейчас подавляющее большинство в тылу. Таких как он, быстро распределяли по госпиталям, присваивая воинские звания, однако обстановка в госпитале царила не уставная. Из настоящих военных тут был только майор Вартанян - начальник снабжения. Да и то только

потому, что помимо простыней и трусов на нём числился склад оружия, собранного у раненых. Но я ответил коротко и по уставу, говорить особо не хотелось, да и нечего было.

- Есть, получить документы и прибыть на вещевой склад.

Формально всё верно: получу сухпай, вещи и оружие, только вот госпитальный склад, это всегда лотерея. Нет, про консервы, которые всегда дают в нагрузку к обычному рациону, я не сомневался. Наши продукты шли с перебоями, но китайцы снабжали неплохо, хотя вообще-то к жратве я всегда равнодушен — главное в еде, чтобы было сытно.

... Время до утренней побудки, после всего случившегося промелькнуло почти незаметно. Обычная рутина: сдал бельё, минут десять жевал рисовую кашу приправленную свиной тушёнкой, в соседней комнате переделанной под столовую. Потом слушал лечащего врача, хотя что и как делать и так знал, чай не в первый раз. Документы на выписку получить вышло без проволочек, комиссия прошла два дня тому назад, особо никто не цеплялся. С соседями простился коротко, за всё время нормально узнал только покойного Колю, да и то больше слушал, про себя говорить не хотелось. И это не

по чёрствости душевной, хотя наверное и из-за неё тоже. Просто с первой войны появился у меня такой обычай: изгонять из памяти всё, что связывало с войной. Она всёравно приходила, воспоминания, яркие образы, но никогда лица покойников. Мёртвых друзей и врагов никогда видеть не приходилось, лица всегда смазаны, безлики. Поэтому единственная вещь, об утрате которой я действительно жалею, это кожаный мешочек со звёздочками. Звёздочка – погибший товарищ, ещё одна смерть на моей совести.

На вещевом складе меня ждал сюрприз. Хмурый прапор Млатовин, про которого и ходили нехорошие

слухи, выдал мне новую, пахнущую дезинфекцией зимнюю форму. Тёплые штаны, куртка и бушлат. Споротые знаки различия, но вроде не ношенная, как это обычно бывает в госпиталях. Удивило одно обстоятельство: эмблемы с российским триколором, которая нашивается на левый рукав, тоже исчезла. Вместо нелюбимой мной власовской тряпки, в чёрном щите теперь тускло алело красное знамя, с маленькими золотыми пятиконечной звездой, серпом и молотом в левом верхнем углу. На своих местах оказалось только более привычное и знакомое: «Вооружённые Силы. Россия». Береты, ещё не успевшие

войти в обиход заменял привычный
треух, с полевого же, тёмно-зелёного
цвета, кокардой. Там тоже была
звезда поверх овала, так что мне
оставалось только удивляться,
насколько верно удалось угадать со
знаками различия в отряде. Но я
больше порадовался привычной
вязаной шапке - подшлемнику. Такой
же чёрный и почти безразмерный,
как и десяток лет назад. Двойная,
крупная вязка и узкая прорезь для
глаз. Снова накатило странное
чувство, словно всё это уже было со
мной, а гражданская жизнь
напротив, стала казаться длинным
затяжным кошмаром. Тем временем
пришёл черёд всяких уставных

мелочей. Согласно приказам, мне полагались нашивки и знаки различия мотострелковых войск, которые каптёр выдал недрогнувшей рукой, словно ждал. Примостившись тут же, возле стойки я быстро прицепил всё по своим местам, благо процедура засела в памяти и руки вспомнили её мгновенно. Немного пришлось повозиться с непривычной ещё эмблемой нового образца. Она неуловимо напоминала старую, ещё советских времён. Заключённый в треугольный тускло-алый щит лавровый венок, поверх которого шла золотая пятиконечная звезда с серпом и молотом посередине, а уже под ней, обычные для мотострелков

скрещенные «калаши». Фурнитура крепящихся на воротник была российская, довоенного образца с перекрещенными автоматами. А вместо погон, на груди у меня теперь красовался пустой шитый квадратный шеврон с буквами - «МС» на «липучке». Справа, над клапаном нагрудного кармана пришил две бледно-жёлтые лычки за ранения. Пуговиц на форме нигде не было: всё на тех же «липучках» и пластиковых молниях, кроме гульфика на портках — тут к вящей радости ничего не поменялось, обычные пуговицы. Чёрно-зелёный пиксельный узор форменки неприятно резал глаз, что нормально,

но в целом ткань сильно шуршала, что было уже плоховато. Также выдали пару комплектов тёплого нательного белья, чёрный шерстяной шарф, две пары тёплых перчаток и новые утеплённые берцы. Ботинки оказались в пору, в меру скрипучими, лучшего качества, чем я ожидал. Подошва с цепким протектором, довольно толстая и отзывчивая на изгиб, ходить и бегать будет не особо тяжело. Из верхней одежды порадовал лёгкий, тёплый бушлат на синтипоне и такие же штаны на лямках. Не понравился только казённый рюкзак-семидневка, без жёсткой рамы, лямки врезались в плечи, оттягивая груз влево и назад. Боковых

подсумков всего два, да и те на пластмассовых застёжках — положи что-то в такой и пиши пропало. Но повозившись с пожитками минут десять, удалось распределить вес как положено. Все старые «партизанские» вещи действительно пропали бесследно. Как я и ожидал, из личных вещей исчезли часы и нож. Однако к моему истинному удовольствию нетронутыми оказались кисет со звёздочками и трофейный прицел в кожаном чехле, который я самолично для него справил. Получил тут же ещё шесть тысяч обычными, довоенными российскими деньгами и сложенный вчетверо лист из плотного серого

картона – талоны на промтовары и продукты. Всё это составляло половинную норму от обычного довольствия, пока мой статус до прибытия в новую часть не определён окончательно.

В оружейке обнаружилось, что моего швейцарского автомата тоже нет, как пропал и верный бесшумный «макарка» [10]. Само собой импортной сбруи с подсумками на месте не оказалось. Вместо них, выдали мне пластиковый поясной ремень с подсумком на четыре магазина и... вот тут я был приятно удивлён. На обитый цинком прилавок передо мной лёг АКМС, старая добрая «раскладушка» [11].

Это был не совсем тот автомат, 10 В первом романе серии – "Партизаны третьей мировой", Антон раздобыл пистолет с интегрированным глушителем ПБ. Это модификация на базе 9-мм пистолета системы Макарова. Серийно выпускается с конца шестидесятых годов прошлого века, до сих пор широко распространён в войсках СпН и разведподразделениях обычных МСД(мотострелковых дивизиях) ВС РФ. Считается надёжными крайне неприхотливым оружием, хотя возможности боеприпаса на данный момент не отвечают полностью изменившимся условиям современной войны. Однако, если

выбор не велик, то ПБ является вполне сносным выходом из положения.

ТТХ: УСМ: двойного действия.
Калибр: 9х18мм Вес без патронов: 970 г в сборе с насадком глушителя.
Длина: 310 мм в сборе, 170 мм со снятым ПББС. Длина ствола: 105 мм.
Емкость магазина: 8 патронов.

11 Антону достался лучший в мире, по мнению автора, образец личного стрелкового автоматического оружия пехотинца – автомат системы Калашникова модернизированный со складным рамочным прикладом. АКМС имеет возможность(после замены фурнитуры) оснащения всеми видами обвеса, включая

тактические фонари, лазерные целеуказатели, приборы бесшумно-беспламенной стрельбы, а также все виды оптических прицелов включая импортные. Данный автомат, это воплощенный опыт Великой Отечественной войны, оружие вот уже более тридцати лет спасающее жизнь своим владельцам. Высочайшая надёжность который я помнил: цевьё из пластика, с зубчатой лесенкой крепления сбоку, под всякий обвес. Пистолетная рукоять тоже не привычная, с выступами под пальцы, для более удобного хвата и наклон назад чуть круче. Не спеша взяв автомат, я так и не решился выпустить оружие из рук.

Мечта всех последних месяцев вдруг неожиданно впорхнула в руки сама. Каптёра аж перекосило, когда он увидел, как бережно я принял оружие. Дрожащим от нетерпения голосом, он поторопил:

- Получил, теперь распишись что всё на месте. Патроны в ящике наберёшь, слева от входа каморка есть, стукни два раза. Гранат не проси, у нас склад временного хранения, всё лишнее в комендатуру сдаём. Иди набирай, пока ещё кто не налетел. Там знакомец твой дрыхнет опять всю дорогу. Растолкай его, Сеня выдаст из тех остатков что есть.

Молча перехватив оружие левой рукой, я чиркнул свою закорючку в

истрѣпанной ведомости и кивнув хозяину пещеры сокровищ, пошёл к выходу. Сержант конструкции гарантирует боевую эффективность в любых условиях, а пули калибра 7.62мм выпущенные из АКМ не оставляют противнику ни малейшего шанса на выживание. Это не реклама, к вящей зависти конкурентов, каждое слово автора могут подтвердить миллионы солдат и офицеров как в нашей стране, так и за её пределами.

Несмотря на демонстративное пренебрежение и мощную антипропаганду, американцы действительно производят и продают по всему миру автоматы

Калашникова большими партиями без всякой лицензии. К слову о качестве, делают АК американцы очень неплохо, в отличие от бывших союзников СССР по Варшавскому договору.

ТТХ: Калибр 7.62x39 мм Длина с разложенным прикладом: 870 мм. Длина ствола: 415 мм. Вес с пустым магазином: 3,14 кг. Емкость штатного секторного магазина – 30 патронов, 40 патронов и 75 патронов при использовании секторного или барабанного магазинов от унифицированного ручного пулемёта Калашникова. Темп стрельбы 600 выстрелов/мин.

Семён Аничкин, парень

невысокого роста, чьей особенностью была удивительно большая голова, с копной взъерошенных каштановых волос не спал. После тяжёлого ранения, паренёк так и остался при госпитале, а из-за частых припадков трясучки, его использовали на всяких подсобных работах. Его отделение попало под миномётный обстрел на марше, когда ребята шли в баню. Аничкин поймал осколок мины в поясницу. По счастью осколок вынули и парень смог снова ходить, но был задет какой-то нерв и парня постоянно мучила тяжёлая судорога. Мы и познакомились в тот момент, когда я и ещё двое

выздоровливающих наткнулись на Сеню, бьющегося в конвульсиях в сортире. Парни подумали, что «наркот», но я быстро сообразил, что дело в другом и смог им это объяснить. За время работы в охране наркоманов повидал всяких, тех корёжит иначе. Главврач пожалел хилого парнишку и определил в хозвзвод. В тот раз я на руках отнёс сержанта в его каморку и сидел пока тот не пришёл в себя. За всё то время, он не переставая говорил, то о ранении, то о погибшей в поезде под Омском семье. Так и познакомились. Судьба кажется сжалилась над Аничкиным. Ведь при госпитале всё же лучше, чем идти на разбор

завалов, где по своей тщедушной комплекции парнишку ждёт опять больничная койка уже через месяц-другой. Пожав худую, птичью ладонь каптёра, я объяснил зачем пришёл. Тот пожав плечами указал на стеллаж в дальнем углу коморки:

- Седьмой калибр там, но выбирайте аккуратно, патроны старые, с хранения сняты.

- Сколько дашь?

Вопрос был не праздный, пять магазинов это сто шестьдесят патронов, плюс десяток на «развод». Однако в бою этот запас быстро улетучится, лучше иметь запас, но с собой я сейчас всё не утяну. Аничкин пожал плечами и равнодушно

вернулся к лежанке сооружённой из рваных засаленных фуфаяк прямо на патронных ящиках. Уже отворачиваясь к стене, он пробормотал:

- Да берите сколько хотите, там треть порченных. Говорю же, с хранения сняты...

Радуюсь привалившему счастью, я вынул из кармана бандажную четырёхугольную косынку, прилегающую к индивидуальному перевязочному пакету и подойдя к ящику набрал в него патронов от души. Затем глянув на настенные часы прикинул время до прихода комендантской машины, сел за стол размещавшийся рядом с лежанкой и

прислонив автомат рядом с рюкзаком у стены принялся перебирать патроны. Настольная лампа давала немного света, однако мне его вполне хватало, чтобы различить дефекты лежащих, но таких приятных глазу «маслят». Я привычно сортировал патроны отбрасывая те, где шаталась пуля, вывалился отсыревший капсюль или отслоился лак. Через полчаса, набралось двести штук, чего на первое время вполне хватит. Так же в общей куче я с удивлением насобирав дозвуковых, зеленоголовых патронов, ещё на два рожка. Боеприпасы и вода, вот две самые большие ценности на войне и я без сожаления выложил из рюкзака

две из шести банок тушёной свинины, а себе оставил только пару «иришек» [12]. Затем заботливо уложил 12 Имеется ввиду армейский паёк, индивидуальный рацион питания(ИРП). Как правило это набор из нескольких видов консервов(рыбные, мясные, овощные), галеты, чай, сахар и в последнее время газировка в порошке, повидло, сгущённое молоко. Пробовал разные варианты, но наш российский ИРП-7 вкуснее рассортированный остаток патронов во внутренние кармашки, тщательно переложив их запасными носками, чтобы не брякали.

Теперь пришла очередь

«калаша». Первое, что бросилось в глаза, цилиндрический двухкамерный дульный тормоз. Я такие видел только у ментовских «спецов», те хвалили, говоря что он сильно уменьшает увод ствола вверх. По идее всё так и должно быть, нужно будет пристрелять, там видно будет - врут или нет. Автомат, похоже, из какой-то новой партии: кроме пластиковой фурнитуры было какое-то новое напыление всех металлических частей. Шершавое на ощупь, оно напоминало тефлон. Да и на вскидку оружие ощутимо убавило в весе, хват стал удобнее, но скорее всего это из-за фурнитуры. Над верхней крышкой ствольной коробки

опять гребёнка на переходнике, а стандартный открытый, чуть поднят над верхней частью цевья, чтобы прицел не перекрывался гребёнкой. Сама планка на тугой защёлке с левой стороны, снять её и установить снова, это пара секунд. Взгляд скользнул к номеру... хм, автомат-то трофейный, американский. «Арсенал инк». Лас-Вегас, Невада 2006 год выпуска. Осмотрев «калаш», смекнул, что если им и пользовались, то не слишком долго. Кроме того в подсумке обнаружился «тихарь», убранный прежним владельцем в отдельный чехол. Развинтив знакомую по прежним временам прибуду, я с облегчением

выяснил, что внутренности не засраны как это бывает обычно, хоть сейчас его винти на ствол и пали. Растолкав ненадолго сержанта, я выпросил у него ёмкость со смазкой и тщательно прочистил и снова испанского, американского или китайского. Иностранцы злоупотребляют синтетикой, такой биомассой сыт не будешь.

собрал автомат. Ремень мне особо не понравился, слишком узкий для такого массивного «ствола», но покуда придётся воевать с тем, что выдали. Мысленно помянув добрым словом бойца, чьё оружие досталось мне в наследство, я отодвинул табурет от стола и поднялся.

Магазинов оказалось всего три и только два из них новые, третий звенел ослабшей пружиной подавателя — убит в хлам. Договариваться о замене, это значит предложить что-то в оплату, а без часов и ножа торговаться особо не чем. Жратву они тут и так воруют, а деньги реально могут пригодиться самому. Сунув дефектный «рог» в боковой карман рюкзака, снова взялся за автомат. Примкнув снаряженный магазин, некоторое время подержал «калаш» на весу, прицелился и поводит стволом справа налево. Не хватает накладки на опорное основание приклада, но в целом пока оружие шепчет,

отторжения нет. Нормально, работать можно.

Машина опаздывала, на крыльце корпуса нас, ожидающих скопилось человек пять. День выдался пасмурный, в парке из-за деревьев ветер особо не лютовал, однако подмораживало. Кто-то из бойцов курил, трое парней-бурят переговаривались на своём языке. Я понимал отдельные слова, поскольку какое-то время работал в бригаде лесозаготовителей, где их было большинство. Суть разговора сводилась к тому, что парни были братьями и сговаривались проситься в одну часть, чтобы воевать вместе. Решив, что ходить туда сюда не стоит,

я присел на корточки, опершись спиной о широкое основание крыльца. Говорят, раньше это был детский сад, а целым здание госпитального корпуса осталось только потому, что было заброшено. Вдыхая морозный, пропахший угольной гарью воздух, я машинально вынул кисет со звёздочками и высыпал их на ладонь. Десять простых, с истёртой на кончиках позолотой маленьких звёздочек и одна большая с потускневшей красной эмалью. Одиннадцать смертей, не считая тех, кто сгинул при прорыве в горное ущелье. Красная звезда, которую я снял с изнанки залитого кровью

«броника» Семёныча, когда его синюшное лицо уже скрылось в складках куска брезента, в который я сам помогал его заворачивать. Помимо воли перед внутренним взором прошли лица всех «туристов», которых я записал на свой счёт. Снова откуда-то пришла и навалилась тяжкая усталость, а с нею вернулась полная апатия. Машинально отметив, что продлится это может до первого боя, потом придёт смерть или увечье, я ссыпал звёздочки в кисет и снова надел его на шею. Неожиданно пахнуло ядрёным перегаром и по плечу меня хлопнула широкая ладонь санитаря Фархада:

- Салам, Роша, ждёте ещё?

Букву «п» Фархад всегда пропускал, а до этого вообще не мог выговорить моё прозвище бывшее теперь вместо имени. Приложив ладонь к груди в знак приветствия, я подвинулся, санитар привычным движением присел рядом. Потом нашарив в кармане грязноватого белого халата смятую пачку сигарет, протянул одну мне. Снова подавив импульс и поблагодарив кивком головы, я отказался:

- Рахмад, бросил я.

Ловко чиркнув пластмассовой оранжевой зажигалкой, Фархад закурил и я невольно втянул носом сладкий дым. На душе стало не так

паршиво, даже захотелось есть. Сунув руку в карман, я вынул горсть чёрных сухариков и бросив три из них в рот протянул остальные санитару. Тот тоже поблагодарил и из вежливости взял один кубик, проглотив не жуя. Таджик выпустил в землю струю дыма и снова спросил:

- Чего хмурый такой?

- Устал воевать, достало всё.

Пустота в душе, боюсь, если снова в бой — первая «дура» или осколок шальной, все мои.

- Э! Все боятся, ведь не праздник там. А вот пусто, это плохо. На труса ты не похож, Роша. Трус, он по другому боится, я тоже воевал, сам видел.

- Да не понял ты, брат. Амеров я не боюсь, эти твари со мной ещё не рассчитались, с них должок. Я не хочу больше друзей хоронить... устал в душе их смерть носить. Даже мимолётных знакомых не хочу зарывать в воронки, щебнем в развалинах заваливать трупы своих не хочу. Ломко всё вокруг, страшно и... пусто.

- У нас говорят так: не бойся, когда боится трус, с него что возьмёшь; Бойся, если сильного человека опутал страх. Если боится сильный, значит впереди совсем плохо.

- А у вас не говорят, что делать сильному, как побороть страх?

Таджик снова глубоко затянулся и выпустив вниз струю сизовато-белого дыма без улыбки ответил сузив глаза до маленьких щёлок:

- Будь ты трусом, Роша, я сказал бы: пей водку, кури дурь. Но ты сильный, ты – аскер, по-вашему значит - воин. А воин не отгоняет страх, аскер ищет, свой страх в глазах врага. Они тоже боятся умереть, боятся нас с тобой, Роша. Заставь их сильнее бояться тебя, тогда пустота уйдёт. Но мы с американцами разные, они боятся только за себя. Твой страх, это боязнь подвести других, когда нельзя защитить всех. Мой дед ловил змей, тоже всегда сильно боялся. Но перед охотой

всегда молился Аллаху, чтобы бог все его страхи поместил в гюрзу и дал деду сил её изловить. Всевышний брал страх деда и передавал его змее, та бросалась, но промахивалась и дед Али ловил её. Заставь свою змею испугаться, Роша, так и поймаешь свой страх...

Нашу беседу прервал короткий автомобильный гудок, потом к крыльцу резво подкатил и замер трофейный американский грузовик с тентованным кузовом. Чёрный комендантский номер с красной полосой наискосок говорил, что это за нами. Выходя на улицу, я часто видел трофейную технику, говорят, амеры бросали всё, когда отступали.

Поднявшись и поблагодарив санитаря за совет, я не оглядываясь запрыгнул в кузов. Тоска немного рассеялась, в памяти плотно засели слова Фархада и мне не терпелось воспользоваться его советом. Машина ехала быстро, нас подбрасывало на ухабах. Дороги всё ещё ремонтировали, город потихоньку поднимался из руин. Мельком я видел, что до окончания стройки ещё далеко, но часто, когда водила притормаживал на поворотах, удавалось рассмотреть многочисленные бригады рабочих в чёрных арестантских робах, всюду сновала дорожная техника. На посту у медсестёр был маленький телевизор и из выпусков местных

новостей я знал, что это бывшие «зэка» из окрестных колоний. После начала войны их отловили кого смогли и заставили работать, запретив при этом переодеваться в гражданское. За ними никто явно не наблюдал, рабочим полагался паёк, а беглому – только пуля от первого же патруля. Видимо, кто мог уже отсоялся, остались те, кто не хотел воевать, но и разбойничать тоже по тем или иным причинам не мог.

Через полчаса относительно быстрой езды, машина остановилась. По звукам и отрывочным картинам виденным из кузова, стало понятно, что привезли на местный вокзал. Я спрыгнул вниз, осмотрелся, кругом

опять развалины, но чуть в стороне, метрах в пятидесяти уже начиналась путаница железнодорожных путей. Из кабины вышел худой в годах майор, в мятой полевой форме с красным обветренным лицом. Простуженным голосом он дал команду к построению и зачитал приказ, с номерами частей в которые нас отправляли. Судя по номеру, парням-бурятам досталась какая-то инженерная часть, со мной опять всё без сюрпризов, судя по всему, воевать придётся в Приуралье. Мотострелковая бригада в которую я зачислен, была дислоцирована в районе станции Варгаши, что под Курганом. Оформлялось всё прямо

тут у борта грузовика, майор сказал, что нас мало, а канцелярия сейчас занята потоком частей идущих на переформирование, так что не до нас. Ехать предстояло только до Красноярска, откуда к фронту всех перебрасывали по одному из трёх безопасных воздушных коридоров. К перрону тоже не пришлось идти, комендач по рации связался с кем-то из железнодорожников, отведя нашу пёструю компанию к стрелке. Через десять минут, натужно пыхтя подвалил состав и я неожиданно оказался в обычном плацкартном вагоне старого советского образца. Место мне досталось нижнее, а остальные три заняли какие-то

новобранцы, судя по разговорам из тех, опять из беженцев. Всех местных давно уже отмобилизовали. Город стоял полупустой, женщин и детей по пути на вокзал видеть довелось только один раз. Время было обеденное, скинувшись, мы все вместе закусили консервами и удивительно вкусными солёными огурцами, которые выставил плотный черноволосый парень, купивший их у какой-то местной бабки. Соления были прошлогодние, в этом никто запасов сделать уже не успел. Ребята галдели о своём, распили бутылку самогонки, вынутую из-за пазухи долговязым студентом бежавшим аж из Нижнего

Новгорода. Много я пить не стал, почти сразу же отвернулся к стенке и накрывшись курткой быстро задремал. Снов в обычном понимании я не вижу, полупрозрачные образы танцуют где-то на краю сознания, никогда их не запоминаю. Постоянно думал только о Лере и Мишке, за деда Чернова особого беспокойства не было, этот себя не забудет. Вспомнился разговор с замотанным до красных глаз «ВВ-шным» лейтенантом, который приходил в госпиталь, снимать показания, для установки личности и обстоятельств нахождения во вражеском тылу. Скрывать особо было нечего, ему я назвал свои

настоящие фамилию и имя, рассказал где работал и как мы с напарником и водилой стали партизанить. Особо прицепился «вован» к разгрому авиабазы, выпрашивал, как это я сумел проникнуть на такой охраняемый объект и навести там шороху. Тут тоже скрывать особо не чего, я поведал дознавателю про пленного наёмника Матинелли, эмигранта-наёмника Краснова, обманутых им поклонников страйкбола и превращении кучки гражданских людей, по сути обычных туристов, в боевой партизанский отряд. Но вот после своего сидения в водонапорной башне я уже ничего не

помнил, да лейтенант особо и не спрашивал как я оказался в госпитале. Без особой надежды, я спросил не известно ли ему чего о моих товарищах и Лере. Но дознаватель ничего про их судьбу толком не знал, а на запрос который я сделал уже после того как поправился окончательно, ответа дожидаться не получилось. Надежда оставалась лишь на случайную встречу уже в действующей части, на войне всяко бывает. Был ещёдохлый вариант, что запрос мой могут перенаправить в канцелярию части. Кто знает, может то и отыщется.

...Путь выдался долгий, соседи мои сменились несколько раз, от

сухого пайка и консервов остались жалкие объедки. На каком-то полустанке удалось отоварить продуктовые карточки, так что учитывая мои малые потребности в еде, голодать не пришлось. Большую часть дороги я отсыпался, в разговоры с попутчиками особо не вступал, однако же и не сторонился. Через десять дней мы прибыли в Красноярск, но город тоже повидать не вышло, нас сразу же с вокзала погрузили в старый «пазик» и увезли на вновь отстроенную авиабазу в сорока километрах от города. Но посмотреть в городе, как говорил местный сопровождающий старлей, пока особо не на что: города почти

нет, кругом руины да новостройки. На базе меня и ещё человек двадцать опять пересчитали по головам, шлёпнули отметку местной комендатуры, в командировочное предписание и загнали в огромный зев «Руслана». В воздухе мелькнул мысль, что вот сейчас схлопочем под крыло ракету и рухнем вниз. Словно опережая мои мысли, по внутренней связи прошло сообщение. Приятный женский голос сказал, что самолёт идёт под прикрытием звена истребителей, а ан всём маршруте следования работают наземные системы ПВО. Потом девушка рассказала о парашютах в специальных креплениях по обоим

бортам самолёта и о большом лётном опыте экипажа. Судя по зеленоватым лицам попутчиков, девушке никто на слово не поверил, однако я снова уснул, волноваться о неизбежном, это последнее дело. Так прошло часов пять, пока другой, шершавый от помех голос лётчика не сказал, что подлетаем. В гулком брюхе грузового самолёта, среди штабелей каких-то ящиков голос пилота прозвучал оглушительно. Однако же вместе с раздражением пришло и некое облегчение, что это корыто наконец-то приземлится на твёрдую землю.

Аэродрома как такового не было, вся база оказалась построена

недалеко от уничтоженного амерами городка, где как и водится ничего не осталось кроме оплавленной до стеклянной корки земли. Вся инфраструктура сводилась к трём взлётно-посадочным полосам, в которых я с удивлением узнал отрезки обычной скоростной автострады. Вокруг них громоздились какие-то ангары, мельком я отметил три огневые точки, где стояли зенитки, по виду что-то новое, я таких раньше не встречал. Нашу компанию загнали сначала в какой-то вагончик, где снова проверили документы, а потом быстро, под присмотром двух прапоров завели в недостроенное

длинное здание. Тут всюду валялся строительный мусор, холодный осенний ветер резко задувал сквозь дыры в зелёном, непрозрачном куполе, натянутом вместо крыши. Народ разместился кто где, я же, помня старую привычку сел на корточки у стены возле самого выхода. Случись налёт с воздуха или артобстрел, здание это хорошая мишень, по ним отработают в первую очередь. Если это случится, лучше хотя бы попытаться выбраться наружу. Казённое бельё грело неплохо, вопреки ожиданиям и через какое-то время я снова уснул, отгородившись от окружающих чёрной, совершенно непроницаемой

завесой чуткой грёзы...

- Рядовой Варламов, кто здесь?!

Голос прозвучал громко, но окончание фразы почти полностью съел рёв взлетающего самолёта. Мгновенно стряхнув сон, я поднялся и поправив ремень рюкзака чётко отозвался:

- Я!

Ко мне подскочил невысокого роста солдат, в закопченной «камке» и стоптанных берцах с шевроном ефрейтора на груди. Круглый, нового образца, пехотный шлем забранный прожжённым во многих местах матерчатым чехлом был лихо сдвинут на затылок его стриженной наголо головы. Пухлое, обсыпанное

крупными веснушками курносое лицо постоянно находилось в движении. Парень явно с передовой – всю кожу рук и лица покрывала красная корка обветренной кожи, в уголках глаз и рта разбегались сеточки трещин, словно на коре дерева. Но всё искупали яркие синие глаза, лучившиеся почти ощутимой внутренней силой. Деловито кивнув, он махнул рукой на распахнутую дверь и уже на ходу заговорил:

- О! А я тебя по всей баз ищу, пошли со мной, ехать пора. Я – Женька Селянинов, мы теперь с тобой оба из второго взвода, отдельной роты нашей славной восьмидесятой бригады! Служить

вместе будем, бить «жоржей»...
Забирайся в кабину, ехать долго.

Я только кивнул, немного ошалев от такого бешеного напора и мы вышли наружу. Уже порядком стемнело, но огней вокруг горело минимум, лишь светились редкие цепочки огней на «взлётке», да у ангаров горело несколько прожекторов. Про «жоржей» я спрашивать не стал, понятно, что так тут называли амеров, завязывать пустой разговор не имеет смысла. Мы подошли к приземистой бронемашине, отдалённо напоминавшей инкассаторский «бобон», на котором я в своё время катался почти целый год. Когда мы

подошли поближе, я узнал в броневику наш джип «Тигр» [13]. На крыше была смонтирована небольшая башенка, откуда торчал расчехлённый ствол «спарки». Судя по габаритам, внутри на подвижном станке смонтирована связка «пулемёт+гранатомёт», а сама спарка управляется дистанционно из кабины. Штука удобная: экран на жидких кристаллах, два джойстика с гашетками и минимум риска для оператора. Проследив направление моего взгляда, ефрейтор беззаботно сплюнул в сторону и сказал:

- Места тут беспокойные, даром что шесть вёрст до передка.

- Диверсы?

13 Автомобиль ГАЗ-2330 "Тигр", создан по заказу и на деньги Саудовской Аравии, но арабы машину закупать не стали, тендер выиграл американский "хамви". Безотносительно первоначальных планов, машина получилась удачная и на сегодняшний день это лучший джип производимый в России.

Всепроходимый ГАЗ-2330 ТИГР предназначен для перевозки людей и различных грузов по дорогам и без дорог. Самый крупный и мощный в России внедорожник представляет собой шасси рамной конструкции, несущее на себе основную часть агрегатов и кузов. Независимая торсионная подвеска всех колес и

мощный двигатель обеспечивают
Тигру исключительную
проходимость на бездорожье и
скорость до 140 км/ч на шоссе.
Благодаря колесным редукторам
дорожный просвет оставляет целых
400 мм. ТИГР способен форсировать
водные преграды глубиной до 1,2 м.
Автомобиль имеет автоматическое
централизованное регулирование
давления воздуха в шинах в
зависимости от дорожного покрытия.
Если машина преодолевает снежные
заносы, то достаточно нажатия
кнопки на передней панели, чтобы
уменьшить удельное давление, и
тогда проходимость ТИГРА
становится сравнимой с

проходимостью танка.

Женька хохотнул, будто я сказал что-то очень весёлое и отрицательно помотал головой. Увидев, что весело только ему одному охотно пояснил.

- Жоржи к нам теперь редко ходят, отвадили. Это местные «махновцы» озоруют: вольница тут была большая. Как жоржей отогнали, они из лесов из развалин-то и повылазили. Налетают на обозы, громят комендатуры, склады продуктовые. «Вованы» их ловят, летуны сколько раз помогали их с воздуха громить, да только всех не переловишь. Да и нам своей работы хватает, жоржи только с неделю как притихли, а до этого... До сорока

атак в день, авианалёты постоянно, это как дождик, привычно уже. Наша тачанка для таких вот архаровцев особо цельнее привлекательная, взять с нас нечего, а дырок лишних навертеть можем, будьте любезны.

- Откуда тут столько людей... наших, местных?

Разговор неожиданно продолжился, когда мы забрались в стылое нутро броневика. На переднем кресле рядом с водителем был оторван подголовник, обивка вся почернела, виднелись бурые пятна засохшей крови и масла. Но ефрейтор кивнул мне назад в салон. Там, аккуратно под башней было смонтировано место

стрелка-наводчика. Женька сорвал с торпеды микрофон и тронув кнопку на блоке встроенной в неё рации отбарабанил заученно:

- Оляха, я сто восьмой! Костыль везу, встречайте на третьей кочке!.. Ты полезай к пулемёту, брат. Кресло там удобнее, да и дорога впереди так себе. Не бульвар, короче.

Рация отозвалась с привычным мне хрипом, на том конце всё поняли. Пару раз на нашу волну наезжал кто-то другой, но Женька врубил фильтрацию и посторонние голоса мгновенно ушли из канала. Рыкнув пару раз стартуя, машина пошла неожиданно мягко и вскоре мы миновав КПП вышли на широкую

бетонку, проложенную тут по всей видимости совсем недавно. Не сбавляя скорости, ефрейтор нацепил на шлем широкую коробку прибора ночного видения и выключил фары. Глаза и верхняя часть лица его скрылись под чёрной полумаской, но рот всё так же добродушно оскалился в улыбке.

- Темнота — друг молодёжи! А махновцы эти, говорят тут ещё до войны сидели. Как всё началось, они сунулись было к жоржам в помощники, да тем нахлебники не нужны. Америкашки их быстро артиллерией да танками раскатали, потом гоняли по развалинам, многих прищучили конкретно. Потом, кого к

стенке, кого газом...

- Они с амерами не пытались воевать?

-Амеры? Хм, интересное слово, сам придумал?

Селянинов без видимых усилий держал направление, хотя вокруг нас была непроглядная тьма, только изредка озаряемая далёкими всполохами за горизонтом. Чтобы поддержать невольно начавшийся разговор я коротко ответил.

- Слышал где-то, понравилось... так что там с махновцами?

- Да хрена ль им воевать-то? Консервов тьма напасена, оружие есть, бункера опять же у многих отрыты моё почтение. Меж собой

грызлись, беженцев грабили, это да. Амеров... тьфу! Понравилось мне твоё слово, брат, возьму на вооружение, а?

- Пользуйся...

- Амеров, говорю, они боятся. Сидели по норам, как могли хоронились. А как наша брать стала, тут оне и осмелели. Сначала вроде договориться хотели, только мирно жить махновцы не смогли. Раз колонну грабанули, потом в открытую на «вованов» полезли. Мы-то на операции не ходим, не по разведке эта канитель, а вот соседи из сто второй мотострелковой часто «вованам» помогают. Кореш один рассказывал, живьём эту мразь

стараятся не брать. Вешают показательно, или загоняют на минные поля...

Дорога сделала резкий поворот и мы въехали на окраину какого-то посёлка, полностью превращённого в руины. Учитывая всё сказанное Селяниновым раньше, я незаметно для ефрейтора передвинул «калаш» чуть вправо и положил автомат на колени. Место для засады было лучше не придумаешь: слева горы щебня, возвышавшиеся над дорогой метра на три, справа руины старых толстостенных трёхэтажных домиков, ещё советской постройки. Луна как назло светила ярко, подсвечивая руины и дорогу с нашей

сбавившей скорость машиной. Перекрывая прерывистый гул двигателя, я снова спросил:

- Почему в объезд не пошли?

Мельком глянув в мою сторону ефрейтор раздражённо повёл плечами и резко вывернул руль на повороте, от чего броневи́к обиженно взвыл и затрясся всем корпусом:

- А ты рубишь фишку, уважаю. Только другой дороги тут нет. Жоржи как отступить стали, мин хитрых понаставили. Тралом или миноискателем тут не пойдёшь – не чует техника их, а инженерная машина в лесу фиг развернётся. Сапёры ждут, пока «вованы»

освободятся и выделяют хотя бы роту для прикрытия и в лес не суются. Что слева, что справа – один хрен мин много, но справа ещё жоржовая авиация шалит.

- В тылу?

- А фигли нет! Там головняк большой, брат: есть тут... вернее был, конечно, городок один. Километров полтора от «передка», земля пока ничейная. Развалины, вроде этих, но само собой больше раз в десять. Тут какой-то санаторий был, дорогу прям через центр и провели, а там город почти. Жоржи его раза три уже отбивали, но комдив наш обратно брал, а потом снова жоржи. Короче, бригадная

«арта» влупила по городу так, что жоржи изо всех щелей полезли. Но комдив запретил город трогать. Решили обойти, а потом зачистить как в тылу окажется...

Дорога вышла на относительно ровный участок и джип радостно рыкнув, пошёл очень быстро. Вынув из-за уха сигарету и прикурив от настоящей золотой зажигалки «зиппо», ефрейтор продолжил:

- Ну, собрали мангруппу, свистнули танкистов из соседнего полка и после того как авиация отработала — двинули в обход городка. А тут как жахнет по площади этим их огненным рубилом, которым они по городам стреляют...

разметало всех. Танков треть пожгло сразу. А людей... третий батальон полностью выжгло, до пепла. Разборки были, комбрига в особый отдел фронта, штабных его тоже уволокли. Да только бестолку это было, как потом выяснилось.

Машина снова сбавила ход, ефрейтор зло пыхнув кислым дымком «примы», резко вывернул руль влево и броневик опять заскакал по ухабам.

-... Наводчиков мы зевнули. Они крылатые ракеты наводили из развалин, а мы прое...и!.. С тех пор вот уже вторую неделю всем взводом лазим по руинам, шестерых пацанов там потеряли. Теперь они даже эту

дорогу иногда простреливают, но через развалины эти техника жоржовая видимо не добивает. Гемор, ротный с лейтенантом нашим сегодня опять кого-то пошлют, хотя как по мне безнадёга это. Тебя тоже в этот музей потянут, как со «звёздочкой» разберёшься.

- С чем?

- Это блок тактической связи и корректировки огня. Видеокамера на шлеме и типа компьютер с крохотным экраном. Камера слева над ухом, но только их сейчас почти нету — ломаются быстро. У командиров отделений теперь они, простым солдатам не выдают, не хватает. А «комп» кто где носит, я вот

на рукав цепляю, на бушлате петли есть. Штука норовистая, но без неё никак...

Неожиданно слева глухо хлопнуло, в стёкла бросило горсть камешков и земли. Броневик тряхнуло, едва ощутимо повело вправо. Следом по броне защёлкали пули. Мгновенно оборвав разговор, Женька хлопнул по какой-то кнопке на приборной доске. Тут же экран прибора управления огнём передо мной с двумя джойстиками по бокам ожил, мигнул и тускло засветился нагреваясь. Ефрейтор быстро ткнул пальцем на грязный, захватанный дисплей когда тот моргнув засветился всеми оттенками белого и

зелёного. Экран давал картинку в инфракрасном режиме, по центру засветился тёмно-зелёный маркер перекрестья прицела. Внизу отобразились показатели дальномёра, статус оружия, количество боеприпасов. Уже не глядя на меня и вцепившись в баранку, Женька отрывисто произнёс:

- Бля, дождались, визита!... Выпасли таки суки!.. Левый «рог», это гранатомёт. Не стреляй из него, не заряжен. Правый, это пулемёт, там полный короб, но гашетка тугая – жми сильнее. Давай, братуха, чесани вдоль развалин! Там эти суки засели, не дай им высунуться!..

Джип взревел и резко прыгнул вперёд, набирая скорость. Пристегнув болтавшийся до этого ремень безопасности, я взялся за ручку управления огнём пулемёта. Тихо взыв сервомоторами башенка повернулась влево, картинка в панорамном прицеле поплыла, исказившись ещё больше. Однако скорость набрать не получалось: мы въехали на территорию усеянную горами щебня и обломков. Дорога тут шла зигзагом, петляя между развалинами домов и поваленными фонарными столбами. Несомненно устроившие засаду мародёры верно подгадали место. Разве что с фугасом не рассчитали, судя по всему он

должен был опрокинуть машину, но не вышло. Дальше всё пошло на рефлексах, думать в бою обстоятельно и законченно у меня никогда не получается. Стабилизируемый гироскопом прицел «спарки» выхватил человеческий силуэт на втором этаже разрушенного двухэтажного дома, выжав спуск, я услышал как рокотнул двумя короткими очередями пулемёт, в брезентовую горловину отбойника глухо зазвенев упали стрелянные гильзы. Белые росчерки пуль высекли каменную крошку, фигуры исчезли в белёсо-зелёном облаке пыли и кирпичного крошева. Машина рывками, то

останавливаясь, то резко беря с места рвалась вперёд. Ещё два раза я ловил в перекрестье прицела белые фигуры, пытавшиеся стрелять по машине. Оба раза пули башенного пулемёта словно плетью стегая по развалинам настигали нападавших. Ритм боя затяну, я слился с рукоятью и прицелом, до такой степени, что восклицание Женьки услышал в последний момент:

- Братуха, на три часа!.. Быстрее, бя!..

Рука сама собой крутанула джойстик вправо, картинка смазалась, превратив всё в сплошное бело-зелёное пятно. На грани восприятия мне удалось различить

смутный силуэт выросший возле кучи щебня сваленной справа от того места, где дорога делала крутой поворот и развалины заканчивались. Силуэт был похож на неправильную букву «Т». Гранатомёт, у него в руках труба гранатомёта! Другой бы на моём месте лупанул веером, не дождавшись полного разворота башни, однако же опыт взял своё и я исполнил четыре серии по пять патронов. Белые строчки крайней очереди пошли к цели, в какой-то момент слившись с фигурой гранатомётчика. Тот, начиная падать, всё же успел нажать на спуск. Звук, сопровождавший белую вспышку пуска гранаты был неслышим внутри

бронированной кабины, однако моё воображение дополнило немую сцену этим зловещим шипением реактивной струи. О, этот звук я знаю прекрасно! На один долгий миг время словно бы остановилось в той точке что отделяет жизнь от неминуемой смерти. Казалось, кто-то там, на верху подкинул кости с целью прикинуть наши с рыжим ефрейтором шансы. Слева грохнул взрыв, камни глухо загрохотали по обшивке броневика и машине дёрнувшись ещё раз словно подброшенная могучим пинком выскочила из ловушки с ходу помчавшись по открытой дороге.

- Оба-на!.. Как же жить-то

офигенно круто!..

Женька орал во всё горло, так что мне показалось, что толстые стёкла завибрировали. С трудом заставив себя не подхватить этот возглас, я разжал кулак и выпустил нагревшуюся рукоять управления огнём, откинувшись в кресле. Потом всё было без происшествий, ефрейтор ещё какое-то время говорил о всяком, но когда адреналин потихоньку рассосался, вдруг замолк. В расположении бригады мы прибыли часа в четыре утра, точнее сказать трудно. Селянинов высадили меня у какой-то траншеи, забранной масксетью, а сам уехал, только махнув мне на прощанье рукой,

указывая на эту самую яму. Но присмотревшись я с удивлением понял, что это обычный «КамАЗ» с кунгом, загнанный в яму и закрытый масксетью. Придумано довольно остроумно и практично: машина заезжает в укрытие, маскируется и в случае чего так же быстро снимается с места. Трудно обнаружить с воздуха, никаких ориентиров и привязок на местности для корректировщиков огня. Забравшись внутрь по откидному трапу, я оказался в скудно освещённой теплушке командного пункта, уставленного аппаратурой связи. В центре тесного и прокуренного до белёсых сумерек помещения, за

откидным столиком с
расстеленными на нём картами,
сидели двое офицеров. Судя по
нагрудным шевронам, это были
комроты с капитанскими
звёздочками и один из взводных
командиров — старлей. Капитан —
невысокий, коренастый, моих лет
мужик. Смуглый, с узким костистым
лицом, на котором выделялись
цепкие карие глаза. Руки его, больше
похожие на крабьи клешни, выдавали
хозяина с головой. Характерно
сплюснутые подушечки
указательного и большого пальцев
правой «клешни», это верный
признак кадрового вояки, часто
имеющего дело с автоматом. Капитан

говорил сдержанно, голос ни разу не повысил, что тоже было в его пользу, обстоятельность в командире - второе достоинство после опыта. Старлей напротив, производил впечатление человека сугубо штатского: мягкий, вежливый голос, несвойственные военному обороты речи. Разговор настолько их увлёк, что на меня некоторое время никто внимания не обращал. Перед ними стоял открытый потрёпанного вида ноутбук в бронированном корпусе с облупившейся краской. Капитан что-то показывал на экране, а молодой лейтенант только отрицательно мотал головой. Я застал только конец фразы, после которого взоры

офицеров обратились в мою сторону:

- ...Да Михал Михалыч, нет там никого! Две группы пропало, вертушки всё прочесали, развалины эти мёртвые. Скрытно подходят, а потом так же незаметно смываются. Наблюдение и радиоразведка ничего не дают!.. Тебе чего, боец?

- Рядовой Варламов, прибыл для прохождения службы после ранения В...

Капитан только отмахнулся и подхватив со спинки ввинченного в пол кресла автомат и бушлат пошёл к выходу, бросив через плечо взводному:

- Задача прежняя, Хамидулин... носом землю рой, но дай мне

коридор! Басов свои «коробки» под обстрел не поведёт. Жоржей надо прищемить. Сроку тебе пятьдесят часов. Бывай, Степан.

Проводив печальным и пасмурным взглядом командира, лейтенант поднялся и только тут я смог его подробно рассмотреть. Высокий, белобрысый парень, широкий в кости но удивительно худой. На вид лет двадцать пять, но обветренное лицо было изборождено преждевременными морщинами, а под глубоко запавшими воспалёнными голубыми глазами залегли глубокие тени. Виски уже тронуты сединой, только голос остался удивительно мягким и

молодым. Смерив меня оценивающим взглядом, лейтенант коротко представился:

- Я командир второго взвода отдельной разведроты, восьмидесятой мотострелковой бригады старший лейтенант Хамидулин. Просил хотя бы человек десять, а прислали одного. Читал ваше личное дело, много непонятного... но сейчас нет времени, через два часа ваше третье и четвёртое отделения выходят в поиск, но вы остаётесь. Обратитесь к старшине Никодимову, он всё покажет.

Пока взводный говорил, в кунг вошёл ещё один посетитель. Им

оказался среднего роста мужик с круглым опухшим лицом землистого оттенка. Однако форма и весь внешний вид выдавал кадрового вояку: аккуратная, правильно обмятая ушанка, опрятный камуфляж, чистые, насколько это возможно в полевых условиях, берцы. С левого плеча свешивается стволом вниз «весло» с прицепленным «подствольником». Оружие боевое, сильно потёртое, но ухоженное. Зыркнув на меня, старшина хотел было доложиться, но Хамидулин его остановил взмахом ладони.

- Старшина, определите рядового Варламова во второе отделение, поставьте на довольствие.

Трое суток на ознакомление с индивидуальным такткомплексом и на боевое слаживание. Учиться надо быстро, времени не вагон. Ну а там посмотрим, подойдёте ли вы нам. Вопросы?

Особо спрашивать было не о чем, поэтому я уставно отбарабанил, что мол нету вопросов и направился вслед за старшиной. Отделение к которому я был приписан, размещалось в бараке собранном на жёстком стальном каркасе из жестяных листов проложенных тонким слоем утеплителя. Барак тоже был врыт в землю по самую крышу и накрыт сверху масксетью. Отапливалась вся конструкция

малодымной печью, вроде той, что мы использовали в первые пару месяцев партизанщины. В помещении витали обычные для казармы запахи немытых тел, сырой одежды, оружейной смазки. Двухъярусные нары слева и справа, семь коек пусты, две из них закатаны наглухо матрасами к изголовью. Это значит, что владельцы мертвы. Всю эту гамму полировал сверху крепкий аромат какого-то дезодоранта. От отдушки у меня нехорошо защипало в носу с непривычки. Слева в пирамиде стоит разномастное по обвесу оружие, на противоположной стене висят гроздья верхней одежды, я сразу узнал знакомые комплекты

маскировочного камуфляжа «горка», старый но всё ещё исправно служит, как видно. Вся снаряга грамотно уложена: чтобы взять и одеть нужно минимум времени, значит действительно есть шанс выжить. Неумех определяю именно по тому как и где лежит снаряжение с оружием, тут всё в порядке, по крайней мере на первый взгляд. К нам подошёл плотный, невысокий парень в мятой полевой форменке с шевроном старшего сержанта. Круглое лицо, курносый нос, коротко стриженные с заметной сединой у висков чёрные волосы и внимательные, глубоко запавшие зелёные глаза. Увидев старшину,

парень молниеносно вскочил и отдал рапорт, однако без суеты, что мне тоже понравилось:

- Товарищ старшина, первое отделение занимается по уставу согласно распорядка, больных и раненых нет. Готовы к выводу на позиции по сигналу «костёр». Второе отделение вышло в поиск два часа назад. Командир первого отделения — старший сержант Улюкаев!

Старшина только отмахнулся, быстро передал меня сержанту с рук на руки и вышел. Улюкаев оценивающе осмотрел с ног до головы, зацепившись взглядом за «раскладушку» удивлённо двинул

- Никак нет, товарищ старший сержант. Я из беженцев, был в окружении, потом ранение, госпиталь, теперь вот к вам.

- Ясно. Кем был до войны, почему тебя в разведку приписали, старик? У нас кого попало не держат. Я полгода на срочной в разведбате сто тридцатой МСД отслужить успел. Эдик у нас из моряков-балтийцев, тёртый парень. Паша в сапёрах ещё дембель не отгулял как жоржи на нас полезли. Остальные тоже пацаны грамотные, бывалые, а вот ты-то кто?

Разговор сворачивал в тему, продолжением которой обычно идут фокусы с рукопашкой, метанием ножа и виртуозным владением

каким-либо видом оружия. Ни к одной из перечисленных забав после дорожной заварухи душа не лежала. Да и стоит ли открывать душу тем, кто завтра вполне может закончить закатанным к изголовью матрасом? Поэтому сделав и без того непроницаемое лицо ещё более «кирпичным», я слегка пожал плечами:

- Мне приказали, я пошёл. До войны работал в охране, возил всякую всячину от золота до унитазов. Срочную служил в пехоте, был командиром отделения. Звание при увольнении в запас – старший сержант. Стреляю неплохо, немного знаю минно-взрывное дело, свободно

говорю по-английски. Может поэтому и приписали к вам. А вообще, канцелярии виднее, я особо не просился в разведку.

Улюкаев недоверчиво хмыкнув, показал мне на верхнюю пустую шконку у левой стены барака.

- Ну-ну. Располагайся, даю пять минут на обустройство, потом подойдёшь, перепишем номера твоего трофейного «динозавра». Заодно получишь «звёздочку» и робу маскировочную. С такткомплексом разобраться помогу, а робу сам подгоняй. Размеров твоих теперь нету, есть только взросляк, не взыщи...

Знаменитая «звёздочка» или

боевой тактический комплекс связи «Звезда-ЗМП», мне достался уже не новый, судя по записям в журнале я уже шестой его владелец. Он представлял собой устройство ввода данных в бронированном стальном корпусе с несколькими рядами кнопок и монохромным дисплеем. В одном месте была заметная вмятина, даже думать не хотелось от чего она. Также прилагалась коротковолновая радиостанция со встроенным шифратором частот, автоматный коллиматорный прицел и лазерный целеуказатель сопрягаемые с устройством ввода беспроводным соединением. Согласно потрёпанной инструкции, для подсветки цели

нужно навести прицел на неё или приблизительное место где замечен противник. Если цель видна ясно, прибор распознает её сам и передаст данные командиру, а оттуда в штаб или приданным подразделениям поддержки. Если же цель не видна, то дальномер передаст координаты, а код цели нужно вводить вручную. Кодовая таблица включала в себя страничку текста, названия были предельно просты, я запомнил их практически сразу. Прицел оказался простым, типа «красная точка», без баллистических меток — навёл и стреляй. Весь обвес отлично встал на «калаш», а гарнитуру с наушником и ларингофоном удалось пристроить в

карманы «горки» и надёжно там закрепить. Кстати «горка» тоже попалась ощутимо ношенная, но чистая, что радовало. Выпростав из рюкзака прихваченные на одном полустанке обтрёпанные камуфляжные куртку и штаны, я принялся распускать их на ветошь. Разведчики с любопытством наблюдали за тем, как я соорудил накладки на берцы, автомат и вырезал из спинного лоскута куртки маску на лицо. Спустя час, когда с поста наблюдения вернулось ещё два бойца – Игорь и Андрей прозванный Длинным. Что разведчики сидели на фишке, было видно сразу: лохматые накидки, но фабричные, не самопал,

скатанные коврики-подстилки у пояса, а старший бережно несёт обёрнутую маскировочными чехлами рогатку стереотрубы. Ничего за семьдесят лет не изменилось, спутники и роботы не заменяют зоркости глаз обычного человека в окопе. Когда ребята вошли, я уже закончил подгонять снарягу. Нацепив получившийся костюм, присел, попрыгал на месте. Прошёлся туда-сюда под восторженный ропот разведчиков и неспеша стал разоблачаться. Улюкаев подошёл в тот момент, когда я уже заканчивал укладку «горки» в плотный тюк, чтобы если что можно было одеть его очень быстро. Сержант смотрел со

знакомой мне смесью недоверия и интереса, к которым я привык по общению среди «туристов». Без лишних предисловий он спросил:

- А этому, тоже в охране научился? Ты имей ввиду, Варламов – имущество казённое портить не дам.

Ответил я практически не кривя душой, однако пояснять ничего особо снова не стал, не люблю пустых разговоров.

- Не будет никакой порчи, все накладки можно за десять минут спороть. Ну а что касается вопроса, тут всё просто. В армии научился, когда на контракте был. Маскировка вещь нужная, вон бойцы-то на передке тоже не в бушлатах сидели.

- Накидки эти по очереди носим, две всего на отделение выдали. Ладно у тебя это получилось, Варламов. Давно «контрабасил»?

-Давно... лет десять назад. А про накидки, это поправимо, лишь бы ветошь подходящая нашлась. Если нужно, могу научить, товарищ старший сержант...

Однако подход оказался не верным: неожиданно, Улюкаев воспринял моё предложение как некий утончённый подкол и жёстко оборвав разговор приказал заниматься изучением матчасти. Остальные разведчики приняли сторону командира, хотя потом

исподволь поглядывали в мою сторону с любопытством. Обижаться на такой поворот событий смысла не было, тем более, что пошивом собственного балахона сержант не запретил. Следующие двое суток. Прошли довольно быстро, всё моё время заняло изучение принципов работы новой снаряги. Со скрипом, удалось наладить общение с остальными бойцами, а с будущим старшим разведчиком моей «тройки», даже появился некий намёк на взаимопонимание. Это был высокий, нескладного вида молодой парень с угрюмой, удлинённой физиономией. Звали его Эдик Аникеев, тот самый моряк-балтиец.

Он здорово помог разобраться с использованием «звёздочки» и втихаря пошил себе такое же лохматый костюм как у меня. В процессе, удалось немного узнать о том, как моряк попал к нам. Оказалось, что война застала его в увольнении, парень гулял по Питеру в компании сослуживцев как раз в тот самый момент, когда начался ракетный налёт на базы Балтфлота. Им удалось пересидеть обстрел и последующие пару дней в подвале какого-то дома. Их, оголодавших и оглохших от непрестанной канонады нашёл военный смешанный патруль. Их эсминец получил серьёзные повреждения и затонул.

Командование сформировало три полка морской пехоты из числа офицеров и матросов с потопленных кораблей. Эдик освоил ручной пулемёт и вскоре попал в разведывательно-диверсионный батальон капитана второго ранга Мельникова. Месяц Аникеев с товарищами ходил в рейды по американским тылам, где и заслужил свой позывной – Угрюмый. Дело в том, что из-за контузии Эдик стал заикаться, а чтобы последствия не были так очевидны, перестал длинно говорить, в коротких, рубленых фразах дефект почти не был замечен. Мы сразу же договорились, что зовём друг друга по прозвищам. Чтобы в

бою не путаться и не отвлекаться на уставные условности. Узнав, откуда взялся мой позывной, Аникеев только понимающе кивнул, тактично не став расспрашивать подробнее. В ответ на откровенность, он рассказал об особенностях войны в блокадном Питере, правда, совсем немного. Против них с самого начала стояли ударные части группы «Северо-запад», только на треть состоящие собственно из американских подразделений. Основную ударную силу составили финские, норвежские и прибалтийские части. Последние, занимались только санацией, в боях на передовой не участвовали. Лучше всех воевал норвежский армейский

спецназ «Херен Ягеркоммандо» 14
Имеется ввиду один из самых
боеспособных сегментов Коалиции.
А именно реально существующий
отряд норвежских сил специальных
операций – NORSOF. Норвежские
диверсанты тренированы и обучены
именно для рейдов в глубокий тыл
противника, более того, их
натаскивали именно на бои в
условиях российского севера и
северо-запада. Из достоверных
источников автору известно, что
бойцы данного подразделения
прекрасно говорят по-русски, в
совершенстве владеют боевой
техникой и стрелковым оружием
советского-российского

производства. Примечательно, что во время операций в Афганистане ликвидацию наиболее опасных полевых командиров поручали бойцам именно этого подразделения, поскольку US Special Operations Command официально признало: уровень подготовки норвежских диверсантов намного выше чем в их хвалёной "Дельте" и у "Морских котиков".

Подразделение	Haerens
Fallskjermjegerskole	(HFJS),
предшественник	нынешнего HJK,
было сформировано в 1962 году как	
тренировочный центр для обучения	
обычных военнослужащих армии	
Норвегии парашютному делу. В 1966	

и 1967 гг. школа, дислоцированная в Трандуме близ Осло, начала обучение своего собственного подразделения fallskjermjegertrupp – парашютного взвода, предназначенного для разведки и диверсий в тылу врага, на территории за пределами досягаемости обычной конвенциональной армии. Штат взвода был набран из рядовых после одного года службы. Одновременно школа изменила название на Haerens Jegerskole.

В настоящее время бойцы подразделения часто используются в совместных с полицией антитеррористических операциях. MJL традиционно имеет скромный

бюджет благодаря своей
малочисленности. В 1997 году МЖК
(еще в 1991 [14]. Угрюмый мельком
упомянул, что норвеги воевали году
МЖЛ было переименовано в
Marinejegerkommandoen – МЖК)
состояла из 40 человек постоянного
состава, в случае мобилизации
расширяясь до 160 бойцов. В НЖК (в
1997 году НЖС также было
переименовано, получив новое имя
Haerens Jegerkommando – НЖС)
постоянный состав – 90, и в случае
мобилизации – 210 человек. Штаб-
квартира НЖК в 1997 году была
перенесена в армейский лагерь в
Рене (Rena) под Остердаленом
(Osterdalen). Термин NORSOF был

впервые использован для обоих подразделений во время операции в Афганистане в 2001/2002 гг., и сейчас это название уже прижилось. В 2006 году HJK было официально переименовано в Fosvarets Spesialkommando/ Haerens Jegerkommando (FSK/HJK), под этим именем подразделение и фигурирует в романе.

14 Имеется ввиду один из самых боеспособных сегментов Коалиции. А именно реально существующий отряд норвежских сил специальных операций – NORSOF. Норвежские диверсанты тренированы и обучены именно для рейдов в глубокий тыл противника, более того, их

натаскивали именно на бои в условиях российского севера и северо-запада. Из достоверных источников автору известно, что бойцы данного подразделения прекрасно говорят по-русски, в совершенстве владеют боевой техникой и стрелковым оружием советского-российского производства. Примечательно, что во время операций в Афганистане ликвидацию наиболее опасных полевых командиров поручали бойцам именно этого подразделения, поскольку US Special Operations Command официально признало: уровень подготовки норвежских диверсантов намного выше чем в их

хвалёной "Дельте" и у "Морских котиков".

Подразделение Наеренс
Fallskjermjegerskole (HFJS),
предшественник нынешнего НЖК,
было сформировано в 1962 году как
тренировочный центр для обучения
обычных военнослужащих армии
Норвегии парашютному делу. В 1966
и 1967 гг. школа, дислоцированная в
Трандуме близ Осло, начала обучение
своего собственного подразделения
fallskjermjegertrupp — парашютного
взвода, предназначенного для
разведки и диверсий в тылу врага, на
территории за пределами
досягаемости обычной
конвенциональной армии. Штат

взвода был набран из рядовых после одного года службы. Одновременно школа изменила название на Naerens Jegerskole.

В настоящее время бойцы подразделения часто используются в совместных с полицией антитеррористических операциях. MJL традиционно имеет скромный бюджет благодаря своей малочисленности. В 1997 году МЖК (еще в 1991 году MJL было переименовано в Marinejegerkommandoen – МЖК) состояла из 40 человек постоянного состава, в случае мобилизации расширяясь до 160 бойцов. В НЖК (в 1997 году НЖС также было

переименовано, получив новое имя Haerens Jegerkommando – HJS) постоянный состав – 90, и в случае мобилизации – 210 человек. Штаб-квартира HJK в 1997 году была перенесена в армейский лагерь в Рене (Rena) под Остердаленом (Osterdalen). Термин NORSOF был впервые использован для обоих подразделений во время операции в Афганистане в 2001/2002 гг., и сейчас это название уже прижилось. В 2006 году HJK было предельно жёстко, если не сказать жестоко. С трудом мне удалось разговорить парня. Сидя напротив меня, Угрюмый подшивал изнанку своей «горки» и тихо рассказывал:

- ... Мы тогда из города партию беженцев перевозили. Есть там местечко такое – Тосно. Служба тыла выделила два десятка трофейных грузовиков, а с фронта сняли два неполных взвода пехоты и придали взвод танков для сопровождения. Ну, сформировали колонну, да пошли. По ночному времени не останавливались, я с ребятами лазил вперёд, по флангам шарил, вроде чисто шли. На третьи сутки, наскочили на непонятный джип, при нём человека три-четыре. Шмальнули они в головной танк противотанковой ракетой, тот не загорелся, но встал, гусянку сбили. А эти шустрые тут же завязали бой но

мы их выдавили в лесополосу. Фланг левый развернули на всякий случай, так и шли где-то с полчаса. Те снова налетели...

- Но с другой стороны, или с тыла?

Эта фраза невольно вырвалась у меня, вызвав мрачный утвердительный кивок Эдика. Замолчав ненадолго, он вынул из кармана штанов измочаленный от частого использования резиновый ручной эспандер и крепко сжав чёрный кругляш продолжил рассказ.

- Верно. Мы тогда тоже не насторожились, снова отбились и пошли дальше. Правда и выбора особого не оставалось: триста

гражданских из которых половина дети младше восьми лет, а остальные это старики и женщины... У переправы через какую-то мелкую речку, официально переименовано в Fosvarets Spesialkommando/ Haerens Jegerkommando (FSK/HJK), под этим именем подразделение и фигурирует в романе.

норвеги взорвали понтонный мост, который навели для нас сапёры. Командир охранения приказал стать лагерем на два часа, покуда сапёры наведут переправу, а «вованы» прочешут противоположный берег. А потом началось. В расположении разорвалась ракета, судя по всему

наведённая диверсами, затем сразу с трёх сторон ударили замаскированные противотанкисты и сожгли все три танка. По грузовикам с беженцами начали работать автоматические гранатомёты. Группу управления и командира положили снайпера. Это продолжалось минут тридцать, не больше. Когда «вованы» подошли, норвеги тут же снялись и ушли почти без потерь. Беженцев уцелело едва ли четверть от того количества что вышли из Питера. Как я узнал потом, многие умерли от ран, выжило около ста человек, может чуть больше.

- Как узнали, что это норвеги, а не кто-то другой, мало ли у амеров

таких вот ухорезов?

Угрюмый мрачно усмехнувшись, полез в карман куртки и достал оттуда обгоревшую по краям игральную карту и подал мне. На чёрной «рубашке» был изображён расколотый стилизованной молнией человеческий череп, а с изнанки на меня смотрел наглыми глазами уродец в цветном шутовском колпаке, в обрамлении той самой надписи выведенной чёрными готическими буквами: «Херен Ягеркоммандо» и чуть ниже по-английски: «Мы – твоя смерть!»

- Визитку они оставили на трупе командира конвоя. Его тело выкрали в суматохе и прикрутили проволокой

к сосне, а под ноги бросили эту «визитку».

- Сквитаться получилось?

Забрав у меня карту, Угрюмый отрицательно покачал головой. История разбредила старую рану, но пересилив себя он всё же пояснил:

- Нет. В Питер мы потом не вернулись, город окончательно взяли в кольцо, а мы с разбитыми частями отступили с боями к Нижнему Новгороду, оттуда через всю страну сюда. Но если жив буду, счёт норвегам предъявлю...

...Первый боевой выход выпал как раз ровно через сутки после этого тяжкого разговора. Из поиска первое отделение вошедшее в состав

очередной разведгруппы, так и не вернулось. Руины словно бы проглотили разведчиков, группа успела доложить о выходе на южную окраину в район гаражного кооператива «Рассвет», после чего связь прервалась. Наблюдатели не засекли ни единого выстрела, всё было тихо и в радиоэфире. Разведчики молчали, даже по истечение контрольного срока в пять часов. А через сутки, ракетному обстрелу снова подверглась мангруппа танковой бригады пытавшаяся передислоцироваться как раз в юго-восточном направлении, ввиду городских развалин. Хмурый лейтенант

Хамидулин лично пришёл к нам в казарму и нервно осведомившись у Улюкаева как там мои успехи в освоении техники, приказал готовить группу в ночной поиск, назначив его старшим. Нашу с Угрюмым тройку определили в резерв, Улюкаев всё ещё не доверял новичку, за что его трудно винить. Я бы тоже поступил так, но всё же на душе было не спокойно. Тактблок пискнул и после секундного ожидания на монохромном дисплее появился маршрут и перечень пунктов боевой задачи. Согласно приказу, в течение двух часов предстояло достичь развалин торгового центра «Элит», закрепиться в здании и начать

разведку местности, по возможности
выяснить судьбу пропавшей РДГ.
Наше поведение напоминало
бодание глупого барана с бетонной
стеной. Маршрут снова был
проложен от передового укрепрайона
к южной окраине, только в обход
гаражного кооператива. Логика
командиров предельно ясна: рано
или поздно, противник себя
обнаружит и кому-то из нас повезёт.
Выдвигаться предстояло в ноль
часов, а к ноль двум уже выходить к
торговому центру, который хорошо
просматривается с позиций
четвёртого взвода мотострелков,
развёрнутой в укрепрайоне 216-ой
бригады. Значит, противник не

рискнёт оборудовать там пост наблюдения, велик риск обнаружить себя. Плохо другое – амеры тоже об этом знают и выдвигаться с этого направления будет ошибкой. Вызвав на экран план трёхмерный план квартала, я слегка перевёл дух. Похоже, с базой командир не ошибся, обзор на все стороны оттуда неплохой, есть куча точек для оборудования позиций, даже гранатомёт можно поставить на третьем этаже и тогда с севера фиг кто пройдёт. Подходов опять же всего два, прикрыть их минами вообще плёвое дело. Группа состояла из трёх отделений, одно из нашего и два из первого взвода. По поведению

бойцов и тому как они обменивались малозначимыми фразами стало ясно, что в поиск идут в таком составе не в первый раз, а лишний тут только я. Но после того, как все увидели как я экипировался, проклюнувшиеся было смешки стихли. Улюкаев, облаченный в «горку» с накидкой, бегло, но внимательно осмотрел выставленные перед строем рюкзаки и оружие, внятно довёл задачу и пояснил конкретные задания для «троек». Нам с Угрюмым и ещё одним рядовым отзывавшимся на прозвище Воротник, предстояло занять позиции для прикрытия в здании торгового центра и ждать дальнейших приказов. Воротник был

оператором наблюдения, я его ангелом-хранителем. Угрюмый прикрывал возможный отход основных подгрупп, поскольку как нетрудно догадаться был пулемётчиком. Он бережно баюкал свой штатный «ручняк», время от времени поправляя лямки рюкзака с боекомплектom. По штату на вооружении взвода стояло несколько моделей ручных пулемётов, Эдик предпочитал «печенег» [15], 15 Единый ручной пулемёт – ПКП "Печенег М". Он был разработан в ЦНИИ Точного Машиностроения РФ, в качестве дальнейшего развития штатного армейского пулемета системы Калашникова, с которым

имеет 80% унификацию по основным узлам. В настоящее время пулемет Печенег прошел армейские испытания и состоит на вооружении ряда подразделений армии и МВД.

Основной задачей при создании ПКП "Печенег", было увеличение эффективности огня и избавиться от такого недостатка большинства современных единых пулеметов, как необходимость в сменном стволе. Результатом работ инженерно-конструкторской группы стало создание ствола с принудительным эжекционным воздушным охлаждением. Ствол имеет специально рассчитанное наружное ребрение и заключен в

металлический кожух. При стрельбе пороховые газы, с большой скоростью выходящие из дула ствола, создают в передней части кожуха эффект эжекционного насоса, протягивая холодный воздух вдоль ствола. Воздух забирается из атмосферы через окна в кожухе, выполненные под рукояткой для переноски, в задней части кожуха. Таким образом, удалось достигнуть высокой практической скорострельности без необходимости замены ствола — максимальная длина непрерывной очереди составляет порядка 600 выстрелов — т.е. три коробки с лентами по 200 патронов, или стандартный носимый

боекомплект. При ведении затяжного боя пулемет может выстреливать до 1000 патронов в час без ухудшения боевых характеристик и уменьшения ресурса ствола, который составляет не менее 30 000 выстрелов. Повышение эффективности огня, в сравнении с ПКМ, составило от 150% при огне со станка до 250% при огне с сошек.

Из недостатков: дульный тормоз способствует образованию значительного по размерам огненного факела при стрельбе; Также от нагрева ствола до ярко-вишнёвого цвета, образуется яркое свечение. Эти два фактора способствуют преждевременному

вскрытию позиции пулемётного расчёта противником. Учитывая данные замечания военных, недостатки были частично устранены(новый дульный тормоз рассеивает вспышку и выхлоп при ведении огня), был внесён ряд мелких усовершенствований. повышающих удобство при обращении с пулемётом. Доработанная модель поступила в войска. Модифицированный вариант "Печенега" используемый героями романа, имеет одной из последних предвоенных модификаций. Приготовившись по возможности к любому развитию событий, я снарядил пять магазинов обычными

патронами, а три набил дозвучившими. Стараясь разгрузиться, жратвы, кроме четырёх больших калёных до черноты ломтей ржаного хлеба вообще брать не стал. Вместо пайка взял большую трёхлитровую флягу с подсолённой водой. Ёмкость удалось выменять у Воротника, на два тюбика сгущёнки, молодой ещё пацан, душу был готов продать за сладкое, я обменял без сожаления, ибо не сладкоежка. Раздражало то обстоятельство, что на складе не нашлось ни одного нормального пистолета. Было четыре простых «макарки», две трофейных «береты» и одна китайская подделка под американский «кольт», но при

отстреле ни один особо не впечатлил, в бой с таким не ходят. Ножей само собой тоже никто не припас, поэтому взял обычный штык-нож от «калаша» и с грехом пополам направив скверный клинок до приемлемого состояния, пристроил его на левую руку, где я традиционно делаю клапан под ножик. Если особо не геройствовать и орудовать с умом, штык-нож штука неплохая, однако без пистолета было реально некомфортно. Дело в том, что из «калаша» с навинченным тихарём долго стрелять нельзя - глушитель штука крайне капризная, а враг не станет ждать, пока я его свинчу. Однако делать нечего и когда

прозвучала команда , я взвалил на плечо плоский прямоугольный кофр с нашими глазами — смешным летательным аппаратом по прозвищу «Груша» [16] и пошёл грузиться в джип.

место быть в действительности, однако мне неизвестно устранены ли недостатки конструкции массово.

16 БПЛА 421-08 "Груша".
Рабочая дальность — 5-10 км,
рабочая высота — 100-500 ... Путь от
дозорного окопа, соединённого с
позициями укрепрайона
замаскированным и узким до
невозможности ходом сообщения, мы
проделали в полном молчании. Два
раза прошла тестовая команда

«внимание», а потом полное молчание. Каждому перед выходом выдали громоздкий прибор ночного видения, но он помогал мало: зеленовато-белая гамма слегка действовала на нервы своим однообразием, да и сам прибор ощутимо давил на глаза своим весом. Короткими рывками, чаще всего ползком по пристывшей до каменного состояния грязи, мы вышли к оплавленным развалинам обычной пятиэтажки. Тут группа распалась на две неравные части: тройка передового дозора метнулась вперёд по улице, а остальные рассредоточились вдоль обломков стены ожидая приказа двигаться

дальше. В наушнике тихо, канал дозора замкнут на Улюкаева и только он слышит что и как. Минут десять мы с большими задержками шли сначала на северо-запад, всё круче забирая влево, чтобы обогнуть гаражный кооператив где оборвалась связь с разведчиками сутки назад. Через ноктовизор окружающий пейзаж казался ещё более тревожным, оптика не оставляет места полутонам, картинка распадается на резкие, контрастные мазки и трудно углядеть что-либо, пока нет движения...

метров. Скорость – 80/120км/ч. Вес комплекта оборудования – 11,5кг. Препятствием для работы

может служить только ветер, чья скорость при запуске не должна превышать 12 м/с (порывами до 15 м/с). Время непрерывного нахождения в воздухе также зависит от метеоусловий: от 3 часов (ветер, дождь) до 7-8 часов (хорошая погода, безветрие). Расчёт – 2 человека. В последних модификациях имеются тепловизор, улучшено сопряжение с системой тактического управления звена "Стрелец" (прообраз которой выведен в романе как такткомплекс "Звезда 3М"). Аппарат освоен и применяется в войсках РФ с 2009г.

- Группа вперёд! Ориентир два – автобусная остановка, правый фланг триста метров.

Снова бег, по хрустящей от щебня улице до большой воронки на дне которой скопилась застывшая вода. Впереди справа уже виднеется выгнутое подковой разрушенное здание торгового центра. Осторожно вынув из бокового кармана куртки трофейный прицел, я осматриваю развалины сдвинув ноктовизор вверх. Картина открывалась несколько иная, нежели на плане. От обстрелов пострадала крыша и верхние два из пяти этажей здания. Крыша обвалилась внутрь перекрытия верхних этажей «ёлочкой» провалились внутрь. Уцелел восточный угол крыши и две комнаты под ней. Таким образом на крышу

можно подняться с третьего этажа либо по пожарной лестнице, либо на тросе. Парковка и площадь перед нами завалены щебнем и остовами машин, так что в случае чего можно пройти от укрытия к укрытию, даже под огнём с верхних этажей.

- Старый!.. Кофр не тряси, там защёлки слабые...

Это оператор нашей «леталки», лежащий рядом и зябко кутающийся в поднятый воротник бушлата, прошептал обеспокоенно. Парень шёл за мной как привязанный, чуть ли не наступая на пятки, его страх и волнение ощущались почти физически.

- Не уроню, расслабься. Как

побежим, не отставай.

-Угу, понял.

Между собой, разведчики прозвали меня «Старым», видимо за почтенный по их меркам возраст и ещё за то, что держался я обособленно. Некое подобие дружбы с Угрюмым в глазах молодёжи только подтвердила мой статус нелюдимого старичка. Только Эдик звал меня как раньше в отряде – Ропшей, остальные нет-нет, да и подкалывали, намекая на очевидную всем отличительную черту...

- Вторая и третья, вперёд! Ориентир шесть-один, левый фланг, двадцать два метра!

Голос Улюкаева был напряжён,

но команды звучали уверенно. Значит дозорные обшмонали здание и можно заходить. Поднявшись вслед за Угрюмым, я побежал вперёд, стараясь внимательно смотреть под ноги и по сторонам. Мины и растяжки ставят все, часто бывает так, что наши и амеровские «гостинцы» и растяжки стоят рядом. За долгих пять минут мы миновали захламлённую площадь и скопившись слева у входа в вестибюль замерли у стены. С пролёта заваленной мусором лестницы мигнул огонёк фонаря, вскинув автомат, я в прицел увидел белый треугольник на капюшоне накидки, который видно только в

ноктовизор. Это Зингер, снайпер из дозорной группы, с облегчением опускаю ствол вниз, остальные тоже вроде расслабились.

- Вторая и первая – ко мне, четвёрочка - на верхотуру. Воротник, Старый, в темпе запускайте птичку. Угрюмый, выбери позицию с сектором на юг и юго-запад, глубина Где сесть решай сам. На всё вам десять минут. Выполнять!..

На крышу мы с Воротником забрались относительно легко, по остаткам сохранившейся лестницы пожарного выхода. Ветер, такой тихий внизу, тут разгулялся в полную силу, я едва удерживал планер в руках, пока Воротник разворачивал

ноутбук двумя этажами ниже. Моторчик завёлся с поборота, в свисте порывов ледяного ветра его жужжание практически не было слышно. В довершение всего стала пробрасывать мелкая, колючая снежная морось. Наконец, по его сигналу я запустил эту доску подкинув её вверх. Подхваченный ветром аппарат крутанувшись в завихрении ветра выравнился и неожиданно резво стал набирать высоту. Тут же в наушнике раздался повеселевший голос Воротника.

- Нормально, есть отрыв! Спускайся, Старый...

Спустившись на пару этажей вниз, я увидел как работает техника

от которой раньше приходилось только прятаться. Оператор расположился на закрытой от всех ветров лестничной клетке, между третьим и четвёртым этажом. Станция представляла собой неубиваемый, одетый в многослойную броню ноутбук, с какой-то незнакомой мне операционной системой, видимо специально для него разработанной. Воротник склонившись над компьютером что-то быстро отстукивал на клавиатуре. Вдруг на экране всплыло окошко, закрывшее собой его большую часть. Чёрно-белая картинка отображала улицу перед торговым центром. Введя

какую-то команду, Воротник бросил в пространство перед собой только одну фразу:

- Здесь Воротник, пошла синхронизация данных...

Тут же отозвался Улюкаев, голос его звучал напряжённо и мне слышались нотка облегчения, хотя вой посторонних помех в канале был выше обычного.

- Группа внимание! Принимайте данные для синхронизации.

С задержкой в доли секунды моя, а следом и воротниковская «звёздочки» издали тройной тоновый писк и на экране появилась надпись: «синхронизация общего потока данных и видеопотока, внимание!».».

Обернувшись на долю мгновения через плечо, Воротник посоветовал:

- Гляделку на глаза накинь, там сейчас кино начнётся...

Спустившись вниз, я осмотрел подход к позиции оператора и убедился, что подобраться к Воротнику и его аппаратуре можно только от лестницы между потрескавшейся стеной и рухнувшим перекрытием. Здание большое, а прикрывать нужно ещё и Угрюмого. Вынув из поясного подсумка две надёжные «эфки» [17], моток лески и пару медицинских иголок, я соорудил двойную растяжку, отметив её наличие на тактической карте и передав данные Воротнику и

Угрюмому. Получилось надёжно, иголка вставленная в запал вместо обычной чеки легко выскользнет и сопротивления при натяжении лески не будет. Способ старый, но действенный, когда ничего другого под руками нет. 17 Оборонительная ручная граната советского производства "Ф-1", в обиходе – "фенька". Простота и надёжность позволили изделию пережить две больших мировых войны и кучу локальных конфликтов. Ф-1 предназначена для поражения живой силы противника осколками и ударной волной. Разработана конструктором Ф. И. Храмеевым в 1939 году на базе французской

гранаты F.1 системы Лемона (отсюда её прозвище "лемонка", также по характерной форме). Граната до сих пор состоит на вооружении Российской армии. Из наиболее распространённых мифов наиболее курьёзный: дикая убойность "эфки" такова, что на двести метров от её осколков всем хана. Это от превратного толкования инструкции по применению гранаты. Разлёт осколков и радиус сплошного поражения — суть две больших разницы. Поражение от подрыва идёт от силы ударной волны и ранений наносимых поражающими элементами чугунной "рубашки" гранаты. И того и другого в ручной

гранате не слишком много, поэтому убить или сильно покалечить может лишь на близком расстоянии. Само собой, что осколки полетят дальше, некоторые улетают и на 200 метров, но серьёзных увечий и ранений они нанести на таком расстоянии не могут.

ТТХ: Масса снаряженной гранаты 600 гр. Масса взрывного заряда –60 гр. Средняя дальность метания: 35-45 метров. Время горения запала: 3,2 – 4,2 сек. Радиус сплошного поражения живой силы осколками около 2-5 метров.

Гранаты я замаскировал и расставил так, что взрыв будет сдвоенным и накроет осколками

метров пять тропинки, с
гарантированным поражением двух-
трёх человек.

- Воротник, это Старый... По
ковру не ходи, лучше трос накинь и
спустись по нему.

- Принял, Старый...

Спустившись ниже и
заминировав обычной нажимной
противопехоткой выход с лестницы
на третий этаж, я осмотрел издали
позицию пулемётчика. Эдик
устроился на третьем этаже
комфортно. Угрюмый разместил
пулемёт на холме из мусора и щебня
так, что мог простреливать и
парковку и два квартала в том
направлении, куда вышли три

основные подгруппы. Окна и часть пола на этаже перед позицией отсутствовали, а стены вокруг давали густую и глубокую тень. Угрюмый лежал на утащенном откуда-то куске дивана, обтянутого когда-то красным кожзаменителем. Скрытая лохматым костюмом и специально набросанным мусором, его фигура практически полностью слилась с окружением. Предупредив его о поставленной на лестнице мине, я снова спустившись вниз, установил на втором этаже ещё две растяжки и надвинув ноктовизор на глаза, устроился в вестибюле за смолотой в некий клубок грудой мебели и щебня. Кино, обещанное

Воротником, было обычным наложением пиктограмм, отображаемым поверх вида из глаз. С помощью какой-то программы, я теперь знал где находится каждый боец группы, их местоположение передавалось на мой тактблок соединённый с «ночником» по беспроводному каналу. Теперь осталось самое неприятное — поставить в секторах несколько мин, и сделать это нужно быстро. Забрав оставленный сапёрами из второй подгруппы мешок в котором был уложен десяток противопехотных мин и машинка для дистанционного подрыва, я вышел из здания и перебираясь от разбросанных по

парковке и прилегающей площади горелых остовов машин, поставил все гостинцы тремя небольшими группами. Попутно прикинув, что для скрытного приближения к торговому центру удобнее всего подходить с северо-запада, там я поставил четыре мины с наиболее широким сектором поражения. Маскировать закладки особо не стал: к утру так и так уходить, а в темноте, даже с ноктовизором среди гор мусора эти небольшие прямоугольники будет очень сложно разглядеть даже на расстоянии вытянутой руки. Проверив питание машинки и пощёлкав переключателем каналов, вернулся в

вестибюль, где пронизывающий ветер всё же задувал не так сильно. Всё это время никаких происшествий не было, что давило на нервы всё более ощутимо. Сейчас все три основные подгруппы медленно продвигались на юго-восток. Отключив мешающую мне кутерьму из пиктограмм, я поудобнее устроился в глубине зала и постарался внимательно осмотреться. Сектор обстрела охватывал северо-западный угол парковки и какой-то переулок с огрызками разрушенного почти до фундамента пятиэтажного дома. Ветер тут внизу почти не ощущался, но снежная крупа, сыпавшая

щедрыми зарядами с разных сторон, сильно снижала глубину обзора. Ветер гонял обрывки мусора, что пару раз заставило серьезно поволноваться. В основном канале по прежнему было тихо, подключив на короткое время опцию дополненной реальности я взгляделся в карту района: первая и вторая подгруппы разделились и шли параллельно по соседним улицам, прикрывая третью, досматривающую гаражи. Так продолжалось добрых полтора часа. Вокруг стояла поразительная тишина, кроме завываний ветра, обычных для войны звуков практически не было слышно. Только на западе вспыхивали

всполохи зарниц, да раздавалось глухое ворчание артиллерийской канонады. Вдруг ожил общий канал, сообщая всем голосом Угрюмого:

- Единичка, движуха справа сто от вашей позиции... три... нет, пять карандашей! Чёрт, двойка, на шесть часов, удаление пятьдесят!.. Тройка, вас обходят, справа сорок пять! Ориентир- поваленный фонарный столб, шесть целей!..

- Угрюмый, никого не вижу, уточни ориентир!..

Сняв ноктовизор, я глянул на экран тактблока и понял, что сейчас повторяется история предыдущей группы. На карте вдруг появилось более десятка квадратных

пиктограмм, которые брали в кольцо подгруппу Улюкаева. Определив где находится командир, амеры отсекли его от остальных, которым тоже приходилось несладко. Ещё два десятка пиктограмм отрезал второй подгруппе путь на соединение с окружаемой пятёркой Улюкаева. Перекрывая свист ветра, слышалось чёткое эхо перестрелки, ухнуло один за другим два взрыва. Сверху дробно застучал пулемёт Угрюмого.

- Воротник — единичке, под крылом «птички» сильный свет... Пятнадцатый квадрат, левее ориентира семь!.. Бля, вашу ж мать!.. Птичка падает, теряю управление!..

Воротник засёк какой-то большой всплеск радиообмена, который даёт только стационарная станция спутниковой связи, похоже мы нашли то, что искали. Значит, я всё-таки оказался прав и амеры никуда из города не уходили. Вдруг мигнул и погас экран тактблока, пропала короткая связь. Одновременно ожили развалины в переулке слева. Протерев линзу прицела и перехватив автомат поудобнее я замер, нужно подождать.

-... Ропша, отзовись!..

Глушили только общий канал, короткая связь с подгруппой восстановилась через доли мгновения. Уже выцеливая первую из

смутно виднеющихся впереди фигур ,
я пробормотал:

-Здесь я... Гости слева сто
пятьдесят, ориентир – собачий хвост.

Некоторые остовы машин
Зингер прозвал странно,
скрючившаяся от сильного жара
легковушка была названа снайпером
«собачий хвост», непонятно почему.
Угрюмый отозвался тут же, в голосе
пулемётчика слышалось
неподдельное облегчение:

- Удержишь?

Тени понемногу оформились в
десяток сгорбленных фигур, которые
разбившись на пары короткими
перебежками двигались к парковке.
Не выпуская рукоятки оружия,

другой рукой я нащупал коробочку подрывной машинки и передвинул торцевой переключатель в положение «включено». Пытаться сосчитать приближающиеся фигуры было делом бесполезным – ветер усилился и снежная крупа стояла в воздухе сплошной стеной. Всё что я мог различить, это пляску призрачных теней в зелёном свете ноктовизора. Не отрывая взгляда от рывками передвигающегося противника, я тихо ответил:

- Десять минут, не больше.

- Отлично... наших зажали у второго блока гаражей, отрезали от выхода. Попробую сбить передовой заслон, Может командир догадается

пойти на прорыв...

На такое решение Улюкаева я надеялся слабо. Группа угодила в классическую западную амеровского дозора. Скорее всего, они передвигались по старым подземным коммуникациям и охраняли подходы к некоему укреплённому пункту, оборудованному устройством дальней связи. Ребятам уже не вырваться, их участь решена. Сейчас важнее добыть блок с записями беспилотника и попытаться выйти из города. Это тоже будет непросто, но небольшой шанс всё-таки есть. Загвоздка в том, что команду тройкой не я, а Угрюмый. Давить нельзя, нужно попробовать убедить.

Но сначала, разберёмся с гостями на парковке. Дождавшись, пока неясные тени минуют остов какого-то микроавтобуса и окажутся точно в секторе всех четырёх мин, я до упора вдавил обрезиненную кнопку на пульте подрывной машинки. Клубки огня и дыма мгновенно вспухли и опали, породив визг разлетающихся роликов и просто мусора и застывшей земли. Отложив машинку и перехватив «калаш» освободившейся рукой за стылое цевьё, я стал методично ловить в прицел мечущиеся по парковке фигуры. Звуков самих выстрелов было почти неслышно, только громко лязгал затвор, да глухо цокали по

бетону стрелянные гильзы. Двенадцать раз я выстрелил и ни разу не промазал, мои пули безошибочно находили цель. АКМ привычно отдавал в плечо, словно и не было тех лет, что я не брал любимое оружие в руки. Амеры, контуженные и подраненные пытались отойти, стреляя в проём двери, верно угадав направление откуда к ним приходит смерть. Дважды злыми шмелями пули взрывали щебень где-то у левого плеча, но преимущество первого выстрела всё ещё действовало. Последний из нападавших попытался убежать. Он вскочил и что есть силы побежал, подволакивая правую ногу,

иногда стреляя из короткого автомата через плечо. Я поймал спину амера в прицел, но в последний момент некое шестое чувство заставило меня резво откатиться вбок и влево, как можно дальше от той кучи мусора так надёжно прикрывавшей до сих пор. В следующие доли мгновения произошло сразу два события: от развалин угловой пятиэтажки в злосчастном переулке вспухла и опала короткая вспышка огня. Даже во мгле и завихрениях метели было видно, как оттуда в сторону торгового центра потянулся дымный след от реактивной гранаты.

- Умм-ах!..

Взрыв, белым шаром вспух у

левого края дверного проёма, осветив на короткий миг всё пространство вестибюля и выкачав оттуда весь воздух. Волна колкого жара, вперемишку с осколками бетона и прочего мусора накрыла меня с головой, заставив на долгий миг исчезнуть все остальные звуки и ощущения. Следом сверху раздался ещё один взрыв, потом посыпалась какая-то труха и в наушнике раздался и тут же смолк пронзительный вскрик Воротника. Преодолевая звон в ушах, я сорвал с глаз погасший ноктовизор и перекатившись в сторону развороченной лёжки вскинул автомат, походя стряхнув с окуляра прицела пыль пополам со

снегом. Метель по-прежнему застилала всё впереди и как ни старался, я не мог ничего разглядеть. Выбравшись ползком на лестницу, я с трудом поднялся на второй этаж, заваленный кусками конструкций и оттого плохо просматривавшийся снаружи. Найдя небольшую лазейку в этом лабиринте я выполз туда, где раньше была фасадная стена, а теперь зиял провал в пустоту. Вдруг проявился в общем канале Угрюмый:

- Ропша... ты... отзо...ись!

Не отрывая взгляда от тёмной стены злосчастной пятиэтажки, я коротко отозвался.

- Здесь я, как сам?

- Оглушило... погремушка

цела... Воротник...

- Угрюмый, отработай по развалинам правее сто тридцать от восьмого ориентира. Две короткие очереди, потом линияй.

- Прин... сейч...

Предстояло сделать длинный выстрел и «тихарь» тут будет только мешать. Свинтив глушитель и вернув на прежнее место обычный дульный тормоз, я вставил магазин с обычными патронами. Сняв с автомата также и оптику и перекинув планку открытого прицела на двести метров, я поймал в прорезь еле наметившиеся провалы окон единственного уцелевшего второго этажа дома, откуда по нам работало

прикрытие упокоенных
штурмовиков. Сверху и справа тут же
застучал пулемёт, эхо мешалось с
затихающими вдали звуками
перестрелки у гаражей, наши ещё
огрызались. В короткой паузе между
двумя очередями Угрюмого, я скорее
снова почувствовал, нежели увидел
какое-то шевеление в угловом окне
второго этажа «хрущёвки». Не медля,
я сделал туда один за другим четыре
выстрела и ещё два, в проём
соседнего с ним. Гранатомётчики
молчали, но откуда-то снова
прилетела крупнокалиберная пуля, я
резко отполз назад, стремясь
выбраться из узкой норы как можно
быстрее. Спустя долю секунды, в то

место где я только что лежал, ударило словно кувалдой, вызвав небольшой обвал из кусков щебня. Снайпер работал скоординировано с гранатомётчиками, его удача в том, что слонобой из которого он так метко палит сейчас, позволяет сидеть за тысячу метров отсюда. При всём хотении, отсюда его не достать. Гранатомётчикам повезло меньше, этих нужда загнала на приемлемую дистанцию и кого-то из них я уработал, иначе они бы уже отозвались. Ползком взобравшись на третий этаж, я увидел Угрюмого, привалившегося к стене за обваленной глыбой перекрытия. Он тоже заметил меня и кивком указал

на место рядом с собой. Отрывисто сморкнувшись в рукав. Чтобы заглушить звук, Эдик еле слышно прошептал:

- Воротника наглухо снайпер завалил, он только раз вскрикнул. Я лазил наверх, там дыра в стене с голову величиной. У него позвоночник вырвало, почти сразу помер. Диск жёсткий я с компа снял, «звёздочку» его тоже прибрал... Автомат воротниковский пулей покорёжило, на выходе уже, он у стены стоял... в хлам.

Я только кивнул, прислонившись к стене, мельком глянув на экран своего тактблока. Из всей группы доступны только наши с

угрюмым сигналы. Что-то наглухо блокировало связь с дерущимися сейчас у гаражей разведчиками. Если данные об обнаруженном источнике сигнала есть на жёстком диске с воротниковского компьютера, это хорошо, но если нет, то придётся идти за планером, благо я знал, где он упал – на маленьком экране моей «звёздочки» настойчиво пульсировал сигнал его аварийного радиомаяка. Автоматика сработала и аппарат успел отстрелить парашют. Там, внутри, точно есть свой блок памяти, его нужно вынуть. Данные нужно доставить взводному, иначе ребята у гаражей и Воротник, погибнут напрасно. То, как следовало

поступить дальше. Было не самым простым, но уже привычным. Вдруг, несмотря на пронизывающий холодный ветер меня бросило в жар, адреналин отпускал помаленьку. Сдвинув маску на лоб, я немного посидел так, вроде помогло. Потом глядя Угрюмому прямо в глаза, пришлось озвучить мысль, которая висела в воздухе тяжёлым, почти вещественным сгустком, но никто не решался произнести её вслух:

- Нужно достать данные с «леталки», мы сюда за этим и пришли.

От апатии Эдика не осталось и следа, мои слова словно ожгли его. Резко повернувшись в мою сторону с

яростью в голосе он проговорил, цедя слова сквозь стиснутые зубы:

- А ребят бросить?!

Это был железный аргумент, козырная карта, бьющая любой расклад. Криком или авторитетом тут мало что решишь, но я попробовал:

- Мы прежде всего разведчики, а потом уже чьи-то друзья, Эдик.

- Разведчики не бросают своих!

Сказано опять верно и будь я на два десятка лет моложе, возразить точно было бы нечего. Про себя я решил, что пойду вместе с моряком что бы он не решил. Фатализм за всё проведённое на войне время, стал чем-то вроде второй натуры. Он

всегда берёт верх в те моменты, когда доводы логики и разума не принимает душа. Но я всё же возразил, вложив в сказанное весь здравый смысл какой смог отыскать:

- А завтра комбат вызовет к себе Хамидулина и тот пошлёт новых ребят в эту западню. Так или иначе, но то, что знаем мы теперь, в штабе узнают. Но сколько ещё ребят сгинет тут, ты знаешь? Я не хочу этих смертей на своей совести, мне хватит и осознание того, что ещё пятнадцать душ возможно сейчас купили мне ещё пару мгновений жизни. Ради чего?! Точно не ради моего наслаждения этой «прекрасной» погодой или стильным бараком на той

стороне. Но вот ради того, чтобы вернуться сюда и сквитаться... Если найдём планер и выйдем к своим, такой шанс есть. С другой стороны парней в гаражах уже не слышно и нас там тоже будут ждать. Тогда всё опять пойдёт по кругу. Будет новая группа и тот же самый поганый сюрприз в конце! Короче так: ты теперь командир, решай сам. Решешь буром переть, давай. Вечно никто не живёт, я тоже не собираюсь.

На какое-то время, стало реально очень тихо. Звуков перестрелки слышно не было давно, снайпер нас больше не беспокоил и внутрь тоже никто прорваться не пытался. Я снова натянул маску на

лицо, выщелкнул магазин с обычными патронами и вернул на место «тихарь» [18]. Угрюмый молча перебрал и уложил новую ленту в короб и хлопнув крышку взвёл затвор пулемёта. Затем Эдик поднялся, но так, чтобы не высовываться за прикрывающую нас гору мусора и не оборачиваясь бросил мне через плечо:

18 Эта сноска только для особо любопытных. Разметка на открытых прицелах АКМ для патронов УС и обычных патронов со стальным сердечником отличаются друг от друга. Для стрельбы с ПББС нужна замена прицельной планки на специальную, с двойной разметкой

под баллистику дозвуковых патронов и для стрельбы обычными боеприпасами. На автомат, снабжаемый в комплекте ПББС, такая планка как правило предустановлена по умолчанию.

- Пошли, достанем потроха из воротниковской птички, выдвигаться нужно сейчас, пока есть возможность.

... Из здания нам удалось выбраться через почти наваленную лестницу цокольного этажа. В подвал пробраться бы не получилось, но вот вылезти через вырубленное для технических целей узкое горло какого-то бетонного жёлоба вполне получилось. Ход вывел нас на

противоположную сторону здания, в заваленный щебнем внутренний двор с обвалившимися секциями гаражного бокса. Из-за рухнувшей крыши, часть бетонного забора вывалилась наружу, образовав небольшой лаз. Через него мы вышли в какой-то глухой переулок и снова, но уже по развалинам жилого дома выбрались на улицу, ведущую в нужном направлении. Вдруг, позади раздался отголосок глухого взрыва, потом ещё один и всё снова наполнилось стрёкотом отдалённой перестрелки. Угрюмый было дёрнулся, но сообразив, что те кто вошёл в здание торгового центра нарвались на мои «гостинцы», снова

пошёл вперёд. Это точно был кто-то чужой, ребята, если хоть кто-нибудь бы и вышел из окружения имели на тактблоках мои предупреждающие метки. Метки синхронизировались за десять минут до начала боя, поэтому сейчас в торговом центре не повезло кому-то другому.

Путь в темноте, по развалинам и при неясном свете проглядывающей иногда сквозь облака луны, занятие весьма опасное. Развалины наверняка изобилуют растяжками, минами и неразорвавшимися снарядами, поскольку городок раз десять переходил из рук в руки. Однако когда точно известно, что смерть так и так рядом, неизвестно

лишь точное расстояние до неё, чувство опасности отходит на второй план. Лично я просто шёл след в след за Угрюмым, стараясь выбирать открытые участки и не наступать на обломки бетонных плит и отдельно лежащие доски. И то и другое вполне может оказаться контактным датчиком мины или просто скрывают гранату с выдернутой чекой. Эдик шёл впереди, я нарочно увеличил дистанцию до пяти метров, на таком расстоянии есть шанс кинуться в сторону, когда впереди идущий наступит на спусковой механизм закладки. Любой из известных мне взрывателей имеет свой характерный звук, не хочу

хвастаться, однако различить такой смогу даже если кругом стоит дикая пальба. Между подрывником и миной, всегда есть некая телепатическая связь и кто хоть раз прикасался к чужим подлянкам или строил свои, меня безусловно понимает. Так после взрывов в торговом центре я наверняка знал, что мина на третьем этаже взорвалась впустую, но вот две гранаты в узком тоннеле из щебня на четвёртом точно бабахнули не вхолостую. Метель стихла в тот момент, когда мы отошли от торгового центра на расстояние полукилометра. Снег всё ещё шёл, но теперь падал совершенно тихо, но

облака до этого гуляющие по небу
отдельными стайками, теперь
сгруппировались в плотную
непроницаемую завесу, скрыв луну
окончательно. Когда до места
указанного Воротником перед самым
отключением планера оставалось
метров двести, Эдик остановился у
подъезда полуразрушенного
трёхэтажного дома, мы осмотрелись
вокруг, но что можно сказать
наверняка, если кругом темень и
валит мерзкий колючий снежок?
Само собой ничего явно
подозрительного мы не заметили,
хотя всматривались в темноту до
рези в глазах. Кивнув мне на
уцелевший второй этаж дома,

Угрюмый знаками указал, что он прикроет, пока я буду шарить вниз. Позиция у него получалась спорная: правый сектор перекрывала чудом устоявшая стена кирпичной пятиэтажки, непонятно как держащаяся вертикально, а слева придётся высунуться так, что в качестве прикрытия будет только узкий зазубренный край стены. Дальше от воронки шли завалы образованные рухнувшими девятиэтажками, местами перекрывающие высотой все уцелевшие строения. Стерев с дисплея «звёздочки» налипший снег, я проверил маяк планера, тот исправно мигал. Это означает, что до

блока памяти никто добраться не успел. Будь я охотником и знай про место крушения, то ни в коем случае аппарат бы не тронул, а устроил возле него засаду. Сигнал беспилотника шёл из воронки, раскинувшейся почти точно посередине детской площадки, словно лунный кратер. Видимо до бомбёжки, это был двор-колодец, где четыре девятиэтажных дома образуют квадрат или прямоугольник. В последние годы советской власти была такая штука — кооперативное жильё. Люди скидывались, часто сами строили, чтобы потом занять кто двух, а кто и четырёхкомнатную квартиру.

Блочные девятиэтажки строили по типовым проектам, но всегда по-разному заканчивали. Тут тоже вышло странно: три дома вытянулись буквой «П», развёрнутой внутренней стороной к нескольким домикам сталинской постройки из которых теперь уцелел только огрызок одного. Присев под грудой бесформенных обломков метрах в сорока от развалин «сталинки», где уже устроился Угрюмый, я отчётливо видел парашют беспилотника, зацепившийся за оплавленную перекладину железных качелей на краю воронки. Кусок тёмной ткани отчётливо виднелся в призрачном свете вновь выглянувшей луны. Раз

пять я всматривался в темноту, силясь почувствовать охотника, поскольку сомнений в том, что он там есть не было ни малейших. Прикинув расстояние до самой высокой точки развалин, я смекнул, что спрятать наблюдателя лучше всего именно там. Но как я понял, главным для амеров был не отлов разведчиков а лишь безопасность того объекта, который так сильно фонил в радиодиапазоне. Значит, группа охотников отпадает, скорее это будет дозорный пост — человека два или три. Ловить меня станут только если увидят, поэтому важна только быстрота в перемещении между укрытиями. Но бегать там, где

полно мелких каверн, горы щебня и пустоты в земле это значит рисковать ещё сильнее. Поэтому указав Угрюмому коридор движения и наметив путь которым буду отходить, я ползком двинулся по краю заваленной щебнем дороги, держа в поле зрения приметную высотку с почти целой коробкой жилой секции, откуда воронка просматривалась словно как на ладони. Времени до рассвета ещё много, поэтому лучше без спешки осмотреть хотя бы одно место вероятной засады, амеры тоже не супермены, если будут караулить, постараются устроиться с комфортом. Лучше будет подстраховаться и проверить эту

очевидную лёжку, чем вертеться на мушке у засевшего там стрелка.

На то, чтобы обогнуть развалины двора-колодца с левой стороны на треть, у меня ушло около получаса. Где ползком, а где короткими перебежками я добрался до того места, где раньше два дома образовывали общий угол. Отойдя назад на полсотни шагов, я внимательно осмотрел руины в поисках подсказки. Любая постоянная лёжка имеет три маршрута по которым дозорные сменяя друг друга приходят сюда. Таких подходов именно три, чтобы не оставлять слишком явных следов. Но люди всегда думают примерно

одинаково и если присмотреться, то одну из таких стёжек заметить можно всегда. Всматриваясь в неясные очертания обломков, мне удалось найти нечто вроде ступенек, сейчас припорошенных снегом. Спрятав трофейный прицел в карман, я сбросил на землю рюкзак с пожитками, слегка прикопав его. Затем прикинув все возможные варианты встречи с дозорными, снял с левого запястья «звёздочку» и переложил коммуникатор в один из боковых карманов «горки», закрепив на её месте ножны со штыком. Подвигавшись для разогрева и повесив автомат на шею, я начал осторожно приближаться к началу

тропки, осматривая по возможности каждый выступ впереди и под руками. Каждый шаг на верх давался с ощутимым усилием, после ранения часто ныла рана на ноге, да и остальные болячки отзывались тупой ноющей болью на любое серьёзное усилие. Снова поднявшийся ветер задувал на высоте злее чем внизу, от чего часто приходилось моргать и раза три я чуть не свалился с приличной высоты. Наконец, подтянувшись очередной раз я с облегчением нащупал рваный край пола, а затем увидел стремительно встающий мне навстречу снежный сугроб. Мгновенный выброс в кровь адреналина позволил мне в какие-то

доли мгновения оценить обстановку и среагировать на это событие. Догадка относительно наблюдателя оказалась верна и человек лежавший спиной ко мне стремительно разворачиваясь сразу же начал стрелять из автоматического пистолета, зажатого в его правой руке. Звуки выстрелов напоминали стрекотание старой швейной машинки, однако я успел рывком откатиться влево, одновременно бросив в сторону врага острый бетонный булыжник подобранный тут же на полу. Амер отшатнулся, рука с оружием ушла чуть в сторону. Ударом носка ботинка под колено я сбил противника с ног и бросился на

него сверху, уже выхватив нож. Мы сцепились, ища слабинку в хватке друг друга, в какой-то миг резкая судорога свела нывшую всё утро правую простреленную руку и я на миг ослабил хват. Амер тут же вырвал руку с пистолетом, среагировать я уже не успевал. От сильного удара рукоятью пистолета пришедшегося в висок, у меня потемнело в глазах, руки разжались окончательно. Подшлемник и капюшон «горки» немного смягчили удар, но только на самую малость. Противник тут же отполз назад и наведя на меня ствол пистолета что-то хрипло проорал. Оценив своё положение я бросил штык на землю перед собой и начал

поднимать руки на уровень пояса, всматриваясь в амера, оценивая с кем имею дело. Это был рослый парень, закутанный в зимний, похожий на мою «горку» зимний комбинезон с капюшоном и маской. Из видимой амуниции на нём был только брезентовый пояс и хитрый разгрузочный жилет с идущими под углом вверх двумя рядами подсумков. Причём расположены они были так, что живот оставался открытым. Ползать с таким наверняка одно удовольствие. Амер уже почти закончил поднимать пистолет, как я ринулся прямо на него ухватив руку с оружием, направляя ствол в сторону кармана где лежит «звёздочка» и

подхватывая с земли нож. Не ожидавший такого быстрого перехода противник сделал то, чего никогда в такой ситуации делать не стоит — он нажал на спусковой крючок и пистоль выстрелил. Сказать, что удар был сильным. Это значит приуменьшить в сотню раз боль, от которой у меня снова всё поплыло перед глазами. Вместо того, чтобы отпустить оружие и ударить меня по глазам, амер запаниковал и поэтому я успел завершить комбинацию ударив рукоятью ножа его в челюсть. Тот ослабил хватку и тогда я изо всех сил провёл серию ударов в лицо и горло. Амер опустил руки и стал оседать на пол. Сорвав с шеи автомат

и перехватив его за ствол, я от души
врезал наблюдателю в ухо. Едва
ощутимо всхлипнув, амер завалился
на бок и затих. Всё это время
пульсом билась единственная мысль:
где второй номер, почему
наблюдатель на «фишке» один?

Преодолевая боль, я осмотрелся
вокруг: разметённый по углам мусор,
две замаскированные бойницы и
рюкзак у дальней стены.
Определённо, наблюдатель сидит на
«фишке» уже более двенадцати
часов. Спрятанная у самого входа в
комнату литровая бутылка с мочой на
четверть наполнена, а пластиковые
пакеты под отходы только с
обедками. Точно один, значит, есть

другая точка, у самой земли. Оружие стояло на сошках у той из двух бойниц, которая открывала обзор значительно левее того старого дома откуда мы появились, поэтому мне удалось подойти так близко. Взяв винтовку в руки, я осмотрел оружие, но это было нечто незнакомое, патрон стандартный, бьёт на тысячу метров, оптика восьмикратная, дорогая. Свинтив прицел прибрал его в карман куртки, подумав, что штука это полезная. А винтовку тут же саданул прикладом об угол, от чего тот отломился. Решив, что этого мало, вынул тяжёлый затвор и тоже положил в карман, чтобы выкинуть на обратном пути. В этот миг со

стороны «сталинки» слышались три короткие и одна длинная пулемётные очереди, в ответ никто не стрелял, всё стихло также быстро, как и началось. Это заставило торопиться с отходом. Непонятно куда и почему стрелял Угрюмый, в любом случае времени нет. Ночь постепенно стала превращаться в блёклые, предрассветные сумерки и я ускорился с осмотром. Смастерив из припасённой на такой случай верёвки петлю и закрепив её на шее у начавшего приходить в себя пленного, я связал ему концами петли руки за спиной так, что получилась неплохая удавка. Пока человек не двигает руками, верёвка

на шею хоть и давит, но всё терпимо, но как только пытается развязаться или просто начинает резко дёргать руками — петля на шее и запястьях затягивается ещё сильнее. Ноги лучше оставить свободными, но тут я применил одну старую хитрость. Расшнуровав левый ботинок пленника, я положил ему под стельку острый камешек. Стелька тонкая, камень помешает быстро бежать, но идти амер вполне сможет. Немного отвлекшись, я пропустил тот момент, когда амер пришедши в себя попытался освободиться, но петля сработала безотказно, после дикой судороги слышался только сдавленный хрип. Снова повалив

пленника на живот, я привёл путы в прежнее положение и внятно произнёс по-английски:

- В следующий раз я этого делать не стану. Сдохнешь медленно, ты мне особо не нужен. Веду, как доказательство гибели моих товарищей, ваши тайны мы узнаем и без тебя.

Пленный что-то невнятно замычал, но слов разобрать не получилось. Маска скосбочилась, рот оказался забит шарфом и краем ворота свитера толстой вязки. Поправив маску так, чтобы амер не задохнулся, я продолжил:

- Я спущу тебя вниз, потом мы пойдём к передовой. Не жди от нас

пули – с камнем в ботинке убежать ты не сможешь. А когда поймаю, то перережу поджилки на ногах, забью в рот кляп и брошу в воронку погаже, на нейтральной полосе. Хочешь умереть как солдат – слушайся. Всё понял?

Амер перестал вырываться и наклонив согласно голову вдруг произнёс на ломанном русском:

- Понимать... я понял.

Впечатление «фишка» оставляла неплохое, основательно амер тут окопался. Тропка по которой я сюда забирался была маршрутом для подхода, а уходил наблюдатель спускаясь вниз по тросу. Для этого на альпинистском костыле была

подвязана бухта прочного
нейлонового каната. Придуманно
неплохо, следов остаётся гораздо
меньше, да и подходы с внешней
стороны удобно попутно
осматривать. Под слоем снега, в
левом дальнем углу нашёлся рюкзак
с личными вещами. Там ничего
особо интересного не нашлось, так —
мелочи всякие. Я взял только гибкий
планшет электронной карты, коробку
карманного компьютера из которого
тут же выдрал батарею. Была тут
початая коробка
девятимиллиметровых патронов,
пара плиток шоколада. Всё это я не
колеблясь рассовал по карманам.
Ещё взял швейцарский военный нож

и плоскую металлическую баклажку с чем-то спиртным судя по запаху. Также приглянулся мне пистоль американца, отряхнув оружие от снега присмотрелся. А вот тут всё без экзотики, что в принципе можно считать удачей. Наблюдатель был вооружён австрийским автоматическим пистолетом «Глок» [19] с увеличенным магазином на девятнадцать 19 Ропше исключительно повезло, он заполучил специально созданный для сил специального применения автоматический пистолет Глок-18С. Пистолет выпускается с 1986г и изначально был создан как альтернатива модели "17", для

антитеррористического
спецподразделения ЕКО Cobra
(Einsatzkommando Cobra) австрийской
федеральной полиции, которому
требовалось легкое компактное
оружие с возможностью стрельбы
очередями. Главное отличие от
Glock-17 заключается в наличии
режима автоматического огня,
который включается патронов и
характерным вырезом компенсатора
на кожухе затвора перед мушкой,
через который виден матово
блестящий ствол. Как мне
приходилось слышать, пистоль
вполне надёжный, плюс уже с
навинченным «тихарём». Отстегнув
с бедра пленного кевларовую кобуру

и отыскав в рюкзаке два запасных магазина, я приторочил трофей у левого бедра, так как привык стрелять и фехтовать ножом с левой руки. Амер отстрелял в меня все патроны, затвор замер в заднем положении. Стрелять с отсечкой по два или три выстрела эта штука не обучена, пришлось быстро набить пустой магазин заново из найденной в рюкзаке коробки и вставить его снова. Затвор сухо клацнул и уйдя вперёд рычагом переключения режимов стрельбы, расположенного на левой поверхности тыльной части затвора-кожуха. Glock-18 отличается так же размерами направляющих рамы и затвора-кожуха, деталей УСМ

и ствола, что сделано для исключения взаимозаменяемости с другими моделями в целях не допущения переделки разрешенных на гражданском рынке оружия пистолетов в полностью автоматическое оружие. Также хочется особо отметить то обстоятельство, что механизм УСМ имеет режим "безопасного действия". Ставить на предохранитель пистолет не нужно, достаточно просто выжать спуск до конца, что существенно экономит время, а что важнее времени в бою? Правильно: только его количество.

От предшественника его легко отличить по выступающей за

пределы затвора-кожуха дульной части ствола с отверстиями сверху. Ропша верно подметил это броское различие, отверстия представляют собой интегрированный компенсатор реактивного типа, уменьшающий подброс оружия при стрельбе. В модели "18С" отверстия в стволе совпадают с отверстиями в затворе-кожухе как в модели 17С. Оружие может использовать как стандартные магазины емкостью 19 патронов, так и магазины для модели 17. Имеются также магазины емкостью 31 патрон. Учитывая очень высокий темп стрельбы, предпочтительнее использовать именно последние, так как полностью снаряженный 31

патроном магазин в автоматическом режиме полностью опустошается чуть менее чем за две секунды. Пистолет продемонстрировал превосходную надежность работы при стрелковых испытаниях тысячами патронов в автоматическом режиме.

ТТХ: калибр: 9mm Parabellum. Длина оружия: 186 мм Длина ствола: 114 мм Высота оружия: 155 мм. Ширина оружия: 30 мм. Масса без патронов: 624 г. Темп стрельбы: 1200 выстрелов в минуту.

Емкость магазина: 17, 19 и 31 патронов.

дослал патрон. Пистоль вернулся в кобуру, время испытать его

в бою ещё впереди. С сожалением осмотрев простреленную до самых потрохов «звёздочку», пришлось оставить коммуникатор там же, в опалённом дырявом кармане комбеза. Опутав пленного страховочной петлёй и мигнув фонариком в бойницу условленное число раз, чтобы Угрюмый не начал сразу же палить на движение. Я потихоньку спустил амера вниз к подножию развалин, а затем так же быстро спустился на своём тросе следом. Толкая амера впереди себя, забирая вправо от южной оконечности двора, я подошёл к воронке и усадив амера на краю показал ему на окно «сталинки» в

полусотне метров позади:

- Смотри туда.

Мигнув фонарём несколько раз, я дождался ответного сигнала от Угрюмого и снова обратился к пленному:

- Мой стрелок тебя не убьёт, но бежать ты всё равно не сможешь. Дальше всё будет так, как я уже говорил. Сиди смирно, понял?

- Да...понял...

На краю воронки лежало два припорошенных снегом трупа. Две короткие очереди заставили амеров подняться из укрытия и побежать, а длинная срезала обоих за мгновение до того, как они успели нырнуть в воронку. Времени на то, чтобы

шмонать трупы увы, не было, поэтому я сразу же принялся за дело. Планер уже основательно припорошило снегом, а до лючка под которым скрывался блок памяти добраться удалось лишь через долгих десять минут. Завернув тяжёлый блок в кусок парашютной ткани и перевязав его стропами, я поднялся на верх. Амер сидел всё так же тихо, даже не пытаясь развязаться. Подняв пленного, я заспешил к развалинам «сталинки», откуда вскоре спустился Угрюмый. На закутанном до глаз лице матроса не было заметно ни радости, ни сожаления, однако во взгляде промелькнуло некое облегчение. Любая беда делится на

двое, если рядом есть товарищ, брат по оружию. Присев возле пленного он спросил:

- Это нафига?

- «Язык» для начальства, это не «нафига», Эдик. Плюс вещички потащит, всё легче топать будет.

- Что со «звёздочкой», чего молчал?

Вспомнилась невольной фразой ненавистника Джавдета – невозмутимого пастуха Саида из старого кинофильма. Хотелось улыбнуться и сказать: «...Стреляли» но я только показал простреленный тактблок, кивнув на пленного:

- Гость наш машинку попортил, но взамен, обещал поднести наши

вещички. Путь не близкий, я согласился.

Угрюмый согласно кивнул и вдруг от души врезал американцу в ухо. Тот покатился наземь, но снова взлетел на ноги от моего пинка, так и замер шатаясь и постанывая. Эдик снял с пояса нож и сказал:

- Дельная мысль, обыскать его надо...

После тщательного обыска пленного и уничтожения двух чипов слежения в каблуке левого ботинка и под подкладкой куртки, я снова оставив амера под присмотром Угрюмого смотался за рюкзаком, заодно оставив на «фишке» растяжку под рюкзаком пленного. К тому

времени стало немного светлее, а когда мы тронулись в обратный путь к точке вывода, серый рассвет уже окончательно разогнал сумерки и идти стало значительно легче. Амер, нагруженный нашими пожитками уныло но шустро семенил в середине колонны, надёжно привязанный к моему поясу обрезком страховочного троса. Несколько раз мы прятались в развалинах от приближавшегося стрёкота американских вертолётот, но так ни одного разглядеть не получилось. К воронке служившей точкой ожидания мы вышли через шесть часов непрерывного бега, я почти полностью выдохся, рана на ноге открылась, я чувствовал как

бельё намокает от крови. Эдик набрал код на своём тактблоке и произнёс:

- Буг семьдесят один, здесь Оляха три... Буг, ответь Ольхе...

Минуты две ничего не происходило, моряк напряжённо вслушивался в эфир, твердя как заклинание форму вызова группы обеспечения. Во рту пересохло, но достать флягу это значит двинуться с места. Зачерпнув пригоршню обманчивого и пушистого белого снежка с откоса воронки, я бросил холодную массу в рот и тут же сплюнул. Снег имел железисто-бензиновый, горький привкус, так пахло всё в оплавленных развалинах

городка. Этот же удушливо-едкий привкус имел воздух вокруг. Краем уха я слышал подозрительный шорох и успел даже вскинуть автомат. Пленный напрягся, пытаюсь перекатиться с линии огня в сторону. Вдруг сверху, скатился небольшой заряд снега и комья земли, а следом в воронку упало три белые фигуры. От выстрела меня удержал знакомый голос:

- Бля, как же жить прикольно, братуха! Не стреляй земляк, это я — Женька!..

Из-под маски на меня смотрели весёлые синие глаза ефрейтора Селянинова. С ним было ещё двое бойцов, которых я в лицо не знал.

Женька дождался пока мы с угрюмым опустим оружие и вполголоса заговорил:

- Поминки по вам уже справили... вижу, зря они это.

Глухим от затаённой боли голосом Угрюмый цедя каждое слово произнёс, при этом крепко стиснув ствол пулемёта:

- Не зря... нас почти нет...

Потом мы волоком перетащили пленного в замаскированный ход сообщения, который как оказалось был всего в паре метров слева от воронки. Нас встречал взводный Хамидулин и сам комроты. Говорил только Угрюмый, я же молча смотрел в сторону отчётливо видных в

рассеянном свете утра развалин городка. Ещё пятнадцать смертей, ещё один неоплаченный сполна долг. Мёртвых теперь больше, чем живых, но зато я знаю где свила гнездо та змея, о которой говорил санитар Фархад.

США, 12 ноября 2011г. 14.32 по местному времени. Примерно три километра южнее правительственной резиденции Кэмп-Дэвид, подземный командный центр управления войсками «Рейвен Рок». Полковник Теодор Трентон, бывший комиссар особого западносибирского района «Нью-Нортвуд». Между голодным волком и

ворчливой овцой.

...Кубики льда мелодично позванивали на дне стакана с лимонадом. Он всегда любил именно этот сорт, где особенно остро ощущалась горечь лайма. Оказаться здесь, в самом безопасном центре страны, в кругу тех, кто правит новой Римской Империей, как называл США её нынешний президент Джон Оруэлл, это воистину сильнейший контраст. После наполненного криками ужаса и боли транспортного самолёта, битком набитого штабными, парнями из военной полиции охранявших наспех опечатанные ящики с документами, тишина просто оглушает... Боже, как

бегство было непривычно, после летнего триумфа! Нынешняя комфортная тишина мягко качающегося на рессорах лимузина, напоминала роскошный и очень дорогой гроб, казалась мёртвой...

- ...Ваш доклад, сэр! Я позволил себе сделать некоторые пометки. На случай если госсекретарь Рассел будет задавать вопросы.

Берт Лиман, всё такой же невозмутимый, как и неделю назад, под русскими пулями. Казалось, что даже тогда его безукоризненная причёска с идеальным пробором, блестела также как и теперь. У полковника запоздало мелькнула непрошенная мысль: « Сколько он

уже служит у меня? Десять...нет, двенадцать лет». Скинув оцепенение, Трентон допил лимонад в один долгий глоток и взял протянутую адъютантом чёрную гербовую папку.

- Спасибо, Берт. Как думаешь, почему нас вызвали именно сюда?

На лице секретаря не отразилось вообще никаких эмоций, Лиман был исполнителен, вежлив и точен как швейцарские часы, но вне службы Трентон никогда с ним не общался. Однако порой, секретарь проявлял поразительную догадливость в закулисных аппаратных интригах. Не исключено что и в этот раз ему известно чуть больше, чем положено.

- На совещании будут только министр обороны адмирал Кейнс, госсекретарь и кто-то из Лавки Чудес. Приказ на нас с вами пришёл из канцелярии Джексона Рассела, значит, будет новое назначение, сэр.

При упоминании прозвища данного в армейских кругах всемогущему ЦРУ, полковник поморщился. Скорее всего Берт прав, только вот от парней из разведки Трентон никогда ничего хорошего не ожидал. Перед самой войной, когда он ещё был с миссией в Брюсселе, к делегации был прикомандирован один скользкий тип. В память особенно врезалось его узкое лицо, а маленькие бесцветные глазки

смотрели как бы сквозь собеседника. Этого умника звали Пол Смит, помощник нашего военно-морского атташе в Бельгии. И тогда, помнится, тоже случился какой-то скандал с русскими. Пропал их человек из комитета по сотрудничеству с НАТО, газеты шумели дней десять. Зло хлопнув по кнопке открывающей бар, полковник нашёл высокую бутылку с лимонадом и добавив в бокал ещё несколько кубиков льда залил их шипящим напитком. Горечь снова приятно ожгла нёбо, но неприятный осадок всё же заглушить не удалось.

- У меня паршивое предчувствие, Берт. Рассел по самые уши завязан в делах людей из Лавки.

Назначение из рук этих темнил всегда плохо пахнет.

Лиман слегка пожал плечами, похоже он уже продумал и этот вариант развития событий. Адъютант выразительно провёл длинными пальцами с идеальным маникюром по краям своей потёртой коричневой папки. Это был подарок покойной жены. Полковник что-то слышал про автокатастрофу пять лет назад, даже посылал цветы. Лиман никогда не расставался с папкой, даже при эвакуации всегда держал её при себе.

- Я уже начал собирать документы на всякий случай, сэр. Не соглашайтесь ни на что, без

подписанного приказа и всё.

Салон лимузина поплыл влево, кубики льда снова глухо стукнулись о стенки бокала. Трентон машинально взглянул в окно, однако поляризованные стёкла были темны. По соображениям безопасности их затеняли специальные фильтры. Но даже это внушало определённую сопричастность к чему-то действительно большому и важному. Полковник вдруг ощутил, будто его поднимают на мифическую обитель древних богов, где вершатся судьбы мира.

- Мы на вершине мира, Берт... Боги не судят провинившихся, нас просто не станет.

Машина проехала ещё какое-то расстояние и остановилась. Двери распахнулись и полковник увидел одетых в чёрные пиджачные пары сотрудников секретной службы. Эти парни даже двигались почти синхронно, напоминая каких-то киборгов из фильма. Когда они вышли, Трентона поджидал неожиданный сюрприз. Упругой походкой в их сторону шёл майор Брейтуэйт. Его полковник прекрасно знал ещё по иранской компании. Майор тогда возглавлял группу «морских котиков», а его любимчик лейтенант МакАдамс был в то время лишь рядовым исполнителем. Спецов придали шестой бригаде

«Страйкер», которой Трентон в то время командовал. Ребята сработали как надо и спасли своей работой много его солдат. Липкий страх на мгновение отступил, полковник первым шагнул на встречу Брейтуэйту и пожал крепкую сухую ладонь, которую майор протянул, улыбаясь:

- Джим!.. Чёрт побери, как я рад видеть тут знакомое лицо!

- И я рад господин полковник, сэр!

- Да будет тебе! После той работы, что твои парни провернули, я никогда не стану чиниться! Какими судьбами тут?

С лица майора сбежала

дружелюбная улыбка, глаза из голубых стали серо-стальными. Он слегка приосанился и на полтона ниже ответил:

- Я не могу многого сказать, сэр. У всех нас свои приказы, я буду сопровождать вас на встречу.

Проклятый Олимп! Даже воздух тут отравлен, превращая боевых товарищей в послушные манекены. Трентон тоже стал серьёзен, слова майора подействовали отрезвляюще. В конце концов Джим прав, их вызвали сюда не на дружеские посиделки.

- Хорошо, майор. Ведите, мы готовы.

- Простите, сэр. У вашего

адъютанта нет допуска, его проводят в соответствующее помещение.

Такого Трентон не ожидал. Лиман был с ним практически всегда. Капитан умел быстро находить нужные цифры, подсказать необходимую формулировку приказа. Полковник совсем было собрался спорить, но адъютант опередил его. Сунув Трентону свою потёртую папку, он сказал почти шёпотом:

- Я предвидел это, сэр. Тут все необходимые бумаги и краткая справка по району «Нортвуд». Всё изложено так, как вы привыкли.

- А папка?

- Возьмите на удачу, сэр!..

...Во время долгого блуждания

по длинным коридорам, а затем ещё трёх пересадок с лифта на лифт, Трентон непроизвольно стискивал отполированный бок папки. Неожиданный жест дружелюбия успокаивающе подействовал на бывшего комиссара, её вес придал уверенности. Потому как мягко заложило уши, стало понятно, что цель их получасового путешествия уже близка. Коридоры были совершенно безлики, мягкий свет струился словно бы ниоткуда, а тёмно-бордовые ковровые дорожки скрадывали звуки шагов. Брейтуэйт за всё время не проронил ни единого слова, но всякий раз останавливаясь перед постами охраны для проверки

документов, он ободряюще улыбался, словно извиняясь за то, что нельзя просто поговорить и вспомнить былые времена. Наконец, майор остановился перед очередными двустворчатыми дверями, перед которым стояло четверо охранников, замерших будто в оцепенении. Поймав вопросительный взгляд полковника, Брейтуэйт произнёс особенно официально, от чего сам сделался похож на одного из этих истуканов в одинаковых чёрных костюмах:

- Господин полковник, президент ждёт вас.

Двери распахнулись вовнутрь, открывая просторную круглую

комнату, обставленную дорогой мебелью в стиле семидесятых годов прошлого века. Кожаные кресла, полированные столы и огромные книжные стеллажи, блестящие золочёными корешками. Хрустальные плафоны прихотливо свешивались с потолка, отбрасывая лёгкие тени на окружающую обстановку. Но как ни странно, обстановка не подавляла, хотя каждый предмет в комнате стоил немалых денег, тем не менее настраивая на рабочий лад. Это полковник отметил как только они с Брейтуэйтом ступили на мягкий персидский ковёр, покрывавший большую часть пола. Как только за

их спиной неслышно затворились двери, в дальнем левом углу появились те, ради кого Трентон перелетел океан и полстраны. Видимо в комнату вёл ещё один задекорированный коридор, потому что президент и госсекретарь Рассел будто бы появились из воздуха. Президент выглядел так же, как и на портретах: высокий, сухопарый, с аккуратно зачёсанными назад седеющими соломенными волосами и чеканным профилем. Джек Рассел, напротив, смотрелся неважно. Ноздреватая, с крупными порами багрового оттенка кожа лица, тёмные редеющие волосы, которые не спасала модная короткая стрижка.

Грязно-зелёного цвета глаза, смотрели пронзительно из-под кустистых бровей, будто два орудийных дула крупного калибра. Крупная, грузная фигура госсекретаря упрятанная в дорогой тёмно-синий шерстяной костюм, почти нарочито контрастировала с лёгкой чёрной пиджачной парой президента Оруэлла. Мельком кивнув обоим военным, Рассел шагнул на середину комнаты, чуть подволакивая ноги и взяв со стола низкий хрустальный бокал, налил себе минеральной воды. При этом он вынул из бокового жилетного кармана небольшую серебряную коробочку и вытряс на мясистую

ладонь два крохотных белых шарика. Трентон что-то слышал о болезни госсекретаря, говорили о больном сердце, но подробностей он не знал. Тем временем, Рассел судорожным движением ладони закинул лекарство рот и в два глотка осушил стакан и только после этого счёл возможным пропустить сквозь зубы:

- Простите меня, господа. Сердце в последнее время что-то расшалилось...

Вновь сделав широкий шаг навстречу военным, Рассел поздоровался с майором. Трентон обратил внимание, что оба проделывают это с некоей долей привычки. Это настораживало, но

сейчас отступить уже поздно. Тем временем госсекретарь оказался прямо перед полковником, загородив свет. Рукопожатие оказалось неожиданно крепким, чего Трентон никак не ожидал от этого сопящего как древний паровоз чинуши. Прошив его своим взглядом практически до затылка, госсекретарь проговорил:

- Полковник, рад что вы прибыли вовремя. Майор Брейтуэйт вас крайне лестно характеризует, но здесь вы прежде всего по моей рекомендации. Президент ждёт от вас эффективной и быстрой работы...

Рассела вдруг перебил

президент. До этого момента он не отрывал от Трентона пристального взгляда от которого тому становилось немного не по себе. Голос первого человека Свободного мира звучал так же убедительно, как и всегда:

- ...И прежде всего компетентности, полковник Трентон! Когда мы всё это затевали, было много слов о том, что туземцы уже не способны сопротивляться. А их жалкие потуги на то, чтобы вернуть себе независимость, не более чем конвульсии издыхающего на дне ловчей ямы медведя. Двадцать с лишним лет назад мы поймали его и ждали, пока он наконец-то

испустит дух. Но мы просчитались, русские стали пробовать выбираться на твёрдую землю, а всем известно, что раненый хищник ещё опаснее. Нужно добить тех, кто остался. И времени на всякие политические трюки у нас нет. Для этого вас и вызвали с передовой, как сказал мне госсекретарь, из самого пекла. Вы поможете своей стране, полковник?

Президент выступил вперёд, сохраняя на лице ту самую знаменитую улыбку так часто мелькавшую по телевизору. Он подошёл совсем близко, Трентон даже ощутил запах дорогого одеколона и сигар. Всем известно, что заядлый курильщик, Оруэлл

встал на защиту приверженцев табака, что привлекло на его сторону многих простых людей, в иное время игнорировавших выборы. Поняв, что молчать дальше уже неприлично, полковник сказал:

- Я сделаю всё, что в моих силах, господин президент...

Вопреки своей обычной, прямодушной манере смотреть собеседнику в глаза, на этот раз Трентон смог лишь пялиться в стену. Взгляд его упёрся в старинную картину, оправленную в толстую золочёную раму. Там, в бушевавшей стихии океанского шторма, меж вздыбленных столбов воды затерялось одинокое трёхмачтовое

судно. Паруса его были частью зарифлены, но один из них, будучи вовремя неубранным уже стал добычей ветра, развиваясь рваной тряпкой на ветру. Вот сейчас корабль скатится вниз по волне и его накроет серая толща вздыбившейся серой воды. Корабль и команда обречены, кто может, скорее всего молится, выплёвывая вместе со словами обращёнными к божеству самые скверные проклятия. Но это уже бесполезно, океан раскрыл свою жадную пасть и требует жертву. Когда последние неловкие слова слетели с губ, Трентону вдруг подумалось, что ощущение катастрофы и отчаянья которыми

веяло от картины, невольно передаётся ему. Словно бы наяву ощутив холодные капли морской воды на лице и свист ветра в снастях, полковник нашёл в себе силы перевести взгляд на президента. Тот как будто бы ждал момента и его серые глаза, лучились дружелюбием и любопытством. Сейчас Оруэлл походил на себя экранного, как будто они с полковником старые друзья, жарящие стэйки на заднем дворе. Улыбкам политиков — цена медный грош в базарный день и Трентон внутренне подобрался. В голове полковника мелькнула мысль об отставке, хотя он тут же обругал себя за проявленную слабость и взяв себя

в руки сказал:

- Сэр, у меня с собой все цифры по территории и армейском имуществе бывших в моей ответственности последние три месяца и я...

Но тут в разговор снова вмешался Рассел. С громким стуком поставив на низкий банкетный столик стакан с начавшими таять кубиками льда, чиновник заговорил. Голос его напоминал kloкочущий паровой котёл того самого старого паровоза, с которым Трентон его сравнил минуту назад:

- Не нужно, полковник. Президент уже осведомлен, что вы сделали всё для обеспечения

безопасности района «Нортвуд-2». И поверьте, вашей вины в том как всё сложилось нет... Вернее, доля её не так значительна, как может показаться со стороны. Вас и майора вызвали для другого.

Оруэлл быстро переместился к одному из книжных стеллажей. Президент видимо нажал какую-то кнопку, либо в стене был фотоэлемент. Стеллаж дрогнул, сдвигаясь влево, открывая вход в другое помещение. Сделав приглашающий жест, он проговорил хорошо поставленным баритоном:

- Мы все стали жертвами некомпетентности, полковник. Поэтому сейчас, важно пересмотреть

наши взгляды на события в... На новых территориях.

Рассел и Брейтуэйт поспешили следом, так что Трентону пришлось слегка ускорить шаг, чтобы не отрываться от остальных. Сжимая в руках оказавшуюся бесполезной папку, он вскоре оказался в комнате напичканной электроникой. Одну из стен занимал огромный экран монитора, разделённого на несколько отдельных сегментов. Восемь офицеров связи в чине не ниже чем у него самого, работали за консолями расположенными перед экраном. За их креслами был расположен ещё один стол, по сути являющийся таким же как и на стене

экраном. Возле него стояло ещё двое в штатском, под их руками всплывали и исчезали какие-то графики и фотоснимки. Заметив вошедших, люди в костюмах оторвались от слабо мерцавшей поверхности стола и скупыми, но почтительными кивками приветствовали президента и остальных. Оба незнакомца имели невыразительную внешность свойственную кадровым сотрудникам Лавки Чудес. Президент благосклонно ответил на приветствие, а затем пригласил обоих военных к столу.

- Это капитан Пирс и полковник Дайсон из центрального аппарата ЦРУ. Они возглавляют вновь

созданную оперативную группу Джи Пять.

Подойдя к противоположному концу стола, Оруэлл встал таким образом, то тень скрыла его лицо вплоть до подбородка. Только глаза иногда поблёскивали в отражённом свете настольного планшета. Пыхтящий отдышкой госсекретарь напротив, опёрся о край планшета всем своим немалым весом и сказал:

- Пирс, это те военные, участия которых вы запросили в прошлый раз. Излагайте, время дорого.

Безликий шпион деловито кивнул и ещё раз кивнув Трентону и майору Брейтуэйту заговорил. Голос его оказался таким же безликим, но

удивительно проникновенным, Трентон мог поклясться, что каждая цифра или имя намертво впечатывались в его память. Под руками ЦРУшника возникли снимки какой-то гавани, рядом появилась подробная карта и ещё несколько снимков с позавчерашней датой. Пирс укрупнил снимок гавани так, что Трентон сумел в подробностях разглядеть чёрные силуэты подводных крейсеров, русскими, судя по маркировке.

- Это русская морская база отдельной бригады ракетных крейсеров Северного флота в районе небольшого посёлка Рыбачий, на Камчатке [20]. У нас она 20 Автор не

считает нужным приводить точное количество кораблей, их точное местоположение. Однако же, база подводных ракетных крейсеров на Камчатке с кодовым названием "Осиное гнездо" действительно существует. Перечисленные в романе лодки входят в состав ВМФ России и соответствуют своим реальным — проходит под кодовым названием — Осиное гнездо. В настоящее время там собраны все имеющиеся у русских подлодки проекта 949А [21], вы знаете что это такое?

Трентон едва успел пожать плечами, морская тематика ему была совершенно незнакома. Но тут вперёд выступил Брейтуэйт, лицо его

помрачнело при виде фотографий.

- Я знаю что это, сэр. В этой базе стоят убийцы авианосцев, мы не сумели их потопить два месяца назад, русским удалось тогда вывести почти все корабли из бухты и спрятать. Японцы пытались высадить десант, операцию координировал командер Рейснер из военно-морской разведки.

-Да-да, у вас хорошая память, майор. Не напомниме, чем всё окончилось?

Полковник с удивлением увидел, как даже в полумраке царившем вокруг, лицо диверсанта потемнело, а на скулах вспухли желваки. Чётко разделяя слова, он ответил:

- Русские моряки оставшиеся на берегу и местное население сбросили японских коммандос в море. Наши союзники продержались всего около двух часов. прототипам и установленному на них вооружению.

21 Проект 949А (шифр «Антей»). Подводные крейсера этого типа предназначены для борьбы с авианосными группами противника. Разработка проекта велась под руководством П.П. Пустынцева, а затем И.Л. Баранова. В результате модернизации лодки получают дополнительный отсек, позволивший улучшить внутреннюю компоновку средств вооружения и бортового оборудования. Теперь несколько

выросло водоизмещение корабля, в то же время удалось уменьшить уровень демаскирующих полей и установить усовершенствованное оборудование, что в свою очередь увеличивает шанс скрытно подойти к АУГ(авианосная ударная группа) противника, обманув находящиеся в её составе подлодки-перехватчики.

Командир бригады, полковник Кобаяси просил поддержки у оперативной группы нашего флота, но получил отказ. Из трёхсот японских морпехов уцелело только пятьдесят восемь человек.

- Благодарю вас, майор. И прошу прощения за столь печальный экскурс в недавнюю историю. Я

лишь хотел подчеркнуть сложность задачи, которую перед вами ставит командование и лично президент Соединённых Штатов.

- Я готов выполнить любой приказ, сэр!

- Отлично, майор. Вы возглавите группу бойцов, задачей которых будет высадиться в районе Осинового гнезда и доставить туда компоненты устройства слежения и наведения на цель. Вы скрытно проберётесь на русскую базу и пометите все корабли в бухте, а потом так же незаметно уйдёте. В нейтральных водах вас будет ждать подлодка класса «Лос-Анджелес».

Может быть какой-то из

мониторов особенно ярко вспыхнул, а может быть полковнику это только показалось, но впервые за всё то время что они с Брейтуэйтом находились вместе, тот искренне улыбнулся.

- Я всё сделаю как надо, не сомневайтесь.

ЦРУшник улыбнулся в ответ, но профессионально, как это умеют только в Лавке. Глаза Пирса оставались такими же равнодушно холодными и внимательными.

- Отлично, майор. Общее руководство операцией поручено полковнику Трентону, с вами пойдут люди из его разведгруппы, хорошо знающих местные условия.

Большинство из них раньше служили под вашим началом, так что притираться нет нужды.

Перспектива быть на побегушках у сухопутного, в другой обстановке вызвала бы неприятие, но видимо всё было очень хорошо просчитано. И Трентон в очередной раз убедился, что билет может выйти в один конец. Он вспомнил застывшее лицо Шона МакАдамса, когда тот отправлял пластиковые ящики с трупами своего шурина и ещё кого-то из своих парней. Смерть опять наступает на пятки и на этот раз почти наверняка догонит не только лейтенанта и его самого. Брейтуэйт упёрся и как бешеный бык

роет копытом землю, не видя подвоха, красная тряпка и желание поквитаться заставят его разума. Вот он ещё раз кивает и браво берёт под козырёк. С небольшим опозданием, но полковник тоже привычно бросает внезапно отяжелевшую ладонь к виску, слыша свой голос как бы со стороны:

- Если это будет подписанный приказ, я и мои люди его непременно выполнят, таков наш долг...

Пирс удовлетворённо кивнул, его тонкие губы даже тронуло некое подобие улыбки. Но Трентон даже не взглянул на снимки русских подлодок, ему вдруг стало до жути неуютно. А сотрудник Лавки Чудес

тем временем отошёл в тень, уступив место вновь заговорившему президенту. Оруэлл тоже наклонился над столом, его лицо выражало решительность. Ткнув указательным пальцем с наманикюренным ногтем в снимки, он сказал:

- Русские побеждены. Но почему-то всё ещё продолжают дёргаться в конвульсиях. Последние события в Сибири неприятны, это действительно так. Сколько мы потеряли во время отступления и продолжающихся боёв, Джек?

Госсекретарь не отрывая взгляда от чего-то видимого лишь ему одному, слегка пошевелился и набрав прямо на панели перед собой ряд

цифр проговорил:

- Сто пятьдесят тысяч, только убитыми, господин президент. Вместе с покалеченными и временно находящимися на излечении — порядка ста шестидесяти тысяч человек. И это военнослужащие кадровых частей, среди контракторов мы подсчёт не ведём. Серьёзные потери в материально-техническом плане, но тут мы многое восполняем из стратегического резерва, размещаем заказы по ремонту на мощностях союзников в Европе. Однако в последней операции флот лишился десятка кораблей, в том числе русскими береговыми батареями потоплен авианосец.

- Кто считает этот сброд, всегда можно нанять ещё. Корабли и прочее железо – хлам, наверняка есть что-то готовое к бою... После реформы мы можем позволить себе любые расходы.

В ответе президента Трентону слышалось раздражение. Нет, сам он тоже не терпел наёмников рыскавших по тылам оккупационной зоны словно стаи голодных дворняг. Воевали они плохо, дня не проходило без стычек с солдатами из регулярных частей. Но там тоже было не всё так просто. На две трети части первой и второй линий укомплектованы людьми без гражданства из Африки и Латинской

Америки. Эти тянули лямку чуть усерднее, но часто даже не знали языка страны за которую воюют. В последние перед отступлением недели, число дезертиров увеличилось втрое против прежнего. Ловить беглых отправляли тех же наёмников и часто в тылу разворачивались потасовки похлеще тех, что на передовой. И слова президента вдруг спровоцировали невольный приступ раздражения. Нет, мёртвым деньги ничему, но этот холёный политикан вряд ли понимает, о чём говорит. Оруэлл снова прикоснулся к столу, там возникла карта восточных областей Европы. Трентон узнал печально

знаменитый Витебский плацдарм. Вообще, сейчас вся Белоруссия была окрашен в два тревожных цвета: красный и оранжевый. В районах прилегавших к смоленской области России, всё вообще темнело багровыми полосами на ярко-красном фоне. Президент промолчал, но Рассел подхватил ещё невысказанную мысль своего босса:

- Потери союзников на территории белорусского протектората весьма значительны. Немцы отзывают свои войска из восточных областей зоны «Брайфорт Альфа». Две бригады развёрнуты в районе Бреста и ещё одна стоит под Минском. За пределы укреплённых

передовых баз военнослужащие бундесвера не выходят, боевые операции после событий под Белостоком не проводятся. Генерал Экхарт, комиссар района «Брайфорт», докладывает о серьёзных потерях немецкой группировки.

Президент снова скорчил недовольную гримасу. Уголки его волевого рта опустились вниз таким образом, что он вдруг стал похож на постаревшего капризного ребёнка. Он почти с укоризной посмотрел на хмурящегося госсекретаря и начал тихим голосом, в котором были слышны наигранно печальные интонации:

- Джим, вы опять говорите мне то, о чём я слышу каждый день начиная с самого начала кампании по усмирению русских! Белосток, это же территория поляков, так?

- Да, господин президент, но...

Оруэлл раздражённо махнул рукой, принуждая Рассела замолчать. Полковник отметил, что левый глаз президента несколько раз пронзил нервный тик. Широко шагая вдоль своего края стола, он продолжил:

- Польские союзники, вот это парни, на которых действительно можно положиться. Они делают что прикажешь и дерутся всегда отчаянно. А немцы... После того как мы вышибли из «гансов» дух в

прошлую войну, они как брехливые псы, гораздые только лаять! Джек, каково сейчас положение в зоне «Брайфорт»? Не надо тайн, Трентон теперь допущен к высшим секретам, вы сами его рекомендовали, Рассел.

Трентону показалось, что глава президентской администрации с видимым неудовольствием глянув в его сторону, но подчиняясь приказу первого лица государства вызвал на планшет нужные карты снабжённые сводками помеченными вчерашним числом. Хриплым. Лающим басом он заговорил, каждое слово срывалось с его губ словно имело неподъёмный вес:

- Положение в тылу у основной

группировки направления «Нортвуд» тяжёлое, господин президент. Месяц назад, мы закрыли доступ к оперативной информации по району зоны «Брайфорт» в которую входят области бывшей республики Беларусь, а так же Смоленская, Псковская, Курская и Брянская области бывшей Российской Федерации...

Потянувшись к центру планшета, Рассел подвинул масштабную карту тылового района, который Трентон знал весьма приблизительно. Их перебросили в Сибирь очень быстро, после того как под Витебском были разбиты остатки плохо организованных

белорусских войск. Тогда потери западной ударной группировки Коалиции в пять раз превысили ожидаемый прогноз, данные тут же засекретили, но гробов уже тогда стало нехватать, трупы грузили пачками, заворачивая в блестящие пластиковые мешки. По донесениям рейнджеров, какая-то часть русских вырвалась из еле-еле замкнутого под городом чьё название трудно произнести правильно — Слусск, если он правильно запомнил. А Рассел тем временем продолжал:

- Остатки сил русских оттеснены в области граничащие с зоной частичной оккупации «Хеверфорд Браво». Поляки силами

двух авиадесантных бригад, при поддержке 49-го и 56-го полков боевых вертолётчиков осуществляют вытеснение разбитых русских частей в юго-западные области зоны «Брайфорт Чарли». Местность очень трудна для развёртывания и маневрирования, аборигены зовут её «Полеззие». Там сплошные болота и плохо проходимые леса. У русских почти нет техники и мало оружия. Непосредственное исполнение осуществляет специально созданная ударная группа «Граб», там работает наш наблюдатель, майор Брайс.

- Сколько вообще сил у поляков в том районе?

- По территориям зон

ответственности в «Брайфорте»
рассредоточено более шести бригад
нового образца, и две бригады
территориальной обороны,
осуществляют непосредственное
тыловое прикрытие со стороны
Польши, это порядка ста тридцати
тысяч человек, господин президент.

- А как ведут себя наши
союзники из местных?

- В Белоруссии очень мало на
кого можно положиться, почти всё
население городов и фермеры
рассредоточены по базам временного
размещения со строгой изоляцией.
Помогают территориалы из зоны
«Хеверфорд». Украинские наёмники
охотно идут служить по контракту и

действуют крайне жёстко в отношении своих бывших соседей. Плюс они хорошо знают местность и обычаи. Капитан Пирс отлично сработался с тамошними националистами. На базе старой львовской школы ЦРУ, организовано несколько тренировочных лагерей для тамошних добровольцев. Пирс говорит, что в большинстве своём это отличный материал. С ним сейчас работают в связке трое подчинённых майора Брейтуэйта, инструкторы из форта Брэгг. Они обучают местных основам контрпартизанской борьбы. Планируем также заброску диверсионных групп в оперативные тылы русских.

Трентон заметил, что когда Рассел произносил последнюю фразу, лицо госсекретаря слегка перекосилось. Ему, как военному был понятен пессимизм чиновника. Привлечение аборигенов с самого начала вообще не планировалось. При разработке плана компании, планировалось обойтись собственными наёмниками, а война должна была закончиться ровно десять дней назад. Печальный опыт немцев говорил, что использование местных ресурсов не стоит тех усилий и средств, которые на них затрачивались. Более всего это походит на признание ошибочности изначальной стратегии.

Первоначальный успех обернулся затяжной и полной кровавых жертв масштабной бойней, перед которой меркнет даже недавняя иранская мясорубка. Тогда всё окончилось ядерным ударом, но сейчас можно вполне получить ответный привет от неожиданно воскресших русских войск. Полковнику вдруг стала понятна царящая в бункере атмосфера. Его собеседники излучали волны завуалированного под напускным спокойствием и бравадой отчаянья. Вот зачем его вызвали! Они ждут от фронтовика чудесного спасения, простого выхода из той кучи дерьма куда влипли все они. Трентон явственно ощутил запах

зловония и с запоздалым злорадством признал, что и он сам сидит в этой куче по самое горло. Вся страна, весь мир вляпался...

- ... Джек, кто у вас есть сейчас в «Брайфорте»?

Президент вновь ткнул пальцем в планшет, вопросительно глядя на Рассела. Холодный пот прошиб полковника, он пропустил что-то важное! Видимо из-за многочасового перелёта, Трентон на какое-то время отключился. Украдкой глянув на циферблат наручных часов, он с облегчением перевёл дух. Мысленный провал длился не более пяти секунд реального времени и кажется, никто этой его оплошности

не заметил. Госсекретарь заглянул во всплывшие перед ним на поверхности планшета файлы и сказал:

- Из наших парней на данный момент никого сейчас нет, Брайс вылетел в Киев. Но в оперативном штабе района толковый польский генерал, командующий контингентом своей страны в составе миротворческих сил Коалиции и пара его штабистов.

Лицо Оруэлла выразило лёгкую досаду, уголки тонкогубого рта его опустились чуть вниз. После секундного раздумья он махнул рукой:

- Ладно, как мне его называть,

Джек? Поляки немного туповаты, но полны мелкого тщеславия. Покажем, что президент США знает его по имени.

Рассел безразлично кивнул и совершил вялое движение пальцами. К полковнику приплыла страница оцифрованного досье, с грифом канцелярии госдепартамента. На вставленной в левый верхний угол цветной фотографии красовался круглолицый военный в немного непривычной повседневной форме с беретом лихо заломленным набок. Что-то в мундире польского генерала было от английской формы старого образца. Он видел нечто подобное у британских офицеров на каком-то

официальном приёме в Брюсселе.

- Бригадный генерал Ян Сосновски. Командир центра специальных операций войска польского. Десантник, кадровый военный. Был в составе сил Коалиции в Афганистане, с 2003 по 2005 годы. В составе экспедиционных сил своей страны принимал участие в штурме Тегерана, в январе 2011года. Получил «бронзовую звезду» за личное мужество [22], вы подписывали представление, господин президент.

- Ой, ради Господа, Джек! Как их запомнить, мы вешали тогда награды всем иностранцам, которые не загнулись от радиации. Ладно,

соединяйте с ним... этот Сосновски, надеюсь, говорит на нормальном языке?

- Да, господин президент.

Оруэлл вынул из кармана массивный портсигар, но спохватившись, только вынул ароматный цилиндр из углубления и прикрыв глаза жадно втянул воздух. Трентон невольно скривился, словно предчувствуя запретный теперь запах табачного дыма. Он дал жене слово бросить курить после того, как от рака умер их старший сын, Брайан. С тех пор прошло уже два года, но 22 Бронзовая звезда(Bronze Star) – вручается так же военным иностранных государств, в случае

генерала Сосновского медаль имеет отличительную литеру "V" от "Valor" (доблесть). В чём-то аналогична советской медали "За отвагу", так же вручаемой за личное мужество.

порой ему всё ещё хотелось распечатать пачку «Лаки Страйк», которую он таскал с собой как талисман, перекладывая из одного комплекта формы в другой. Тем временем президент снова обратился к Расселу с вопросом, в голосе главы Белого дома звучали всё те же нотки раздражения.

- Пока идёт соединение, просветите меня по поводу обстановки в Брайфорте, Джек.

Рассел с видимым сдержанным

усилием ткнул в поверхность планшета так, что виртуальные листы раскатились по его половине стола. Трентон заметил, как под дряблой кожей лица чиновника взбухли нервные желваки. Взять себя в руки стоило госсекретарю немалых усилий, но вот нужный файл уже появился перед ним и Рассел начал доклад своим обычным голосом:

- После осеннего путча в Белоруссии подготовленного нашими парнями из Лавки Чудес, силы обороны республики перестали существовать. Одними из первых декретов нового правительства был роспуск армии и специальных служб. Новый премьер-министр Белоруссии

– Борис Станкевич...

На скучающем лице Оруэлла вдруг промелькнула тень интереса, казалось что он вспомнил нечто забавное. Воздев дымящуюся сигару в сторону всплывшего над столом голографического портрета белорусского премьера, он воскликнул:

- Эй, а это не тот парень, которого вы представляли мне полгода назад на обеде фонда поддержки демократии? Ну вы тогда ещё сказали, что он долго работал официантом в какой-то забегаловке возле того немецкого города с названием как у бутерброда?

Прерванный на полуслове

Рассел только рассеянно кивнул и собрав вновь разлетевшиеся от нечаянного резкого движения ладони файлы, подтвердил:

- Да, Станкевич это креатура германской разведки, его передали нашей координационной группе «Золотая осень», за три месяца перед вторжением в Белоруссию.

Оруэлл пыхнул сигарой, клуб ароматного дыма быстро поднялся вверх и под действием мощных фильтров истаял где-то в полумраке. Президент согласно закивал и произнёс всё тем же весёлым голосом, словно вспомнил правильный ответ на «Колесе фортуны»:

- Точно, теперь я вспомнил!.. Кто это, Джек? Я тогда торопился и почти не слушал что несёт этот русский да ещё с таким ужасным акцентом.

Рассел глянул исподлобья, но поняв что президент интересуется лишь в целях скоротать время до связи с польским генералом, ответил коротко:

- Ничего особенного, обычный мелкий писака, каких в любой сточной канаве Гамбурга что крыс. Немцы его подкормили, дали вид на жительство и минимальное пособие. Они ничего не выбрасывают, даже такое гнильё как Станкевич. Ребята из научного отдела Лавки

поработали с ним немного, выбрали ещё десяток подобных бездельников и сколотили из них правительство в изгнании.

Трентон не стал бы вмешиваться, но только что обретённый статус слегка кружил голову. Чувство сопричастности к рычагам мировой власти вдруг подтолкнуло его произнести, обращаясь к госсекретарю:

- Простите сэр, а насколько надёжны такие люди. Лицо этого русского напомнило мне одного жулика, что продавал поддельные сумочки и часы у нас в Бронксе.

Рассел с удивлением повернулся в его сторону. Взгляд чинуши выражал

неподдельный интерес и удивление. Трентону подумалось, что Рассел не ожидал от него такого внимания к разговору и это вызвало новую порцию мурашек зябко пробежавших у него вдоль позвоночника.

- Не беспокойтесь, полковник. Там сейчас работает один из лучших специалистов Лавки по Восточной Европе - майор Грисволд. Он и его парни отличные кукловоды. Уверяю вас, ни сам Станкевич ни его люди ни ступят и шагу без нашего ведома.

Рот госсекретаря вдруг расползся в стороны, от чего лицо чиновника пошло ещё большими складками, а в глазах блеснул зловещий огонёк. Хлопнув ладонью

по столу, он убрал изображение Станкевича и сказал:

- Грисволд и его парни могут изловить медведя, одеть его в смокинг и выучить прилично петь оперу, не то что заставить какого-то славянского неудачника читать написанный умными людьми текст по бумажке. К тому же, тамошние земли разделят поляки, французы и немцы, так что ещё месяца на три дрессировки хватит...

В это мгновение над центром стола возникло изображение офицера связи, чернокожая девушка сидела ниже, за своей консолью, но её изображение здесь казалось не менее живым и объёмным. Она

обратилась непосредственно к Оруэллу:

- Господин президент, сэр! Генерал Сосновски, зона Брайфорт на связи, соединить?

Но ответил Рассел. Полковник давно подметил, что госсекретарь в нужный момент брал инициативу на себя, словно не президент, а он сам был тут главным. В сравнении с виденным ранее, это положение вызывало лёгкое недоумение. С экранов и страниц газет, президент казался таким мудрым и прозорливым одновременно, что верилось каждому его слову, а тут...

- Дженни, выведите генерала на то время, пока он будет

представляться, но потом сразу же дайте картинку со спутника, президент хочет видеть район проведения операции.

Дождавшись подтверждающего кивка Оруэлла девушка согласно наклонив голову что-то переключив на консоли пропала, уступив место круглолицему мужчине в обычной полевой форме с непонятными знаками различия, но с нашивкой «бронзовой звезды» в отдельной орденской колодке. Белёсо-серые глаза польского генерала смотрели на Оруэлла с нескрываемым восхищением, но голос искажённый помехами был обычным лающим басом строевого сержанта. На беглом

английском, с ярко выраженным акцентом Сосновски отрапортовал:

- Господин главнокомандующий! Вверенные мне подразделения коалиционных сил, оперативно-тактического соединения «Граб», завершают блокирование группировки противника в районе наспунктов Лубень - Красновка. Противник, силами двух неполных полков, при поддержке бронетехники ведёт бой с нашими передовыми частями, активно маневрирует. Согласно плану разработанному в штабе миротворческой группировки, мы выдавим мятежников к реке и там накроем артогнём. Уцелевших

встретят на украинской стороне подразделения местных сил самообороны с которыми мы координируем свои действия...

Полковник стал подозревать, что сейчас наступит момент ради которого его собственно и попросили остаться. Едва эта мысль успела оформиться, как Рассел вдруг развернулся к Трентону всем корпусом и предложил:

- Полковник, президенту важно ваше мнение о работе наших союзников, вы можете составить заключение по ходу дела?

Более всего Трентон не хотел оказаться крайним в какой-нибудь тёмной политической интрижке, но

сейчас не видя особого выбора, он согласно кивнул. Подойдя ближе к столу, он нашёл свободный терминал и обратился к президенту:

- Мне нужен соответствующий доступ к каналу связи и картинка со спутника и полномочия на перехват управления войсками в районе операции, если что-то пойдёт не так, господин президент, сэр.

Оруэлл одобритительно кивнул и обращаясь к польскому генералу коротко представил Трентона ему:

- Генерал Сосновски, позвольте представить вам нашего нового заместителя советника от КНШ [23],
23 КНШ — имеется ввиду сокращённое от "Объединённый

Комитет Начальников Штабов"(Joint Chiefs of Staff или JCS). Комитет состоит из высших офицеров, представляющих четыре основных вида вооружённых сил, в ранге высших чинов командования своего вида войск. Как правило это генералы(сухопутные и военновоздушные силы) и адмиралы (военно-морские силы и корпус морской пехоты представлены каждый отдельно).

Комитет был образован Законом о национальной безопасности, который также создал единое министерство обороны США вместо министерств армии и полковника Теодора Трентона. Он будет вместе с

нами наблюдать за действиями вашей группировки. Зампред комитета начальников штабов, генерал Дэвидсон, лично рекомендует полковника. Полковник Трентон - боевой офицер, вам нечего опасаться. О прямом вмешательстве речи не идёт, это ваша операция, но такой вариант мы все должны учитывать. Ничего личного, генерал. От его заключения по итогам операции зависит объём помощи, о которой я вчера говорил с вашим президентом, мистером Закревски.

Трентон увидел, как на лице поляка промелькнула тень раздражения, тот едва заметно дёрнул щекой, но вслух произнёс:

- Мы будем рады оказать всяческое содействие союзникам, господин главнокомандующий.

Трентона особо не волновали чувства военных из бывших советских стран, поэтому он сделал так, что одна из камер над планшетом развернулась в его сторону и поляк теперь его увидел. Сухо кивнув, полковник распорядился:

ВМФ. Основная роль членов комитета — являться советниками заместителей министра обороны по ВМФ, ВВС и армии; председатель комитета также является по должности советником Президента, министра обороны, советника по

национальной безопасности, а также совета по национальной безопасности.

По сути, КНШ представляет собой неполный аналог российского Генерального штаба, выполняя сходные функции. Но с 1986 года Комитет потерял право непосредственного управления войсками; командующие единых боевых командований подчиняются непосредственно Президенту США через министра обороны. За КНШ остаются функции планирования, подготовки и обучения военнослужащих соответствующих родов войск для боевых командований. Реформа вышла

спорная, разделение функций планирования и управления войсками приводит к задержкам и рассогласованности действий в ходе ответственных операций и военных компаний в целом.

- Господин генерал, я полковник Трентон. Прошу вас, передать вашим связистам чтобы начали обмен пакетами протоколов доступа к вашей системе оперативного мониторинга. Мешать я не стану, но хочу видеть какими силами располагаете вы и противник.

Сосновский кивнул и что-то приказал на своём трескучем наречии невидимым помощникам. Полковник успел разглядеть, как за

спиной поляка мелькнул смазанный силуэт. Через пару секунд, чернокожая девушка державшая связь с Европой доложила по громкой связи:

- Полковник Трентон, сэр, я капитан Пирсалл из группы обеспечения, сэр. Буду координировать связь, если нужно – перевод и общение с командованием зоны Брайфорт. Получены протоколы доступа, приоритет «А». Полковник Трентон, сэр, переключитесь на двенадцатый канал, я замыкаю на вас спутники системы «Эшелон-4» и «Эшелон- 27», они будут над районом операции ещё два часа пятьдесят три минуты. Знаете как

масштабировать карту, вам помочь, сэр?

Трентон не любил всяческую новомодную электронику, однако пользоваться ею умел довольно уверенно. Выдвинув пальцами панель пульта штабного «Блюфорса», он уверенно подтвердил приоритет доступа и вскоре перед ним на всём пространстве планшета появилась разбитая поквadrатно карта района в котором блокированы русские мятежники. С плохо скрытым торжеством, он небрежно бросил в пространство перед собой:

- Благодарю, я вполне справлюсь сам, капитан. Дайте мне данные по радиоперехвату в зоне проведения

операции, не хочу сюрпризов.

- Слушаюсь, сэр!

Он развернул информационную панель и на карте появились синие пиктограммы с обозначениями союзных войск. Судя по всему, основной ударной силой были 6-ой и 18-ый десантно-штурмовые батальоны поляков, их поддерживали сводная артбригада и сводный же вертолётный полк. Также в тылу у русских действовали два взвода разведки, с приданными им модулями беспилотных разведчиков «Хищник». Вместе с силами обеспечения получалось чуть больше двух тысяч человек. Добавив к этому пятнадцать старых советских

вертолётов и двух десятков систем залпового огня, тоже оставшихся от русских, полковник забеспокоился. Легкобронированная техника и танки добавляли немного веса, но Трентон не был уверен, что шесть танков и два десятка турецких БТР и бронированных «хамви» смогут гарантировать победу над загнанными в угол русскими. Польская армия была низведена до уровня когда её военная мощь была небольшой, даже по меркам европейской страны. Ребята из комитета начальников штабов считали, что роты славян вооружённых и обученных как лёгкое пехотное подразделение, вполне

способны выполнять вспомогательные и полицейские функции в случае какой-нибудь серьёзной заварухи. Никто не предполагал, что Россия оправится от первого удара и даже здесь, в маленькой Белоруссии придётся серьёзно воевать. Собранные со всей Польши боеспособные части бросили в помощь французам и немцам, которые быстро переложили на «младших братьев» всю грязную работу по зачисткам и эпизодам вроде этой операции, когда придётся воевать с теми, кому уже нечего терять...

Вызвав Сосновского, он вновь увидел на лице поляка упрямое

раздражение и тем же нейтрально-повелительным тоном спросил:

- Каковы силы противника по вашей оценке, господин генерал?

- По данным разведки, вооружённых людей, собранных повстанцами из разбитых частей белорусской армии, составляет около четырёхсот человек. До двух десятков единиц бронированной техники, два танковых взвода, грузовики и легковой транспорт. С ними около восьмисот человек гражданских, тех что смогли бежать из витебской и минской зон санации. Мятежники планировали прорваться через границу в Украину, но с той стороны их блокируют два батальона вновь

созданной добровольческой бригады «Галитчина», украинских сил самообороны. Русские два раза форсировали Желонь - небольшую речку, но попали под миномётный огонь и снова отошли в лес.

- Странно, что изначально говорилось о двух полках. Повстанцев гораздо меньше, гражданские ведь безоружны?

Лёгкая гримаса недовольствия снова на миг вернулась на лицо Сосновского, с видимой неохотой он пояснил:

- Согласно директиве командования, о режиме особой зоны Брайфорт, я имею приказ уничтожать всех кто не подчинился

приказам штаба миротворческих сил. И если быть до конца откровенным, у всех белорусов в этом лесу есть оружие. Они как волки: бьют и отступают...

С этим Трентон уже сталкивался, удивляться он перестал ещё в первые месяцы войны. Как ни печально, но поляк и эти украинские полицейские — единственная сила способная отодвинуть диких, непонятных русских в самую глубь болот. Немного помедлив он спросил опять:

- Кто на украинской стороне работает с вами?

- Полковник из местных. Николай Горпинюк, комендант

пограничной зоны Брайфорт Виски.

Неожиданно у Трентона похолодело в груди, а на лбу выступили капли холодного пота. Брайфорт Виски — место где расположена знаменитая аварийная атомная станция. Если в том районе начать воевать как положено, подмосковные пустоши рискуют обрести двойника. Странно что молчат французы, скорее всего эта охота на повстанцев личная инициатива польских союзников. Стараясь говорить ровным голосом, он обратился к Сосновскому:

- Генерал, почему вы не информировали меня о том, что операция проводится в районе Зоны

отчуждения?

- Район Чернобыльской АЭС надёжно оцеплен, в приграничные районы переброшено ещё две бригады сил самообороны из-под Коростеня и Гладковичей...

В какой-то момент самообладание вдруг изменило и Трентон непроизвольно оглянулся на президента. Оруэлл что-то разглядывал на планшете перед собой, а Рассел вполголоса делал какие-то пояснения. Казалось, что оба они поглощены своими делами и на его действия никто не обращает внимания. Мысль, как это и бывает под стрессом, работала очень чётко. Несомненно, от него ждут успеха, но

вот какого именно? Ситуация предельно проста: сейчас поляки вытеснят повстанцев на противоположный берег, те скорее всего опрокинут заслоны слабо вооружённых украинских полицейских и уйдут как можно глубже в опасный район. Само собой, поляки вызовут поддержку с воздуха и вертолёты попытаются уничтожить отступающих ракетами. Расстояние от границы до территории станции не так уж велико, плюс мятежники вполне могут специально спровоцировать подрыв станции. Быстро пробежав погодную сводку, полковник увидел, что ветром радиоактивные осадки понесёт

прямиком на благополучные Германию и Францию. Им, и другим странам Евросоюза уже досталось от русских пару месяцев назад. Но с другой стороны, нельзя упускать столь хорошо вооружённую и многочисленную группировку противника. Если русские прорвутся северо-восточнее и снова выйдут в треугольнике с заболоченной местностью у наспунктов Радин-Черемисы-Асаревичи, то всё пропало. После применения русскими тактических ядерных боеприпасов в Московской области, под Выборгом и в районе Брянска, большая часть условно-сопредельной территории бывших Белоруссии и

Украины оказались заражены выпавшими радиоактивными осадками. Уровень местами достигал критически опасных величин. Даже контракторы вывели свой персонал из этих областей, поскольку ни одна страховая фирм не бралась обеспечить хотя бы частичное покрытие рисков связанных с облучением.

Понятно почему командир группы мятежников рвётся именно туда. Видимо из-за слабой осведомлённости об обстановке, он не знает масштабов загрязнения. Правду о московской пустоши скрывают даже от тех, кто воюет далеко от очагов заражения. Трентон

и то знал лишь тот факт, что с одного из кораблей базирующихся сейчас в Клайпеде, по русской столице и брянскому позиционному району ПВО, были нанесены ядерные удары малой мощности. Только так удалось сломить сопротивление русских и удержаться в рамках трещавшего по швам плана вторжения. Потом, командира ударной группировки сняли, но приговор трибунала был мягким — лишь отстранение от должности, но с сохранением звания и боевых наград. И за скорость поплатились загрязнением территории равной нескольким крупным европейским странам. А когда началось выпадение осадков и

французы, бельгийцы и немцы стали умирать с потрясающей скоростью, начались настоящие проблемы именно для США, как главной страны Коалиции. Франция и Германия пригрозили выходом, итальянцы помалкивали из-за огромного долга уже в новой валюте, но аналитики администрации Оруэлла просчитали, что Италия, а вслед за ней, другие страны европейского пула тоже наострят лыжи. Огромных усилий стоило убедить союзников не поднимать шума. Скандал как всегда загасили деньгами от чего инфляция новой валюты вышла на непредсказанный, резкий виток. Позволить полякам

преследование, означает расковырять только начавшую заживать болячку.

Все эти мысли в одно мгновение ярко вспыхнули в сознании и погасли. Решение тоже было принято почти сразу же. Понимая, что сейчас карьерный взлёт может быть уже завершится не менее резким срывом в омут отставки, Трентон произнёс ровным голосом, выдерживая сухо официальный тон. Глядя прямо в застывшее от еле сдерживаемого гнева лицо Сосновского, он сказал:

- Генерал, если я увижу хоть малейшую угрозу эскалации боевых действий и операция выйдет за границы двадцатикилометровой зоны, севернее наспункта

Александровка – будьте готовы сдать должность своему заместителю. Приказ ясен?

Поляк ответил не сразу, но выучка взяла верх и вспомнив с кем он говорит, Сосновский ответил:

- Так точно, ясен. Ваши полномочия подтверждены и я обязан подчиниться но...

- Поверьте генерал, там куда уйдут русские, они скорее передохнут от радиации нежели спасутся. Предупредите своих украинских коллег, чтобы не усердствовали сверх меры и пропустили повстанцев если возникнет угроза прямого огневого контакта в из зоне ответственности.

На этот раз генерал не медлил с ответом и угрюмо, но чётко проговорил:

- Так точно, приказ ясен!...

Трентон увидел краем глаза, что президент по-прежнему что-то увлечённо обсуждает с Расселом. Похоже, сейчас они предоставили ему полную свободу. Но подспудно сознание точил зудящий червь сомнения. Было в этой истории нечто, что полковник упускал. Однако стряхнув подступающее оцепенение, он сосредоточился на потоке информации поступавшей из Европы. Он сразу отсёк переговоры польских военных, ибо ничего не понимал. Однако все пиктограммы и

телеметрия изначально шли на английском и Трентон быстро вошёл в курс дела.

Силы русских сосредоточились вдоль отрезка грунтовой дороги, ведущей из протяжённого лесного массива к разрушенному сейчас бетонному мосту через лениво текущую речку. Ткнув пальцем в речной поток на экране планшета, полковник узнал, что глубина в самом мелком месте полтора-два метра. И тут же заметил как правее и выше того места куда он смотрел, в воду опускается аппарат понтонного тягача. Умный компьютер тут же подсказал, что тягач числится среди боевых потерь

21-го сапёрного батальона миротворческих сил. Как русским удалось его протащить сквозь лес, можно только догадываться. Тяжёлые полозья понтона медленно распростёрлись над серым потоком лениво текущей воды. Едва Трентон успел подумать, что русский командир обманул преследователей, как резкий зуммер в наушнике предупредил, что в поле зрения спутника попал новый объект. И точно, с северо-востока, приближалась вертолётная пара. Очертания напомнили о русских машинах, знакомых по боям за нортвудскую базу. Но сейчас синяя рамка вокруг хищных силуэтов

показывала, что это польские вертушки. Сделав резвый разворот, вертолёт разошлись в стороны, оказавшись над противоположными берегами речки и некоторое время шли параллельно течению. Понтон тем временем медленно распрямился, уперевшись острыми рогами в глинистый берег...

-...Сэр, польская разведгруппа находящаяся в трёх ста метрах севернее переправы сообщает, что под прикрытием деревьев к мостовому движется автоколонна. Они запрашивают огонь артиллерии в квадрате 14. 35.

Голос связистки звучал взволнованно, казалось, что она

немного жалеет беглецов и не хочет чтобы их настигли. Эта мысль промелькнула словно тень, но Трентон удивился, что сам думает точно так же. Но вслух он произнёс совсем другое:

- Правильное решение, лучше ударить по колонне в момент когда она снизит скорость. Вертолёты добьют выживших....

В этот момент пилоны под короткими крыльями подлетающих к переправе вертолётów окрасились чёрным дымом, сквозь который были видны матово-белые огненные всполохи. Видимо кто-то отдал приказ уничтожить мостовик до того как тот закончит работу.

Мастерство пилотов вызывало восхищение: синхронный пуск требует отличной слаженности экипажей, это Трентон отметил в тот миг, когда рой неуправляемых снарядов превратил землю и тяжёлый тягач в огромный косматый клуб дыма и огня. Человек сидящий в кабине скорее всего мёртв или покалечен, там стоит только противопульная броня, от осколков снарядов она не защитит. Трентона уже не удивляло то обстоятельство, что русский водитель не бросил машину и всё то время, пока вертолёты заходили на цель, он продолжал управлять тягачом. За время русской компании, полковник

часто сталкивался с бессмысленным на его взгляд самопожертвованием туземцев. Сейчас разведка передала координаты артиллеристам и через несколько минут те накроют колонну. Вот послышался мелодичный сигнал, на экране появилось восемь машин, мелькавших среди редющего подлеска. Программа заключила их в рамки красного цвета. Это означало, что координаты переданы и сейчас данные обрабатываются дивизионом установок залпового огня, находящихся далеко на северо-западном плацдарме у заброшенной деревни с труднопроизносимым названием...

- Господин полковник, командир группы «Граб-12» докладывает о готовности к залпу...

Сверившись с таблицей позывных, Трентон удостоверился, что связистка говорит о дивизионе польских ракетных установок. Сразу после развала Варшавского договора, полковник был в Польше, они осматривали технику, самолёты и даже стреляли из русских автоматов. Тогда же он видел как стреляет установка «Град», которые русские поставляли в Польшу сотнями. Выставленные в отдалении старые бронетранспортёры и танки накрыло стеной огня, а потом расшвыряло в стороны словно картонные макеты.

Сейчас на экране виднелись обычные бортовые грузовики и несколько внедорожников с открытыми кузовами, битком забитыми людьми. Ещё несколько секунд и от них не останется даже брызг, такова будет сила всего лишь одного залпа. Вот машины замедляют ход, головной внедорожник буквально выскочив на берег резко затормозил, его развернуло вправо. Дым уже рассеялся и полковник увидел то же, что и беглецы на земле: красивый залп вертолётчиков пришёлся чуть ближе цели, с явным недолётом. Тягач завалился на бок, а понтон вздыбило боком вверх метра на два.

Он всё же успел коснуться полозьями противоположного берега, но и только. Теперь, даже если бы это было возможно, переправиться беглецам не удастся. Однако, почему польский артиллерист медлит?..

Тревожный писк в наушнике гарнитуры, которую пришлось надеть, заставил Трентона отвлечься. Взгляд невольно сосредоточился на том участке карты, где полыхал оранжевым штрихованный овал с рваными краями. По меткам выходило, что это расположение артдивизиона. Всё выглядело словно в том районе возник лесной пожар или... или он обстрелян противником. Само это

предположение выглядело абсурдным, в глубоком тылу ни у кого не могло быть таких возможностей. Трентон вызвал командира группировки ВВС, но по сводке ни один самолёт русских не прорывался так далеко, противовоздушные силы зоны Брайфорт и командование НОРАД [24] не подтвердили его предположения о ракетной атаке с территории занятой русскими войсками. Полковник совсем было открыл рот, чтобы вызвать симпатичную девушку-связиста, но та опередила его желание, в наушнике раздался напряжённый голос капитана Пирсалл:

-...Сэр!.. Генерал Сосновски на прямой связи!..

Трентон чувствовал подвох, в чёткий штабной план в очередной раз вмешался случай, впрочем, как это обычно и бывает на войне. Ткнув пальцем в мигающее окошко видеовызова, он развернул в правом верхнем углу экрана небольшое окошко. Внутри появился Сосновски, лицо польского генерала было перемазано копотью, голову опутывали туго наложенные бинты. Кузов командно-штабной машины исчез, поляк говорил из палатки. Трентон увидел слева хлопающий на ветру неплотно закрытый входной клапан. Срывающимся голосом,

Сосновски доложил:

24 НОРАД – Силы военно-космической обороны США и Канады(англ. North American Aerospace Defense Command, NORAD). Её основные задачи состоят в обеспечении контроля воздушного и околоземного пространства Северной Америки, раннего предупреждения о воздушно-космическом нападении, противовоздушной и противоракетной обороны двух стран. НОРАД отслеживает все пуски ракет других стран, в том числе и российских.

- Господин полковник, на мой штаб и расположение артдивизиона

совершенно нападение. Группа диверсантов прошла посты охранения, проникла в расположение штаба...

Странно, однако полковник уже не удивился сюрпризу. Война с русскими кишела подобными неурядицами и сейчас Трентон мог предугадать, что расскажет поляк. Сосновски не разочаровал, всё случилось именно так, как полковник и предполагал. С трудом подбирая нужные английские слова, генерал рассказал, как было вызвано подкрепление именно из артдивизиона. Как диверсанты отступили в лес, не приняв серьёзного боя, а потом другая

группа русских атаковала
расположение артиллеристов.
Потери были чудовищны: из
восемнадцати установок РСЗО, в
исправном состоянии не осталось ни
одной. Диверсанты уничтожили
временный склад ракетных
вооружений. Сейчас по всей округе
разлетаются осколки снарядов,
пожар перекинулся на лесной
массив. К счастью из-за дождливой
погоды пал далеко не
распространяется. Трентон прервал
доклад польского командующего и
спросил:

- Вертолёты ещё в воздухе,
генерал?

Тот не сразу откликнулся, всё

ещё ошеломлённый неожиданным поражением, которым оборачивается гарантированный триумф над слабым и плохо организованным врагом. Но осознав задумку американца, быстро кивнул, лихорадочно затрещав на своём языке куда-то в сторону от экрана. Присалл тут же переводила:

- Генерал поднял по тревоге ещё три звена вертолётчиков... Это всё, что есть в распоряжении группировки. Мне известить полковника Хэвишема?

Хэвишем – надутый британский сноб, командовал группировкой ВВС сектора Брайфорт. В его распоряжении есть и истребители и

само собой вертолётная эскадрилья – оперативный резерв на случай массовых беспорядков. Но сейчас важно не увлекаться. Поскольку поляки сели в лужу, вытаскивать их будет ошибкой. Тем более при таких деликатных обстоятельствах.

- Отставить! Это операция польских миротворцев, нет нужды привлекать оперативный резерв зонального подчинения. Пусть думают, как справиться самостоятельно...

Дальше договорить не дал тревожный зуммер оповещения. На карте появилось шесть новых синих значков. Шесть бронемашин, судя по силуэтам русские

бронетранспортёры, приближались со стороны противоположного берега реки. Система идентифицировала их как подразделения украинских сил самообороны. И тут же на экране в левом верхнем углу появилось лицо Сосновски, перетянутое свежими бинтами. Вся правая щека и глаз исчезли, а в левом светилась решимость пополам с еле сдерживаемым торжеством.

- Господин полковник! К переправе с юго-востока подтягивается два взвода украинских мотострелков. В течение десяти минут они займут позиции и блокируют переправу. Вертолёты подняты в воздух, подлётное время

до огневого контакта с мятежниками — три минуты. На другой берег русским дороги нет...

Странно, но слова поляка не убедили Трентона в том, что всё обошлось. Хотя коробки бронемашин уже выехали из леса на опушку, вырывая с корнем чахлые деревца скрывавшие копошащихся на противоположном берегу людей. Из задних люков БТР-ов посыпались одетые в блёклый камуфляж пехотинцы. На ходу разворачиваясь в цепь, они открыли по скоплению людей беглый огонь. Дистанция была не более сотни метров, несколько безоружных русских из числа пытавшихся наладить буксировочный

крепёж у опрокинутого мостоукладчика, ничком бросились в высокую прибрежную траву. Трентон было подумал, что может быть на этот раз предчувствия его подвели, с надеждой глядел на всплывающие иконки вертолётов, которые левым уступом приближались со стороны лесного массива. Но тут вдруг снова возник голос связистки:

- Сэр, согласно данным «Эшелона», поляки потеряли связь с группами разведки в районе наспункта Комаровка, это в километре южнее переправы, в секторе Браво Зулу Три.

- Это проблема, капитан?

- Командиры разведгрупп

держали сектора недоступные для спутников. Через их беспилотники мы следили за передвижением отступающих боевых частей русских в секторе...

В течение последних двадцати минут, переговоры русских не выходили за рамки обычного в таких случаях панического трёпа. Беженцы и солдаты сопровождающие конвой вопили о помощи, а зажатые польскими десантниками у какой-то деревни боееспособные подразделения обменивались боевой информацией. И всё это никак не вписывалось в рамки тревожных событий последних нескольких минут, словно кто-то запустил в эфир

запись. Нет, этому должно быть логичное объяснение и ответ находится где-то рядом!

- Сэр, вертолёты вышли на исходные позиции. Русские пытаются укрыться в лесу!..

И это были последние нормально воспринятые полковником слова симпатичной связистки. Дальше события стали развиваться совершенно хаотично. Сперва, тревожно взвизгнули сигналы предупреждающие о ракетной атаке. Северо-восточная часть лесного массива, в полукилометре от переправы вдруг покраснела и Трентон еле успел увидеть облачка белёсого дыма у

самой земли, в небо потянулись белёсые щупальца инверсионных следов характерных для переносных ракетных комплексов. Система мгновенно выдала анализ пусков и классифицировала их как работу русского ПЗРК «Стрела-2М» [25]. Шесть зенитных ракет взвились в воздух, а ещё через считанные мгновения четыре из шести винтокрылых машин исчезли в облаке белого огня. Две оставшиеся машины успели выполнить противоракетный манёвр, но это продлило жизнь их экипажам всего на коротких три секунды. Ещё четыре ракеты выпущенные откуда-то из редколесья у берега реки,

поймали вертолёты в тот самый момент, когда те ложились в обратный разворот.

25 «Стрела-2М» (индекс ГРАУ — 9К32, код по классификации МО США и НАТО: SA-7 Grail (Грааль)) — переносной зенитно-ракетный комплекс, принятый на вооружение ВС СССР в 1970Г.

Предназначен для поражения воздушных целей на средних, малых высотах, а также низколетящих в диапазоне от 800м до 4000м(дальность) и 50м-2300м(высота). Боевой пуск производится с плеча, а также с боевых и транспортных машин. Изготовка к работе по нормативу —

10секунд. Состоит из зенитной управляемой 72мм ракеты с тепловой головкой самонаведения, источника питания и пускового механизма. В походном положении переносится на плечевом ремне за спиной стрелка-оператора. используется до сих пор, хотя со снабжения ВСРФ снята.Некоторое количество данных ПЗРК имеется на вооружении ВС Белоруссии.

С огромным трудом, преодолевая удивление, Трентон вызвал польского генерала и почти заорал в микрофон:

- Сосновски, уводите своих людей от переправы, это ловушка!..

Но было уже слишком поздно.

Картинка передаваемая со спутника предельно чётко показала, как на противоположном берегу реки загорелись один за другим два украинских бронетранспортёра. Система мгновенно опознала откуда к мотострелкам пришла смерть. Увлёкшись расстрелом беженцев на переправе, те не заметили как из развалин в километре от их позиций на берегу, вынырнули три приземистые серые коробки. Как русским удалось перетащить танки незаметно для разведки, Трентон пока не знал, но это несомненно были именно танки. Машины умело рассыпались в цепь, расходясь на приличную дистанцию друг от друга

и открыли по БТР-ам беглый огонь. Чередую бронбойные и осоклочно-фугасные выстрелы, русские танкисты за пару секунд уничтожили четыре бронемашины и рассеяли ничего не понимающих пехотинцев. Последние не сразу поняли откуда пришла смерть, а когда сообразили оглянуться назад, то из более чем трёх десятков человек, в живых осталось едва ли половина.

- Сэр, мы всё еще можем поднять вертолётны или сориентировать артбригаду в Дубне по имеющимся координатам!..

- Отставить!.. Передайте полякам, что операция прекращается. Вертолётны и

артиллерию находящиеся в подчинении штаба группировки, применить только в том случае, если русские выйдут из потенциально опасной зоны радиоактивного заражения. Хотят уйти в эти пустоши – мешать не станем, сегодня погибло достаточно солдат. Оцепление по периметру зон очаговой радиации достаточно плотное, там русским ловить нечего. Пусть глотают радиоактивную пыль, не жалко.

Горькое чувство собственного бессилия и близкой отставки пришлось загонять глубоко внутрь, чтобы ничем не выдать своего настроения окружающим. Рассеянно глянув на дисплей, Трентон увидел

как крохотные фигурки копошатся на берегу реки, изрытому язвами от разрывов снарядов. Три легковые машины и один бортовой грузовик неизвестной марки, горели чадным пламенем. Во время боя, русские вывели машины из леса и развернув их боком к переправе под их прикрытием пытались поставить мостовик. Серые фигурки поднимали с земли трупы и складывали их в кузов ещё одного грузовика, подъехавшего почти к самой воде. Некоторые тела падали прямо в руки, разорванные очередями из крупнокалиберных пулемётов. Даром победа русским тоже не досталась,

но самопожертвование всегда было именно тем неучтённым фактором, который всегда ломал самые отточенные комбинации штабных аналитиков и опытных военных, прошедших ни одну войну.

Снова всплыла в окне видеовызова физиономия Сосновски. Польский генерал утратив былую уверенность выглядел постаревшим. Едва кивнув Трентону, он уже с трудом подбирая английские слова, доложил:

- Господин полковник, подразделения 6-ой и 18-ой бригад отходят в направлении Демидов-Грушевка-Вербовичи. Боевые группы мятежников закрепились у

переправы. Тяжело гружённый транспорт, небольшая колонна пеших людей, всё это очень быстро перебрасывается на украинский берег...

Трентон намеренно удалил изображение, чтобы не видеть как превратившиеся в точки машины и люди, обведённые красной рамкой, удаляются прочь по причудливо изогнувшейся грунтовой дороге. Тронув микрофон он разлепил пересохшие губы и уточнил:

- Капитан Пирсалл, в каком направлении уходит колонна?

- Юго-восток сектора Брайфорт Джинджер. Там есть заброшенное с советских времён шоссе, оно ведёт в

районы сильно засорённые выбросами вторичной радиации после недавних боевых действий на территории московского протектората. Есть сообщения с постов наблюдения группировки оцепления и санации. Мне передать им приказ о преследовании колонны?

- Нет, пусть уходят. Потом вышлите в район переправы толковых разведчиков, посмотрите как именно русским удалось перебросить на ту сторону танки. Мне жаль ваших людей, генерал.

Последние слова он сказал уже переключившись на угрюмо глядящего с экрана Сосновски. Тот

кивнул и после дежурных фраз, отключился. Хлопнув по своему краю стола, Трентон намеренно бодро поднялся из-за стола, ощущая на затылке взгляды президента и госсекретаря. Готовый к резкой отповеди, полковник повернулся по строевому и... Увиденное было ещё большим шоком чем наблюдаемая только что драма в Белоруссии. Лица президента и этой старой жабы – Рассела, лучились почти сверхъестественным довольством. Сохраняя спокойствие, Трентон чётко поднёс ладонь к виску и начал докладывать:

- Господин президент, сэр!..

Однако дальше он ничего

сказать не успел. Оруэлл быстро подойдя к столу, дружески похлопал полковника по плечу и сказал обращаясь к Расселу:

- Джек, а ведь ты действительно нашёл толкового вояку. Как быстро он понял, что это ловушка, да и действовать так чётко, без подготовки! Блестяще, полковник, браво!.. Я с большим удовольствием наблюдал за вами!

Опешивший от такого порота Трентон замер, не зная что можно ответить на такой спорный комплимент, но похоже президент действительно искренне им восхищался. Видя замешательство подчинённого, в разговор вступил

Рассел. Он взял с банкетного столика два бокала с щедрой порцией янтарного виски, игравшего золотом и мёдом в свете ламп. Когда холодное стекло коснулось ладони, Трентон автоматически взял бокал и судорожно осушил его так быстро, что чуть не проглотил острые осколки льда. Жидкость резво скользнула по пищеводу, раскрывшись в желудке клубком обжигающего тепла. Рассел ободряюще кивнув, пояснил:

- Группа мятежников от которой вы так элегантно избавились, не пролив ни капли крови наших европейских союзников, досаждала миротворцам весьма сильно. Здесь

их называют – «Чёрные лисы». По нашим данным, это остатки частей лояльных бывшему президенту Белоруссии, многие из каких-то специальных частей. Немцы потеряли в стычках с ними до роты только убитыми. Про французов мочу, эти вообще старались избегать встреч с полковником Дёминым и его людьми [26]. По радиоперехвату мы выяснили даже должность 26. Имеется ввиду 5-ая отдельная бригада специального назначения МО ВС Белоруссии. Примерное место дислокации – местность под Минском, в Марьиной Горке (Пуховичский район). Формирование 5-ой бригады ОбрСпн начало

происходить в 1962 году.

За советские времена бойцы достигли уровня подготовки, который соответствовал уровню легендарного теперь отряда "Вымпел" КГБ СССР. Бойцы из Марьиной Горки принимали активное участие в боевых действиях во время афганской войны 1970-88гг. Через два года после вывода оттуда десантники из Марьиной Горки снова попали на войну. Почти целиком бригада (805 человек) под командованием полковника Бородача находились в Армении. 31 декабря 1992 года бывшие советские спецназовцы присягнули на верность Белоруссии. Основными

направлениями подготовки
сегодняшних бойцов в части является
диверсионная деятельность и
разведка. На нарукавной эмблеме
бригады, помимо прочего, есть
стилизованное изображение чёрного
лиса. По оценкам военных
экспертов, 5-ая бригада ОбрСпн
считается одной из самых
боеспособных армейских частей
специальной разведки на всём
постсоветском пространстве. Автор
целиком и полностью разделяет это
мнение. Такого уровня физической,
боевой и морально-политической
подготовки как в 5 ОбрСпн, мало где
встретишь. Особенно хочется
отметить уровень преемственности с

советскими разведчиками. Так что спецвойска вероятного противника встречая бойцов белорусского спецназа — гарантированно встречают собственную смерть.

26 Имеется ввиду 5-ая отдельная бригада специального назначения МО ВС Белоруссии. Примерное место дислокации — местность под Минском, в Марьиной Горке (Пуховичский район). Формирование 5-ой бригады ОбрСпн начало происходить в 1962 году.

За советские времена бойцы достигли уровня подготовки, который соответствовал уровню легендарного теперь отряда "Вымпел" КГБ СССР. Бойцы из

Марьиной Горки принимали активное участие в боевых действиях во время афганской войны 1970-88гг. Через два года после вывода оттуда десантники из Марьиной Горки снова попали на войну. Почти целиком бригада (805 человек) под командованием полковника Бородача находились в Армении. 31 декабря 1992 года бывшие советские спецназовцы присягнули на верность Белоруссии.

Основными направлениями подготовки сегодняшних бойцов в части является диверсионная деятельность и разведка. На нарукавной эмблеме бригады, помимо прочего, есть стилизованное изображение чёрного

лиса. По оценкам военных экспертов, 5-ая бригада ОбрСпн считается одной из самых боеспособных армейских частей специальной разведки на всём постсоветском пространстве. Автор целиком и полностью разделяет это мнение. Такого уровня физической, боевой и морально-политической подготовки как в 5 ОбрСпн, мало где встретишь. Особенно хочется отметить уровень преемственности с советскими разведчиками. Этого русского, который собрал вокруг себя весь этот сброд. Основной костяк отряда – упомянутые сорвиголовы, каких у нас дрессируют в форте Брэгг. Представители контракторов

сообщают о колоссальных потерях, у них уже заканчиваются даже ресурсы привлекаемые из Боснии и северной Африки. Точной статистики мы не ведём. Но цифры внушительные, ведь воюют в основном именно наёмники. Но даже эти скоро поняли, что жизнь дороже денег и ситуация складывалась катастрофически.

Оруэлл отошёл к столику и щедро плеснув себе скотча в стакан, отсалютовал опешившему полковнику воскликнув:

- Командующий французским контингентом в Европе, генерал Гарно, настроил слёзную жалобу своему премьер-министру. А тот

соответственно надоедал мне вот уже две недели подряд! Вы просто волшебник, Трентон.

Собрав всю невозмутимость и хладнокровие, остававшиеся у него на данный момент, Трентон чётко произнёс, обращаясь сразу к обоим:

- Я просто дал русским уйти. Они не знали что идут в радиоактивную пустыню, иначе полякам бы точно не поздоровилось. Связь и информация по-прежнему наши главные козыри в этой войне, господа...

... Дальнейший ход заседания был как будто в тумане. Слишком потрясённый свалившимися на него сегодня нагрузками, Трентон вполуха

слушал стремительно вошедшего и сопровождаемого целым Так что спецвойска вероятного противника встречая бойцов белорусского спецназа — гарантированно встречают собственную смерть.

выводком советников, министра обороны Кейнса. Тот появился эффектно: в блеске наград и позолоты на адмиральском мундире, с модной стрижкой, окутанный запахом тонкого мужского парфюма. После рукопожатий и представлений всё закрутилось вокруг вновь прибывших и полковнику удалось незаметно отойти к стене и ненадолго присесть на жёсткий стул, видимо предназначенный для

охраны.

Кейнс сам почти ничего не говорил, предоставив слово отлично срежессированному ролику, снова заказанного у известного мастера боевиков Стивена Хирша. По схеме выходило, что три ударные группировки русских не смогут преодолеть южный и средний уральские хребты, где сосредоточены мощные узлы обороны 34-й, 48-й и 62-й бригад «Страйкер», представляющих собой по сути усиленные полевые армии, общей численностью до полумиллиона человек. Две ударные армии русских, начнут наступление на линии Челябинск – Екатеринбург – Пермь.

Сосредоточенные в этом узком бутылочном горлышке, они почти на четверть уступают обороняющимся численно и технически. Плюс, на две трети состав русских частей это неопытные новобранцы, вооружённые чем попало. Главный манёвр будет заключаться в том, что силы 48-й бригады выполняя роль приманки, выведут русских на оперативный простор в районе треугольника : Сарапул- Кунгур — Первоуральск, а затем отступят севернее, к осушенному Камскому водохранилищу. В это время, группировка кораблей с ракетным вооружением, базирующимся в Белом море, совместно с третьим

флотом ВВС, накроют силы русских комбинированным ракетно-бомбовым ударом. Из Штатов пришла новая партия боеприпасов, взамен так некстати уничтоженных русскими диверсантами. Так что после такого сюрприза, войска противника уже не поднимутся.

И более того, с тыла, русских подопрёт стотысячная группировка экспедиционных сил «Грейверт», под командованием генерала Бакли. Они высадятся в районе бывшего Владивостока, а с моря их прикроет авианосная ударная группа, которая сейчас идёт с Филиппин. Трентон понимал, что лишившись подводных ракетноносцев и остатков флота,

русские обречены на полное уничтожение. План действительно был хорош. Украшенная дорогими спецэффектами картинка приятно щекотала самолюбие, вызывая гордость за свою армию и флот. Вот только некая доля сомнения всё же давила на сознание, вызывая безотчётную тревогу. Дождавшись конца заседания и кое-как получив разрешения удалиться, Трентон всё так же незаметно покинул бункер. Опомниться и немного расслабить мышцы лица он смог только в гражданском аэропорту, где его и ещё десяток офицеров бывших в Рейвен Рок ждал частный самолёт. Он откинулся на мягкую подушку кресла

и закрыл глаза, отдавшись чувству полёта. Которое любил ещё с детства. Очнулся он от лёгкого прикосновения, сидевший рядом Берт Лиман жестом попросил свою папку назад. Трентон неохотно выпустил её, так и не раскрытую за целый день. Передавая кожаный прямоугольник адъютанту, он сказал:

- Твой талисман видимо спас меня сегодня, Берт.

Лиман едва заметно улыбнулся одними уголками губ и ответил:

- Не вас одного, сэр. Не вас одного...

Что-то незнакомое на миг промелькнуло в давно изученном облике адъютанта. Трентону

показалось, что во взгляде секретаря он увидел упрямую злость. Лиман на какой-то миг напомнил ему тех первых русских, которых ему приходилось допрашивать лично ещё летом. Не сломленных, пускай и осознающих своё поражение. Они упрямо и с ненавистью смотрели прямо в глаза. Смотрели даже в тот момент, когда их уводили в специально оборудованный бокс для ликвидации. Мало кто просил пощады и никто не опускал взгляда. Нехороший холодок. Пробежавший вдоль позвоночника заставил полковника ещё раз быстро взглянуть на адъютанта, но тот смотрел с сочувствием и своей обычной

флегмой. Трентон с облегчением опустился назад в кресло и снова задремал. Видимо стресс скоро догонит его настолько, что русским покажется даже собственное отражение в зеркале. Уже засыпая. Он успел заметить, как Лиман что-то вполголоса выговаривает хорошенькой стюардессе, с отвращением передавая ей свою недопитую чашку кофе. Но это было последнее что он увидел перед тем, как провалиться в объятия тяжёлого беспокойного сна.

Россия, 18 ноября 2011 года.
Линия непосредственного
соприкосновения с силами Коалиции

Примерно 800м юго-восточнее
наспункта Паншино, 04.12 по
местному времени. Разведка боем. 2-
ой взвод отдельной разведроты 80-ой
мотострелковой бригады
Центрального фронта. Антон
«Ропша» Варламов, младший
сержант. Горячий снег.

...Броневик кидало на ухабах,
словно утлый баркас в сильный
шторм. От кувыркания в тесной
коробке салона нас шестерых
удерживали только засаленные до
угольной черноты привязные ремни.
Свои я намотал на кулак, чтобы в
случае чего не зажариться вместе с
машиной. Кресла скрипели при
каждом скачке, выдавая

прерывистую протяжную трель, едва заглушаемую взрёвами мотора и близкими разрывами. Машина шла по брюхо в снегу, иногда останавливаясь и огрызаясь короткими пулемётными очередями. Плоская, едва выступающая над крышей броневика башенка непрерывно вращалась, визг её гидравлики добавлял свою нотку в общую какофонию звуков, складывавшихся для меня в непрерывный гул. Тяжёлые жёлтые гильзы уже давно не сыпались в брезентовый мешок гильзоприёмника, а звонко отплясывали на полу свой быстрый танец. Сидящий за пультом

управления огнём незнакомый мне боец, ловко крутил джойстиком, неотрывно следя за чёрно-белой картинкой на панорамном мониторе перед собой.

-Тррр-ах! Трр-ах! Вуп-аах!

Могучий «Корд» [27] снова сказал своё веское слово, а вторящий ему спаренный автоматический гранатомёт в 27 Имеется ввиду крупнокалиберный пулемёт "Корд" (индекс ГРАУ— 6П50) Калибр — 12.7мм.Пулемёт создан на Ковровском заводе им. Дегтярева (ЗИД) в 1994г, для замены состоящих на вооружении в ВС РФ пулеметов НСВ и НСВТ. Само название "Корд" происходит от словосочетания

"конструкция оружейников-дегтяревцев". Основной причиной разработки пулемета Корд стал тот факт, что производство пулеметов НСВ после развала СССР оказалось на территории Казахстана. Кроме того, при создании Корда ставилась цель повысить точность стрельбы по сравнению с пулемётом НСВ, равнозначного Корду по калибру и базовым ТТД.

Крупнокалиберный пулемет "Корд" использует газоотводную автоматику с длинным рабочим ходом газового поршня, расположенного под стволом(что как очередной раз хищно лязгнув затвором, поставил в чьей-то жизни

жирную точку. Парень действительно палил без остановки, даже когда броневи́к ведомый неунывающим ефрейтором Селяниновым исполняя на снегу замысловатые па. Тяжёлый «Тигр» в руках моего знакомого словно живой ускользал от ответного огня противника, ни на секунду не оставаясь неподвижным. Азартно матерясь, водитель вдруг переложил свою речь каким-то особенно забубённым ругательством и заорал на весь салон, перекрывая рёв движка:

-...Щас воткнёмся!.. Бляя-яя!..

Машина проехала ещё немного, в узкую бойницу забранную бронешторой я успел разглядеть

какие-то развалины, но вдруг неведомая сила бросила многотонный броневи́к вверх и вправо. И через раз и обеспечило возможность пехотного варианта изделия). Ствол пулемета быстросменный, воздушного охлаждения, на пулеметах новых выпусков оснащен эффективным дульным тормозом(значительно уменьшающего отдачу, минимизирует дульный факел вспышки и подброс). Запирание ствола осуществляется поворотным затвором. В конструкции пулемета предусмотрен специальный буфер подвижных частей, в сочетании с дульным тормозом тоже играет на

снижение пиковой отдачи оружия при стрельбе. Стрельба ведется с открытого затвора. Питание патронами — из нерассыпной металлической ленты с открытым (незамкнутым) звеном т.е. так же как у НСВ. Лента собирается из кусков по 10 звеньев при помощи патрона. Подача патронов из ленты — напрямую в ствол. Штатное направление движения ленты — справа налево, однако оно может быть легко изменено на обратное. Из органов управления на корпусе пулемета имеются только спусковой рычаг и ручной предохранитель. Органы управления огнем располагаются на станке либо

установке.

Пользователи отмечают практически снайперскую точность, при стрельбе с оптикой на расстояние свыше 400м, большую плотность огня на подавление(пехота на открытой местности и в укрытиях полевого типа) и высокую эффективность по низколетящим целям в зенитном варианте(БПЛА, штурмовой вертолёт).

ТТХ: Калибр: 12,7x108 мм; Вес: 25.5 кг (тело пулемета) + 16 кг (станок 6Т7), или 7 кг (станок 6Т19); Длина: 1980 мм; Питание: лента 50 патронов; Темп стрельбы: 650-750 выстрелов/мин.

мгновение невесомого полёта,

последовал сокрушительной силы удар. Сознание не отключилось, лишь зубы сильно впились в ремень шлема, который я предусмотрительно жевал всю дорогу. Броневик встал на левый бок, в салоне начинался пожар, запахло топливом. Отпустив ремень, мне удалось разложенным прикладом автомата опустить аварийную заглушку дверного замка задней двери. Саданул по мощной нижней створке ногой, она отошла и вывалилась наружу. Тут же салон наполнился тягучей копотью, смешанной со стылым воздухом. Разлепив ссохшиеся губы, я крикнул:
- Живые есть?!..

Но голоса своего так и не услышал, всё заглушал противный комариный писк. Сквозь завесу едкого дыма, я различил только мешанину тел и вдруг, на грани слуха:

- Братан... помоги!..

Чуть проморгавшись, удалось различить что же произошло с машиной. Мы попали под что-то крупнокалиберное, вдогон получив в борт несколько выстрелов из тридцатимиллиметрового орудия. Женька удачно сманеврировал и разрыв пришёлся не в машину а рядом. Но заряд был мощный - «Тигр» помяло словно пустую сигаретную пачку. Плюс, на

мониторе висящем у меня на груди мигали пять сообщений о потере соединения. Никто из пристёгнутых к креслам бойцов моего отделения даже не стонал, но это я списывал на контузию, слух пропал почти полностью. Стащив перчатку с правой ладони, ощупал себя и поднеся руку к глазам с облегчением перевёл дух – вроде не зацепило. В салоне стоит дымное марево, в глотке першит и почти ни хрена не видно. Осматриваться приходится в два движения, кругом сплошняком мешанина из тряпья, железа и тел.

Впереди, прижатый к ветровому стеклу, копошился Женька. Водила барахтался, но один из привязных

ремней крепко держал его, перехватив середину бедра. Рядом, плескались останки лейтенанта Федулова, какого-то спеца приданного группе на время операции. Судя по всему, ещё один снаряд пробил стекло со стороны пассажирского сидения и офицера жёстко посекло осколками. Голова и правая рука почти отсутствовали, так что вряд ли он мучился. Я было дёрнулся проползти вперёд, но вставшее на дыбы кресло стрелка и мешанина из тел, заблокировали весь салон по центру. Топливом воняло всё сильнее, а дым из-под капота машины становился гуще. Ещё немного и всё тут полыхнёт. А тут

помимо машинного, ещё и выстрелы к нашим гранатомётам. Рвануть может знатно...

Слева вдруг громко заорал кто-то из бойцов, потом зашевелился ещё кто-то рядом. Кто там сидел? По ходу двое парней из последнего пополнения, их ещё «границами» нагрузили. Гранатомётчики очнулись... Значит, не все спеклись, это радует. Я заорал, чтобы привести ребят в чувство:

- Рядовой Симак, рядовой Климов – ко мне!..

Чёрная масса впереди зашевелилась активнее и скоро мне прямо в лицо полез чей-то подкованный ботинок. Сдав назад, я

выполз наружу, откатившись влево от перевернутой машины и укрывшись в навороченном падающим броневиком сугробе. В наушнике еле слышно сигнал входящего соединения, маркеры обоих бойцов снова замигали с готовностью. Слух возвращается, хорошие новости прямо валом прут. Крутом царили серые рассветные сумерки, позади виднелась одинокая стена рухнувшего дома, рядом валялся ствол поваленного фонарного столба. Мы достигли окраины, хоть эту часть задачи удалось выполнить. Звуки перестрелки и канонада слышались справа, до очага метров двести. Но скоро тут будет кисло, амеры захотят

увидеть кого подстрелили и обязательно пошлют кого-то посмотреть. И гостей надо бы хорошо встретить, благо теперь я не один...

- Эй, махра! Вынимайте меня, я щас зажарюсь!..

Блин, скоро должно рвануть!.. Беглый взгляд сразу зацепился за удобные места вокруг подбитой машины. Так и так дальше двигаться пока нельзя, нужно осмотреться и связаться с ротой. Но сначала выжившие, это в первую очередь. Рядом захрустел снег, двое чумазных пацанов плюхнулись рядом и на меня уставилось две пары ошалелых и испуганных глаз. Нагруженные

словно вьючные мулы, бойцы смотрелись как два огромных снеговика. Белые маскаридки были испятнаны кровью и копотью. Климов, видимо испугался чуть меньше, потому что начал сбивчиво докладывать:

- Товарищ мла...

Времени на этикет совершенно не оставалось, нужно как можно быстрее вынимать водилу и тушить броневик. Поэтому я быстро оборвал солдата и приказал:

- Потом доскажешь, боец. Вы оба, накладки и весь груз — долой! Расчехлить лопатки и в темпе кидайте снег на броневик, в точки возгорания. Снег сначала в накладки,

потом в огонь. Исполнять, живо!..

Вынув штык-нож, я ринулся в салон, где стало немного просторнее. Если огонь не погасим, рванёт боекомплект и тогда амеры точно будут здесь гораздо скорее. Женька всё так же дёргался в ремнях, при этом матерился жутчайше.

- Эй, колесничий!

- Бля, да где тебя черти носят, пехта!..

- Не голоси, ефрейтор, щас вырежу тебя...

- А ты лишнего ничего там не отхватишь?!

Лезвие неожиданно соскользнуло с распутившегося бахромой нитей разреза и воткнулось

со всего маху между каких-то железяк под креслом. Почти в тот же миг послышался звонкий хруст и клинок штык-ножа сломался почти пополам. Ножик был так себе, однако другим так и не удалось за всё время разжиться. Ругнувшись сквозь зубы, кое-как допилив упряжь обломанным клинком, я принял грузное тело водителя на руки.

- Ты мне нож должен, колесничий!..

На закопчённой и заляпанной кровью, жёлтыми ошмётками мозгов физиономии Селянинова весело блеснули пронзительно синие глаза.

- Эй, а ты мне машину и водочный фонтан до конца войны! Я

тебе жизнь спас, махра!..

Невольно стало как-то легче от этой безобидной пикировки. В такие моменты веришь, что шанс выжить всё же есть, пускай и призрачный. Ухватившись за какой-то поручень, я с усилием выволок Женьку наружу и тот сразу же вскочил. А мне вдруг снова ожгло грудь, дыхание на миг перехватило. Не глядя лапнув пригоршню грязного снега, я приложил серую массу к лицу, вроде отпустило. Рывком поднявшись на ноги, принялся помогать водиле тушить пожар, подкидывая чёрный от копоти снег в салон. Селянинов отрыл где-то огнетушитель и вскоре воняющий солярой и кровью

броневик даже перестал дымить. Только теперь получилось глянуть на часы. Прошло всего восемь минут, а казалось, что прошла целая неделя. Слух почти полностью восстановился и теперь двойной писк тактблока слышал сразу. На маленьком экране появилась цепочка буквенно-цифрового сообщения. Штаб бригады запрашивает обстановку у всех кто прорывался в город вместе с нами. Я быстро настучал сообщение и вскоре получил обескураживающий, новый приказ. Глянув на своих бойцов, вновь напяливших на себя накидки и рюкзаки, я не решил пока ничего не говорить. Напуганные салажата

скорее всего не осознали, что едва-едва остались в живых. Вместо этого жестом подозвал обоих и насильно усадив рядом с собой в сугроб приказал:

- Бойцы, хорошо справились... объявляю благодарность от лица службы.

Те было снова вскинулись, от чего Симак завалился вправо, а Климов было потянул товарища за разгрузку, но тоже не устоял – ухнул следом. Пришлось снова делать серьёзное лицо и матом рыкнуть, чтобы привести в чувство обоих. Помогло, но вряд ли надолго.

- Бойцы, пока мы с ефрейтором осматриваемся, приказываю занять

круговую оборону. Лишнее снять, оборудовать временное укрытие для полезного груза. Оставить только личное оружие, боекомплект и приборы наблюдения. Связь переключить на два-один. Климов, твой сектор наблюдения - второй этаж здания сто восемьдесят градусов, юго-восток. Улицы Краснопольская и Первого мая. Там есть расчищенная дорога, следи но не высовывайся, оптикой часто не свети. Пей только из фляги, не смей снег жрать, даже если он белый. Скрутит брюхо, потом не продрищешься. Бегом, марш!

-Есть!..

Получив чёткий приказ,

парнишка кое-как поднялся из сугроба и пригибаясь побежал к машине, на ходу снова расчехляя лопатку. Я обернулся ко второму солдату и указал на занесённый снегом остов газетного киоска, в двадцати метрах от подбитого броневика. Будка когда-то стояла у стены трёхэтажного барака, сейчас громоздившегося кучей острых обломков.

- Симак, ты возьми-ка с собой «граник». Мы на окраине, впереди разбитая шоссейная магистраль. Лимузин там не пройдёт, а вот амеровская броня вполне может кататься. Сиди тихо, трубу держи под рукой, но без фанатизма, понял? И

помни про снег, если увижу что жрали – сам пристрелю!..

- Так...

- Молодец и мы не на плацу, голос подавать не надо. А теперь прикопай вещички и бегом на фишку. Рысью, марш!..

Приподнявшись на корточки, я пригибаясь подобрался к броневику. Тут копошился Селянинов, водила снял с крыши пулемёт, добыл из недр разорённой машины пехотный станок и теперь по хозяйски протирает воронёный ствол «корда».

- Жень, помоги ребят из коробки вынуть. Похоронить не выйдет, снимем жетоны, соберём документы.

- Подвал поискать надо.

Сложим, на карте отметим, а как город возьмём – вернуться нужно или санслужбе магарыч выкатить.

- Добре, так и поступим...

... Ни до одного подвала докопаться не получилось. Далеко от броневика отходить нельзя, кроме того ещё не рассвело толком. В развалинах ближайших домов мусор лежал плотным слоем. Утрамбованным за прошедшие после бомбёжек месяцы. Стены обрушились вовнутрь, поэтому не стоило даже мечтать пробиться к подвальным помещениям с помощью лопаток. Всё что мы смогли сделать для трёх моих бойцов и лейтенанта, это сложить всех четверых в старую

воронку, занесённую снегом почти на треть. Я снял личные номера, разгрузки и само собой тактблоки «Звёздочки».

Оружие и боеприпасы мы рассредоточили по двум схронам, чтобы исключить вариант когда их накроют случайным снарядом или амеры найдут позже. На всякий случай, заминировали самый большой склад, где лежала электроника и оружие. Боеприпасы-то скоро и самим пригодятся, а это добро можно будет ещё использовать когда начнётся бой за город. Когда окончательно рассвело, у подбитой машины не было ни следа от недавней возни, так что если

придётся уходить без боя, амеры тут ещё носом землю пороют. Для верности, я отметил схроны на своей карте, обозначив для бойцов только тот, что с боеприпасами. Если захватят, пусть враг не жирует на полную: патроны-то они наши не используют, на крайний случай просто взорвут. Мы с водилой привалились днищу поваленного броневика и перевели дух. Женька тут же достал из кармана штанов затёртый серебристый портсигар и выудив оттуда плоскую сигарету, плотоядно втянув её запах, зажал в зубах. Он чуть повернул головы в мою сторону и спросил хрипловатым шёпотом:

- Ну, вроде управились. Дальше
чѐ делать будем?

Вопрос действительно крайне
насущный, особенно если учесть, что
именно мне сообщал штаб бригады.
Там не считали что воевать по сути
можем только мы с водилой, а меня и
тех двоих салажат записали в
полноценные разведчики. Согласно
приказу, нам нужно остановить
колонну вражеской бронетехники
идущей из центра города в нашем
направлении, а потом выдвинуться в
район улицы Октябрьской, на
соединение со взводом некоего
майора Доронина. Судя по званию
командира, это разведка фронтового
подчинения, что-то шибко

специальное. Видать забросили в тыл к амерам, да зажали в городе. Нашим в бригаду спустили приказ, помочь чем получится. Даже фамилия и звание скорее всего не настоящие, но эта мысль проскочила так, в уведомительном порядке. Нам и колонну эту вряд ли остановить, а уж пробиться почти в самый центр города, да ещё вчетвером... Нет, бя. Это ведь даже не чудо, это просто писец.

Но раз приказ получен, придётся смотреть, как его можно выполнить. Больше всего обидно за парней. Выжить повезло, но скорее всего ляжем тут все, в успех не верится совершенно. Так, гранатомётов у

меня – две «трубы» РПГ-29, а к ним по три гранаты, которые нам достались почти случайно [28]. Штука хорошая, хотя и 28 Имеется ввиду 105мм РПГ-29 "Вампир". Поступил на вооружение ВС СССР в 1989г. Является продолжателем традиций знаменитой "Семёрки", при этом превосходя РПГ-7 по многим показателям. "Вампир" имеет в качестве основного боеприпаса тандемную гранату полного реактивного действия ПГ-29В, что позволяет эффективно поражать цель на расстоянии до 500м. Граната тяжёлая, долго таскать такую это последнее удовольствие. В сумке по

две бронебойных и соответственно по одной осколочно-фугасной гранате. Есть ещё водила со своим «кордом», но по сводке выходит, что колонна это два «абрашки», одна БМП и пять зачехлённых самоходных артиллерийских установок. Будет ещё грузовик с пехотой и командирский броневик. Ясное дело, амеры перетаскивают артиллерию в другое место, чтобы устроить нашим сюрприз во время рывка. Колонна уже начала движение, но пока не может преодолеть завалы и примерно в ноль шесть утра, выйдет как раз на разбитое шоссе. Мин противотанковых у нас нет, задача изначально ставилась закрепиться на окраине и помогать разведданными

наступающим подразделениям бригады. Организовать опорный пункт это одно, а вот истреблять танки, это немного другое. Да и бойцы не подготовлены, разве что техники не боятся и обкатку прошли. Пальнуть по технике нам дадут спокойно только по разу, а времени на рытьё окопов почти нет. Место вдоль шоссе открытое, даже развалин нет, пустырь метров триста в поперечнике и все дела. Отойти после залпа тоже проблема: ну даже подожжём мы оба танка и БМП-шку, удерживается на траектории благодаря восьми стабилизаторам, что обеспечивает высочайшую точность попадания. Также

гранатомёт снабжается сошкой и штатной оптикой постоянной кратности 2.7X, традиционно есть и открытый запасной прицел.

Как показала практика всех современных локальных войн, "Вампир" уверенно поражает все современные танки, преодолевая их системы динамической защиты и основное бронирование. В частности, в Ливане, арабы жгли с их помощью израильские "Меркавы", а в Ираке точно так же горели американские "Абрамсы". В то время как ни один зарубежный аналог, включая распеаренный американский РПГ корпуса морской пехоты — SMAW, не может

справиться даже со старым советским танком Т-72(который выдерживает до 15 попаданий из данного вида оружия и сохраняет боеспособность). Есть "показательные" стрельбы: Т-72 чихает от "гостинцев", но едет и воюет. Подбить советский танк получалось только из того же РПГ-29.

ведь есть ещё джипы с пулемётами, этих-то точно будет штуки три. Водилу с пулемётом задавят, а там и нас выцепят, это наверняка. Взгляд мой невольно зацепился за красные заскорузлые руки Селянинова. Ефрейтор добыл огня из трофейной золотой

зажигалки и уже пустил первые клубы дыма через нос. Может быть из-за контузии, а может по другой причине, но курить мне не захотелось совсем. Хотя зная куркульскую привычку водилы ныкать по разным карманам курево, вполне можно было попросить сигаретку. Накатила очередная волна тошноты и крамольная мысль развязать с курением снова пропала. Однако дым окутавший голову водилы навёл на интересную идею. Толкнув ефрейтора в бок, я поинтересовался:

- Жека, а у тебя дым в тачанке остался?

- Это «химичка» что ли?

- Угу, пакеты дымзавесы. Целы, или махнул не глядя?

- Есть, как же без них-то...

Водила поднялся и обежав машину кругом, стал что-то выковыривать из едко пахнущего горючкой и гарью нутра броневика. Минут через пять он выволок и поставил передо мной два узких ящика с ворохом обрезанных проводов. Шесть дымовых гранат, с детонацией от электрического импульса. Завеса прикроет нам путь к отступлению, запитать от запасного аккумулятора из тех, что я вынул из тактблоков погибших бойцов. Снова присев в отрытый в сугробе окопчик, я стал прикидывать

наши возможности как боевого подразделения. Расчехлив блок управления, вызвал карту района. На монохромном дисплее всё не так наглядно, однако узнать шоссе и раздолбанные сейчас окраины труда не составило. Конечно, с точки зрения тактики логично выдвинуться ближе к городским кварталам и встретить колонну там. Руины изобилуют сильными позициями. Есть куда отойти, куча укрытий и возможностей остаться незамеченными. Всё так, но именно этого и ждёт противник. По пути следования пустят разведку, она будет перекрывать сектора возможного обстрела квартал за

кварталом, дом за домом, пока колонна не выйдет на шоссе. И вот тут амеры скорее всего уведут пехоту, может быть пересадят их в джипы, хотя по нынешним заморозкам «хамви» плохо себя показывают, джипов может и не быть вовсе. Это сильная сторона. Но есть слабости и их гораздо больше. По сути, мы имеем только одно преимущество, это фактор внезапности. Что можно сделать за пару секунд? Тут нужно получить разведданные, просто так в слепую планировать нет смысла. Заодно посмотрим, кто из взвода ещё смог преодолеть заградительный огонь и прорваться к исходным позициям. Вынув коммуникатор, я

отёр с экрана налипшие снежинки и ткнул в кнопку «обновить». Секунд пять ничего не происходило, так бывает, если вдруг инфосеть взвода глушит противник. Но бригада близко, от передовых позиций мы всего в полутора километрах. Радиотехники тоже воюют и их битва не менее напряжённая, чем наша, в поле. Вот по поверхности небольшого экрана поползла едва видимая рябь и сердце снова окутал холод. Три пиктограммы севернее двести и одна на юго-западе, удаление приличное, порядка полукилометра от наших позиций. Из несложного подсчёта выходило, что прорвалось семь-восемь человек.

С юго-западом вообще вопрос: система видит сигнал от броневика, сигналов людей нет. Группа обнаруженная на севере плотно блокирована, даже отсюда доносится непрерывная трескотня очередей, взрывы. До двух десятков человек и четыре «коробки» бронетехники, они зажали разведчиков в плотном кольце. Один из треугольников вдруг мигнул и погас, но вместе с ним мигнула и исчезла синяя пиктограмма вражеской «брони». Хороший размен. Я мысленно стал вспоминать, кто там мог быть из знакомых, но лиц как всегда различить не получилось. Быстро люди гибли, за десять лет ничего не

поменялось.

-... Ну чего, пехта, как там дела у соседей?

Женька плюхнулся рядом в сугроб, чумазое лицо неунывающего водилы не выражало ни капли тревоги. Сколько ему лет? Поди тоже восемнадцать или чуть больше. В таком возрасте смерти никто не боится, потому что не верят в возможность быстро кануть в темный холод небытия. Может быть это даже неплохо, боятся только по принуждению или от случая к случаю. Мой страх уже давно вымерз, я его почти не ощущаю. Лишь иногда боязно окунуться снова в холодный чёрный лёд смерти. Но ключевое

слово здесь именно «иногда». Всё застыло внутри, нет больше сильных эмоций, только холодный расчёт и упрямство.

- Осталось человек пять-семь. Оляха-12 и Оляха-5. Одни блокированы, амеры их скоро передают, другие... Там только сигнал с машины, людей не вижу. Нам более-менее повезло.

В синих глазах Селянинова промелькнула какая-то тень. Но имени этой эмоции я назвать не возьмусь. Он снова стал рыться в карманах бушлата и достав мятую пачку «Примы» выдернул оттуда кривой цилиндр сигареты, плотно прихватив его растрескавшимися

губами.

- А бригада как? Нам помогут?
Э, ты чего пехта?!

Не знаю, может быть у меня просто не вышло сдержать кривую ухмылку, но Женька побледнел и невольно подался назад.

- Помогли нам уже. Вон, приказ прислали...

Я как смог быстро, прогнал ухмылку с лица и чтобы не смущать больше собеседника. Опустил на лицо маску. Голос зазвучал приглушённо, однако так будет спокойнее. Женька успокоился и взяв в руки протянутый мной тактблок с картой и столбцом приказа бригады в левом нижнем углу. Долго, почти

минуту, он вчитывался в мелкий шрифт, невольно шевеля губами и роняя табачные крошки на снег и экран компьютера. Веселье куда-то испарилось, ефрейтор вернул мне «звёздочку» и пробормотал:

- Они там совсем ох-ели... Ропша, они чего, не знают сколько нас тут и в какой жопе мы оказались?!..

- А кого скребёт чужое горе? Женя, кроме нас никто амеровскую арту не остановит. Не потому что мы особенные, а просто больше некому.

Лицо водилы вдруг из бледного стало багрово-красным, так краснеют только рыжие. Глаза спрятались в узких щёлках век,

Селянинов долго и изобретательно выматерился, выронив сигарету на грудь. Потом поднял бешеный взгляд на меня и сказал:

- Надо сваливать, покрошат нас, зазря помрём... пальнём из развалин пару раз и уйдём к «пятёрке». Если машина на ходу, я вас вывезу.

Предложение водилы здоровое, но как для солдата, меня не устраивало совершенно. Уйдём мы, потом уйдёт вот так же кто-то другой, а амеры останутся. Это не правильно.

- Американцы переедут на новые позиции как задумали и раздолбают ребят из третьей роты, когда те выдвинутся к северо-

восточной окраине. И будь уверен, чисто раздолбят. Город не возьмут, погибнет ещё человек двести. С этим как быть?

Вот он сидит рядом, глаза полны злости и отчаянной решимости спасти свою жизнь. Он боится, как любой солдат, который не хочет гибнуть зазря. Ему так кажется, ибо перед глазами кишки лейтенанта и запах горелой человечины от которого першит в глотке. Дух этот въедливый и сколько потом ни живи, даже спиртом не вытравишь. Он видит трупы и ещё не привык пропускать эти «весёлые картинки» мимо сознания, они пока волнуют, гоняя страх по организму. Сейчас

адреналин снова затуманит
ефрейтору мозг, потом он будет орать
на меня, начнёт сеять панику.
Молодые его послушают и тогда
амеры точно пройдут к своим
позициям как по красной дорожке.
Незаметно сместив тело так, чтобы
высвободить левую руку, я
примерился для удара, а правой
нарочито расстегнул набедренную
кобуру и показал Селянинову рукоять
«глока». Смотря водителю прямо в
глаза, я разделяя каждое слово
сказал:

- Если приказали нам, значит
больше некому, брат. Нельзя
сваливать, это не по-русски.

Взгляд ефрейтора проследил за

моей правой рукой, в глазах появилось какое-то новое выражение, он понял что я сделаю.

- И что, после того как вынул меня из «коробки», так просто пристрелишь?!..

- Нет, брат. По своим стрелять никогда не просто. Но если ты сейчас будешь гнать волну. Пока мы все по горло в говне сидим, амеровской пули тебе ни видать, слово даю. И прежде чем рыпнуться учти: когда выберемся, этого разговора я тебе никогда не вспомню. Ничего не было.

Секунды растянулись в длинную ленту, падая в вечность с осязаемой тяжестью. Женька смотрел на

правую руку с пистолетом, но я бы просто ударил его в подбородок левой, сломав шею. Шуметь нельзя, да и салабоны будут сильно интересоваться чего да как. Но чем дольше длилась эта игра в гляделки, тем тише был огонёк решимости в его глазах. Наконец он повернул голову и зло выматерившись сплюнул в сторону.

- Хрен с тобой, ветеран!.. Один фиг помирать, так хоть не в паскудстве... Говори, чего делать.

- Не торопись. Пока мы знаем как войти, но не знаем как уходить.

Я указал ефрейтору на довольно высокую кучу щебня, метрах в двадцати от развалин дома где сейчас

сидел Климов.

- Бери свою бандуру и оборудуй там огневую точку с сектором на изгиб шоссе. Ещё одну сооруди левее и ниже. Влупят по тебе не сразу, но из всех стволов, так что отыщи щель поглубже. Когда «лента» будет входить в поворот и пацаны отработают по «коробкам», ты накроешь грузовик с пехотой. Дай щедро, от души. Если накроешь грузовик, батарея останется без obsługi и прикрытия, а значит так и так стрелять не сможет.

- А остальные?

- У каждого будет своя задача. Сделай что положено и не забивай голову бесполезной информацией.

Пока всё доступно?

- Да понял, не дурак!.. Тупого за баранку не посадят и в разведку не возьмут!..

Ефрейтор ушёл, даже не оглянувшись ни разу. Может быть Женька думал, что если всё пока вот так закончилось, то может быть я его пугаю. Он ошибается. Для кого другого — вполне допускаю, но только не для меня. Уже давно прошло то ощущение грани, которую сложно и боязно переступить. После того первого рва у потравленной деревни прошло и больше не тревожило. Когда впереди вновь маячит перспектива осложнить амерам жизнь, мне сложно найти

причину чтобы отступить. Да, рядом двое салажат и один хитрющий шофер. Все трое для серьёзного боя никак не годятся, но у каждого в жизни наступает момент, когда нужно сделать нечто невозможное. А у пацанят даже есть преимущество перед нами с Селяниновым. Они не будут знать, что план говно в силу собственной неопытности. А как по мне, то так оно лучше всего. Снова оттерев налипшие на стекло планшета снежинки, я специальным пером нанёс диспозицию для всего своего воинства и отправил в штаб бригады подтверждение на исполнение задачи. Попутно, особо не надеясь на успех, запросил данные со спутника,

или БПЛА. Короче всё, что могло бы дать картинку. К моему большому удивлению, минут через пять пришёл небольшой пакет данных, содержащий три снимка и короткое видео с нашлемника — так мы зовём между собой махонькие видеокамеры, которые нам тоже в этот раз выдали, но были они чуть похуже этой. Обычно их с собой на выход не брал, работали они так себе, но вот кому-то удалось сделать приличное кинишко. Единственный их плюс — работа в тепловизионном режиме. По весу и возможностям это лучше, чем громоздкий прибор ночного видения, который тоже крепится на шлем, но весит раза в

два больше.

На снимках, сделанных с небольшой высоты, чётко виднелось скопление техники. На первом снимке была площадь в одном из микрорайонов, примыкавшем к выезду на шоссе. Я увидел три танка в зимнем камуфляже, также окрашенную командно-штабную и бортовой грузовик в который грузились грязно-серые фигурки людей. На втором снимке были удачно пойманные в кадр шесть самоходных артустановок «паладин». Они выстроились на прилегающей к площади улице. Видимо рассчитывая примкнуть к головному танку, когда тот вырулит в переулок. Третий

снимок отображал лёгкую неразбериху: от центра города к формирующейся колонне подоспело четыре джипа, оснащённых пулемётными турелями. Они неудачно выехали прямо перед головным «абрашкой», заблокировав тому выезд. На видео с нашлемника были всё те же джипы, они вливались между самоходками и остальной техникой, что ещё сильнее затормозило выезд. Наблюдатель повёл головой влево и я увидел колонну целиком: впереди полз танк, за ним шли два джипа, следом все пять самоходов, потом штабная машина, ещё один джип и следом грузовик с людьми, потом

замыкающий джип сопровождения
но... Стоп! Я снова вызвал снимки и
понял: в грузовик садились не только
люди, там был ещё какой-то груз.
Может быть это жратва или ещё
какое-то имущество, но батарея шла
налегке. Задача у неё была
отстреляться и снова сменить
позицию. Значит, везли снаряды но
не много. Но зачем, ведь всё удобнее
возить в самоходках? Ладно, ребус не
по моей части. Свернув фото, я
выбрал иконки всей амеровской
техники и совместив их с полосой
шоссе на карте расставил так, как
они были изображены на видео. Если
порядок следования сохранится
прежний, так они и проследуют

прямо к месту засады. Потом отмерил вдоль шоссе на пустыре позиции отделения. Они расположатся по правую сторону, от проходящей техники, между лёжками будет стометровка и на расстоянии четырёх сотен метров от шоссе. В одной я сяду сам, в другой расположится Климов. Он вроде как постарше и выглядит более собранным. Ещё одна точка будет за Симаком, он подорвёт контейнеры с дымом, когда мы отстреляемся. Он будет на одной линии с позицией Селянинова, так что пока амеры отвлекутся на нас, он скорее всего успеет дать очередь по грузовику. У нас же с Климовым вряд ли будет

возможность стрельнуть второй раз, амеры тут же накроют предполагаемые точки пуска ракет ответным огнём. Я пробью в штабную машинку, Климов постарается выцелить головной танк. «Вампир» - штука для любого современного танка практически сто процентов смертельная, да и цель большая, промазать салага не должен. Штабной «лимузин» можно продырявить и из чего попроще, но именно что продырявить. Если граната пройдёт на вылет, пассажиры просто отделаются лёгким испугом, сквозная дырка в борту и всё. Поэтому стрелять надо умеючи, а мне уже приходилось работать из

подобной «шайтан-трубы», поэтому авось не промахнусь и поджарю господ иностранных офицеров как положено.

От обоих бойцов пришло подтверждение, скоро они вернутся с постов, поскольку дальнейшее наблюдение не имеет смысла. Когда будем уходить, я расставляю вокруг подбитого броневика несколько противопехоток, чтобы испортить жизнь поисковой команде амеров. Они пока сюда не добрались, но скоро точно пожалуют, такие моменты я с течением времени чувствую всё острее. Близость врага ощущается каким-то особым зудом в затылке. Хочется почесать, стряхнуть

невидимый прутик щекочущий
волосы и кожу...

- Всё, откопал как положено. До
земли не добрался, смёрзлось всё
конкретно...

Женька снова сидел рядом, во
взгляде водилы застыл всё тот же
вопрос: мы и правда это сделаем?
Ещё раз вглядевшись, я не увидел
решимости дать тягу и это уже плюс.
Порой человеку нужно время, чтобы
осознать неотвратимость нависшей
угрозы и в то же время обрести
надежду на спасение. Шанс,
призрачный и почти не осязаемый, у
нас всё же был. Вынув планшет,
пропуская пустую реплику мимо
ушей, я сказал:

- Тогда смотри и слушай. Ты работаешь с возвышенности, больше десятка выстрелов сделать вряд ли выйдет...

- Успокоил, бля!..

- Поэтому старайся целиться точнее: веди очередь слева на право, от капота под обрез кузова. Там какие-то ящики. Может жратва, а может боеприпасы. Плюс есть шанс порезать пассажирам ходули. Пока очухаются, пока организуют транспортировку раненых, любая их задержка нам в масть.

Селянинов вновь вытряс из пачки измятую сигарету и щёлкнув золотой зажигалкой прикурил, одновременно жадно затягиваясь.

Кисловатый дымок пополз в мою сторону, но железистый привкус во рту и постоянная тошнота всё ещё не давали мне вновь порадоваться любимому запаху.

- Не дыми на фишке, амеры наверняка тепловизором щупать всё будут.

- Да я...

- Женя, будь ласков не дыми. Амеры почувствуют засаду, а тебя долбанут из всех стволов. Чего-чего, а уж палить со всей дури они умеют.

На лице ефрейтора появилась расстроенная гримаса, но резон в моем приказе он понял и вдруг совсем по детски собрав брови «домиком», спросил:

- И чё делать, если уши опухнут?

- Жуй табак, но не глотай. Будет

паршиво, но отвлекает нормально. И ещё, амбразуру в бруствере глубже и шире делай. Обзор сужается, но вспышку гасит. Не сильно, но... короче попробуй, вреда не будет.

Ефрейтор поднялся, я тоже встал. Женька ещё раз оглянулся через плечо и как-то сразу подобравшись побежал к развалинам барака. Спрятав планшет в чехол, я отправил обоим бойцам приказ возвращаться. В наблюдении больше смысла нет, как только все разойдутся, поставлю пару противопехоток возле поваленного броневика и можно отсюда уходить.

Амеры могут прийти, а могут и забить на прочёсывание, ввиду того, что скоро так и так тут по их представлениям начнётся месиво. А нам всего-то и нужно затаиться, до подхода колонны. Минут через десять, когда восходившее солнце вдруг спряталось за набежавшими с юга низкими серыми тучами, подошёл сначала Симак, а следом и Климов. Оба выглядели слегка виновато, скорее всего оба спали на посту. Раньше бы получили по морде. Но сейчас было не до воспитательной работы, до предполагаемого момента подхода колонны оставалось что-то около получаса, может чуть больше. Забрав

у Симака «граник» и сумку с ракетами, я поставил задачу, как мог более сухим, казённым тоном. Но ребята всё же заметно струхнули, это сразу бросилось в глаза. Климов промолчал, а второй боец спросил сипловатым от волнения голосом:

- Товарищ младший сержант, а это нормально?

Они все считают, что если я так долго живу на этой войне, то может быть у меня с пулями да осколками договор о ненападении. Чего не выношу больше всего, так это горящие надеждой и страхом глаза вот таких вот салажат. Сказать, что я давно мёртв и они тоже? Нет, страх не лечат безнадёгой, всегда должна

быть надежда. Поэтому снова сделав безразличное лицо, я ответил глядя поочерёдно каждому из них в глаза:

- Бить врага всегда нормально, рядовой. Бояться тоже не возбраняется. Бойся, но бей и тогда выживешь, а он нет.

Парни стушевались, а я увидел в каждом из них своих знакомых по прошлым войнам, о которых сейчас уже никто толком и не вспомнит. Да и нужно ли это, когда перед каждым разверзлась такая пропасть из мерзости, что всё что было до этого жаркого лета, кажется теперь нереально маленьким, преданием глубокой старины, почти сказкой.

- Помните свою задачу,

выполняйте всё чётко и останетесь жить. Если что-то пойдёт не так, ещё раз повторите процедуру шаг за шагом. Всё получится, если сосредоточится на том, что можно сделать. Климов, целясь точнее, Симак — замыкаешь контакты и рывком на северо-восток. Пробежать надо всего метров сто, может быть чуть больше. Дым нас укроет, амеры так далеко не побегут. У развалин 169 дома, по улице Красных мадьяр собираемся и идём на соединение с группой фронтового подчинения, нас уже ждут, должны встретить. А теперь рысью на позиции, окопы сами по себе не отроются. Бегом, марш!..

Когда пацаны убежали, неуклюже переваливаясь и поминутно оступаясь на припорошенных снегом руинах, я взял разложенные и приготовленные загодя мины. Все три поставил на склонах сугроба, чтобы сектор поражения осколков был шире и перекрывал друг друга. Для амеров поставил возле заднего моста «Тигра» плотно и загодя набитый щебнем рюкзак одного из покойных бойцов. Они его сдёрнут, подумают что сюрприз именно там. Если не взорвётся, расстреляют издали, а может плюнут на всё и полезут мародёрить. Так и так им не светит уйти отсюда живыми, коли всё-таки

подойдут к машине...

Низко висящие над землёй тучи принесли с собой мокрый, липкий осенний снег. Он нехотя таял, большей частью оседая на земле липким месивом. Солидные его лоскутья залетали в небольшую щель зазора между краем неглубокой ямы и покрытым ржавчиной куском кровельного железа, которым окоп был накрыт. Сверху я насыпал небольшой холмик, дабы придать крышке вид обычного сугроба. Правее, в соседнем окопе, оборудованным схожим образом, лежал Симак. Пацан больше не крутил головой, похоже опять уснул. Так прошло минут двадцать, ветер

принёс запахи горелой соляры и
чего-то ещё, резко-химического. Я
взбадривал всех по переговорнику,
стуча одну и ту же безмолвную
команду: «готовность!» В
упрятанном в шлеме наушнике
раздаётся писк, это мешает ребятам
заснуть окончательно. Окопы мы
отрыли и замаскировали в рекордные
сроки, почти за полчаса, до
предполагаемого появления
иностранных гостей. Но прошёл уже
почти час, а дорога всё так же пуста.
Штаб бригады дважды запрашивал
инфу об исполнении приказа, но я
вынужден был всё так же
односложно отвечать: «ждём
прохождения 4-6-3, ждём

прохождения». Ничего в таких случаях не происходит вовремя. Всегда кто-то либо поспешит, либо опоздает. Снег сначала валил огромными мокрыми хлопьями, но когда ветер сменил направление и задул нам в тыл, вдруг стих. Редкая белая крупа время от времени туманила горизонт, так что я не сразу заметил цепочку серых точек впереди и справа. Впереди скорее всего идёт танк, поэтому рука сжавшая короб цифрового бинокля сама замерла. Нет, оптику амеры точно засекут, нужно обходиться своими силами. Отщёлкав клавишами приказ о готовности, я подтянул к себе снаряженный к

выстрелу РПГ и снова замер. Мельком бросив взгляд на дисплей коммуникатора увидел доклады о готовности. Все трое моих бойцов, наша крохотная армия, все были готовы и ждали. Минуты потянулись одна за другой, точки вдали медленно превращались в оплывшие силуэты, а немного погодя обрели окончательную чёткость. Впереди действительно шёл «абрамс», танк был весь увешан фрагментами активной защиты, которые мы между собой зовём матрасами. Следом ехал джип с автоматическим гранатомётом на турели, за которой сидел укутанный в какое-то тёплое тряпье человек. Очки, навёрнутый на

шею толстый кусок ткани, вот пожалуй и всё, что я смог разглядеть. Следом катила тяжёлая самоходка, надо сказать скорость её была так себе и поэтому все остальные вынужденно равнялись по самому медленному члену конвоя. Вот откуда задержка, поэтому колонна плетётся так долго. Я насчитал пять этих неуклюжих машин, между которыми затесался ещё один джип сопровождения. Но уже с пулемётом на крыше. Там за турелью сидел некто настолько низкорослый, что его голова в шлеме едва-едва поднималась над краем щитка на треть. Колонна медленно, но верно приближалась, стали слышны звуки

гудящих двигателей, обычной для амеров музыки уже не было, нервничают. Я сморгнул снежинку с ресниц и вглядываясь внимательнее, увидел свою цель. КШМ-ка шла медленно, почти на четверть силуэта скрытая снежными наносами у обочин дороги. Следом катил грузовик и ещё пара джипов. Вообще у всей техники был вид потрёпанный, видимо они недавно вышли из боя. На замыкающем колонну танке матрасы были сбиты, бортовая броня покорёжена и опалена. Досталось где-то родимому, жаль не досмерти...

Пискнул тактблок, пришло сообщение от Климова. Тот уже

изготовился, цель видит, готов работать, Симак тоже отстучал, что не спит. Я взял трубу РПГ и приложил отвердевший каучуковый набалдашник прицела к глазам. Сошка упёрлась в задний край окопа, сквозь сетку оптики я различил медленно плывущий бок штабной машины. Указательный палец вынырнул из уютно нагретого напальника в прорезанную дырку, огрубевшая кожа лишь слегка ощутила холод спускового крючка. Вдох, выдох... вот теперь ты мой, приятель...

- Ловите, суки!..

Отдало в плечо и чуть шелохнуло назад. Резко запахло сгоревшей

смесью, но руки сами уже искали следующий цилиндр гранаты, уходить было нельзя.

- Цель не поражена... цель не поражена...

В наушнике свербел искусственный голос. Одна из целей назначенных к уничтожению не потеряла свой маркер, значит кто-то промахнулся! Смотреть было некогда, щёлкнул замок патронника, картридж с гранатой чётко встал на своё место...

-Вуум-ахх!.. Вуумм-ах-х-х!

Земля под ногами вдруг зашевелилась и всё вокруг устремилось вверх. Две осколочные гранаты легли рядом с укрытием

справа, а сзади метрах в тридцати землю вздыбил танковый бронебойный снаряд. Амеры до сих пор редко стреляют фугасами. Их не часто снаряжают в боекомплект, будь там именно фугас, нас бы точно сейчас причесало так, что мама не горюй. Превозмогая звон в ушах и с трудом различая предметы сквозь поднятую взрывами снежную пыль, я увидел что по нам стреляют головной танк и выехавший на обочину джип. Климов промазал. Не осматриваясь больше. Я выставил трубу гранатомёта и быстро поймав в скачущий прицел узкую полосу между нижней боковой кромкой танковой башни и прикрытого

матрасом борта «абрамса», снова выжал спуск. Привычно уже отдало, вдруг рядом земля вздыбилась волной грязи и твёрдого крошева. Кто-то нащупал точку с которой был пуск и лупил из крупнокалиберного пулемёта. Ещё пара мгновений и накроет. Опять не видя результата, я заорал в микрофон рации:

- Всем на точку!.. Всем на точку!..

Но в этот момент, уже на грани слышимости я различил далёкий треск пулемётной очереди, потом ещё и ещё. А в следующий миг колонну от меня заслонила пелена едкого белёсого дыма, Симак подорвал таки дымзавесу и ноги

сами вынесли меня прочь из окопа. Воздух сотряс ещё один взрыв. Вдруг стало очень светло и я ощутил как на мне начинается тлеть накидка, а снег под ногами вдруг стал таять, обнажая бурую грязь. Оглядываться назад времени не было, но что бы там ни произошло, колонна явно остановилась. Сейчас я сосредоточился только на собственных ощущениях, всё внимание было только на ноги, чтобы не оступиться. Бег по пустырю изрытому воронками, заваленному щебнем и присыпанному сверху слоями успевшего слежаться снега, это тоже своего рода искусство. В такие моменты, будто глаза

вырастают на подошвах ботинок и ты
скользишь от рытвины к рытвине,
иногда оскальзываясь на острых
обломках кирпича или ещё каком-
нибудь куске мусора. Притаившемся
под снегом, будто ждущего чтобы
сорвать набранный с таким трудом
темп. Гранатомёт ощутимо бил
нижним краем пустой теперь трубы
по левому бедру, в сумке сиротливо
болталась последняя фугасная
граната, бесполезная против
оставшейся позади техники. Рядом, а
точнее пару метров позади, бежали
оба моих бойца. Бегло оглянувшись, я
не увидел, пятен крови, вроде оба
уцелели. Стрельба прекратилась в
тот же миг, когда что-то полыхнуло

там, у дороги. Жар был нехороший, накидка и бушлат прошиты огнеупорным волокном, но оно заметно оплавилось, судя по ощущениям. Не знаю что это было, но выяснять это совершенно не хотелось.

Минут двадцать мы бежали по пустырю, забирая ближе к городским окраинам и вскоре показали уцелевшие остатки того самого дома, который я наметил как место сбора. Увидев широкую щель в стене, я махнул рукой бойцам чтобы останавливались, а сам пробежал ещё метров десять. По краям прорехи лежал свежий снег, пришлось осторожно смахнуть его снятыми с

рук перчатками. Поворошив пару подозрительных кусков щебня и убедившись что растяжек и других взрывчатых пакостей нет, я махнул рукой бойцам чтобы проходили внутрь:

- Поднимитесь на второй этаж, тихонько осмотритесь по квартирам, но в окна не высовываться. Амеровские беспилотники и снайпера не спят, их наверняка уже на нас насторожили, вон как полыхнуло. Осмотритесь, оборудуйте наблюдательные посты, я скоро буду...

За двоих ответил Климов, но от чего-то в глаза мне парень не смотрел, да и в облике его было

нечто неправильное, однако я пока не понял, что именно. Он было начал поднимать руку чтобы приложить её к съехавшему набок шлему. Но вовремя отдёрнул её и просто просипел:

- Е...есть!..

- И это... Не спать обоим, снег опять же не жрите!.. осмотрите друг друга, нет ли ранений, посчитайте что осталось по патронам, сколько чего у вас в наличии. Всё!.. бегом, пацаны, бегом...

Когда бойцы протопали по обвалившемуся полу квартиры первого этажа и вышли в зияющую дырами прихожую, я привалился к стене у дыры, через которую мы

вошли и прикрыл глаза. Ветер снова задул, вгоняя в зияющую неровными краями трещину жёсткие заряды снежной пыли. Выглянувшее было солнце снова скрылось за тучами, стало почти сумеречно темно. Сердце билось и ухало как кузнечный молот, ныли и жаловались новые болячки, постанывали застарелые. Нащупав мундштук поилки, я втянул было, но вместо струйки холодной воды в рот попал только морозный воздух. Внутри всё заглодело от недобрых предчувствий, но когда я ощупал горб с поилкой, то удалось нашарить там рваную, оплавленную дыру. Пришлось быстро разоблачиться. Но

всё на этот раз обошлось: довольно крупный раскалённый осколок прошёл слева на право поперёк спины, распорол накидку и порвал поилку, чиркнув по задней пластине бронежилета. Сейчас я смутно припомнил толчок в спину, но в горячке боя не воспринял его серьёзно. Броник снимать я не стал, сделанная из какого-то хитрого пластика бронеплитка ещё послужит. Обошлось и ладно. Снова вздев на себя пустой «граник», тощий рюкзак и сумку с единственной гранатой я вынул планшет и включил. Хитрая машинка завелась, немного подумав выдала картинку. Сейчас на тактической карте колонна

значилась как частично уничтоженная. Первой темнела моя бронемашина, потом я увидел, как промазал Климов, а потом результат моего повторного выстрела. Танк удалось поджечь, но вот дальше всё было странно. По данным полученным уже из штаба бригады, колонна никуда не тронулась с места. Там всё оказалось заштриховано красным, будто после обстрела с воздуха.. Я отстучал сообщение о том, что приказ выполнен, но ответа не получил. По аварийным каналам связи тоже не было, но это обычное дело. Вдруг, где-то слева впереди закрипел снег. Я бросил планшет и подняв лежащий у правой руки

автомат повернулся в ту сторону на треть корпуса.

- А скажи, как я ловко ту фуру поджёг, а?!..

Из-за небольшого холмика поднялась облепленная снегом чёрно-серая фигура. Женька неловко перекатился через холм и не удержавшись на ногах покатился прямо к моим ногам. Я быстро втащил водилу в комнату и тут же бегло его осмотрел. Жив и тоже не ранен, только вот он где-то расстрелял два рога-сорокапятки к своей «ксюхе» [29] и сейчас укороченный автомат с обмотанным синей изолентой цевьём болтался на ремне, а в горловину

магазиноприёмника набился грязный снег. Пустая связка из стянутых той же изолентой магазинов выглядывала из-за пазухи лихо расстёгнутого бушлата. Впервые за последнее время я ощутил прилив облегчения. Но так уж устроен мой организм, что вслух я смог только хрипло пробормотать:

- Ты чё, огородами добирался?

29 Имеется ввиду автомат Калашникова складной, укороченный – АКСУ. Он же "чебурашка", он же "ксюха". Автомат создан на базе АКС-74, для водителей бронетехники и лётчиков советской, и само собой российской армии. Изделие максимально унифицировано по узлам и деталям со старшим братом,

отсюда его очевидные достоинства и недостатки. Достоинства – мощный, для оружия данной категории, патрон и высокая мобильность автомата в условиях узких коридоров или скажем кабины пилота вертолѐта, либо истребителя. Недостатки – невысокая эффективная дальность ведения огня(около 130м), быстрый перегрев(после отстрела 60 патронов непрерывной стрельбы, часто начинаются "плевки"); Ещё можно реально оглохнуть поскольку из-за короткого ствола и конструкции надульника звуковая волна накрывает стрелка. Но несмотря на некоторые минусы, АКСУ вполне вменяемое оружие,

которое легко освоить и вполне уверенно можно использовать как личное оружие.

Автомат укорочен в двое, против АКС, ствол у него с соответственно передвинутый назад газовой камерой, укорочен также шток газового поршня; установлен специальный надульник, служащий расширительной камерой (для надежного функционирования газового двигателя автоматики) и пламегасителем. Крышка ствольной коробки имеет шарнирное крепление к ствольной коробке в передней ее части. прицел открытый, секторный, целик перекидной – с установками на 200 и 400 метров, закреплен на

крышке ствольной коробки. В остальном же механизмы, органы управления и общее устройство АКС-74У аналогичны устройству автомата АКС-74.

ТТХ: Калибр 5,45x39 мм. Длина: 735 мм и 490 мм со сложенным прикладом. Длина ствола: 210 мм. Вес без патронов: 2,71 кг. Емкость – 30 патронов в секторном отъёмном магазине. Могут также использоваться пулемётные магазины на 45 патронов от РПК-74. Темп стрельбы: 650 – 735 выстр/мин.

Селянинов надсадно закашлял, потом высморкал на землю чёрную, с кровью мокроту и сдвинув со

спиной синтетическую подушку-пождопник прислонился к куче щебня возле заваленного мусором оконного проёма. Пошарив за пазухой и вынув смятую в гармошку сигаретную пачку, он взглядом попросив разрешения аккуратно вырвал зубами обломанную на треть сигарету. Чиркнула золотая зажигалка и по комнате поплыл табачный дух, впрочем тут же подхваченный сквозняком и улетучившийся сквозь многочисленные щели. Блаженно выдохнув порцию дыма влево, он снова жадно затянулся и начал рассказывать:

- Как штабной шарабан

загорелся, я сразу пристроился к пулемёту. Обустроился капитально: портсигар рядом положил, дымить ни-ни, само собой уши пухнут. Удовольствие от сигарет без дыму, никакого в натуре!.. Сижу, ароматы пустые нюхаю. Да тут вижу, твой второй пацан промазал и дело кисло оборачивается. Амеры втопили караван быстрее пошёл, джип передний по дуге на вас стал заходить. Думаю, ещё немного и грузовик с солдатнёй мимо проскочит.

- Значит, выстрел был?

- Был, как не быть. Только пацан твой высоко взял, граната потом в поле взорвалась. Но ты не промазал,

«абрамыч» загорел, аж люки посшибало, да матрасы с бортов посыпались.

- А что так полыхнуло?

Женька подкурил от истлевшего до ногтей окурка ещё одну сигарету и только молча пожал плечами.

- А фиг его знает... Я по машинке отработал, как договаривались. Она зажглась, по мне задний танк с тыла начал работать. Ну ясный пень я побёг, вон портсигар дарёный там и оставил. Отел вернуться, да тут из развалин с тыла амеров человек пять прямо на меня выбежало. Пострелялись маленько: я в них, они в меня... Портсигар им в трофеи достался, ну

там кто выжил, конечно. Потом как рванёт! Аж жарко сделалось, чисто лето настало.

- Может наши «грачи» [30] на штурмовку заходили?

- Не, я не слышал. Эти коптилки громко летают, да и по рации нас бы оповестили, чай не в первый раз. Может в грузовике что взорвалось или в танке?..

Я молча покивал, мысленно соглашаясь с водилой. Если штурмовики заходили на колонну, они должны были видеть нас на радаре. «Звёздочка» при облучении радаром самолётная БИС точно бы послала пакет «свой-чужой». Спасти бы не спасло, но предупреждение по

сети точно бы прошло, теперь это норма. Рвануло нечто мощное, но слишком сильно для обычных боеприпасов. Вернуть на пару секунд лето, тут надо 30 Имеется ввиду советский фронтовой штурмовик СУ-25 принятый на вооружение в 1980г, стоящий на вооружении российской армии до сих пор. Су-25 (по кодификации НАТО: Frogfoot), это бронированный штурмовик, скорее даже летающий танк, предназначен для непосредственной поддержки сухопутных войск над полем боя днём и ночью при прямой видимости цели, а также уничтожения объектов с заданными координатами круглосуточно в

любых метеоусловиях. В настоящее время производство СУ-25 свёрнуто в пользу СУ-39(улучшенный и доработанный вариант фронтового штурмовика).

СУ-25 отлично зарекомендовал себя во время войны в Афганистане, также высоко эффективен был в обеих чеченских компаниях. Специалисты отмечают высокую живучесть и отличную манёвренность боевой машины: даже при получении критических повреждений не отмечено ни одной потери самолёта из-за взрыва топливных баков, гибель пилота отмечена как единичный(!) случай более чем за 30 лет лётной истории

машины. По своим лётным и боевым характеристикам "Грач" значительно превосходит своего главного конкурента на поле боя — американский штурмовик А-10.

иметь солидный запас энергии. Ну да что случилось, того не изменишь.

- Может и так... Ладно, пошли наверх, пацаны поди дрыхнут уже. Если в доме кто есть, прирежут обоих, а с меня спросят потом как со старшего.

- Хе! А ты оптимист, ветеран. Сейчас из жопы еле выползли, а впереди полный город жоржей. И ты ещё про «выжить» фантазируешь. Цирк, одно слово!...

... Иногда приятно ошибиться, просто для разнообразия. Никто из ребят не спал, когда мы с Женькой забрались на полуобваленную площадку второго этажа. Вообще, дом непонятно как устоял. Судя по повреждениям, он должен был обвалиться во внутрь ещё после того, как во дворе у него разорвалось подряд несколько авиабомб. Воронки диаметром три и пять метров отлично просматривались из прорех в фасаде. Пока мы карабкались наверх, мне удалось их хорошо рассмотреть. Помогая друг другу, мы с водилой пролезли в полузаваленный мусором дверной проём одной из четырёх квартир. Три

другие двери напрочь вынесло, а сами помещения оказались засыпаны щебнем чуть ли не до самого потолка. Оба моих бойца оказались при деле: Симак колдовал над спиртовкой, в комнате густо пахло рисовой кашей со свининой из пайка. Три банки стояли возле маленького синеватого огонька, который даёт спиртовая таблетка, а ещё одна аппетитно пощёлкивала на жестяной треноге. Климов лежал на расстеленном коврике у окна гостиной, выходявшего прямо во двор. Парень прильнув к автомату что-то разглядывал впереди, даже не обернувшись на звуки голосов. И внимательнее присмотревшись я

понял, что было не так: трубы гранатомёта и подсумка с гранатами я нигде не увидел. Теперь всё ясно, бросил оружие, чтобы быстрее бежать. Промазал и потом бросил ненавистную трубу. Жестом подозвав Симака я приказал тому сменить товарища на фишке и без предупреждения врезал подошедшему и слабо улыбавшемуся Климову по морде. Не ожидая удара, тот как-то сразу повалился на пол, зацепив плечом спиртовку. Банки глухо стуча боками покатались к стене. Спиртовка опрокинулась, таблетка зарылась в снег у порога и зашипев погасла. Не давая опомниться, я рывком поднял

солдата на ноги и зашипел тому прямо в выпученные от страха и боли глаза:

- Ты зачем гранатомёт выкинул, падла безмозглая?! Промазал по танку, понимаю – бывает. Но сейчас ты всех нас подставил! Тяжело было нести, да?! Шкуру свою спасти решил, обсосок мелкий? А о том, что амеры с коробок своих воевать привыкли и в первую голову нас техникой давить будут, ты помнишь?!.

Рука моя сама потянулась к бедру, нащупав «глок» я уже не сомневался что сейчас будет. Но тут подоспел Женька и с усилием оторвав меня от бледного как снег

бойца. Тот привалился к стене, не отрывая от меня полных ужаса глаз.

- Эй, ты полегче! Ропша, ну дал пацан косяка... С кем не бывает, чё сразу за пистоль, то?

Ярость утихла так же быстро, как и появилась. Понятно, что пацан в первом бою ничего кроме страха не чувствует. Мыслей в башке нету, одна звонкая пустота и страх. Полушёпотом, я проговорил уже ставшие прописными для многих выживших истины:

- Техники у амеров много, а нам ещё кварталов шесть до этих секретных разведчиков идти. Ладно если те сами сдохли, тогда сфотографируем место и будем

ждать наступления где-нибудь в щели. А если бой, если они в окружении сидят? Как пробиваться будем?

Я было шагнул в сторону Климова, намереваясь сесть напротив, но тот шарахнулся, отползая от меня в зал и одновременно подтягивая к себе автомат волочившийся по полу. Селянинов тут же подскочив. Отобрал у парня оружие и взяв напуганного солдата за отвороты куртки прислонил его к противоположной стене. Положив автомат рядом со своей безрогой «ксюхой», он собрал раскатившиеся по полу банки и поставил их кучкой.

- Ну, есть же у нас гранаты. Да и фугас вон один у тебя остался, как-нибудь выберемся...

Его слова вызвали у меня только очередной приступ глухой тоски. Я ощупал разгрузку и вынул три кругляша положив их перед собой.

- У меня осталось три РГО-шки [31], да один фугасный выстрел к «гранику». Положим джип фугасом остановлю, а вот «броню» гранатами точно не закидать. Хлебовозка нас издали из пушки нашинкует, я даже из рогатки прицелиться не смогу. Если бы этот мудака хоть гранаты с собой приволок уже не так плохо, но он всё кинул и побежал!

31 РГО — Ручная граната,

оборонительная; Хороша тем, что взрыв происходит от удара об поверхность, а не только от прогара замедлителя в запале. Особо хорошо себя показала во время боёв в горно-лесистой местности, в условиях ограниченного пространства городской застройки.

Граната с запалом двойного действия (ударно-дистанционным УДЗ) . Корпус – стальной, четырёхполусферный(три с внутренней насечкой, один с внешней). Масса гранаты – 530г, заряда ВВ – 92г. Средняя дальность броска: 25-40м. При взрыве образуется 670 – 700 осколков средней массой 0.46г, начальная

скорость разлёта – 1200 м/с, радиус разлёта убойных осколков – 50м, эффективного поражения живой силы – 16,5м.

Хлебовозками мы называем амеровские БМП «брэдли». Неуклюжие, очень капризные при нашей погоде они всё же доставляли пехоте много неприятностей. Ведь на одну нашу старенькую БМП-2М, у амеров было три, а то и четыре этих самых «брэдли». Хорошо ещё что гранатомётов было в достатке, даже обычная «муха» [32] бьёт американский БТР наповал. Поэтому что-то всегда с собой приходится таскать, а тут мы оказались в окружении, да ещё практически с

голыми руками. Под моим остановившимся взглядом, Климов вжался в стену, так что я отвёл глаза, злости больше не было, мысли занимала возникшая проблема. Я махнул Селянинову рукой, чтобы тот вернул автомат солдату:

- Ефрейтор, верни бойцу личное оружие. Когда вернёмся в расположение взвода, разговор о потере вверенного имущества будет у него уже не со мной. А за то, что направил на меня ствол – прощаю, но сделаешь так ещё раз или просто подумаешь об этом, то из него же и пристрелю. Если понял, кивни.

Климов не сводя с меня белых от напряжения и страха глаз медленно

наклонил голову. Женька развёл из набранных по квартире обломков мебели небольшой бездымный костерок вокруг банок. Как только те защёлкали, он разметал прогоревшие до золы угли и выкатил одну за другой закопченные цилиндры.

- Рубай, босота!

32 РПГ-18 "Муха".64-мм советский реактивный гранатомёт одноразового использования. Эффективен на дистанции до 100м, пробивает 300мм брони, весит около 3.00кг. В настоящее время снят со снабжения российской армии, однако на складах и варсеналах частей всё ещё присутствует большое количество этих гранатомётов.

Я подвинул Климову одну банку носком ботинка. Тот снова было дёрнулся но поняв что происходит взял банку, однако я остановил его:

- Жрать будешь после дежурства. Бегом на фишку, а Симака позови сюда. Сиди там пока не сменю. Уснёшь, или проморгаешь амеров... короче, включай фантазию. Хорошего не жди. Теперь пошёл на пост... бегом!

Каша оказалась очень вкусной, а главное, горячей. В очередной раз помянув недобрым словом водилу. Я ковырял разваристое, клейкое месиво обломанным клинком ножа. Злость немного утихла, еда и тепло настраивают на более миролюбивый

лад. Порой вот забываю, что есть рядом салажата, которым только больно, страшно и хочется жрать, да жить. Само собой он не со зла бросил тяжёлую трубу и гранаты. Когда кругом всё рвётся и грохочет, из головы вышибает все мысли кроме тех, что об уютной щели где-нибудь подальше от осколков и пуль. Но если не одёрнуть, не ввести в берега. Первая трусость и растерянность войдёт в привычку и солдата не станет. Это будет готовый дезертир или, что скорее всего, труп. Ну сбежит такой вот обиженный, ну спрячется пока не закончатся притыренные загодя продукты. День-другой может и проживёт. А как

голодуха прижмёт, выйдет или к амерам сдаваться, или попробует у наших чего украсть, тут его и пристрелят. Рассказывать такое Климову бесполезно, тут словами уже не получится. А пока моя мордосуйная политика его обозлит, пацан в чувство придёт, может будет меня бояться больше, чем противника со всем его железом.

Писк в наушнике отвлёк от размышлений. Штаб бригады запрашивал подробности нападения на колонну. Быстро они про всё узнали, странно всё это. Собрав все имеющиеся данные, я свёл их в донесение и приложив вычерченную собственноручно карту отправил.

Через пару минут пришли обновлённые данные по местонахождению пресловутой группы фронтовых пластунов, к которым нам предстояло пробираться. Тут были данные со спутника и что самое удивительное, пароль какого-то беспилотника который амеры толи не видят, то ли просто по какой-то причине не сбивают. Набрав стилусом пароль, я опять откинулся назад к стене, ловя слабые тёплые волны исходящие от нашего небольшого костерка. Женька, сидевший напротив, посмотрел вопросительно и поинтересовался:

- Чего начальство говорит?

- Они молчат, видно мы их сильно удивили там, на шоссе.

- Может, отпуск в тыл дадут, а? Я слышал, что в Кургане китайцы уже много чего восстановили. А под городом даже турбазы есть...

Упоминание о турбазе вызвало целый букет ассоциаций: горячий душ, трёхразовое питание, может быть постель с настоящим, белым бельём и тапочки...

- Ты лучше думай, где нож будешь доставать. Я с тебя, архангел бескрылый, не слезу!

Снова пискнул зуммер, на этот раз пришлось опустить на глаз блямбу визора. С нашлемника Симака пошла картинка: два «хамви»

проехали мимо нашего убежища в сторону центра города. Чёрно-белая картинка светилась разными оттенками этих двух главных цветов. Камера, будучи переведённой в тепловизионный режим, показывает тушки врага мелькающие за дверными стёклами. Трое всего, даже за турелью никого нет, видно торопятся куда-то. Проехали очень быстро, так что на сей раз опасаться нечего. Но это было лишним напоминанием о том, что здесь мы долго не высидим. Отозвав парня с фишки я собрал всех у костра и сказал:

- Сидеть тут будем пока не начнёт смеркаться. Амеры

расширяют зону патрулирования перед нашим наступлением, скоро могут заявиться и сюда. Сейчас осмотреть экипировку, проверить обувь, боекомплект и оружие. Потом всем отдыхать, я покараулю сам. Ефрейтор, возьми у бойца Климова пару гранат и развесь внизу, чтобы сюрпризов не было, покуда на массу давите.

- Хорошо, щас организуем...

- А вы двое, поесть, оправиться и спать. Пойдём быстро, нам до ноля часов надо всё же добраться до улицы Трудовой, там сейчас базируется наш бравый спецназ. Они знают что мы идём, поэтому ждут. Всё, по местам, бойцы.

Через полчаса, когда плотный слой облаков так укутал небо, что стало по вечернему сумеречно, я получил доступ к беспилотнику. Странностей прибавилось, как только я стал получать картинку в реальном времени. Все наши аппараты подобного назначения имеют слабую оптику: всё без должной чёткости, изображение вечно дрожит и прыгает. А тут я увидел резкую, поразительной прозрачности картинку. Мелькнула мысль, что может быть это трофейный и перепрошитый амеровский летун, тогда всё становилось на свои места. Покопавшись в настройках, я задал

аппарату скорость следования по только что определённом мной же маршруту. Теперь, умная машина будет парить чуть впереди, чтобы сообщать мне о том, что там происходит. Наглазник немного мешает, но без него пока не обойтись. Снова укутав планшетку в чехол, я привычным движением проверил автомат. Тихо лязгнул затвор, на снег рядом выпал патрон. Сунув его в нагрудный карман как это всегда делал перед боем, тихо поднялся и разбудив пацанов подозвал к себе.

- Всё, отдыхать пока больше не получится. Значит слушайте как всё будет. Согласно приказу, идём на

соединение с отрядом фронтовой разведки. До них по прямой около километра, но поскольку идём через порядки противника, фиг его знает, как скоро доберёмся. Маршрут следования у вас в тактблоках, порядок следования такой: Симак – головной, ефрейтор Селянинов и рядовой Климов – ядро, замыкающим иду я. В качестве подмоги у нас есть беспилотник, картинка транслируется в реале, поэтому аккумуляторы всем поменять на свежие. Идти нужно тихо, но поторапливаться. На нашем направлении наступление ведёт вторая рота с приданным ей танковым взводом. Пойдут примерно

через сутки, точнее о времени нас оповестят по общей сети. Если не успеем дойти до пункта назначения, могут накрыть артогнём. Поэтому повторяю: идём тихо, быстро и по возможности никого не убиваем. Всё, выдвигаемся!..

... Из развалин мы выбрались без происшествий, ещё сильнее стемнело, поэтому пришлось натянуть очки. С виду они похожи на те, что носят лыжники. Но отличаются тем, что могут выдержать удар восьмиграммового стального осколка и немного облегчают обзор в сумерках. Наглазник слегка впечатался в стекло очков резиновым мундштуком, но

картинку с беспилотника было видно неплохо. Машина бесшумно парила где-то в высоте, исправно сообщая нам всё, что видит сама.

-...Сто метров северо-восток. Машина, пять человек, скорость - десять километров в час!..

Искусственный женский голос в наушнике пришёл немного позже такого же сигнала от крадущегося вдоль стены скрытого до уровня первого этажа многоквартирного дома. Спустя долгих две минуты, я увидел быстрый свет фар, медленно проползших в просветах между руинами. По звукам всё было относительно тихо: глухо ухали американские гаубицы где-то на

востоке, впереди, от предполагаемых позиций пластунов периодически раздавались звуки перестрелки, но я слышал только амеровские пулемёты, видимо ведут беспокоящий огонь, позиции разведчиков не штурмуют. Нам удалось пройти необнаруженными ещё пару кварталов. Летун исправно сообщал, если на пути попадался американский патруль или в развалинах окопался вражеский наблюдательный пост. Однако напряжение не отпускало, каждый шорох или звук близко осыпающихся руин заставлял поводить стволом автомата в ту сторону и замирать на мгновение. Подспудно зудела одна и

та же мысль: где ты прячешься дедушка Западло, ну где же?..

-У-уум-ах!..

Звук разорвавшейся где-то слева и впереди гранаты, я услышал уже после того как оказался на земле. Следом затрещали автоматные очереди, пули со злым жужжанием выбивали куски штукатурки и бетона где-то высоко над головой. И тут же еле слышный сейчас монотонно-дребезжащий женский голос сообщил:

- Вражеское укрепление, сорок пять метров, северо-запад!.. Шесть человек...

Не слушая дальше, я ринулся перекатом влево и увидев впереди

кучу наваленного щебня укрылся за ней. Попутно, стараясь не орать, говорил в пространство перед собой. Чуткий ларингофон доносил слова приказа до залегших впереди бойцов:

- Симак, окопайся и не отсвечивай. Климов, Женька — уходите вправо!.. Как пригреет, перебежками до ориентира пятнадцать, правее сто пятьдесят восемь!..

Руки уже нашарили ремень гранатомёта и сердце тоскливо сжалось от осознания того, что выстрел мало того что последний, так ещё и шум привлечёт внимание всех амеров, что ещё не слышали стрельбы своих приятелей. Говорят,

если долго кликать беду, она не замедлит явиться. Может быть на этот раз я действительно накаркал, а ведь так хорошо шли!..

- Вражеский транспорт, бронеавтомобиль, две единицы, восемь человек. Двести метров, северо-восток...

Снова беспилотник сигналил, да что же это за непруха-то!.. Откинув с прицела чехол, я снарядил трубку фугасом и не раздумывая выстрелил как только в перекрестье попала узкая бойница стоящего прямо на перекрёстке здания блокпоста. Мимолётно, когда я уже вжался лицом в землю, пронеслась догадка по поводу того, почему беспилотник

не опознал замаскированный ДЗОТ. Тёмные до поры, его амбразуры ощерились всполохами рыжего пламени. Судя по звуку, работал станковый «браунинг», штука при нашем раскладе смертельная. Четырёхугольное строение, составленное из бетонных блоков, было укрыто хитрой маскировочной сетью, сквозь которую видимо оптика не пробивает. Жаль, что отрезать кусок такой ткани не получится, штука нужная в хозяйстве.

- Убо-омм-ахх!..

На какое-то мгновение стало немного светлее, земля ощутимо вздрогнула. Не оглядываясь на то, что случилось со злополучной огневой

точкой, я рывком поднялся и что есть духу ринулся вдоль улицы вперёд.

-Да-да-да-ах! Да-да-да-ах!..

Несколько коротких пулемётных очередей полоснули вдоль перекрёстка, коллеги поджарившихся в ДЗОТе амеров не видели меня за разгоревшимся чадным пламенем, явно паля наугад. Две или три крупнокалиберных пули взрыли снег прямо передо мной. Собрав все силы, я бежал к спасительным развалинам, где до меня скрылись двое моих бойцов и Женька. В спину мне упёрся жёлтый луч мощного фонаря и следом раздалась беспорядочная стрельба. В такие моменты спасение может быть только одно — рыть

носом землю. Не могу сказать что было раньше: свет прожектора нашаривший мою спину, или мой длинный прыжок в узкую щель между двумя разрушенными пятиэтажками. Перекат вышел неуклюжим, но пули ушли туда, где меня уже не было. Не оглядываясь, я ползком двинулся вперёд, пока не повернул за ещё одну кучу щебня, раньше бывшую стеной дома. Поднявшись на ноги я мельком глянул в нашлемный визор. Три зелёных маркера были прямо надо мной. Я выпростал гарнитуру связи из завернувшейся набок маскнакидки и дал притаившимся там бойцам сигнал спускаться. Первым вышел

Климов, следом шёл Симак, слегка припадавший на левую ногу. Женька вынырнул из зиявшего пустой глазницей окна первого этажа. Лихо перекувырнувшись через подоконник, он встал на ноги прямо передо мной:

- Опять едва утекли! Прямо какие-то казаки-разбойники, бя буду!

Стрельба переместилась дальше по улице и стала стихать. Амеры привыкли гнать дичь по открытой местности, на колёсах. Бегать по закоулкам лентяя, но скорее научены прошедшими месяцами близкого знакомства с нашими штык-ножами и сапёрными лопатками.

Пошумят ещё немного и будут разгребать развалины ДЗОТа. Все эти мысли только на миг отвлекли, пока я поправлял накидку и кое-как оббивал налипший снег. Глянув на бесшабашного водилу из-под наползающей на глаза каски, через силу пошутил:

- Осторожнее с желаниями, могут ведь и сбыться...

...Остаток дня мы потратили на постоянные петли внутри городских развалин. Мы то приближались к месту указанному как «опорный пункт Б-24» и тогда слышались отчётливые звуки перестрелки, то отдалялись и тогда всё стихало. И вот, когда уже совершенно стемнело,

а мы сидели в тени цепочки остовов торговых павильонов, произошло то, чего не ожидал никто из нас. Сидящий в дозоре, за выветренными придорожными сугробами Климов, вдруг подал сигнал «вижу противника» по общей сети. Мы замерли, ловя каждое движение впереди. Улица перед нами просматривалась метров на тридцать, до окопавшихся пластунов было квартала два, не больше. Опустив визор, я осмотрел всё впереди и увидел ловко перемещающуюся от сугроба к сугробу белую фигуру. Быстро отдав часовому команду «не стрелять», я стал наблюдать за бегуном. То, что

это не амер, было понятно и так. Эти по одному ходить не умеют, будь это они, за белой фигурой последовала бы ещё одна, но скорее две. Я тихо прошептал в ухо сидевшего впереди Женьки:

- Это не амер. Подождём пока пройдёт, а потом двинемся дальше.

- Лады, начальник!..

Обнаруживать себя перед непонятным бегуном нам совершенно нет никакого резона. Может это выживший или дезертир, в любом случае, пускай чешет по своим делам. Симак и водила спрятались в неглубокой воронке слева от дороги, а я забился в широченную щель образовавшуюся в

фундаменте бывшего трёхэтажного дома неподалёку. Минут пять ничего особенного не происходило, сумерки плавно перетекали в вечернюю темноту, подул слабый ветер, принёсший с собой колючую снежную крупу. Похолодало, но в силу привычки я уже давно не обращал на это внимания. Даже в самый жаркий летний зной, меня вечно пробивает озноб, никак не могу согреться, даже водка или там чего покрепче, не помогают. От посторонних мыслей отвлекло слабое движение впереди. Такое впечатление, будто снежинки сгустившись, образовали плотную человеческую фигуру. Человек

двигался короткими перебежками, останавливаясь каждые метров пять, чтобы осмотреться. В тепловизор ничего толком не видно, однако вскоре я понял, что действительно не ошибся: по характерным особенностям экипировки и силуэту оружия выходило что бегун явно не амер. В голову пришла одна мысль и я тут же воплотил её в жизнь. Вскоре, с беспилотника пришла картинка, а ещё через пару секунд, над силуэтом незнакомца возник зелёный треугольник. Просигналив своим, я быстро объяснил ситуацию и отдал короткий приказ. В это время, человек уже вышел прямо к моему укрытию и дождавшись когда

он в очередной раз оглянется я прыгнул вперёд. Надо отдать парню должное, среагировал он быстро. Нырнул вниз и с перекатом попытался выстрелить мне в бок. Едва увернувшись, я махнул левой рукой, угодив по стволу его автомата. Тут же подоспели Селянинов и Симак, втроём нам удалось скрутить брыкающегося незнакомца и повалить его на землю. Женька сбил с пленного капюшон и шапку, я вынул припасённый кусок верёвки и накинул ему на рот, как уздечку. Человек захрипел, дёрнулся под тяжестью трёх тел и в слабом отблеске далёкой ракеты которые во множестве висели над городом, я

увидел бешенный блеск тёмных глаз. Прижимая его голову к земле, я тихо прошипел ему в самое ухо:

- Тихо ты!.. Искал нас, а вышло что мы тебя нашли...

Сообща, мы отволокли пленного подальше от дороги в переулок. Хотя как назвать переулком две огромные горы мусора, с еле намеченной узкой расщелиной между ними. Голосом я приказал Климову выдвинуться к нам и занять позицию где-нибудь у входа. Бегуна прислонили к осыпавшемуся то и дело снежной пылью обломку стены. Женька сел с ним рядом, а Симак протянул мне пистолет с навинченной на ствол трубкой глушителя и обмотанный белой

маскировочной лентой бесшумный автомат «Вал» [33]. Как я и предполагал, мы 33 Автомат специальный бесшумный "Вал". Автомат создан в ЦНИИ Точного Машиностроения (ЦНИИТОЧМАШ) под руководством П. Сердюкова(не путать с бывшим министром обороны РФ) в 1986г, и предназначался для вооружения различных подразделений специального назначения Минобороны и МВД СССР и пришёл на замену знаменитому комплексу "Тишина", где за основу был взят АКСУ. "Вал" создавался наравне со специальной снайперской 9мм винтовкой ВСС «Винторез» в рамках

единого 9мм бесшумного комплекса оружия специального поймали кого-то из людей того самого майора Доронина на соединение с отрядом которого шли всё это время. И если бы меня не посетила нечаянная догадка, то скорее всего парень вышел бы на растревоженный отряд амеров, которые тоже искали именно нас. Дело в том, что совпало сразу множество мелких деталей. Мы шумнули не слишком далеко от расположения доронинского отряда, а раз это слишком специальные разведчики, то скорее всего выслали людей на предмет поиска точки прорыва. И когда я увидел фигуру вдалеке, то просто заставил

беспилотник отклониться от маршрута сделав петлю. Всё вражеское, тот помечал красным, а своих — зелёным цветом, нейтральные цели — серым. Для того, чтобы это увидеть, пришлось расчехлять планшет, но дело того стоило. Умная машина назначения.

Отдельно хочу отметить простую и вместе с тем уникальную конструкцию прибора беспламенно-бесшумной стрельбы АС "Вал". не имеющую прямых аналогов в мире. ПББС двухкамерный, в передней камере расположены стальные сепараторы, дробящие и замедляющие поток пороховых газов, выходящий из ствола. Он легко

отделяется от оружия и разбирается для чистки. Единственный минус — ведение огня из оружия со снятым ПББС не допускается.

АС "Вал" поступил на вооружение ВС и МВД СССР в конце 1988 году, вместе со специально разработанным для него 9мм дозвуковым патроном СП-6 с бронебойной пулей, и по настоящее время наряду с "Винторезом" используется в Вооруженных Силах и структурах МВД и ФСБ России. Автомат позволяет вести эффективный огонь на дальности до 200 метров по противнику в современных индивидуальных средствах защиты (бронежилеты,

шлемы), при низком уровне демаскирующих факторов (звук и пламя выстрела). Такие характеристики достигнуты путем использования как специально разработанных 9мм патронов с тяжелой дозвуковой пулей, так и интегрированного в конструкцию оружия глушителя звука выстрела. Благодаря указанным решениям уровень звукового давления выстрела из АС составляет порядка 130 дБ(приблизительно как хлопок ладонями). Бронебойная пуля патрона СП-6 позволяет поражать цели, защищенные средствами защиты 3 класса по ГОСТ на дальностях до 150-200 метров.

Возможно также использование снайперских патронов СП-5, созданных для винтовки ВСС, но они мало эффективны против современных средств индивидуальной защиты.

опознала незнакомца как своего. Нельзя было дать ему идти к разозлённым американцам, тем более что он наверняка знает, как безопаснее пройти в расположение отряда. По моему жесту, Женька развязал пленному руки. Тот сидел тихо, видимо оценивал обстановку. Что-то во всей его фигуре показалось мне знакомым, но пока я толком не понял что именно. Осталось только его убедить, что мы тоже свои. Я

подошёл к пленному и присев на корточки открыл было рот, чтобы начать объясняться, как слова застряли в горле:

- Ну привет, Михась! Мир плоский с острыми углами... Развяжи его, Женя, мы знакомы.

Я сдёрнул с головы шлем и маску с очками, попутно вытребовав у Женьки его трофейную зажигалку и прикрыв её от ветра ладонью, чиркнул колёсиком. В неровном жёлтом свете, я увидел как на осунувшемся бледном лице приятеля с недельной щетиной, проступило ожидаемое удивление. Не растерев толком запястий. Михаил бросился ко мне и мы крепко обнялись.

Хриплым шёпотом он почти орал мне в лицо:

- Антоха! Чёрт лесной!.. А мы... ребята все думали убило тебя!.. Лера...

Первым моим порывом было спросить про девушку, в душе что-то ворохнулось. Но обстоятельства заставили оборвать Мишку на полуслове, ведь если мы устроим сейчас вечер воспоминаний, накроют или свои или амеры сбегутся на огонёк. Проблемы, друзья и враги, всё это есть только у живых. Именно выжить сейчас захотелось сильнее всего остального, поэтому я сказал:

- Миша, брат, погоди. Мы шли к

вам, на соединение. Нужно срочно идти и доложиться вашему майору Доронину. Скоро наши будут ворошить эту помойку и сам понимаешь, не палкой. Свяжись с ним и вежи, время дорого...

...Как я и предполагал, Михась был отряжен прощупать маршрут отхода для своих. Торопливо, буквально в двух словах, он дал характеристику своему новому месту службы. Это действительно оказалось подразделение глубинной разведки. Их забросили к амерам в тыл месяц назад. Всё это время майор Доронин и его хлопцы, кошмарили оперативные тылы стоящих напротив нашей бригады

американских и французских частей. Но главной задачей отряда был поиск тех самых боеприпасов, с помощью которых амеры жгли наши города. Они не рассчитывали что война продлится так долго, поэтому в войска снаряды и бомбы с адской начинкой пошли совсем недавно. Вот наше командование и отправило всех, кого можно, чтобы разжиться образцами. Мишкин отряд насчитывал двадцать пять бойцов из которых на данный момент на ногах осталось девятнадцать. Пятерых несли с собой, одного схоронили там, в американском тылу. По составу всё как везде: бывшие менты, несколько отставников, трохи взятых из

действующих частей опытных обстрелянных пацанов. Видимо, при упоминании о ментах, в моём взгляде что-то изменилось, потому что Михась заговорил с пылом крайне убеждённого в собственной правоте человека:

- Антоха, да ты не сомневайся! Доронин правильный мент был, в СОБРе служил в тех же что и ты краях. Он и его пацаны здорово амерам вламывали, я с ним давно воюю, мужик грамотный.

Что я могу сказать? В природе есть место чудесам, среди которых вполне могут оказаться такие сказочные существа. И судя по Мишкиному разговору, Доронин

действительно воюет хорошо. Было понятно, почему именно бывшие менты воюют хорошо. Опыта, сноровки в городском бою им действительно не занимать. Кроме того, в СОБР раньше брали исключительно армейских офицеров и прапорщиков. Отсюда смекалка, присущая именно армейцам. Там, в Городе, я много раз слышал и той памятной весной, был свидетелем лихости парней в покупном импортном камуфляже, с оружием увешанным диковинными приблудами. Иногда мы вместе держали какой-нибудь квартал. Духи регулярно просачивались сквозь блокпосты и заслоны под видом

беженцев. Иногда шли в открытую с хорошими документами, чаще всего сотрудников дагестанского управления «МЧС». Абреки занимали какое-нибудь здание и начинали воевать. Чтобы выбить их с позиций быстро, пока по следам первых в Город не прошли их друзья, приходилось идти в руины практически с голыми руками. Вертушки кружили где-то в стороне, но ни чем помочь не могли. Наконец, в какой-то момент все блокпосты в Городе оказались в тесном кольце, окружённые выросшими словно из-под земли духами. Тогда менты проявляли себя хорошо, держались уверенно, работали грамотно. Иногда

они первыми выдвигались к домам, превращённых духами в опорные пункты. Брали укрепления жёстко, с выдумкой, иногда теряли своих, такое тоже случалось. Иное дело их коллеги, как правило это был ОМОН, которым мы передавали те самые блокпосты. Как они умудрились запустить с таким трудом зачищенную нами от моджахедов территорию, ума не приложу. А теперь эфир гудел от воплей, что кончились патроны, а духи уже на расстоянии вытянутой руки. В тот раз я потерял почти всех, с кем успел сдружиться на той войне. Нас отправили деблокировать один из блокпостов, командир которого

вопил в эфире, что они там все помирают. Духи слышали, как наши отцы-командиры прямым текстом указали откуда и когда пойдёт армейская колонна. Короче, мент вопит и жалуется, а нас тогда долбят во все щели из всех стволов, в сотне метров от его блокпоста. Плотность огня была такая, что кажется вдохни — словишь десяток другой пролетающих мимо пуль. Мне и ещё пятерым пацанам повезло нырнуть с брони подожжённого двумя меткими выстрелами из гранатомётов и затеряться в развалинах. Потом, я понял, что у ментов не было особого выбора: одно дело ловить всякую шушеру и совсем другое — бородатые

«чехи», обученные убивать и злые. Тут маму будешь звать, молитвы все вспомнишь, когда обколотые наркотой моджахеды идут прямо на пулемёты, не кланяясь пулям, размахивая огромными самодельными ножами. Самое смешное, ментов потом вызволили, а я получил первый из двух осколков за ту войну. В правое плечо угодило, чуть кровью не изошёл. Рука повисла плетью, но я как-то приспособился пристраивать автомат левой, держа его за ремень обмотав его вокруг шеи, чтобы не так сильно дёргался. Обидно только, что вместе с духами, по нам отстрелялись наши же миномётчики, убив ещё троих

пацанов, заодно с отступающими духами. Сейчас, когда бородатым абрекам выпал пиковый интерес, в лице турецкого экспедиционного корпуса под командованием бригадного генерала Энвера Оглу, у меня с «правильными» ментами нейтралитет. Если воюют хорошо, я просто молчу. Тут, как и тогда в Городе, нам делить нечего. Все разборки пускай останутся на долю тех, кто выживет в этой людской дробилке. Только вот воевать плечом к плечу с тем, кто по своей людоедской натуре может выстрелить в спину, очень неудобно. Мент он как волк — блюдёт только свой интерес и схарчит даже своего

собрата по стае, почуяв лишь намёк на угрозу. Но делать нечего, придётся потерпеть какое-то время. Ещё раз поощрительно хлопнув приятеля по плечу, я снова натянул каску и опустил очки на глаза:

- Ладно, Михась, веди к своему начальству. Там и посмотрим, кто чего стоит...

...Мишка повёл нас вдоль улицы 7-го ноября, в обход сгрудившихся на выездах из центральной части города скоплений техники и войск. Помогала нам вечная спутница войны – неразбериха и суета. Пару раз мы просто проходили мимо казавшихся мёртвыми ДЗОТов, с тёмными щелями амбразур и

задраенными наглухо дверьми. Михась сообщил, что наёмники из частных охранных фирм, которым доверили нести тут караульную службу, давно дезертировали в тыл. Схема этого бегства выглядела до зевоты простой: регулярные подразделения Коалиции отбивали у нас территорию, контрактный «стройбат» набранный в странах бывшей Югославии оборудовал укрепления. А уже потом приходили интенданты, защита которых возлагалась на наёмную «вохру». Это я знал из первых рук. Лазить в ближний тыл приходилось чаще, чем сморкаться, поэтому из собранных с «языков» документов, я знал кто

охраняет продовольствие и держит режим. Как правило, тут были негры из бедных африканских стран, хорватские усташи, другой балканский сброд. Воевала эта публика плохо, часто на блокпостах стерегущих дороги в ближних тылах, вообще никого не было. Контрактники сваливали куда-нибудь поглубже в тыл, забив на службу. Исключением были железнодорожные узлы и большие транспортные развязки, тут амеры стерегли всё сами. Но сейчас мы шли именно сквозь солидную дыру в сети, наброшенной на отряд Доронина. Беда только в том, что с грузом тут уже не проскочить:

мобильные патрули на джипах ходят очень часто, прорваться можно лишь налегке и поодиночке. С тем грузом какой разведчики взяли, нужен транспорт.

Свернув с относительно прямой дороги в заваленный щебнем переулок, мы спустились в подвал оставшийся от панельной пятиэтажки, а оттуда перебрались в систему городской канализации. Мишка ловко ориентируясь по меткам оставленным на стенах, уверенно шёл всё дальше и дальше на север. Так по крайней мере мне казалось сначала, но после десятого поворота я совершенно запутался с непривычки. Время от времени

наверху что-то рвалось и со стен отслаивалась вонючая застывшая грязь. Но через полчаса подземной ходьбы в полуприсяде, перестаёшь обращать внимание на такие мелочи как резкая, душная вонь. Морозы ещё толком не наступили, поэтому в глубину тоннели не промёрзли и под ногами хлюпала резко пахнувшая жижа, пополам с обломками тонкого льда. Женька держался неплохо, водила только изредка бормотал нечто матерное, но шёл без задержек. Молодых стало серьёзно мутить едва мы миновали первый коллектор: то один, то второй останавливались и пока было чем — натужно блевали.

Когда Михась замер перед

участком коридора, перекрытым хитрой запуткой из еле видимых нитей, я понял, что мы пришли. Такие сети я сам ставил в Городе, когда приходилось сидеть уже в тамошнем говносорбнике. Впереди стояла минная ловушка, снять которую может только тот, кто ставил. Фишка в том, что из десятка натянутых одна на другую нитей, только две настоящих. Причём снимать их нужно строго в определённом порядке, иначе сапёра и всех его спутников разбрызгает по коридору. Мозаику из кишек приходилось видеть несколько раз и не скажу, чтобы зрелище было чем-то приятным. А когда Мишка

поколдовал над сеткой и махнул нам рукой, что путь свободен, я понял, что время проведённое среди ментовской разведки для него без пользы не прошло. Мы прошли ещё метров тридцать вперёд и вскоре выбрались на поверхность в ещё одном подвале, сразу же попав в эпицентр боя. Земля ощутимо подрагивала от близких разрывов, а со стен и потолка сыпалась мелкая бетонная пыль, пополам с пластами штукатурки. Амеры били по зданию из автоматических пушек своих БТР, вели непрерывный обстрел из гранатомётов. Пригибаясь, Михась отвёл нас в угловую комнату квартиры первого этажа, в которой

для удобства снесли часть стены ведущей в подъезд. Окна оказались наглухо заложены синими пластиковыми мешками. Видимо в доме раньше квартировали американцы, а разведчики Доронина их потеснили. Михась поздоровался с бойцами, попавшимися у нас на пути. Бросилось в глаза, что все кто попадался на глаза имели ранения. Приятель сдал нас с рук на руки бойцу с туго перевязанной грудиной, от чего «разгрузка» заляпанная бурыми пятнами крови сидела на нём криво. Все попадавшие мне на глаза, были как на подбор рослыми, широкими поперёк себя хлопцами. Те, что пожиже комплекцией

безошибочно относились мной как пришедшие в отряд позже. Забинтованный крепыш, привёл нас в комнату бывшую когда-то гостиной. В центре стоял импровизированный стол, от которого осталась только столешница, уложенная на пустые ящики из-под американских мин. На запыленном офисном кресле без спинки и подлокотников сидел настоящий великан. Здоровенный мужик, ростом значительно больше двух метров, сидел перед раскрытым бронированным коробом компьютера и что-то орал в пространство перед собой:

- ...А ты какого хера вылез оттуда, Краб?! Они нас не дурнее, а

ты повёлся!.. Назад!.. Держать угол, я сказал! Как хочешь, но бери второй этаж обратно!.. А мне пох!..

Гигант заметил нашего сопровождающего и не отрывая взгляда от тускло светящегося монитора бросил:

- Гном, где там Цыган потерялся?!

Перебинтованный хрипло откашлялся и без слов указал в нашу сторону. Гигант нехотя оторвался от компьютера, но увидев нас, уставился как на чудо света. Привстав со стула, он кивнул, взглядом выделив Женьку и обратился прямо к нему:

- Я майор Доронин, ОГР «Русь».

Работаем в интересах главного штаба
Центрального фронта.
Представьтесь, кто и откуда.

Женька неуверенно посмотрел в мою сторону и я не без некоторого удовольствия увидел в глубоко посаженных серых глазах майора смущение от допущенного промаха. Но говорить ничего не стал, дав водиле знак говорить. Селянинов слегка одёрнув полы бушлата назвался, вызвав у мента ещё один приступ лёгкой досады. Поняв, что дальше играть в молчанку глупо, я шагнул вперёд и представился:

- Младший сержант Ропша, командир отделения разведгруппы 80-ой мсб, позывной — Оляха-4. Со

мною разведчики Климов и Симак, ефрейтор Селянинов и его броневтомобиль были приданы нам для выполнения задачи. Во время выдвижения на позицию были обстреляны. Понесли потери в количестве четырёх человек, среди которых лейтенант инженерной службы и трое моих бойцов. Машина уничтожена. Шли к вам на соединение, согласно приказа начразведки бригады, капитана Свирида. Поступаем в ваше распоряжение до конца операции, товарищ майор.

Доронин как-то особенно долго всматривался в моё лицо, словно силился припомнить где и когда мы с

ним встречались. Может быть у него хорошая память на лица, я его вижу в первый раз. Наконец, кивнув в такт каким-то своим мыслям, он быстро набрал нечто короткое на полевом ноутбуке и мой тактблок пискнул, принимая пакет входящих данных. Не глядя больше в нашу сторону, майор отрывисто сказал:

- Ваша бригада сейчас пошла в наступление. Американцы перегруппировались, сейчас снова полезут. Бить стараются из стрелкового, боятся потерять снаряды, которые мы у них отбили. Соответственно сейчас натиск усилят, нужно удержаться, пока ваши пробивают оборону со стороны

проспекта Труда. Пойдёте в соседний дом, северо-восточный угол будет ваш. Не дайте американцам пройти во двор, там у нас позиция слабая, нечто вроде госпиталя. Позывной остаётся ваш старый, канал для связи 5-3. Мой позывной – Эпицентр. Задача ясна?

- Так точно, ясно. Просьбу можно, товарищ майор?

- Обращайтесь, что у вас там?

- Нам бы патронов, гранат, да воды если есть.

Доронин отрицательно замотал головой, ещё раз пронзительно глянув на меня поверх крышки компьютера.

- Патронов могу дать, но только

под пять сорок пять. По паре рожков на брата, больше нету. Гранат тоже нет, мы сюда громко шли, да вишь задержались маленько. Вон Гном вам отсыплет, он же и на позицию проводит...

Даже не глядя в планшет, я понял, что именно нам предстоит. Угол дома, который нам отвели, смотрел в переулок, перегороженный сейчас едва дымящим остовом бронеавтомобиля «хамви». Машину подбили часов шесть назад, но оттащить её что-то мешало. Но улица за машиной была расчищена от мусора и если пойдут на штурм, то остов легко собьют навалившись передком БТР или танка. С правого

фланга пойдёт пехота, в оптику я видел замаскированные проходы в кучах щебня, слишком прямые для обычных канав. Тот самый забинтованный боец проводил нас по подземному ходу пробитому в канализации к соседнему дому. Как и все соседние, эта кирпичная пятиэтажка уже не имела двух верхних этажей и центрального подъезда. Приличной силы взрыв обрушил перекрытия так, что вся середка дома провалилась вниз. Третий этаж оказался полностью непроходим, а на первом сплошняком стояла хитрая «подлянка», через которую Гном вёл нас минут десять. На этаже было две квартиры, в

стенах которых пробиты привычные уже дыры, чтобы свободно перемещаться из комнаты в комнату. У выбитых окон были сложены штабелем синие, амеровские мешки набитые мелким щебнем, местами осыпавшимся из прорех. Всюду стоял устойчивый запах гари и палёного мяса, видимо по позиции отработали гранатой с горючей начинкой. Словно отвечая на мои мысли, Гном указал на более тёмное пятно на полу у амбразуры выходящей аккуратно на подбитый автомобиль:

- Троиш утром «термобаром» накрыло. Сгорели за двадцать секунд, ошмётки потом от стен и пола отскабливали. Да где там, сразу

прикипело всё! Жир, пластик...

Договорить разведчику не дал разрыв танкового снаряда во дворе слева. Привычно давануло по ушам, с визгом прошлись по стене справа стальные осколки и кусочки отбитой штукатурки. Гном поднялся на карачки и пополз к выходу:

- Началось!.. Главное во двор их не пускайте!..

Я ползком пробрался к амбразуре и пристроив автомат, крикнул назад уже не оборачиваясь:

- Симак, Климов – северо-запад и северо-восток. Охват по секторам сто шестьдесят, глубина двести метров! Женя, поднимись на этаж выше, там есть маленький

приступочек, держи юго-восток. От твоего укорота только вблизи польза будет. Зря патроны не жечь, переключиться на одиночный огонь!..

И закрутилось всё, как обычно. Редкая, перемежаемая солидными паузами перестрелка оживилась, набирая силу. Тенькнули на излёте несколько автоматных пуль, зарокотал станковый пулемёт. Американцу ответил наш ручной РПК [34], вторя старшему 34. Имеется ввиду единый модернизированный ручной пулемёт системы Калашникова под калибр 5.45мм образца 1974г. Пулемёт конструктивно практически не отличается от предшественника —

РПК калибра 7.62мм, и построен на основе автомата АК-74. РПК-74 имеет идентичную АК-74 автоматику на основе газоотвода с запиранием ствола поворотом затвора. Огонь ведётся с закрытого затвора, ствол несъёмный, удлинённый и утяжёлённый по сравнению с АК-74. Под стволом устанавливаются лёгкие складные сошки. Отличие только в более удобной форме приклада и замене деревянной фурнитуры на пластиковую. Плюс, у РПК-74М более удобный магазин на 45 патронов, с рифлёными щеками, который не скользит в руках.

брату ударили слаженно и стройно «калаши». Заглушая их

«разговор», сюрпризом ахнул вниз
ещё один фугас. Где-то в подъезде
сдетонировали сорванные со своих
мест «растяжки», а потом по дому
заработали сразу два
крупнокалиберных пулемёта.
Комната мгновенно наполнилась
мелкой пыльной взвесью, щедро
разбавленной пороховым дымом.
Через наглазник, всё ещё работавший
в режиме тепловизора я видел, как в
примеченных раньше окопах,
перемещаются белые плотные
фигуры. Прикинув расстояние и
выставив прицел на двести метров, я
поймал в прицел один такой
шевелиющийся комок и мягко выбрал
спуск. Привычно, даже как-то уютно

отдало в плечо, фигура дёрнулась и скрылась за бруствером. За вспышку выстрела особых опасений не было: мешки уложены так, что от лёжки до прорези амбразуры ещё метр расстояния. Самого выстрела тоже почти не слышно. Духовская практика, они часто так делали в Городе, а наши потом переняли. Ещё дважды мне удавалось ловить перемещающиеся вперёд фигуры, но где-то на периферии сознания гнездилась нехорошая, скребущая душу тоска. Что-то с самого начала боя насторожило, что-то было неправильно. Ещё некоторое время, ритм обстрела оставался таким же плотным, пулемётные очереди

методично хлестали по внешним стенам дома, две или три пули ковырнули мешки у горловины амбразуры, но и только. Шум постепенно забрал на себя весь мой слух, а сглатывать не давала дикая сушь. Пыль плотным слоем. Значительно уступает по боевым характеристикам пулемёту под 7.62мм – ПКМ. Однако в работе надёжнее большинства западных образцов вроде бельгийского "FN minimi"(десантный вариант), которому незначительно проигрывает в скорострельности.

оседала на одежде, стёкла очков время от времени подёргивало мутной пеленой...

...От смерти меня спасло то, что в какой-то момент я повернул голову, чтобы стряхнуть чешуйку мусора налипшую на стекло прямо напротив правого глаза. На смутное движение я среагировал мгновенно, откатившись вправо и выставив автомат на полусогнутых руках вперёд. О ствольную коробку звякнул металл, полетели искры. Некто смутно видимый в полумраке пытался зарубить меня небольшим топориком на короткой ручке. Лязг я скорее додумал, нежели услышал, кругом по-прежнему шёл бой. Не останавливаясь, повернул автомат стволом к нападавшему и выстрелил. Фигура одетая в какую-то странно

мерцающую накидку дёрнулась, но в следующий миг из-под балахона появился тупорылый автомат и я ещё раз рывком ушёл вправо, заорав в эфир как в былые времена, забыв обо всём кроме опасности возникшей так внезапно:

- Атас! Духи в периметре!..

Амеровский автомат стрелял бесшумно, веер пуль выпущенных по мне взрыл бетонный пол, брызнули осколки. Симак стал оборачиваться на голос, но от двери по нему открыл огонь ещё один «балахон». Две или три пули попали пацану в плечо и верхнюю треть груди, боец дёрнулся, но продолжив движение поднялся и заорав дал очередь:

- А-а-а-а!..

«Балахон», стоявший в дверях отшатнулся и исчез. Мой противник ринулся вперёд, но я встретил его тычковым ударом в лицо. Пламегаситель у моего АКМ имеет на конце штурмовую острую как бритва «розочку», придуманную как раз для подобных случаев. Ствол с хрустом пробил маску «балахона», прошёл сквозь глаз и пронзил мозг. Человека покорёжило мгновенной предсмертной судорогой и я стряхнул тело со ствола, чтобы он своей тяжестью не успел вырвать оружие из рук. Не останавливаясь, я ринулся на полусогнутых в коридор и только тут понял, что стрельба немного

стихла. Видимо штурмовики дали сигнал своим, что вошли и те перенесли огонь на другие объекты, чтобы не зацепить своих. Осторожно выглянув в коридор, я увидел на полу груду тряпья, а на уходящем вверх лестничном пролёте ещё один «балахон» сцепился с Женькой. Водиле пришлось туго, амер успел выбить у него автомат, который скатился вниз по ступенькам и валялся почти у моих ног. «Балахон» резко оторвал Селянинова от стены, а потом резко толкнул обратно. Даже со своего места я услышал хриплый выдох, это Женька потерял дыхалку. В тот же миг он ослабил хватку, амер вырвал правую руку, в которой

мгновенно появилось матово-чёрное лезвие ножа с узкой блестящей в отсветах пожаров кромкой заточки. Всё это произошло в тот самый миг, когда я вышагнул вперёд, одновременно бросив вниз кругляш гранаты. Не останавливаясь, продолжив двигаться вперёд и вверх я перехватив автомат за цевьё и основание ствола ударил американца в основание черепа. Послышался удар и глухой щелчок, «балахон» замер на миг и не отпуская Селянинова завалился вниз. Где-то внизу глухо ухнул взрыв, но никакой реакции больше не было. А Женька уже вскочил и не растерявшись подобрал свой «укорот», направив

его на упавшего врага:

- Та-та-та-ах!!!...

Коротко и зло хлестнула очередь, взбив накидку на уже мёртвом теле американского диверса. Женька ещё несколько раз выстрелил, пнув в сердцах безответный труп. Я выглянул в лестничный проём, там было темно и тихо. Немного отдышавшись спросил:

- Симак, ты как там, жив?

Сквозь треск помех послышался прерывающийся голос бойца. Парнишка говорил с придыханием, но спокойно:

- Перевязался, всё нормально.

- Добре... Сейчас свяжусь с

майором...

... Мы с Женькой быстро обшмонали трупы, но как обычно, ничего существенного не нашлось. Как ни странно, но теперь всё вставало на свои места. Пехота открыла по нам беспокоящий огонь, территорию обстреляли из танковых орудий, чтобы скрыть момент прохождения диверсантов по заминированным коммуникациям. Я переключился на выделенную нам частоту и вызвал Доронина.

- Здесь Оляха-4, вызываю Эпицентр. Как принял?

Снова начался обстрел, я еле успел укрыться за стеной, поэтому не услышал начала фразы. Статика была

просто дикая, видимо работали глушилки американцев, плюс батареи в рации уже основательно подсели.

- Зд... Эпице ... Слышу тебя...
Чт... чилось?..

- В периметре гости, у нас трое, проверяйте тылы. Повторяю: гости в норах, встречайте!.. Как принял меня?!

- ...инял! Спа... Оляха-4! Как обстанов... При...

- Предполагаю опасность прорыва «кулаков», угощать нечем. Подкиньте «фломастеров», иначе затопчут!.. Приём!..

Ответ Доронина заглушил звук мощного сдвоенного взрыва во дворе

прямо напротив моего окна. Дом затрясло как в лихорадке, посыпалась штукатурка, что-то тяжело ударило в стену слева так, что мешки бросило прямо на меня. В наушнике шипела статика, на экране коммуникатора мигал знак потери входящего соединения. Ожила внутренняя связь, я с трудом расслышал голос Климова

- Танки, товарищ младший сержант!.. Расстояние триста, северо-восток! Идут на нас!..

Так, похоже начался серьёзный разговор. Амеры поняли, что по хитрому нас не взять, поэтому попёрли в наглую. Сделать уже ничего нельзя, нас просто

расстреляют, нужно отходить.

- Бойцы, отходим к пункту управления. Спускаемся вниз, делаем как я!..

Вариантов против танков у нас нет. По тоннелям спускаться тоже нельзя, одни сквозь мины мы не пройдём, к тому же возможно там всё обвалилось. Перебежать от нашего дома в соседний – тридцать метров по прямой. Других шансов просто нет. Я нащупал в подсумке две оставшиеся гранаты, проверил боезапас уже спускаясь по полузаваленной лестнице. Не густо: три полных магазина к автомату и ещё два к «глоку». Рюкзак за плечами стал почти невесомым, а

значит боезапас реально показывает дно. Здание снова содрогнулось, в торцевую стену ударило словно тараном, что-то с грохотом обрушилось наверху. Я выглянул во двор, освещаемый скупым светом догорающего пожара. Не пойму, что тут после всего могло гореть, но неровные рыжевато-оранжевые сполохи выхватывали из темноты края воронки образовавшейся от разрыва двух фугасных снарядов. Снова надвинув очки, всмотрелся в очертания соседнего дома. Два центральных подъезда были завалены мусором, все окна первого этажа заложены мешками со щебнем или забиты щитами из остававшейся

в квартирах мебели. Окна второго этажа временами вспыхивали неяркими островками света, но никто в зияющих чернотой оконных проёмах не показывался. Снова ударил пулемёт, вдоль заваленного снегом тротуара стегануло длинной очередью, поднявшей тучи мокрой взвеси. Так, значит амеры уже перемещаются ближе к единственному выезду. Танк тут пройти не сможет, значит будет что-то более мелкое, нужно поторопиться. Сзади слышался дробный топот, мои бойцы и скачущий через две ступеньки Женька, уже скатились вниз. Я жестом дал сигнал остановиться и

указывая на воронку и проём центрального подъезда соседнего дома сказал:

- Амеры скоро войдут во двор. Танк сюда не загнать, поэтому войдёт джип и пехота. Наша задача – отсечь пехоту, задержать их насколько возможно. Патронов мало, попробуем разжиться чем-нибудь в госпитале. Всё, перебежками до воронки и в подъезд. Селянинов – первый, за ним Симак и Климов, я замыкаю... Погнали!..

...Женька рванул вперёд как только замолчал пулемёт. Пригнувшись, он понёсся к воронке почти припадая к земле. Амеры не сразу его заметили и отреагировали

как-то вяло. Всего несколько автоматных очередей прошло у водилы высоко над головой. Запнувшись о что-то, ефрейтор кубарем скатился сначала в воронку, а потом словно напружиненный вылетел и не останавливался пока не скрылся в подъезде. Я хлопнул по спине замершего рядом бойца:

- Симак, пошёл!..

Тот ринулся к воронке почти так же шустро и вскоре благополучно скрылся в дверном проёме. С этим обошлось.

... Климов стартовал чуть медленнее и тут удача нас оставила. Снова заработал пулемёт, несколько очередей ловили спотыкающуюся,

неуклюжую фигуру, сбивая бойца с ритма. В какой-то момент, тот замер на месте, остановился. Не мешкая больше, я побежал вперёд. На ум пришла старая дедовская поговорка. Которую я продолжал бормотать то ли шёпотом, то ли вообще мысленно.

- Эта пуля не моя, моя следом летит!.. Эта пуля...

Вражеский пулемётчик переключился на меня слишком поздно. Роковая очередь рассекла пустоту ровно в тот момент, когда я сбив Климова с ног, скатился вместе с ним в воронку. Не останавливаясь, я полез вверх по смёрзшимся комкам земли, таща безучастного солдата за ремень автомата закинутого за спину.

Ощущая неслабую тяжесть, я тащил парня за собой и всё время приговаривал:

- Следом летит!.. Следом... Летит!..

Подъезд, руки Симака и Женьки были уже рядом, когда я почувствовал как тяжелеет влекомое на ремне тело. Отчаянно рванувшись вперёд, я почти упал на руки ребят, втащивших нас обоих в подъезд. Позади ахнуло запоздалым взрывом, потом ещё и ещё. Мы не останавливаясь протащили сразу отяжелевшее тело Климова на дав пролёта вверх. Прислонив его в тёмном углу межлестничной площадки, я зажёг маленький

фонарик и подняв очки на шлем
осмотрел раненого.
Крупнокалиберная пуля попала
парню в левую ногу, прошла навылет,
видимо задев кость. Перетянув ляжку
выше раны его собственным ремнём,
я разрезал сломанным клинком
штанину комбеза и пробравшись
сквозь бельё обнажил рану. Украдкой
взглянул в лицо раненого. Оно было
белым, как полотно и губы сжатые в
нить отливали мертвенной синевой.
Рваные края, мелкие острые осколки
кости. Погано, очень погано. Женька
уже протянул мне аптечку, вместе мы
почистили рану спиртовой
салфеткой и наложили вакуумный
пластырь, надёжно прихватив всё это

бинтом. Обезболивающее я колоть не стал, мало ли, может сердце у парня слабое. Очнётся, тогда и будем решать. Женька посмотрел мне в глаза, блики от мерцающего синего света фонаря делали его лицо иссиня белым:

- Писец парню, хорошо хоть санбат наверху.

- Хорошо, только вот нас никто не встречает, это хреновый признак, брат.

Оглянувшись на замершего у стенки Симака, я показал ему на оставшийся лестничный пролёт и махнул рукой:

- Боец, сбегай наверх, посмотри чего они стесняются к нам выйти...

Симак вернулся неожиданно быстро. В неровном свете фонаря, я заметил его широко раскрытые от ужаса глаза. Женька встряхнул парнишку за грудки.

- Чего там увидел? Ну, не мямли!..

Судорога исказила молодое чумазое лицо бойца и он еле-еле разлепив ссохшиеся губы выдавил из себя:

- Там раненые и двое санитаров... Мёртвые они... Кого зарубили, кого постреляли... Мёртвые, все мёртвые....

Приказав пацану остаться с раненым, махнул Селянинову рукой и тот без слов понял. Мы осторожно

поднялись на этаж, я накинул наглазник, включил камеру в режим тепловизора. На площадке был вход только в две квартиры справа от лестницы, остальное скрывала обвалившаяся стена. Внутри все межквартирные стены были снесены, мебели тоже давно не было. По сути, тут всего один большой зал, метров на пятнадцать в длину. Первый труп лежал навзничь, это был боец с большим санитарным рюкзаком, который он так и не выпустил из рук. Его убили ударом острого предмета, скорее всего таким же топориком, которым чуть не угостили недавно меня самого. Держа автомат наготове, махнул

стволом влево, отдавая Женьке ту часть зала, а сам начал по ходу воспроизводить картину произошедшего. Балахоны разделились видимо ещё в подземном тоннеле. Трое пошло к нам, остальные заявили сюда. Ещё через пару метров обнаружилось сразу пять тел. Четверо раненых лежали на вывороченных из оправы кроватных матрасах. Среди них, уже ничком, лежал ещё один фельдшер, так же зарубленный топориком. Острое лезвие отделило голову почти ровно под затылком, она укатилась к окну, а тело рухнуло вперёд. Один рубил, а шедшие следом расстреляли раненых. Глушённые стволы, высокая

скорости и выучка. Работали какие-то спецы, вроде тех, встреченных на излёте лета. Дальше только спуск на этаж ниже и очередной обвал. Покрутившись немного, я увидел следы крепления троса на одном из оконных проёмов. Ясно: спустились вниз и пошли ко входу в третий подъезд. Если я прав, то шепнуть Доронину о диверсах удалось вовремя, их непременно встретили...

-Да-да-ах! Умм-ахх!..

В стену дома ударила очередь из крупнокалиберного пулемёта, а следом вспыхнул ослепительный свет прожектора. Амеры выкатили во двор два джипа и сходу открыли огонь из пулемётов. Думать было

некогда, бежать тоже не выйдет. Однако парням об этом знать не нужно. Обернувшись к подползшему Женьке, я крикнул:

- Спрячьте раненого!.. Потом занимайте оборону... Ты держи левых три окна... Симак пусть бежит направо... В сами окна не суйтесь... Выстрелил – отскочил!.. Патроны не жгите, Бить только наверняка!..

Женька пополз было назад, но у самого выхода оглянулся и тоже проорал перекрывая нарастающий грохот перестрелки:

- Старый, нам реально хана?!..

Не знаю, что он хотел услышать, но на враньё и глупости времени точно не было, поэтому я крикнул в

ответ:

- Патроны с трупов соберите, гранаты, оружие! Хватит умирать, пусть амерыдохнут, а мы ещё поживём!.. Давай, шевели булками!..

...Всё закрутилось в чёрно-белом калейдоскопе немого кино. От грохота разрывов, слух совершенно пропал, меня окружала привычная уже ватная тишина, сквозь которую еле-еле проникали звуки боя. Амеры выкатили джипы почти вплотную к дому, нас разделяло что-то около двух десятков метров, не больше. Их пехота подступала грамотно разбившись на группы по пять-шесть человек. Пока пулемёты долбили по окнам, они накапливались в

воронках, прятались за горами мусора. Подскочив к одному из окон я вскинул автомат и поймав мешковато одетую фигуру в прорезь прицела дважды выстрелил. Тот дёрнулся и скрылся за холмом.

-Да-да-да-ах!..

Пулемётчик отработал по моей позиции, взвилась туча пыли, несколько пуль влетели в окно и зарылись в стену позади. Всё это происходило в полной тишине, только звуки пулемётной очереди еле-еле пробивались сквозь тонны ваты осевшей вокруг моей головы. Преодолевая тошноту и выждав ровно пять секунд, я снова высунулся и уловив движение внизу поймал

неясную фигуру в прицел и выбрал спуск. Автомат привычно ворохнулся в руках, но результата я не дождался, снова нырнув за стену. Обстрел вдруг усилился, я подошвами ботинок ощущал как дрожит пол под ногами от попаданий по зданию. Вдруг, кто-то тряхнул меня за плечо. В полумраке я увидел перекошенное лицо Симака. Губы его шевелились, но я ничего не мог понять. Тот приблизил лицо к моему плечу и видимо заорал в полный голос:

-...Рорвались!..

Они

прорвались!..

Превозмогая давящую на виски боль, я оторвал от себя руки бойца и так же глядя ему в лицо завопил,

совершенно не слыша его голоса:

- Где?!..

Парень показал стволом автомата на зияющий чернотой дверной проём входа на этаж. Решение пришло автоматически, его услужливо подсказал опыт. Привлекая парня ближе к полу я силой заставил его ползти рядом до того места, где лежали трупы разведчиков Доронина. Выдернув из-под окоченевшего тела матрас, я располосовал его обломком клинка. Потом обернулся к бойцу и заорал:

-Подержи лестницу!..

Тот кивнул и выстрелил куда-то вниз. Я вынул из разгрузки три патрона с расшатанными пулями,

отобранные при набивке магазинов и высыпал порох в надрезы. Потом подтащил другой матрас и тоже срезал с него бурую от крови обивку. Повезло, оба матраса были ватные, тяжёлые. Пошарив вокруг, нашёл в сумке одного из санитаров рулон туалетной бумаги. Сложив всё это на нижний матрац чиркнул спичкой. Порох вспыхнул не сразу, бумага занялась быстро и вскоре матрас начал дымить. Кинув сверху второй порезанный лежак, я крикнул Симаку который всё это время изредка смотрел за моими действиями:

- Толкаем вниз!..

Дымящая конструкция тяжело

съехав вниз по ступеням кубарем покатилась дальше, застряв где-то на уровне первого этажа и заблокировав ход наверх. Вскоре плотные клубы едкого дыма поплыли по лестнице, но воздушной тягой его растаскивало по первому этажу. Я дёрнул бойца на себя и указав на лестницу ведущую вверх крикнул:

- Не сунутся больше, держи дверь и вниз не лезь!..

Ещё минут через пять, когда я снова стоял у окна и стрелял на кажущееся или мнимое движение, дым от тлеющего внизу матраса начал струиться вверх из щелей заколоченных окон первого этажа. Какое-то время это создаст нам

дымзавесу, но это пока есть патроны. В очередной раз я перебежал от окна к соседнему и выцелив удачно высунувшегося амера нажал на спуск. Автомат не дёрнулся в руках, вспышки выстрела тоже не последовало. Выщелкнув магазин, я посмотрел в щель горловины - пусто. Лапнул разгрузку — тоже лёгкие пустые магазины. Вынув пистолет, я прицелился на движение и выстрелил. Ещё минут пять и я пустой. Только эта мысль билась в голове, но на этот раз она прошла как-то совсем отстранённо, даже с каким-то облегчением. Только сейчас, прижавшись спиной к выщербленной стене разрушенного

дома я ощутил сильнейшую жажду. Всё исчезло, осталась только эта дикая сушь в глотке. Безо всякой надежды, я глянул вниз, чтобы взять с пояса флягу и увидел мигающий огонёк входящего соединения. На маленькой панели заляпанного копотью дисплея пульсировало сообщение: «Готовность к 492!Всем 057! Через 0.04сек. выйти из зоны 492!...». Штаб бригады предупреждал о авианалёте на квадрат, разведке приказано отходить, искать укрытия. В следующий миг я уже бежал по этажу. Водила нашёлся сам, он тоже чуть было не наскочил на меня, выбежав откуда-то из-за угла. Пришлось ловить Женьку за броник

и орать в самое ухо:

- «Грачи» прилетели!.. Ща накроют!.. Надо вниз!..

Потом мы вместе оттаскивали от окна Симака и подняв раненого Климова вместе волокли тяжеленное тело к дырке в дальнем углу зала, ведущей на другую сторону дома. Первый взрыв застал нас ползущими среди щебня по узкому лазу. Стены сузились, едва не похоронив, под собой три с половиной человеческих жизни. Не помню как, но после вечности темноты и ужасной тесноты, вдруг ощутил свежий поток обжигающе холодного воздуха. Выбравшись на поверхность, я помог вытащить тело Климова и заглянул

раненому в лицо. Бледный, но лёгкий пар поднимается от губ. Жив...

Сил больше не осталось, я прислонился к шершавой стене дома и опустился рядом с раненым. Немного поодаль сидели Женька и Симак. Я вынул пистолет, а в другой руке зажал последнюю остававшуюся гранату. Небо над головой в обрамлении острых зубцов стен разрушенных домов начало светлеть, пришёл новый день. Теперь всё опять зависело лишь от воли случая и прихотей богов войны.

25-ое ноября 2011года, 04.01 по корабельному времени. Тихий океан, нейтральные воды. Примерно 1855

км. от базы «Осиное Гнездо». Борт подводной лодки ВМС США «Шайен». Командир оперативно-тактической ударной группы SOCOM «Варлок», лейтенант Зак «Фрости» МакАдамс. Вода под мостом, или почему воспоминаниям не место на войне.

...Народное присловье гласит, что человек может привыкнуть к чему угодно. Ещё пару месяцев назад, я бы с радостью согласился, что так оно и есть. Однако жизнь всегда хитрее, а её сюрпризы могут поставить устоявшееся за годы мировоззрение с ног на уши. Надводное десантирование - устаревший и очень небезопасный

способ попасть к русским в гости. Но вот именно так мне и ещё пятерым парням предстоит это сделать на этот раз. Обычный в таких случаях выход на глубине в последний момент запретили. Якобы в районе операции работают сразу несколько противодиверсионных групп противника. Может быть это и так, но лично у меня информация агентов Лавки вызывает сильные сомнения. Русские только что получили сильнейший удар под рёбра, собирают все силы чтобы прикрыть обычные, наземные участки фронта, а тут откуда-то взялись настоящие подводные диверсанты. Но приказ есть приказ и

вот мы тут, на предельно возможной глубине, пробираемся к точке в океане чтобы всплыть у русских радаров на виду. Глупость, помноженная на ещё большую глупость. Небольшая, похожая на перекормленную касатку лодка, тихо пробиралась на предельной глубине к русскому берегу. Коммандер Браудер, перед отходом из базы сухо приветствовал нас, на борту «Шайена» и после погружения я ни разу его не видел. Капитаны всех лодок этого типа терпеть не могут случайных пассажиров, полагая что от нас всегда одни проблемы [35]. Лёжа на 35 USS «Cheyenne». Реально существующая атомная подлодка

ВМС США. АПЛ типа «Лос-Анджелес» являются многоцелевыми подводными лодками, основное назначение борьба с ПЛ и надводными кораблями противника, ведение разведывательных действий, поддержка специальных операций комбинированного типа, переброска спецподразделений, нанесение ударов, минирование, поисково-спасательные операции. Оборудованы 12 вертикальными пусковыми установками для крылатых ракет. Вооружены крылатыми ракетами узкой койке, втиснутой в тесный, похожий на пенал отсек, я чувствовал себя словно во сне. Ещё вчера мы с

парнями прибыли в военно-морскую базу Норфолк, а перед этим пару дней болтались в самолётах, перескакивая сотни миль за сутки. Конечно, так бывало и раньше, особенно во время первых командировок в Афганистан, когда наземные силы ещё не закрепились на территории страны. Столько времени мечтал попасть домой, а в результате вижу его только мельком, при пересадке с борта на борт.

Один раз получилось выйти в город, пока ждали припозднившийся самолёт. Сном казалась мирная жизнь, люди свободно ходящие по улицам без оружия, совершенно открыто не пригибаясь и не ища

глазами блеск чужой оптики где-то
вдали. Потом, через пару недель, всё
уравнивалось и тогда ситуация
менялась на противоположную:
теперь Афганистан казался
эфемерной, но очень реалистичной и
навязчивой фантазией. Безотчётно и
совершенно помимо воли меня снова
захватили воспоминания. Почему
сейчас всё иначе? Оглядываясь на все
прошлые передраги в которых
пришлось побывать, теперь могу с
уверенностью сказать, что война с
русскими ни на что не похожа.
Сербы, афганские моджахеды,
иракский сброд с которыми
пришлось порядочно повозиться, это
мелочь в сравнении с той дремучей

силой, которую приходится встречать тут, в России. Всего трое суток назад, мы с парнями столкнулись с невероятной ситуацией, воспоминания о которой до сих пор заставляют типа «Томагавк». Сохранена возможность пуска противокорабельных ракет через торпедные аппараты. КР «Томагавк» в варианте для атаки береговых объектов имеет дальность 2500 км (с ядерной боеголовкой), 1600 км с обычной.

внутренне содрогаться. После того, как русские внезапно контратаковали, под Новосибирском образовался хаос: мы то пятились, то снова отбивали построенные нами

же укрепления и базы, но каждый раз русские отбивали их обратно и упорно пёрли вперёд и вперёд. Дядя Тэд использовал «Варлок» как универсальную отмычку, словно мы одни могли выиграть каждый бой, заменить собой откровенно трусящих резервистов или корыстных наёмников. И те и другие бежали от первого же выстрела, там, где появлялся десяток русских им мерещился целый батальон, а взвод русских танков едва-едва появлявшийся на горизонте вызывал общую истерику в эфире. Нас дёргали с одной миссии на другую, иногда вертушка не успевала даже приземлиться, а мы уже снова летели

туда, где жарко. Изредка выдававшиеся часы отдыха оборачивались тупыми шатаниями по базе или временному передовому аутпосту. События, лица солдат, трупы и умирающие, всё это слилось в одну бурую мозаичную картину, в которой я уже не видел ни капли смысла. Спасали рефлексy, намертво вбитые инструкторами, кажется уже вечность назад. Помню как в лагере столкнулся с напившимся до зелёных соплей капитаном-вертолётчиком. Вертушки были общей палочкой-выручалочкой, парни почти не бывали на земле, а в последнее время их всё чаще сваливали новые русские зенитки, чёрт, слово похожее на

«броненосец» [36], точнее сейчас не вспомню. Пилот 36 МакАдамс имеет ввиду зенитную самоходную установку "Панцирь-С1" Принятую на вооружение российской армии в 1995г.

Новый комплекс смонтирован не на гусеничном шасси(ЗСУ "Шилка" или "Тунгуска" например), а на автомобиле «Урал-53234» с двигателем КАМАЗ-7406 мощностью 260 л.с. Это связано с назначением комплекса. должен прикрывать не войска в боевых порядках, а тыловые объекты. В ходе разработки новой ЗСУ учтён опыт самых последних локальных войн, в которых самолеты и крылатые стоял на коленях возле

палатки, мимо которой я проходил и мощно блевал, попутно бормоча себе под нос нечто ругательное. В какой-то момент его рука соскользнула и с чавканьем ушла в большую лужу состоящую из грязи, талой воды и само собой его же собственной блевотины. Видя, что он вот-вот рухнет туда сам, я подбежал и прихватив бедолагу под мышки, оттащил его чуть в сторону и прислонил к ящикам спиной. Капитан поднял на меня мутные, полные неизбывной тоски глаза, увидел мои нашивки, криво ухмыльнулся и сказал удивительно внятно:

- Ты видел как горит человек,

спецура?.. А я вот видел как сгорел бедняга Доджер вместе со своим ракеты летали на низких и сверхнизких высотах. При массированных налетах на сверхмалых высотах в условиях силового радиопротиводействия и сложного рельефа местности современные тяжелые ЗРК типа «Патриот» (США) или С-300 (СССР) могут оказаться неэффективными. Кроме того, перехват дешевых малоразмерных целей подобными комплексами экономически нецелесообразен. Поэтому и создан «Панцирь» — сравнительно дешевый зенитный комплекс, весьма эффективно действующий в условиях

хорошей видимости. У «Панциря» нет необходимости вести огонь с ходу и иметь броню. Помимо варианта, на автомобильном шасси имеется вариант в стационарном исполнении. Особенности его состоят в том, что боевой расчет может размещаться в укрытии и вести работу с выносных пультов управления.

Комплекс «Панцирь» оснащен двенадцатью новыми зенитными управляемыми ракетами, превосходящими 9М311 по всем параметрам. Комплекс может одновременно наводить до трех ракет. Внешне и по компоновке новая ракета похожа на 9М311. Корпус

ракеты бикалиберный, двигатель находится во второй отделяющейся ступени.

Артиллерийское вооружение «Панциря» состоит из двух 30-мм автоматических пушек 2А72. Эти пушки входят в состав вооружения БМП-3 и несколько лет находятся в серийном производстве. Пушки одноствольные, темп 2А72 в семь с лишним раз ниже, чем у 2А3 8 на «Тунгуске». Такой низкий темп стрельбы был заложен в пушках 2А42 и 2А72, установленных в БМП-2, БМП-3 и БМД-3 только потому, что их назначением была борьба в первую очередь с наземными целями, а во вторую — с вертолетами, но

никак не с истребителями и крылатыми ракетами.

вторым номером. Ремни заклинило, его словно поросёнка в духовке запекло... вся кабина как долбанный гриль...

Я попытался проводить его в палатку, но летун упёрся и неожиданной силой вывернувшись из захвата сделал пару шагов в сторону и растянулся в грязи, подняв целую тучу брызг. Плюнув с досады и кое-как почистив одежду, я развернулся и пошёл прочь, но в последний момент что-то заставило меня оглянуться. Капитан сел в луже и забрав в обе руки две пригоршни жидкой грязи, опять громко произнёс:

- Чёрная, проклятая земля!
Зачем я согласился, почему не уехал
неделю назад?!

Отчим всегда говорил, что если
у мужика «сорвало нарезку», самый
лучший способ помочь, это оставить
его в покое. Оставив пилота
загребавшего холодную чёрную жижу
в пригоршни и тихо бормотавшего
проклятья всем русским, я
направился было в расположение
батальона, но по пути туда, меня
нагнал джип. С крыши из-за турели
свесился Фонарщик и перекрывая гул
заходящего на посадку транспортного
вертолёта крикнул:

- Садитесь, босс!.. Ситуация Два
Пять Ноль, «птичка» уже под

парами, я только вас искал.

Молча кивнув, я забрался на переднее пассажирское сидение и пожал руку Напёрстку, угрюмо катавшему во рту измочаленную зубочистку. Райли зло дёрнул баранку и джип резко взяв с места повернул на дорожку ведущую в сторону лётного поля. Спohватившись, я повернулся к Фонарщику.

- Сержант, что опять стряслось?

Джош умильно возвёл очи к потолку и изобразил рукой характерный неприличный жест, обозначавший на нашем внутреннем жаргоне срочный вызов. В последнее время все наши задачи сводились к помощи там, где ситуация так или

иначе выходила из-под контроля. Чаще всего приходилось эвакуировать штабы, проводить конвои с имуществом через отступающие порядки передовых частей в оперативном тылу. Работёнка не из простых: русские диверсанты действовали нагло, словно ситуация первых месяцев войны обернулась к нам своей изнанкой. Теперь чаще всего в роли дичи были именно мы. Только всё чаще я отмечал одно существенное отличие: у отступавших русских я видел только отчаянье и злость, страха наблюдать почти не приходилось. А у нас страх царил повсеместно, иногда его липкая

плёнка ощущается почти что физически...

- Обычное дерьмо, Эл-Ти...
Русская мотопехота прорвалась у шоссе-ного моста на северо-востоке в сорока километрах отсюда. Парни из сто шестнадцатой пехотной бригады полковника МакМастерса попытались их окружить. Но основная группа прорвалась и отошла от шоссе-ной развязки, оставив для прикрытия два танка и до трёх отделений пехоты. Их удалось блокировать. Но русские сидят плотно, выкурить пока не получается.

- Они что там, охренели совсем?! Что мы вшестером сможем

сделать против взвода русских усиленного танками.

- МакМастерс самолично просил Дядюшку Тедди об одолжении. Судя по всему, там какая-то непонятка, босс.

Информация нисколько не радовала. Какого чёрта мы опять лезем на передовую, это равносильно стрельбе из пушки по воробьям. Теперь понятно, почему мы попятились: когда специалиста по диверсиям бросают в лобовую атаку словно рядового новобранца, это бардак! Фонарщик кивнул, указывая пальцем на опущенную аппарель тяжёлого транспортного самолёта.

- Эй, Напёрсток, правь прямо

туда, видишь — Нюх машет своей бородой, парни уже в седле!..

... Когда-то это была обычная придорожная заправка, совершенно такая же как в любом американском или немецком городке. Но сначала тут прошли отступающие части русских, а потом закрепились наши морпехи, превратив заправку в укреплённый опорный пункт. Две линии полнопрофильных окопов, с укреплёнными брустверами и пулемётными стрелковыми ячейками о углам. Теперь здание заправки было обложено мешками с гравием по самую крышу, на которой тоже имелась зенитная точка, но сейчас трёхствольный «гау» [37] развёрнут в

неверном направлении и если верить местным воякам, за турелью сидит русский десантник. Все укрепления сильно разрушены, по заправке вели огонь из батальонных 37. Имеется ввиду трёхствольная крупнокалиберная система GAU-19, базирующаяся на конструкции пулемета M134 'Minigun'. GAU 19 также использует автоматику с внешним приводом механизмов от электродвигателя постоянного тока, питаемого от бортовой сети носителя или от отдельной аккумуляторной батареи. Конструктивно этот пулемет практически полностью повторяет пулемет M134 Minigun. Его главными

конструктивными отличиями являются меньший темп стрельбы, а также уменьшенное до 3 число стволов.

Описываемый в романе вариант это турельная кольцевая установка, монтируемая на автомобиле типа "хамви". Однако в некоторых случаях GAU 19/A монтируют как неподвижную огневую точку на блокпостах и передовых базовых лагерях армии США. Пользователи отмечают исключительную точность при стрельбе короткими очередями и высокую степень поражения групповых целей с накрытием по площади. Из известных проблем — частое заедание механизма подачи

ленты в условиях агрессивной внешней среды(песчаная пустыня, области крайнего севера).

ТТХ: калибр – 12,7х99мм; вес(с устройством подачи ленты и электродвигателем)– 63кг.Общая длинна оружия –1181мм. Максимальный темп стрельбы – 2000 выстр/мин.

миномётов, а по характерным следам копоты у пробоин в стенах я узнал работу «апачей». Работали из бортовых орудий, бомбить или нечем или просто не решались. Опорный пункт занимал выгодную позицию: с трёх сторон на пятьсот метров открытая местность, а с восточной стороны – берег небольшой речки.

Мост через реку русские взорвали, видимо понимая, что окружены и помощи ждать неоткуда. Танки о которых говорил Напёрсток, были врыты и замаскированы обрушенными в ходе штурма заградительными конструкциями. Судя по очертаниям это старые советские «восьмидесятки», с которыми в последнее время пришлось близко познакомиться. Всего их было два, третий чадил дымным шлейфом у взорванного моста. Пехота не удосужилась сообщить, что они не смогли предотвратить подрыв единственной переправы через речку. Русские минировали, а танк их прикрывал.

Судя по всему свою задачу он выполнил, хотя неизвестно, удалось ли противотанкистам из бригады МакМастерса уничтожить экипаж. Вдруг от башни левофланговой машины вспухло мутным облаком и потянулось прямо ко мне цепочка трассеров. Изображение на экране монитора мигнуло и погасло, русский сбил БПЛА из зенитного пулемёта, хотя при такой-то погоде разглядеть юркий разведчик было не так-то просто. Я захлопнул крышку «такткома» и вызвал по короткой связи Фонарщика:

- Тройка, как настроение?

Сэм ушёл метров на триста назад, отыскав себе уютное

гнёздышко в холмах на юго-востоке от шоссейной развязки. Как бы ни торопил меня приятель нашего полковника, соваться к отчаявшимся русским наобум я не стану. Вот отбомбились бы как предлагал, сейчас уже давно наладили бы переправу.

- Нет контакта с целью... «Шишка» пуста, больше ничего нет.

За турелью никого нет, но это вряд ли что-то означает. Наверняка стрелок прячется в помещении, а высунется только когда для него будет работёнка. Снова ожила рация на командной выделенной частоте, в наушнике забасил полковник МакМастерс:

- Варлок главный, что у вас?

Непроизвольно рука на рукояти автомата сжалась чуть сильнее, чем я того хотел. На верх уже точно доложили, сто русские уничтожены и кто-то припекает полковничий зад на предмет восстановления движухи по магистрали.

- Работаем, сэр.

Голос МакМастерса стал ещё более нетерпеливым, вот-вот прикажет идти на штурм не считаясь с потерями.

- Поторопитесь, Варлок.

- Делаю всё, что могу, сэр. Разрешите удар по позициям противника корректируемым фугасом [38], перед началом

операции, сэр?

38 Уже упомянутая в романе САУ M109 Paladin PIM (Paladin Integrated Management), модернизирована в соответствии с требованиями, выработанными в рамках модульной концепции для бригад тяжёлого класса НВСТ (Heavy Brigade Combat Team) армии США для ведения огня высокоточными снарядами с корректируемой траекторией. В номенклатуре боеприпасов данной САУ есть такой, это M982 Excalibur – совместная разработка Raytheon Missile Systems и BAE Systems Bofors (Швеция). Снаряд использует спутниковое наведение, что обеспечивает

высокую точность при стрельбе из различных существующих и перспективных образцов 155-миллиметровых гаубиц. Его особенностью является высокая точность, практически вертикальный угол поражения и оптимальное рассеивание осколков. Это позволяет снизить нагрузку на подразделения.

Ответ последовал незамедлительно, хотя такого я не ожидал. Полковник видимо был в отчаянии, раз сдался. Полчаса тому назад, он чуть ли не трибуналом угрожал, когда я заикнулся о чём-то подобном.

- Даю вам канал на бригадную артиллерию, их позывной – Дракон Два Шесть. Помните, что удар

должен получиться хирургическим, Варлок.

Пиликнула рация, наручный тактблок дёрнулся от виброимпульса, пошёл обмен протоколами безопасности и через пару секунд на небольшом голографическом экране у запястья возник ещё один пункт меню. Расчехлив бинокль, я навёл оптику на позиции русских. Танки и пулемёт на крыше тут же высветились красным и спустя пару мгновений обрели рамки того же цвета. Сейчас вся информация о целях ушла через спутник на блок управления бригадного артиллериста.

- Подгруппе прикрития

внимание. Штурмовая
приготовиться, ждать звуков грома.
Вперёд по готовности.

Быстро переключившись на
волну бригады, я вызвал
артиллериста. Ответил почти не
искажённый помехами, приятный
женский голос. Это было
неожиданно и почему-то неприятно,
это рефлекс, оставшийся с
Афганистана. Тогда нас здорово
подставили вертушки, за штурвалом
одной из которых была какая-то
бабёнка. Погибло трое хороших
парней, а летуны получили нашивки
и вроде бы даже обеспечения и
уменьшить побочный ущерб от
артиллерийского обстрела в условиях

плотной городской застройке. М982 Excalibur Block.1a-2 отличается от предыдущей версии Block.1a-1 своей увеличенной дальностью (до 40 километров). Последние уже поставлены в войска в 2007 году.

премиальные. Нехорошо начинается дело, ой как нехорошо!

- Варлок Главный, это Дракон Два Шесть.

- Прошу немедленный «адский огонь» по координатам 56-78, Альфа-Зулу- Ноябрь.

- Принято, приказ подтверждаю. Доставка по координатам через тридцать секунд.

Снаряды эти ещё с прошлого раза не оставили приятных

впечатлений. Их хвалёная точность слишком сильно засвистит от всякого рода случайностей вроде радиопомех или погоды. Хотя это всё же лучше чем обычный артудар, которые в последнее время всё чаще цепляли своих. В оптику позиции русских выглядели брошенными, но я кожей чувствовал на себе чей-то пристальный и враждебный взгляд. Он не искал конкретно меня, он высматривал любое движение, но пока не находил цели. В тот же миг воздух вокруг заправки дрогнул и следом всё заполонил собой гул сдвоенного разрыва. Земля потомной колыхнулась, зубы клацнули а в ушах повисла ватная тишина.

- ... Дракон Два-Шесть!..
посылка доставлена! Подтвердите...
пораже...е целей Варлок!

Женский голос доходил не сразу, баба всё делала чётко, как на полигоне. Прошедший недавно дождь не дал подняться пыли, поэтому результат бы виден почти сразу же. Снаряды легли почти что точно в цель, когда дымное марево прибило к земле порывами ветра, заправка превратилась в груды размётанного мусора. Танк на правом фланге опрокинуло взрывом и теперь почти неповреждённая внешне машина лежала на боку. Турель провалилась внутрь здания, а внешняя ограда периметра зияла большими

проломами.

- Отличная работа, Дракон Два-Шесть! Посылка доставлена, подтверждаю. Дайте «занавес» по тем же координатам с установленным интервалом. Как приняли, Дракон Два-Шесть?

- Принято, Варлок! Даю «занавес» через тридцать секунд...

Женский голос всё также чуть искажённый помехами, едва заметно потеплел, видимо девчонке нравилась её работа. Одновременно я наблюдал как мои парни рассыпались цепью в старой воронке, метрах в трёхстах левее периметра разрушенного «опорника». Нюх был в паре с

Напёрстком, а Кабан и Крюк уже не сговариваясь нацелились на бросок к северному участку полуразрушенной стены. Всё шло как обычно, но ощущение того давящего пристального взгляда не давало покоя, во рту тут же пересохло.

- Фонарщик, Мэнни, готовность по «занавесу», предельное внимание!

Мэнни присоединился к нам сразу же после эвакуации из Нью-Нортвуда. Парень пришёл к нам из разведбата сто пятидесятой бригады, с пулемётом управлялся как бог. Сейчас он держал под прицелом предполагаемые позиции русских, на случай если те попробуют

высунуться. Прозвища как такового у него не было, почему-то и в бригаде и тут все звали пулемётчика только по имени. Невысокий, кряжистый уроженец Висконсина, рядовой второго класса Манфред Дженнингс успел получить репутацию человека неразговорчивого. Пока он никак себя не проявил, но талант как раз и раскрывается в бою.

С протяжным воем перед развалинами разорвалось сразу четыре дымовых снаряда одновременно. Девка своё дело знала, дымовая завеса получилась ровной и плотной.

- Четыре, четыре, четыре!

Дальше всё смешалось в каком-

то причудливом калейдоскопе обгоняющих друг друга событий. Четыре едва уловимые тени поднялись со дна воронки и стремительно сокращая расстояние до стены рванулись вперёд. Я пристально следил за развалинами, силясь уловить малейшее движение, может быть поэтому мелькнувший на краткую долю секунды ответ...нет, даже тень тени похожая на блик от прицела ускользнула от моего внимания.

- Есть контакт Эл-Ти!.. Вижу...

Ах!..

Мгновением позже эфир разорвал быстрый доклад пулемётчика, одновременно с этим

открывшего подавляющий огонь по развалинам.

- Снайпер на три часа! Фонарщик убит...

Только что молчавшие руины словно бы ожили. Перед тем как укрыться за бруствером из наполненных щебнем мешков, я успел разглядеть шесть дульных факелов от оружия русских. Парни залегли, дым позволил штурмовой подгруппе убраться в длинную промоину у разрушенной автобусной остановки. Плохо пришлось прикрывающим отход штурмовиков Крюку с Кабаном. Второй русский танк остался неповреждённым и сейчас оба моих бойца вжимались в

раскисшую земляную жижу,
примерно в двух сотнях метров от
заправки. Экономя патроны, русский
танкист бил скупыми очередями,
силясь достать цель сквозь ещё
плотную дымзавесу. Слева, от
позиций передового отделения
приданного мне взвода морпехов,
коротко чавкнуло и к позициям
русских понеслось две
противотанковых ракеты. Спустя
несколько томительных секунд
раздалось сразу три взрыва
слившиеся в один. Русский пулемёт
оборвал свой «разговор» на
полуслове и замолчал. Гулко
застрекотал пулемёт Мэнни, я снова
выглянул из-за укрытия, чтобы

увидеть как пули пляшут по развалинам здания заправки.

- Прикрываю, отходите парни!.. Три «бандита» на двенадцать часов!..

Не отрывая взгляда от поля боя впереди я нащупал винтовку и тоже не глядя расчехлив оптику утвердил ствол на мешке. В последнее время из-за жёсткого приказа командования запрещающего командирам разведподразделений возглавлять штурмовые операции, приходилось искать компромиссы. Я неплохо стрелял из нового «ремингтона», лёгкой и удобной игрушки более всего похожей на детский конструктор [39]. Восьмикратная оптика позволяет

уверенно работать с пятисот метров, почти не принимая поправок. Сейчас я нащупывал позиции дерзкого стрелка, убившего Фонарщика, потеря которого зацепилась где-то на периферии сознания, представить друга мёртвым пока не выходило. Позиции 39 МакАдамс использует фигурировавшую ранее в романе "Главный противник" модульную высокоточную систему MSR—Modular Sniper Rifle. Система базируется на лёгкой раме выполненной из высокопрочных алюминиевых сплавов и предлагает высокую точность стрельбы при удивительной для такой конструкции универсальности.

русских после работы артиллерии представляли собой хаотичное нагромождение обломков, по здравому рассуждению там вообще никто не должен был выжить. Однако то тут то там появлялись всполохи дымного пламени, развалины огрызались автоматнo-пулемётным огнём. Я дважды ловил в перекрестье прицела неровный силуэт стрелков, обрывая, гася далёкий треск выстрелов теперь уже навсегда. Но снова, где-то на грани восприятия я почувствовал того единственного противника которого искал. Захлебнулся и замолчал пулемёт Мэнни, сам он тоже не отзывался на вызов по

рации. И всё же дымовая завеса спасла остальных ребят, под её прикрытием им удалось отойти на исходный рубеж.

- Варлок, это Кабан! Мы выбрались, босс... Мэнни и Фонарщик... парней больше нет Эл-Ти.

Что-то пошло наперекосяк, из-за упущенной мелочи и тотальной спешки опять погибли люди. Мэнни я почти не знал, но вот Фонарщик... Десять лет мы бок о бок ходили в бой, пережили и иракскую канитель, хлебнули лиха в Афганистане и вот всё закончилось именно тут в непонятной и на сто процентов неправильной России. Я три года

учил их язык. Многие годы изучал армию и приёмы ведения боя, но понять до конца. Почувствовать этих людей от чего-то не получалось. Выровняв тон, я спокойно скомандовал на частоте отряда:

- Группе передислоцироваться в квадрат четыре и ждать. Как приняли?

- Принято, босс. Выдвигаемся в квадрат четыре.

Уловить настроение бойцов оказалось не просто. Всех нас опыт приучает к тому. Что на войне потери неизбежны, но всерьёз проигрывать всегда очень паршиво...

...Из задумчивости меня вывел голос вестового матроса. Лицо его в

красных отсветах аварийного
освещения отливало нездоровым
багрянцем.

- Сэр, капитан просит вас
пройти на мостик.

Осторожно поднявшись с койки, чтобы ничего не зацепить, я оправил куртку и молча кивнув в знак согласия пошёл следом. Теснота, узкие люки и нагромождение всяких труб вперемешку с проводами, ко всему этому я привык ещё в Норфолке. Долгих пять минут мы плутали по коридорам, пока не вошли в самую просторную часть лодки. Тут все ходили не согнувшись, дежурная смена занималась своими делами. Рулевой смотрел куда-то

вперёд, едва шевеля штурвалом немного похожим на гоночный руль. Браудер повернулся ко мне всем корпусом, кивнув в знак приветствия. Невысокий, плотного телосложения и с характерным медленным говором уроженца южных штатов, капитан походил на сильно пьющего Санта Клауса.

- По вашу душу пришла шифровка из штаба ВМС в Чарльстоне, лейтенант. Мне предписывается взять курс согласно вашему приказу. Как только соизволите, дайте знать, где вас высадить, лейтенант. Не задерживаю, можете идти.

Старик цепляется ко мне так,

будто я по собственной воле гощу на его мыльном пузыре. Но раздувать скандал не стоит, нам ещё предстоит обратная дорога домой. Приняв конверт и отдав честь, я вернулся в свой закуток, где дрыхли остальные парни. Расшифровать четыре столбца чисел было делом пяти минут. Кликнув вестового, я передал ему точные координаты места высадки и время которое на эту процедуру отводилось, а сам вынул из мешка компьютер и включив его снова начал прорабатывать план операции шаг за шагом. Лодка высадит нас на воду ближе к ноль шести часам сегодня. Далее, на двух моторных «резинках» подойдём к берегу, возле

мыса Белый Нос. Там, в сорока километрах южнее, будет ждать человек, оперативник из Лавки. Согласно профилю, его оперативный псевдоним — Николай. Этот шпион давно работает на ЦРУ, маскируется под какого-то местного. Я взглянул на фото. Обычное скуластое лицо, узкие щёлки глаз, короткие прямые волосы. Чукча, или индеец кри. Когда я бывал в Анкоридже, мы часто встречали местных. Низкорослые, с невыразительными плоскими лицами. Как этот человек мог являться оперативником Лавки, ума не приложу. Хотя наверняка он именно так и должен был выглядеть — серый, незаметный, безликий. В

глубоком тылу именно так и можно выжить, оставаясь невидимым для ищущих глаз. Этот Николай должен провести нас мимо постов охраны на территорию базы подлодок. У него же будет часть оборудования, которое нам нужно установить. После акции, Николай должен уйти вместе с нами. Санта на своей посудине подбирает лодки в море и мы идём в Ном, где последуют дальнейшие инструкции. На бумаге всё как обычно выглядит очень просто, а как оно будет на самом деле, одному Богу известно...

- Босс, что хотел этот жирный боров?

Скрипнул гамак подвешенный у противоположной стены напротив

моей койки. Моряки постарались оборудовать для гостей всё с максимальным комфортом, но ограниченное пространство не оставило места для приватности. Майк Санторо – наш новый радист и по совместительству фельдшер, смотрел на меня исподлобья своими пронзительными водянисто-серыми глазами. Из моей старой команды не осталось никого, война так или иначе прибрала всех. Выжил только Нюх, но его комиссовали. Мы расстались у ворот базы Эддингс, в Миннесоте. Там сейчас был один из пяти пунктов переформирования войск, там же недалеко в городке Ратлервиль, разместился военный

госпиталь. Белые многоэтажные корпуса, за невысоким сетчатым забором. Белый цвет всегда наносят поверх чёрного и на нём так хорошо видна кровь. Всё это быстро промелькнуло перед внутренним взором, так что Санторо не успел повторить вопрос.

- Пришли координаты точки рандеву. До полной готовности ещё два часа, отдыхай.

- Идём в гости к русским, в самую пасть... Можно вопрос, Эл-Ти?

... Майк и пятеро других парней были из моей старой команды. Мы все вместе служили под началом майора Брейтуэйта, вместе

штурмовали Тегеран и глотали радиоактивную пыль. После этого пути разошлись, но вот довелось повстречаться при не очень удачном стечении обстоятельств. Санторо — один из немногих кого я действительно рад был видеть. Мрачноватый, резкий на язык, он всегда был барометром нашего отряда. Парни прислушивались, о чём ворчит Тихушник и делали ставки, насколько он окажется прав по финальному раскладу. И я не стал исключением, игла беспокойства кольнула ледяным остриём в затылок, когда Санторо заговорил.

- Валяй.

- Вы часто допрашивали

пленных русских?

На миг я увидел развалины заправки, месиво из земли, окровавленных тряпок и обрывков тел. В тот раз выстрелить мне не дали, кто-то в штабе батальона отдал приказ обстрелять заправку с использованием новых боеприпасов. Ребята еле успели уйти под прикрытием новой порции дымзавесы, когда в двух сотнях метров впереди выросла стена рыже-чёрного пламени. Волны горячего, почти расплавленного воздуха накатывали одна за другой минут пять. Когда всё закончилось, поступил приказ выдвинуться на место и осмотреть развалины.

Артиллеристы сделали всего пару выстрелов, но этого хватило чтобы превратить руины в гору оплавленного стекла. Морпехи принесли с собой шанцевый инструмент и через час мы стаскали в одну из воронок останки тел русских и наших военных полицейских, за которыми раньше числился этот опорный пункт. Один из морпехов, медик, взмахом руки подозвал меня к воронке, видимо нашлись выжившие. Уже подойдя ближе внутренне невольно содрогнулся от увиденного. На меня смотрели упрямые серые глаза умирающей русской девушки-солдата. Левая половина её лица

сгорела до угольной черноты, грязные соломенного цвета волосы торчали клочками. Русская лежала навзничь на краю воронки откуда её достали морпехи МакМастерса. Они срезали с девушки бронежилет и разгрузку, в прорехе разорванного ворота я увидел белую, тонкую шею. У неё был перебит осколком снаряда позвоночник и теперь девушка лежала абсолютно неспособная двигаться. Я подошёл ближе и присев рядом, спросил по-русски. Говорю почти без акцента, но сейчас волнение сделало голос непослушным.

- Как тьебья зовут? Имя?
Звание? Номар части?!

Губы девушки кривились в попытке произнести какие-то слова. Я ждал ругательств или просьб, но услышал только два слова:

- Мама... больно...

Потом она судорожно втянула воздух и издав тихий едва слышный вздох закрыла глаза. Было похоже, что она просто заснула. Очнувшись от нахлынувшего. Острого воспоминания, я снова поднял глаза на Санторо и отрицательно покачал головой:

- Один или два раза, но допросом это не назвать: два, три слова и все матерные.

Майк согласно покивал головой и снова откинулся назад, поудобнее

устроившись в гамаке. Он машинально вынул никелированный кистевой эспандер и взяв его в левую руку размеренно начал его выжимать.

- И я о том же. Песчаные иракские ниггеры или там иранские гвардейцы-федакины, все говорили мало. Но ведь говорили же. А русские... проклятая эта земля босс. Поскорей бы сделать чего там надо умникам из Лавки и снова домой.

Мёртвое, но удивительно спокойное лицо девушки присыпанное бетонной пылью, с пятнами ожогов и свежая струйка крови вытекающая из необожжённого уголка рта. Эта картинка снова и снова вставала

перед глазами. Но в слух я сказал другое:

- Это обычная работа, Майк. Мы справимся, я уверен.

- Ну, поэтому вы командиры и получаете своё «огромное» жалование и расшитую галунами красивую форму, от вида которой девки сами выпрыгивают из трусов! Очень рассчитываю, что ты прав, Фрости.

...Работа с картами успокоения не принесла. Оборудование и лодки были проверены за предыдущие трое суток несколько десятков раз, оружие и снаряжение тоже. Поднявшись с койки, я вышел в узкий коридор и направился в отсек, где

был наш временный склад. На часах стоял второй мой боец — мастер-сержант Ник Сайлас или Викинг. Капитан настаивал на своей охране, но после звонка из штаба, умерил пыл. Караул всё время несли мои ребята, что было ещё одним отвлекающим фактором во время похода и хоть как-то помогало бороться со скукой. Ник стоял в полном вооружении, но без автомата. Зато клапан набедренной кобуры был расстёгнут и это мог видеть любой, кто так или иначе проходил мимо. Заметив меня, Сайлас кивнул, молча пропустив внутрь. Задраив люк, я отпер контейнер со снаряжением и в сотый уже раз начал перекладывать

автоматные магазины. Проверять наличие аптечки, сапёрного набора и питание радиостанции. На секунду это помогло, но чем дольше я этим занимался, тем чаще перед внутренним взором снова и снова появлялось лицо русской девушки. В конце концов я снова запер ящик и пройдя в дальний угол бокса сел на пол. Откинувшись назад, прижался к толстой прохладной переборке и ощутил лёгкую дрожь от работающих механизмов подлодки. Боже, как же я устал!..

- Боевая тревога! Всплытие! Боевая тревога! По отсекам стоять!

Видимо я отключился, ревун вырвал из обморочного чёрного сна.

Но тело не подвело, всё что положено проделывалось с заученным автоматизмом. Через положенные по нормативам несколько секунд, я стоял полностью экипированный. А перед левым глазом в глубине визора бежала тестовая таблица состояния боевой информационной системы. Парни тоже были уже в боксе, давно отточенная процедура заняла не больше времени чем у меня. Проверив их снаряжение и связь, я махнул рукой и мы уселись на корточки вдоль левой стены отсека. Лодка дёрнулась, уши привычно заложило и я ощутил как вся эта махина быстро идёт вверх. Ещё один

сильный удар и всё стихло. Минуту спустя, вошёл вахтенный офицер. Мы цепочкой двинулись следом за ним, пока не попали на верхнюю палубу. После относительного комфорта и тепла, нас встретил пронзительный ветер и плотная завеса из мокрого снега.

...Тихое гудение мотора заглушал адский свист встречного ветра. Видимость снизилась настолько, что вытяни руку и не различишь кончики пальцев.

- Активировать визор!
Приготовиться идти по приборам!..

Свинцово-серая пелена сменилась на зеленовато-чёрную, но теперь впереди появилась цепочка из

бледно мерцающих прямоугольников с координатной сеткой. Что там ни говори, а спутниковая навигация это спасительное благо.

- Бобёр! Лево тридцать градусов, дистанция пятьдесят, скорость двенадцать!...

Если смотреть со стороны, то два резиновых катера и небольшой продолговатый плот, почти сливаются с волнами, становясь едва различимы на их фоне. Все звуки поглощает мощный, грозный рык ветра и бьющейся друг о друга стальной массы воды. Санторо сидит у руля, сразу за мной приник к кофрам с оборудованием ещё один из нашей команды смертников – Мозес

Эггерт, или просто Жук. Мо получил свой псевдоним ещё в Ираке, за ловкое обращение с разного рода электроникой. Плюс, Жук у нас свободно болтает по-русски. В эту войну Эггерт десятки раз ходил в рейды по глубоким тылам русских, где отличное знание местной специфики общения спасало от дополнительных проверок, а пару раз уберегло от реального провала.

- Контрольный ориентир, мы в прибрежной зоне, прямо напротив точки высадки!.. Всем приготовиться!.. Команда Альфа – обеспечить плацдарм в зоне высадки!..

... Русский берег встретил нас

нулевой видимостью и усилившимся западным ветром. Когда до вылизанного прибоем галечного берега оставалось десять метров, я отдал команду рулевому:

- На дно!..

Одновременно с командой, я ударил кулаком по кнопке на боковой стене контейнера занимавшего всё свободное место. Пол лодки стал проседать и скоро я, Бобёр и Джейк Сайлас – наш снайпер и специалист по вооружениям, оказались по грудь в холодной воде. Но то, что вокруг ледяная купель, напоминали только редкие брызги покалывающие щёки и подбородок. Группу на эту миссию экипировали по-королевски: новые

комплекты зимнего обмундирования, с эффектом фотокамуфляжа и самые современные средства связи. Так же самое современное оружие и полный рацион астронавтов НАСА, рассчитанный на десять суток. Вскоре, подошвы уверенно коснулись дна и преодолевая ощутимое сопротивление воды, я побрёл к берегу. Место высадки Николай выбрал удобное: слева его прикрывали скалы, а справа и впереди — только ровная как стол тундра. Осмотрев автомат, я стряхнул с кожуха мелкие хрустящие льдинки и осмотрелся. Впереди и справа один из сугробов ожил, превратившись в бесформенную фигуру с еле

угадываемым в руках автоматом, это был Жук. Он подбежал ко мне и указал куда-то вправо и вперёд:

- Цель находится в том направлении, командир!.. Мы в зоне где работает радиоразведка русских, поэтому обновления по обстановке не будет ещё часа два.

Сзади раздалось негромкое урчание, на сушу выполз плоский трёхосный вездеход, который все называют просто Мул. Он нёс в своей утробе дополнительное питание для радиостанций, боеприпасы, еду и конечно датчики которые нужно будет установить в русской базе. Ресурс машины рассчитан на сто часов непрерывного движения, а в

случае чего, он способен транспортировать одного-двух человек, если кого-то подстрелят. Также как и мы, Мул идёт по навигационным координатам передаваемым с моего планшета, а для того, чтобы обходить препятствия у него есть лазерный дальномер и видеокамеры. «Видит» Мул не очень далеко – метров пять-восемь, но и задач вести разведку у машины нет. Он просто тащит на себе всё, что мы унести не можем. Мощный электромотор и аккумуляторы на двое суток непрерывной работы, есть солнечные панели на корпусе, но в момент подзарядки машина совершенно беззащитна. Говорят, что

Мул попал к нам прямо из лаборатории какой-то компании планировавшей полёты к Марсу или что-то вроде того, поэтому штука ещё не до конца проверенная. Но уже в Иране мне доводилось работать с этой системой, однако там война была в основном в городах, где Мул становился лёгкой добычей гранатомётчиков, из-за слабой системы камуфляжа и отсутствия брони. А здесь, когда кругом ровная как стол ледяная пустыня, машина бодро катила куда велят, легко шурша широкими колёсами. Я задал координаты движения для машины и скомандовал остальным:

- Браво — авангард. Викинг,

настраивай свой «зверобой» и веди нас. Бобёр, Тихушник, Жук – вы со мной. Мул идёт на малой скорости в ядре, равняем скорость движения по нему. Жук, сколько до точки встречи с Николаем?

Эггерт глянул в только ему видимый виртуальный дисплей наручного коммуникатора и после недолгой паузы коротко доложил:

- Порядка тридцати восьми километров на юго-запад от точки высадки. Если выйдем сейчас, то будем на месте через двенадцать часов.

- Тогда вперёд, джентльмены! Будем греться по ходу движения...

Несколько часов мы шли на

предельно возможной скорости, счастливо избегая снежных заносов и скрытых под снегом ям. К шестнадцати ноль-ноль, солнце окончательно скрылось за толстым слоем серых облаков, пришлось включать ноктовизор. Вскоре ровная тундра закончилась, местность стала холмистой и наш отряд стал невольно петлять меж плоскими вершинами, лишёнными какой-либо растительности.

Размеренный ритм движения навивал мысли о недавних событиях, случившихся в те короткие пару дней, что я провёл в Норфолке, ожидая прибытия команды. Соблюдая режим секретности с

территории базы выходить было запрещено. Первые сутки я просто шатался по зоне отдыха, надрался до безобразного состояния в местном офицерском баре «Лисий хвост», проиграл какому-то лётчику тридцать «олений» на бильярде. В общем, провёл первые сутки личного времени совершенно бестолково. Ночью вскочил от телефонного звонка, ошутимо приложился о дверной косяк в тесном коридоре, пока не добрался до висящего в прихожей на стене пожелтевшего от времени телефона. Равнодушный голос дежурного офицера пункта связи сообщил, что мне доступно тридцать минут видеосвязи с

Анкориджем. Машинально одевшись и протерев слегка опухшее лицо тёплой водой тут же на крохотной кухне, я пулей выскочил на крыльцо и заведя джип, газанул по пустынной улице жилого квартала базы, в направлении радиоузла. Минут пять я добирался, ещё столько же ушло на получение пропуска и верификацию лимитной карты выданной не улыбчивым штаб-сержантом в местной канцелярии. Рослый чернокожий полицейский проводил в кабинку где на привинченном к полу столике стоял ноутбук с откинутой крышкой, а стул-вертушка гостеприимно был развёрнут в сторону входа. Полицейский

внимательно окинул комнату взглядом, кивнул каким-то своим мыслям и вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Я невольно усмехнулся этой нарочитой приватностью, но мысли о семье и радость скорого свидания оттеснили всё остальное на второй план. Я сел. Привычно набрал код с карточки в окошке с пустым полем для пароля и с нетерпением уставился в серое пока окошко с мигающим индикатором видеовызова. Мгновения потянулись невероятно долго, как это случается всякий раз на исходе любого напряжённого ожидания. В такие моменты кажется, что вот сейчас всё застыло и время тоже обленившись

перестало бежать, упав как загнанная до смерти скаковая лошадь. Но вот окошко потемнело, потом я увидел заспанную жену в белом пушистом халате. Кори щурилась, силясь прогнать остатки сна, машинально убирая свои роскошные волосы под розовую резинку, собрав их в конский хвост.

- Кори, детка, это я!..

Слова выскочили из глотки почти помимо воли, при этом я почти не узнал в этом сиплом шёпоте собственный голос. Но жена вскинула голову, вся подалась вперёд и тут же её лицо осветила радостная, немного печальная улыбка.

- Зак!.. Тэд предупредил, что ты

обязательно позвонишь, но я не особо надеялась! Малыш, как ты осунулся... Ты не ранен?!

- Нет, Кори, всё хорошо, на мне ни царапины. Как Сэнди, как Адам?!..

При упоминании имени сына, что-то изменилось в лице жены и сердце вдруг пронзила ледяная игла страха. В последнее время. До меня стали доходить нехорошие слухи о тамошних краях. Ещё там, в России, мы как-то пили с лётчиками-контрактниками из тех что возят невоенные грузы. Нюх, тогда ещё совершенно целый, сам привёл ко мне рыхлого пилота в засаленном комбезе, чей пустой взгляд оживился

только когда мой боец поставил перед ним квадратную бутылку с виски. Он молча плюхнулся напротив меня, без приглашения сграбастал бутылку и сделав из неё два долгих глотка, а затем смачно рыгнув поставил ополовиненную ёмкость между нами. Глаза его приобрели осмысленное выражение и глядя куда-то мне за плечо он заговорил:

- То, что сейчас скажу, я никогда тебе не говорил, усёк?!

Я уже хотел было двинуть увальню в рыло, прямо меж его налитых кровью буркал, но вовремя углядев гримасы Нюха, лишь согласно кивнул. Пилот удовлетворённо рыгнул ещё раз, а

потом сцепив волосатые пальцы огромных пухлых рук на бутылке, заговорил хриплым шёпотом. Волны застарелого перегара вперемешку с запахом гнилого мяса и ментоловой жвачки сопровождали каждое его слово. Говорил он быстро, глотая окончания слов, с каким-то незнакомым акцентом:

- Короче так, солдатик... На Аляске сейчас крутая трында. Народ мрёт словно мухи в заморозки, неделю назад я сам видел ров в сорока милях за городом, куда везут трупы и там жгут.

- Трупы? Жгут? Эй, Нюх! Что несёт этот олух?!

Боец метнулся ко мне, быстро

схватив меня за запястье, спасая тем самым увальня от перелома челюсти. Он с силой удерживал руку и громко шептал мне прямо в самое ухо:

- Эл Ти, послушайте эту пивную бочку!.. У вас там семья, а я потерял связь с лучшим другом. Он просто пропал, его мать не может добиться от тамошнего командования ни единого слова правды. Я сам стал выяснять и... Короче, этот жирдяй говорит дело. Вы на короткой ноге с полковником Трентоном, может быть он сможет...

В разговор снова вклинился обиженный летун. Он неловко заворочался на стуле, от чего тот слегка затрещал. Ещё раз

оглушительно рыгнув, он пробасил:

-Эй, солдатики! Одной бутылки слишком мало за те полчаса что я тут сижу. Или проставляйтесь как обещали, или я ухожу!..

Сказанное Нюхом, человеком с которым мы прошли сотни миль и видели такое, от у нормальных людей «едет крыша», заставило подозвать официанта и заказать целую бутылку виски. Тот даже не удивился и вскоре довольный летун продолжил свой путаный рассказ. По его словам, в Анкоридже и ещё трёх крупных городах Аляски была эпидемия какого-то странного гриппа. Причём увалень с выпученными глазами клялся, что болезнь эту привезли с

собой войска, которые готовили к переброске в район бывшего русского Владивостока. Местные жители болели редко, умерло от силы человека три. Но зато приезжих вирус косил десятками. Порт Кодьяк, Ситка, Ном и другие где довелось побывать словоохотливому летуну — все эти города закрыты департаментом по контролю за заболеваниями. Канада перекрыла пропускные пункты вдоль границы, в Джуно и Вудчоппере скопилась куча грузов, дальнобойщики и прочие кто зарабатывает перевозками в панике. Первое время, власти пытались подключить армию, но как раз среди военных прибывающих морем и

через Канаду и есть наибольшее число заразившихся. Медики в панике, вакцины пока тоже не придумали ибо не могут точно сказать откуда эта зараза взялась. Сначала, говорил пилот, они возили на Аляску гробы. Не обычные из дерева и ли там фанеры, а пластиковые кофры, куда можно положить четыре трупа средних габаритов. Ящики удобные: дно их усилено стальной пластиной, а сами они сделаны из особо прочного пластика. Пилот снова рыгнул и добавил, что видел как в эти гробы сваливали иногда по пять или шесть трупов, если помещалось и трупы были детские. Сначала, их

громоздили в штабеля, а потом везли и зарывали в котлованах, подальше от глаз. Но скоро всё изменилось: гробов видимо перестало хватать и трупы людей жгли, сваливая в кучи. А пилот стал возить специальный реагент, растворяющий тела, чтобы не тратить горючее.

... Рассказ пилота настолько меня поразил, что когда мы с бойцом вышли из бара час спустя, то весь путь до нашего ангара проделали в полном молчании. На следующий день я пытался добиться встречи с Трентоном, но тот уже улетел в Штаты, а других больших шишек я не знал. Запрос на разговор с женой я отправлял каждую неделю, но

учитывая режим постоянной готовности, поговорить мы смогли только сейчас, когда с памятной встречи в баре прошло уже более двадцати суток. Глядя в сухие, скорбные глаза Кори я понял, случилось что-то скверное. Я почти вплотную приблизил лицо к монитору и как мог более спокойно спросил:

- Что с Адамом, детка? Что случилось, не молчи!..

С видимым усилием, жена сглотнула и медленно подбирая слова начала рассказывать. Некоторое время всё было спокойно, они ездили в загородный дом её отца, Сэнди даже завела несколько подруг. Но как

то раз вечером, у сына поднялась температура. Врачи из 911 сказали, что это простуда. Однако спустя две недели Адам впал в кому. Тесть подключил все свои связи, но смог выбить только палату в частной клинике. Мой сын умер позавчера, ему так никогда и не исполнится год, а потом два и три...

- Зак не смотри на меня так, я не виновата!..

А я так и не успел взять сына на руки, услышать его голос, посмотреть ему в глаза. Ощутить этот запах молока и чистоты, которыми всегда пахнет от младенцев. Внутри у меня что-то закаменело, а самообладания хватило

только на то, чтобы ещё минут пять утешать жену и переброситься ничего не значащими фразами с дочкой, которая почему-то избегала смотреть мне в глаза. Я убиваю людей, а какая-то непонятная мошка вот так походя взяла и убила моего собственного сына. Абсурдность возведённая в превосходную степень...

- Сэр, есть засечка радиомаяка связного! Три километра на север от нашего местоположения. Сигнал чёткий, помех почти нет!..

Из вязкой трясины неприятных воспоминаний меня вывел дребезжащий от статики помех голос Эггерта. Освободившись от

наползающего приступа тоски, я мысленно прикинув расстояние приказал:

- Отлично, давно пора. Викинг, Бобёр – прощупайте место встречи. Группа, всем занять свои места по схеме два. Без нужды не стрелять, в крайнем случае работать только специальным оружием или ножами. Вперёд, господа!..

Новое снаряжение всё же очень к стати. Вот сейчас, я смотрю в один из четырёх окуляров визора и вижу как Сайлас, он же Викинг, а с ним Бобёр, медленно петляя меж плоскими холмами удаляются от основной группы. Картинка еле заметно подёргивается, рябит, но

пока всё отлично видно. Вот они входят на небольшую поляну, окружённую тремя холмами полностью занесённые снегом. Сайлас взбирается на вершину самого западного из холмов и вот он уже исчез, включил термооптический камуфляж. Бобёр сноровисто расставил датчики наблюдения по периметру поляны и тоже скрылся, заняв позицию так, чтобы оказаться в тылу нашей группы, как только мы втянемся на поляну. Через пару секунд пришёл сигнал от Викинга:

- По секторам чисто. Приём!

Следом, почти без задержки, раздался голос Бобра, но этого по

очевидным причинам было слышно значительно хуже:

- Датчики наблюдения установлены, периметр замкнут. В точке randevу чисто. Приём!..

В отличие от русских, мы имеем подавляющее техническое превосходство, когда дело касается связи, поэтому говорить кодом нет нужды. Мощная система шифрования и постоянная связь со спутником позволяет работать без лишних предосторожностей. Русские придумали какую-то свою систему кодовых фраз, Эггерт говорит, что это как правило смесь брани и фольклора. Если точнее, то как тюремный рэп чёрных, там тоже

почти ничего не поймёшь. Прислушавшись к вою ветра и шороху жёстких кристаллов снега о ткань накидки, я не смог определить, верю или нет в сообщение разведки. После того памятного разговора с женой, чувства притупились, а ещё вспоминаются мутные от транквилизаторов глаза дочери, разбуженной громкими рыданиями матери. Я тогда лепетал всякий вздор, может быть вообще нёс бред о котором сейчас ничего не могу вспомнить. Глаза дочери, раньше ясные и тёплые, в тот момент напоминали холодные буркала сваленных в кучи трупов, фото которых украдкой показал мне

увалень пилот как доказательства своей страшной истории про Аляску. Чувств к службе больше не было никаких. Всегда старался делать всё так, как учили, но чувство опережающего хода когда видишь действия противника , или чуешь засаду... Всё это как обрубилло. Осталась только звенящая пустота и безразличие. Но если обнаружить всё это перед начальством, обязательно спишут. Куда податься волку с отшибленным чутьём? Частники берут только здоровых и перспективных, психов, садистов тоже, но только не тех, кто потерял хватку. Такие как я, вне армии никому не нужны. Не возьмут ни в

полицию, ни даже охранником на склад гипермаркета, если узнают что воевал. Там, на гражданке мы все изгой...

Страхнув невольное оцепенение и поправив ремень автомата, я снова проверил маркеры на карте. Машина говорит, что кругом чисто, а моё собственное чувство опасности молчит. Думаю, его больше просто нет, я умер как профессионал. Умер вместе с сыном, которого так и не довелось подержать на руках. Но голос остался прежним, когда я бесстрастно прошептал:

- Принял, выдвигаемся.

Ветер стих, как только мы достигли подошвы самого малого из

холмов. Сейчас только его резкий злой свист досаждал, мешая слушать тундру. Мул тяжело перевалил через запорошенную снегом рытвину и остановился на краю поляны. Мы с Эггертом накрыли машину маскировочной накидкой и транспортёр исчез, став ещё одним снежным холмиком. Я наметил позиции для бойцов, сам же сел на восточном склоне самого высокого холма из трёх. С него открывалась отличная перспектива на ровную как стол белую тундру. Именно с этой стороны должен прийти связник. До назначенного времени оставалось около полутора часов.

- Всем занять позиции и

соблюдать радиомолчание! Ждём.

...Снежная пелена постепенно густела, а облака становились всё тяжелее и ниже. Вскоре видимость упала до двадцати метров. Датчики установленные Бобром предупредят, если кто-то нарушит установленный периметр, но обычно я больше полагаюсь на внутреннее чутьё, а сейчас абсолютно ничего не чувствую. Ничего. Чёрная пустота внутри и белёсо-серая пустота снаружи. Непроизвольно, сознание стало гаснуть, уступив место непривычному оцепенению. Раньше, я бы проделал комплекс положенных в таких ситуациях упражнений, чтобы сохранить подвижность и

реакцию. Но сейчас, я видел только вытертую на углах фотографию Адама. Сын улыбался, глядя куда-то вверх. Кори сказала, что это дед отвлекал малыша, который всё время капризничал, норовя спрятаться от объектива за прутья кровати...

- ...Фрости, цель на мои два часа!

Голос Викинга стёр видение, кругом снова была всё та же белая занавесь из хлопьев замёрзшей воды. Стряхнув оцепенение и вернув голосу обычную, спокойную уверенность, я переключился на Эггерта:

- Жук, дай запрос на «свой-чужой».

Палец соскользнул с виртуальной кнопки, но лишь на какой-то миг. Стряхнув остатки постыдного, стариковского недуга, я ткнул в иконку снайпера и сказал:

- Викинг, внимание на силуэт цели. Если покраснеет и сохранит прежний вектор движения – огонь.

- Принял!..

Снова потянулись мгновения ожидания, но образ сына не пришёл, я просто смотрел на бегущие перед внутренним взором цифры телеметрии бойцов и общей навигации.

- Жук – Фрости! По запросу БИС, у цели включился автоматический опознавательный

маяк. Это Николай...

... Как нас не всех зовут «Джо», так и русские не все поголовно носят имена Борис или Николай. Но может быть в Лавке так принято и это не форма завуалированного презрения к таким вот предателям своей страны? Мы ведём с его страной войну на уничтожения, такие как этот абориген гарантированно считаются расходным материалом. Но даже сейчас он с нами, против своих. На что такой человек рассчитывает, может на милосердие или думает, что сможет обмануть американцев, как уже обманул своих соотечественников? Вербовка никогда не была моим сильным

местом, все эти психологические этюды закончились когда после реформы старые деньги превратились в аккуратно нарезанные прямоугольники туалетной бумаги. Хотя подтираться долларами не так удобно. В Иране был случай, когда за тысячу «амеро», командир авиабазы сдал всех своих подчинённых. Вообще, стал повсеместно самым удобным способом прекращения огня. Я слышал, что даже в Афганистане была паника среди тех, кто хранил бесполезную валюту расставив «мёртвых президентов» по мешкам в подвалах. Но всё же тогда мы вели другую войну, не такую как в России.

Особых церемоний с арабами, конечно, тоже не было. Если возникало малейшее сопротивление, был приказ на избыточное использование огневой поддержки. Всё просто: какой-нибудь «абдул» стреляет из автомата, мы отвечаем пулемётным огнём. Кучка «песчаных ниггеров» садит по колонне из РПГ — мы отвечаем миномётным огнём и так далее. Но сейчас, с того самого памятного дня в конце мая, перед самой заброской на территорию калининградского особого района, всё было совсем иначе. Все приказы содержали и содержат недвусмысленную директиву на уничтожения любого русского на

оккупированной территории. Жук и Викинг рассказывали, что подобное было во время «малой грузинской войны» три года тому назад. Эггерт говорил, что всем заправляли спецы из Лавки и форта Брэгг. Операция разрабатывалась с целью проверить, возможно ли будет существующими на тот момент силами, осуществить зачистку от людей определённой территории. Русская армия тогда не принималась в расчёт, думаю, у руководителей операции были основания считать, что Россия не вмешается и как обычно утрётся. И само собой натасканные на карательную акцию местные вояки не смогли противостоять всё ещё

довольно боеспособной группировке русских. План не то чтобы провалился, отнюдь. Скорость, психологическая реакция грузинских военных на последствия, всё указывало на принципиальную возможность и эффективность разработанной тактики. Более того, несколько позже, была предпринята другая акция, с целью оценки действий русских в прямом боестолкновении. И результаты не подтвердили тех ожиданий, которые мудрецы из Лавки высказали тогдашнему президенту. План зачистки России трещит по швам, сейчас это понятно предельно ясно...

- Фрости!..

...Начало фразы опять ускользнуло, до сознания дошло только окончание. И от этого голос Эггерта звучал более тревожно, чем я мог допустить.

- На связи. Что у тебя, Жук?

- Гость желает говорить только с вами.

Кто бы сомневался!.. Невольно сквозь апатию и безразличие просочилась вспышка гнева. От чего-то я очень разозлился на предателя. Почему, чёрт его знает...

- С паролем всё нормально, это действительно наш контакт?

- Оpozнание и скан ДНК – всё совпадает. Только дёрганный он

какой-то, всё полномочиями пугает, грозитя...

- Уже иду...

Откопавшись из-под порядочно наметённого сугроба, я мягко скатился со склона холма и обогнув занесённую теперь впадину, побрёл к позиции Жука. Там, меня уже ждал Эггерт и низкорослый человек, по самые глаза закутанный в какое-то тряпье. Присмотревшись я узнал русскую полевую форму старого образца: ватные штаны, валенки, тёплую куртку и шапку с длинными ушами, опущенными вниз и подвязанными под подбородком. Заметив меня, этот комок тряпья шустро подкатился почти вплотную и

я услышал резкий, с лёгким акцентом говор жителя южных штатов США.

- Какого чёрта вы не встречаете меня сами, лейтенант?! Я морозил жопу трое суток, поджидая пока вы соизволите появиться!

Первое чувство от начавшегося так резко разговора с агентом, было удивление. Оказывается, этот «Николай» никакой не русский и даже не абориген, хотя вводная информация по заданию была совершенно однозначна. И тем не менее, всё в духе тех тёмных делишек, в которые люди из Лавки порой втягивают таких как я и мои парни. Но всё же осторожность не

помешает. Я успокаивающе поднял руку и сказал:

- Мы все имеем своё начальство, Николай. Группа прибыла к месту встречи вовремя, график соблюдается. Вы сейчас только проводник...

- Эл-Ти!..

В наушнике шкрябнул сухой шёпот Эггерта. Не успел я ответить, как следом пискнул сигнал входящего сообщения и по экрану поползли строчки обновления по основной задаче миссии. И этот обновлённый приказ совершенно менял положение. Оставаясь внешне спокойным, я подозвал Эггерта к себе. Когда мы отошли на несколько

метров от гостя, я спросил:

- Жук, ты уверен, что наш Николай это не подсадная фигура русской контрразведки?

Технарь только пожал плечами. Лицо его, скрытое за маской и спрятанные за матово-тёмными очками глаза, ничего не выражали.

- Связь прерывается, глушилки русских работают как надо, в какой-то момент мы потеряли внешнюю связь со спутником. Час назад произошёл небольшой сбой, потом система ушла на перезагрузку и всё восстановилось. Помехи есть, но после перенастройки фильтрации потоков, работать можно. Я прогнал личность агента по нашим

стандартным протоколам безопасности. Даже запросил базу данных разведки ВМС, к которой этот фрукт официально прикомандирован как завербованный агент.

- А что с запросом по базе данных «Аниметрикс»?

И снова Эггерт только отрицательно покачал головой. Программа по распознаванию лиц уже пару лет как была внедрена как раз для помощи работы с агентурой. По сумме параметров она легко распознает, тот ли человек стоит перед нами или это подстава.

- Там тоже глухо, босс. Этот человек именно тот, за кого себя

выдаёт.

- Ладно, будем играть с теми картами, что есть на руках. Скажи Бобру, что вы теперь няньки нашего нового командира...

...Я невольно поймал себя на мысли, что досада вдруг сменилась невольным облегчением. Согласно новой директиве, мы переходим под командование этого непонятного агента, который из обычного связника-аборигена, вдруг становится нашим непосредственным начальником. Подойдя вновь к Николаю, я как можно более ровным тоном сказал:

- Группа «Варлок» поступает в ваше распоряжение согласно приказу

командования, сэр.

Маленький человечек лишь мелко кивнул, вызвал на голографический дисплей наручного коммуникатора карту местности и как будто ничего не случилось, продолжил всё той же отрывистой скороговоркой.

- Отлично, лейтенант. Время дорого, а нам далеко идти и так много нужно успеть. Русские усилили патрулирование базы трое суток назад. Старый план никуда не годится, но по счастью, я слишком давно нахожусь здесь и могу провести вас туда мимо патрулей.

Схема базы окрасилась разноцветными линиями, показывая

траектории движения усиленных патрулей. Там хватало пеших и дополнительно развёрнутых стационарных пунктов наблюдения на дозорных вышках. Морской путь тоже прикрывали катера и противоводолазная сеть в несколько линий. В периметре так же были развёрнуты дополнительные зенитные установки. Тоже новые, способные сбивать даже крылатые ракеты на подлёте. Иными словами, подходы с моря, воздуха и суши закрыты наглухо.

- Надеюсь, у вас есть чудесный талисман, который может превратить русских в снежинки, а нас в добрых эльфов, сэр.

- О нет, у меня есть кое-что получше. Мы пройдем под землей, лейтенант...

... Как только я увидел, что этот агент назвал «задним двором», то сразу выбранился про себя. Изучая планы русской базы мне довелось наткнуться на упоминание подводной пещеры, которую русские начали перестраивать под ещё один терминал для подлодок. Секрет в том, что под поверхностью была обнаружена огромных размеров пещера, каким-то образом сообщавшаяся с океаном. Русские инженеры работали там в начале 90-х, но позже строительство заморозили. Стройку

законсервировали, выход ведущий в базу запечатали. В профильных документах по заданию этот путь считался неперспективным. И вот теперь, мы идём именно туда.

Почти три часа ушло на то, чтобы преодолеть целый вал из неизвестно как появившихся здесь гор замёрзшей воды. Мотор нашего транспортёра тихо подвывал на предельных оборотах, но Николай вёл нас вдоль неглубокой траншеи, тянущейся с юга на юго-восток. Бойцам о смене командования ещё ничего не было известно, поэтому они шли без вопросов, всё ещё считая меня командиром. Агент шёл впереди, плотно опекаемый

Сайласом и Эггертом. Я же шёл в хвосте, как и раньше, прикрывая тылы. Несколько раз по сигналу Эггерта мы останавливались, чтобы переждать проезжавшие в непосредственной близости тяжёлые грузовики. Судя по маркировке, они принадлежали пехотной бригаде дислоцированной в районе базы. Согласно карте, мы ушли от периметра Осиного гнезда почти на два десятка километров. И когда я уже готов был скомандовать парням привал, чтобы допросить эту хитрую сволочь Николая, впереди показалась полусфера занесённого снегом ангара. Запирающие створки были сдвинуты влево так, что внутрь могли

проехать сразу четыре бортовых грузовика среднего тоннажа в ряд. Внутренние постройки скрывала полная темнота, которая совершенно незаметно сменила пасмурную серость дня. Николай остановился, я дал команду всем сделать то же самое. Подойдя к стоящему неподвижно агенту я вопросительно указал на ангар. Николай не стал особо затягивать паузу и вновь вызвав голографическую карту местности начал ставить задачу:

- Лейтенант, вы с группой пойдёте по маршруту который я для вас разведal. Вот, это северо-западный тоннель. Его и ещё несколько таких же

расконсервировали месяц назад. Зачем и почему, мне выяснить не удалось.

- Понятно, по ним мы пройдем на базу, к пирсам. Это будет возможно...

Голова агента резко крутанулась в мою сторону, словно была посажена на шарниры. Очки его поймали слабый лунный блик, от чего показалось, что он сверкнул глазами.

- Нет, это не возможно, лейтенант. Как я уже сказал, патрулирование базы усилено, прибыли элементы новой системы наблюдения, которая видит электромагнитное излучение.

Рисунок схемы вашего камуфляжа в активном режиме будет опознан и миссия скомпрометирована.

- Не страшно, у нас есть портативные электромагнитные генераторы малой мощности, будет похоже на сбой и...

Квадратная голова в русской шапке опять отрицательно завертелась из стороны в сторону. Меня вновь поразил приступ раздражения. Этот гад изменил план операции, а теперь мы принуждены действовать наобум. Но агент продолжал как ни в чём не бывало:

- Я устанавливаю те элементы системы, которые предназначены для юго-восточного сектора базы, возле

пирсов и ремонтных мастерских. У меня есть официальное прикрытие. Как мобилизованный специалист, я имею допуск в ту зону и смогу установить оборудование не вызвав подозрений. Вы берёте на себя север и северо-запад. Там склады ракетных вооружений, запчастей и казармы роты охраны. Туда у меня нет допуска, а вы сможете использовать спецоборудование и экипировку без помех. Действуйте осторожно, убивать никого нельзя. Если это всё же произойдёт, тел не должны обнаружить. Задача ясна?

Все мои подозрения вдруг потеряли свою актуальность. План агента выглядел много лучше того,

что изначально был разработан оперативным центром SOCOM. Впервые за последние трое суток, на меня снизошло некое подобие спокойствия. Теперь, когда задача ясна, нужно только правильно расписать роли. Я вызвал карту территории базы где предстояло работать и стал думать. Компьютер предложил шесть возможных сценариев проникновения, но всё это было в данной ситуации слишком рискованно. Шесть объектов, около двадцати человек охраны, три вышки с пулемётами. Если, как ринуться туда всем сразу, шанс быть обнаруженными возрастает почти вдвое. Сразу пришла на ум схема

применявшаяся летом, в
Калининградском порту. Парни этой
фишки не знают, но ничего сложного
тут нет. Быстро раскидав роли, я
вызвал Николая. Агент подошёл
сразу, вся его фигура выражала ту
форму напускного спокойствия,
которая свойственна холерикам.
Внешне он расслаблен. Но внутри его
жжёт адское пламя требующее
действия.

- Что случилось, лейтенант?

- Всё в норме, сэр. Мы готовы
работать.

- Отлично, тогда я пошёл...

Я подождал, пока его невысокая
фигура с пластиковым оранжевым
кейсом, в каких рабочие хранят

инструменты, скроется в густых вечерних сумерках. И сразу же в верхнем левом углу моего тактического визора, я увидел нечётную, заснеженную помехами, картинку с камеры укреплённой в ручке чемоданчика. Николай шёл к КПШ, говорил с начальником караула, показывал какие-то бумаги. Вот ворота открылись и он оказался внутри. Всего у него в чемодане шесть датчиков, которые размером и формой напоминают пивную жестянку. Если он установит датчики в нужных местах, ракетный удар который нанесут находящиеся в океане корабли, уничтожит остатки подводного флота русских. Надеюсь,

у него всё получится. Переключив вид, я снова оказался в тоннеле ведущем к вентиляционному колодцу, выходящему на окраине складского блока. Мы присели за нагромождёнными тут же пустыми кабельными катушками. Теперь главное сработать чётко. Хотя агент Лавки и взял на себя основную часть работы, нам тоже предстоит нелёгкая партия, поэтому важны детали. Вызвав карту на внутренний дисплей визора, я увидел как загорелось ещё пять мини-окон слева внизу, парни тоже подключились и слушают.

- Бойцы, задача изменилась. Из-за усиления режима охраны, проникновение на объект согласно

утверждённому плану невозможно. Николай идёт в пекло, а нам остаётся работа на заднем дворе.

Жук раздосадовано мотнул головой, от чего балахон на его голове резко колыхнулся. Сделав своего владельца видимым почти по шее:

- Проклятая Лавка и её закидоны! Эл-Ти, почему от их заданий всегда воняет, сэр?!

- Нам платят не за это, мастер-сержант! Работаем схему 4:2. Викинг, Жук, Бобёр и Проныра — вы обеспечиваете прикрытие мне и Тихушнику. Работа простая: входим со стороны северо-восточной насыпи, потом группа прикрытия

расходится на двести метров, а группа проникновения ставит оборудование в контрольных точках. Так мы получаем хороший обзор и прикрытие в случае если всё обернётся не так круто, как мы планируем. Задача ясна, вопросы есть?..

... Через пять минут мы вышли к точке проникновения. Узкий, покрытый изморозью стальной коридор привёл нас к горловине вентиляционного колодца, засыпанного снегом почти на треть. Вверх вели ржавые, но очень толстые скобы лестницы, вбитые и сработанные на совесть лет сорок назад. Мы с Тихушником отделились

от основной группы, спустя пару минут после того, как все мы перебежками добрались до занесённого снегом рва перед линией столбов обтянутых колючей проволокой. В зеленовато-белом свете ноктовизора, я всё же видел пушистую плёнку изморози оккупировавшей железные струны между столбами. Я поднёс к изгороди руку с коммуникатором, сосредоточив всё внимание на полоске сканера выведенной на внутренний тактический дисплей визора. Нить индикации напряжения осталась неизменно плоской, это значит, что колючка передо мной это только проволока и больше ничего,

нет датчиков и смертельной дозы электричества. Сделав знак напарнику, я аккуратно просунул под «колючку» сначала одну распорку, потом другую. В образовавшуюся прямоугольную дырку сноровисто скользнул Тихушник, а чуть погодя прошёл и я сам. Передвигаясь ползком до следующего забора, мы дважды попадали под луч прожектора, но камуфляж исправно отражал концентрированный столб почти осязаемого света и мы незамеченными вышли ко второй линии забора. Первым сюрпризом стал вид самой проволоки: ни следа иная и теперь это была не старомодная спираль «бруно», а

современная лента с острыми как бритва плоскими лепестками. Сделав напарнику знак остановиться и поднеся руку с датчиком к изгороди, я увидел вполне ожидаемый результат. Плоская, до этого времени нить индикатора взорвалась всплесками ломанных линий. Второй ряд изгороди оказался с подвохом, она не была под напряжением, однако стоит мне коснуться её и приложить усилие, как тут же сработает сигнализация. Но это означает лишь небольшую задержку, только и всего. Из подсумка на поясе, я извлёк плоскую коробочку сканера и сняв перчатки аккуратно закрепил два зажима на

расстоянии полуметра друг от друга. На внутреннем дисплее всё так же шло сканирование перепадов напряжения, а я тем временем уже потянулся рукой к поясу за распорками, как слева мелькнула мимолётная тень. Боковым зрением, удалось различить силуэт человека и ... собаку на поводке. Одетый в тулуп и валенки часовой шёл вдоль изгороди с противоположной стороны прямо ко мне. Замерев в неудобном положении я постарался превратиться в подобие статуи. Напарник тоже притих, вжавшись в сугроб чуть позади. Из-за воя ветра, шагов человека слышно не было, как едва просматривалась в пелене

испарений его фигура. Часовой размеренно шагал к нам, но я опасался его четвероногого спутника, нежели самого русского. Вот фигура приблизилась на пять метров, два, потом поравнялась с тем местом, где на четвереньках стоял я. В зеленоватом свете человек и собака казались просто силуэтом вырезанным из бумаги на фоне отсветов фонарей. По форме ушей и морды, я узнал в спутнике часового, волкодава кавказской породы. Огромный, метр в холке, пёс чинно вышагивал рядом с человеком, иногда еле заметно корректируя поворот лохматой головы, чтобы держать нос по ветру. Когда мы уже

почти разминулись, пёс крутанулся в мою сторону всем корпусом и сделал стойку. В свете ноктовизора собачьи глаза приобрели вид двух светящихся точек, от чего казалось, что волкодав видит то, что недоступно его напарнику. Мгновение длилась эта игра в гляделки, часовой тоже было остановился и рука его потянулась к ремню автомата висящего на плече. Указательный палец моей правой, свободной, руки лёг на рукоять лежащего рядом автомата. «Крисс» [40] показал себя отлично: случись что, часовой и его бдительный пёс умрут почти одновременно, ибо хоть я и не видел Тихушника, однако не сомневаюсь, он уже держит русского

на прицеле. Если придётся стрелять, время на закладку сократится втрое. Часового хватятся во время радиопереклички, так что у нас останется минут десять. А значит и агент Лавки окажется в неудобном положении. Базу закроют, никто не сможет выйти с 40. Имеется ввиду перспективный образец пистолет-пулемёта TDI KRISS Super V. Как и российский автомат АЕК, "Крисс" использует принцип сбалансированной автоматики, однако затвор с балансиrom ходят не по горизонтали "вперёд-назад", а по вертикали "сверху-вниз", что также обеспечивает низкий уровень отдачи при стрельбе в разных

режимах(автомат/полуавтомат).Это немаловажно, при том, что в качестве основного боеприпаса используются мощные патроны калибров .45 и .40мм.

В данном изделии используется и ещё одна находка советских оружейников – "Крисс" не имеет маленьких частей в механизме, а также между ними допущен существенный люфт. Это делает данный ПП не требовательным к чистке, уменьшает число отказов в работе, при этом не снижает точности и кучности огня. "Крисс" удобно лежит в руке благодаря конструкции несущей рамы(рамы Шептарского)и пистолетной рукояти

взятой от советского малокалиберного спортивного пистолета МЦ-3. ПП имеет короткий силуэт, складной вбок приклад. Перед рукояткой управления огнем находится приемник магазинов. Питание оружия патронами осуществляется из отъемных коробчатых двухрядных магазинов к пистолету Glock 21, имеющих емкость 13 или 30 патронов. Данный ПП традиционно имеет возможность установки различной оптики, передней рукояти и прибора беспламенно-безшумной стрельбы.

Основные характеристики:

Калибр: 11х43мм (.45 ACP), 10х22мм (.40 SW), Длина оружия:

617/406 мм Длина ствола: 140 мм
Высота оружия: 175 мм, Масса без
патронов: 2 кг, Темп стрельбы: 1000
выстр./мин, Емкость магазина: 30
патронов.

территории, пока будет идти
поиск нарушителей. В нашем случае
это верная смерть, даже я не знаю
когда будет нанесён удар. Может
быть нам дадут уйти, но всё же
велика вероятность, что «шишки» с
большими звёздами на погонах,
решат не рисковать успехом
операции из-за группы головорезов.
Всё это метеором пронеслось в
голове, пока собака пялилась прямо
на меня. Часовой обернулся и сделал
шаг в том направлении, куда смотрел

его пёс. Палец на спуске уже начало сводить судорогой, когда у русского вдруг ожила рация и он поспешно дёрнув поводок, потащил собаку прочь, нагоняя пропущенное время. Ещё минуту я стоял не двигаясь, пока силуэт часового не растворился во мгле. Быстро установив распорки, я пропустил напарника вперёд, а затем быстро перебрался на ту сторону сам. Распрямившись и сняв с плеча небольшой кусок мешковины, я вытряхнул за ограждение собранный заранее снег. Теперь наших следов вообще не стало видно, а начавший крепчать ветер скоро сотрёт их совсем.

- Фрости, танго на твои пять

часов!..

Жёстко царапнув ухо прозвучало предупреждение от Викинга. Не оглядываясь, я метнулся влево, спрятавшись за углом длинного ангара. На внутреннем дисплее ожила катра, расцвеченная сейчас красными, жёлтыми и зелёными точками. Система закончила сбор данных со всех нашлемных камер бойцов и благодаря этому я вижу, где и как близко ходят русские. Впереди из-за угла вышла сначала тень, а потом показалась и фигура человека, потом ещё одна. Патрульные прошли дальше, о чём-то переговариваясь вполголоса. Сверившись с картой, я двинулся вдоль стены, стараясь

держаться в тени. Камуфляж штука хорошая, но если двигаться резко или перебежками, ткань начинает мерцать и чётко обрисовывает силуэт. В ухе противно запищал сигнал навигатора, первую закладку нужно поставить где-то здесь. Я вынул из рюкзака небольшой тяжёлый цилиндр, выдернул плоскую чеку у самого доньшка и оглядевшись, опустил его в узкую щель между ящиками, сложенными недалеко от стены. Это было почти на границе дозволенной зоны, но другого более надёжного места для контейнера просто не нашлось. Снова пискнул датчик, место закладки было принято системой как

корректное. Так, это одна, осталось ещё две и столько же несут с собой Тихушник и агент Николай.

- Фрости! «Колёса» на твои девять!..

Сверкнули два снопа ослепительного бело-зелёного света, заставив невольно вжаться спиной в гофрированный металл стены. Грузовик проехал мимо на очень низкой скорости, следом прошёл ещё один патруль и вскоре мне удалось перебраться на противоположную сторону дороги. Следующий контейнер удалось закрепить под окрашенным в тёмный цвет противопожарным щитом на стене очередного безликого ангара. Я уже

совсем было перевёл дух, как вдруг понял, что зона для третьего маяка находится прямо за оградой ещё одной закрытой территории внутри базы. Прямоугольник забраный колючкой, внутри которого горбится вход в подземный бункер. Четыре смены часовых и один наблюдатель на вышке справа. Минут пять ушло на то, чтобы обойти периметр вдоль ограды. Повезло только в том, что ограждение простое, без датчиков. В двух метрах на юго-восток от периметра, была какая-то пристройка с плоской крышей. Пользуясь тем, что один из часовых притопывая на морозе отвернулся, я рывком почти взлетел на эту крышу, а

оттуда напружинившись перемахнул через ограждение, скатившись в кучу снега, который сгребли к стене ангара. В какой-то момент, это насторожило: русские очень тщательно убирают территорию подобных объектов, вообще, все военные части где мне доводилось бывать, отличались опрятностью. А тут, на режимном объекте и вдруг такое...

- Это Николай, работу закончил!..

Сомнение уже готовое было оформиться в слова, были прерваны далёким голосом агента. Инстинкт молчал, внутри была всё та же самая пустота, ощущения неправильности

и страха не было и в помине. Снова пройдя вдоль забора, я вынул нож и быстро отрыв углубление в слежавшемся до плотности камня снегу, положил тута матово-серебристый цилиндр. Сомнения словно бы все уместились в этой банке, пришла равнодушная и совершенно банальная догадка. Может быть уборку снега отложили, а может быть у русских просто нет людей, чтобы это сделать как положено. Рядом снова прошёл патруль, но тут в периметре собак не было, может быть хоть в этом мне повезло. Перебежками я выбрался к воротам, где возле караульной будки стоял ещё один часовой.

- Тихушник – Фрости! Работу закончил, ухожу к точке эхо-2.5!..

В наушнике голос напарника прозвучал с задержками, но теперь придётся делать всё очень быстро. Пройти через две линии ограждения быстро не получится. Слишком мало осталось времени. Я откинул ноктовизор вниз, оптика искажает реальность, а при работе ножом лучше всего довериться собственным глазам. Свет от фонарей был тусклым и в то же время обжигающе ярким после зеленовато-белой гаммы «ночника». Закрепив автомат за спиной, я вынул из нагрудного чехла кинжал. Как только патруль минует будку и скроется за углом

ангара, придёт время действовать. Стена будки была выкрашена в ядовито-зелёный цвет, доски плохо пригнаны друг к другу, но с этой стороны падает глубокая тень, скрывающая даже самые резкие движения. Вот патрульные прошли вперёд, солдат справа кивал в такт тому, что говорил его напарник, их головы окутывали облачка пара. Мгновения до того момента, пока они оба скроются за поворотом потянулись очень медленно. Вот они вошли в тень, потом скрылись за углом. Пора!

Сгруппировавшись для броска, я дождался пока часовой окажется ко мне влоборота и ринулся вперёд.

Резко рванув на себя его голову в шапке ухватив за козырёк, задираю её чуть вверх. Крепко завязанные под подбородком «уши», тянут голову солдата вверх и назад. Два быстрых удара кинжалом сверху вниз в шею, артерия перебита. Кровяное давление падает, солдат теряя силы заваливается прямо на меня. Не останавливаясь, тащу тяжелеющее тело за будку и прислонив его к стене открываю ворота. Труп оставлять тут нельзя, слишком быстро поднимется тревога, этот момент нужно как можно дольше оттянуть.

- Викинг, это Фрости! Работаем «дырявый карман» – наводи!..

...Ещё одна банальная истина -

мертвец весит гораздо больше, чем живой человек. Я лишь добавлю к общеизвестному два маленьких штриха. Первый – труп в амунии и с оружием весит на треть больше, чем многие предполагают. И второе – когда на кону стоит не только собственная задница, но и жизни тех, кто тебе доверился, вес ноши не имеет никакого значения вообще. Снять верхнюю накидку и обернуть ею мёртвого русского, было делом пяти секунд. Свёрток замерцал и тоже исчез, оставив видимыми лишь непокрытые ступни часового. Привычным движением я взвалил труп на плечо. Одна рука осталась свободной, чтобы в случае чего

спрятаться за трупом и
отстреливаться.

- Фрости, два клика на твои
шесть часов – зелёный свет.

- Принял!..

Снег предательски захрустел под
подошвами ботинок, но всё потонуло
в рёве заходящего на посадку
самолёта. База имела небольшую
полосу на южной окраине, чтобы
принимать среднетоннажные
самолёты. Я перебежал через пустую
пока дорогу и пошёл на северо-
восток, вдоль череды ангаров, скупо
освещённых фонарями
раскачивающимися на столбах в такт
вьюжистому ветру.

- Стоп, замри!..

Голос снайпера застал на полушаге, но я тут же бросился вперёд и вправо, рухнув в наметённый сугроб вместе с ношей. Впереди снова завыл двигатель грузовика, жёлтые сполохи света быстро пробежали по земле, мазнув по спине и убежав назад. Пришлось лежать долгих пять минут, пока шум моторов и громкие разговоры русских не стихли позади.

- Сто двадцать кликов на твои двенадцать часов!..

Рывком поднявшись на ноги, я подхватил начавший терять гибкость свёрток и бегом пересёк дорогу ещё раз. Следуя указаниям Викинга, я прошёл ещё сотню метров, пока не

оказался на краю занесённого снегом провала в земле. Из темноты, с самого дна, трижды мигнул синим светом фонарь. Не раздумывая, я бросил труп вниз и обойдя яму кругом. Нашёл трос привязанный к куску ржавой арматуры, торчавшей из снега. Закрепив верёвку, и ещё раз оглянувшись на поблескивающую редкими огнями русскую базу, я замер. Ничего. Тревогу никто не поднял, сирены молчали. И снова кольнуло забытое уже чувство неудобства, что-то мешало просто спуститься вниз. Но через мгновение громкий ревун прорвал ночную тишину, по всей базе загорелись огни. Уже оказавшись внизу, я

последними словами крыл это своё новое состояние тревожности. Кодьяк говорил, что со временем такие как мы приобретают совершенно новый уровень паранойи. Наверное, это она и есть.

... Где-то час мы пробирались сначала по заброшенным подземным тоннелям, пока не вышли прямо на открытое место, совершенно ровную как стол тундру. Николай уверенно вёл нас вперёд, пока мы не оказались у тех самых холмов, где по обоюдному согласию оставили часть снаряжения и верного Мула. Верный транспортёр завёлся уже с третьей попытки и мы наконец-то смогли погрузить на него часть ненужной

амунииции. Я уже совсем было собирался выйти на связь с оперативным центром в Норфолке, когда ко мне подошёл Николай. Жестом попросив отложить процедуру, он отвёл меня под прикрытие холма и сказал:

- Лейтенант, учитывая ситуацию, вам лучше выйти в запасную точку эвакуации сохраняя радиомолчание. Датчики пока находятся в режиме ожидания, а русские службы электронного наблюдения сейчас плотно шерстят эфир. Идите на юго-восток, в Эхо 2,9. Там активируете радиомаяк и найдёте схрон с транспортным средством.

Агент всё ещё сжимал в руках тот самый оранжево-чёрный чемоданчик для электроинструментов. Сейчас я не вижу его лица как при первой встрече, на глазах очки, тёмно-коричневый шарф плотно обмотан вокруг шеи и нижней части лица. Глядя на него, я сам ощутил как крепчает мороз, а ветер норовит пробиться сквозь маску.

- Мне было сказано, что вы пойдёте с нами...сэр.

Николай едва заметно пожал плечами. Вся его фигура дышала той крайней степени напряжением, которое мне очень хорошо знакомо. Однако ответил он крайне

флегматично:

- Хотел бы, но я вынужден буду вернуться другим путём. Передайте капитану Смиту, что Нептун передаёт ему привет. Прощайте, лейтенант!..

Не дожидаясь ответа, агент молча развернулся и пошёл прочь по едва видимой тропинке между холмами. Через минуту, когда сутулая фигура скрылась за снежной пеленой, я услышал доклад снайпера:

- Николай уходит, Эл-Ти!..

И всё же, что-то вот именно сейчас глодало изнутри, червь сомнения зудел не переставая. Однако вновь и вновь анализируя ход акции, я как ни старался, не смог

найти нестыковок в поведении агента Лавки. На то чтобы пристрелить этого мутного шпиона, не хватает именно той тени подозрения которая имеет место. Будет разбирательство, на меня и ребят спустят свору следователей и мозгоправов. Нет, рисковать послужным списком и жалованием я не готов. Пусть семья и уменьшилась на одного человека, но дочка и жена заслуживают того, чтобы я избавил их хотя бы от проблем с деньгами. Всё ещё глядя в темноту, укрывшую Николая, я сказал:

-Пусть идёт. Сворачиваем периметр, нужно уходить...

... До запасной точки эвакуации

мы добрались только спустя шесть часов. Всё ещё было темно, океан казался одним большим нефтяным пятном. Вдобавок, небо опять затянуло низко висящими облаками, так что искать схрон пришлось в полной темноте. Наконец, Эггерт активировал маломощный маяк, которым оборудуют лодки и вскоре мы обнаружили занесённый метровым слоем снега жестяной моторный баркас на подпорках недалеко от кромки берега. Ещё час ушёл на то, чтобы снять двигатель с Мула и закрепить его на корме баркаса. Небо начало едва заметно светлеть, когда мы наконец-то отчалили и преодолев средней силы

прибой, вышли на большую воду. Жук устроился рядом и я немедленно отдал приказ связаться с оперативным центром. Сообщение об успешном выполнении задания и примерном времени прибытия в точку встречи с «Шайеном», было принято, о чём Эггерт получил соответствующее уведомление. Связь я тут же прервал, ибо мы всё ещё находились в виду действия русских станций радионаблюдения. Связист чуть наклонился вперёд и перекрикивая грохот волн произнёс:

- Лодка будет в точке randevu через два часа, сэр!..

- Значит скоро выпьем хорошего «бурбона» из запасов этого жмота —

капитана...

...Лодка появилась в точке встречи на полтора часа позже. К тому времени как матросы пришвартовали баркас, в нём было по колено смёрзшейся в ледяное желе воды. Помню, как мы сдирали с себя покрытое льдом обмундирование и жались в очереди в душевую. Обжигающей показалась даже едва тёплая вода чьи вялые струйки стекали у меня по лбу и щекам. А точнее, я вообще отключился от происходящего, пока тренированное подсознание следило за тем, как я произношу нужные слова, учитываю имущество и отдаю приказы своим парням. Всё это шло

как-то мимо, будто тот снег на русском берегу всё ещё мешал видеть дальше чем на расстояние вытянутой руки. Момент прояснения настал только когда я ощутил что снова лежу на узкой койке и вижу вверху серый потолок каюты, немного подсвеченный лампой вспомогательного освещения. Майк Санторо громко сопел, отвернувшись к стене. Его гамак, казалось, слегка колышет от выхлопа мощных лёгких, но это лишь воображение. А может быть это просто зависть, ведь я-то спать не могу, как сильно бы не уставал...

- Тревога!.. Всем занять посты согласно боевому расписанию!

Боевая тревога!..

...Сильнейший удар выбил меня из койки на пол. Выучка спасла от удара о край привинченного рядом с койкой столика. Я попытался вскочить на ноги, но тут же был повален обратно ещё одним сильнейшим сотрясением корпуса и полетевшим прямо на меня проснувшимся Санторо. Оба мы едва смогли подняться на ноги, как в дверном проёме показалась голова матроса и он громко проорал, перекрывая рёв сирены:

- Группа русских кораблей на курсе!.. Нас атакуют!..

Поймав парня за мешковатую куртку, я придвинул его лицо к себе и

тоже перекрикивая ревун спросил:

- Где капитан?!

Мы стояли так близко, что я ощутил запах машинного масла, пота и резковатый запах лосьона после бритья, но громче всего была мускусная вонь страха. Вытаращив на меня глаза, матрос проговорил сникшим голосом:

- Над нами крейсер и два противолодочных корабля... лодка теряет ход... прочный корпус пробит... Я...

Отпустив парня, я оглянулся на майка и мы не сговариваясь ринулись вперёд, дальше по коридору. И в момент когда впереди уже виднелся раскрытый люк ведущий в соседний

отсек, пол под ногами снова взлетел вверх. Последнее что мелькнуло перед тем как наступила полная тьма, были ноги Санторо полетевшего головой вперёд и туга струя мутной воды хлеставшей из раскрытого люка к которому мы бежали. Странно, но вместо страха и желания спастись, я почувствовал только облегчение и горечь. Легко стало потому, что предчувствие всё ещё оказалось со мной. Пакость подстерегла нас не в поле, а уже на пути домой, это всё объясняло. А горько стало оттого, что теперь жена не получит полной страховки, ведь формально я уже не в бою. Что-то подвернулось под ногу и я понял что

падаю головой вперёд. Рот наполнился горькой и холодной водой, сил выплюнуть и вздохнуть снова уже не осталось. Внезапно накатила апатия и усталость, в голове загудело. Дальше были только холод и темнота.

Россия, 27 ноября 2011г.
Приблизительно 200км от г.
Углегорск. 00.23 по местному
времени. Бывший штабной ЗКП 182-
го гвардейского тяжёлого
бомбардировочного авиаполка.
Центр единого стратегического
командования вооружённых сил
Советской России. Председатель
Главного Комитета Обороны,

главнокомандующий ВС СР - генерал армии Алексей Макарович Широков. Оперативное искусство и стратегический замысел.

...Здоровым физически людям не понять, каким богатством их наделяет природа. Мир без мучений, когда все чувства предельно обостряются и даже свет галогенных ламп тут, в кабинете без окон, кажется таким насыщенным и живым. Раньше, куля ноги и простреленное лёгкое беспокоили каждый миг. Наверное, это от того, что приходилось всё время кочевать по разным участкам фронта, мотаться вместе с начальником тыла и производственниками. И самым

непривычным сейчас было полное отсутствие острой боли в культе. Огонь исчез, сознание больше не затуманено обезболивающими, а задница не ноет от уколов. А главное, мысли не блуждают в том ватном лабиринте, который в последние месяцы всё более расширялся, заставляя прилагать усилия ещё и для того, чтобы не терять нить собственных рассуждений...

-Алексей Макарович, Бережная и Маевский ждут в приёмной!..

- Кто с ними ещё, Костя?

- Двое людей Маевского, оперативники из военно-морского управления разведки Тихоокеанского флота.

- Зови, время дорого.

Ларионов как всегда незримо оказался рядом. Он словно бы чувствует когда мысли начинают разбегаться, не даёт расслабиться. От доклада разведчиков будет зависеть, какое решение стоит принять. Пойдёт ли всё по менее кровавому пути, или опять будут жертвы сопоставимые с уроном нанесённым России агрессорами. Взгляд скользнул по тёмным пластиковым панелям стен, жёлтым круглякам плафонов освещения под низким потолком. Небо, как редко я вижу его последние полгода. И от решения принятого сегодня зависит, будем ли мы прятаться ещё месяцев пять-

шесть, либо уже через пару недель можно будет почти без напряжения выйти на вольный воздух. Входная дверь едва заметно скрипнула, в кабинет вошли четверо. Сотрудники Маевского держатся напряжённо, но внешне совершенно спокойны. Тот что справа с пагонами капитан-лейтенанта, высокий, с коротко стриженной бугристой головой. Низкий лоб, тёмно-карие пристальные глаза под густыми белёсыми бровями. На подбородке глубокий старый шрам, на вид — около сорока лет. Морпех, это очевидно. Второй заметно ниже ростом, кряжистый, раскосые глаза и плоское лицо выдают коренного

жителя Севера. Погоны обмятые, шитьё потускнело – капитан третьего ранга. Возрастом равен морпеху, но взгляд цепкий. Этот из породы особистов, ни с кем не перепутаешь. Маевский кивнул, Бережная тоже слегка наклонила голову, я предложил садиться. Стол, по-прежнему буквой «Т», я спас его от свалки, сохранив и красную ткань. На удачу. Нина села справа, выложив на стол неизменную бордовую папку с потёртыми углами, Маевский и его молодцы уселись слева. Особист был расслаблен, а вот морпех долго не знал куда деть внушительные кулаки. Бережная начала без паузы, эта женщина всегда чувствовала

настроение, интуиция у неё просто исключительная.

-

Товарищ

главнокомандующий...

Это звание всё время напоминает, в каком пиковом положении находится всё, что осталось от России и её вооружённых сил. Поэтому я на некоторое время перестаю слушать, сосредоточившись на том, что же мы сейчас будем обсуждать. Последние две недели, шла завершающая фаза сложной комплексной операции в которой аппарат новой разведслужбы должен был себя проявить. Фаза с доставкой на Аляску контейнера с боевым вирусом прошла успешно,

думаю в папке Нины Ивановны это всё есть. И сейчас Маевский и его люди должны докладывать о второй части плана, по дезинформации американцев. Комбинация которую они провернули может войти в историю разведки. Другое дело, как это случится: будет это триумф, или полный позор...

-... Общие потери в живой силе составили на данный момент до пяти тысяч только умершими. И более двадцати тысяч до сих пор частично, либо полностью, недееспособны. Таким образом, экспедиционные силы сосредотачиваемые на Аляске для дальнейшей переброски в район Владивостока, на данный момент не

смогут выполнить поставленную перед ними задачу. Более того, на момент доклада эпидемия только набирает обороты.

...Сорок тысяч больных солдат не смогут взять в руки оружие, сесть за рычаги боевых машин и штурвалы самолётов. Так маленький микроб, стал той песчинкой в отлаженном механизме, которая сбила его мерный ход. Боль принесённая нам, теперь возвращается к своей первопричине, круг замыкается. Бережная протягивает мне несколько листов скреплённых потемневшей от времени старой скрепкой. Там, набранные мелким шрифтом списки понесённых врагом потерь, но я хочу

обеспечивавших реализацию плана?

- Никак нет, товарищ генерал. Местная резидентура в безопасности, это по большей части коренные жители Анкориджа и Нома, а на них вирус летального воздействия не оказывает. Группа диверсантов ушла чисто, не вызвав подозрений у местных органов правопорядка и контрразведки.

Слушая Нину, я снова ощутил движение ситуации. События чередуются и дополняют друг друга со всё более нарастающей скоростью. В детстве, у меня был калейдоскоп: трубка из плотного картона, два стёклышка и горсть цветных осколков с куском зеркала.

Сколько бы не смотрел, всегда получался узор от которого трудно оторвать глаз. Каждый узор неповторим и по-своему уникален. В какой-то момент желание узнать как всё устроено заставило разобрать игрушку, но волшебство не исчезло. Горсть картона и стекла, собранная человеком в нечто удивительное. Штука в том, что сейчас нужно предугадать, как именно сложится узор от поворота трубы. Вдруг резко кольнуло в бедро и боль в ампутированной ноге стала возвращаться. Она прогнала задумчивость. Заставляя вновь чуть наклонившись вперёд обратиться к Маевскому.

- Алексей Андреич, с чем вы пожаловали? И не вставайте, не надо. Пусть для простоты всё будет без особых формальностей, время дорого.

Тот согласно покивал белой от ранней седины головой в такт собственным мыслям и начал обстоятельный доклад, изредка поглядывая на директора ГРУ.

- Благодарю, товарищ командующий. Тогда, с вашего позволения, пусть мои люди ненадолго покинут кабинет. А потом их можно будет пригласить обратно.

Десантник и особист вышли, едва я ответил согласием. Костя выпустил их и уже собирался было

закрыть дверь, как я остановил адъютанта. Разговор предстоял долгий, не гоже держать людей в приёмной на сухую.

- Константин Николаич, распорядись чтобы офицерам принесли бутерброды и чай. И передайте им мой приказ – поесть как следует. Голодные обмороки нам не нужны. Да и про генералитет забывать негоже. Товарищи, вам что-нибудь принести?

Но Маевский и Нина отказались, хотя в глазах обоих я прочитал скрытую признательность за предложение. Когда Ларионов ушёл, начальник войсковой разведки продолжил:

- Пусть Нина Ивановна расскажет свою часть истории, думаю это необходимо.

Бережная усмехнулась одними кончиками губ и подавив привычку вставать, вновь заговорила, хотя в этот раз папка так и осталась на столе нетронутой.

- Более двадцати лет назад, управление внешней разведки Российской Федерации провело удачную операцию по извлечению списка советских «спящих» агентов в Северной Америке. Часть из этих людей на контакт не пошла, некоторые сдались спецслужбам стран пребывания, либо затерялись. Несколько человек согласились

возобновить работу уже на благо
новой России. За шесть месяцев до
начала вторжения, ФБР
инициировало операцию под
кодовым наименованием
«Птицелов». По сути, это была
тотальная зачистка территории
США, Канады и ряда ключевых стран
Евросоюза от агентов влияния,
установленных разведчиков и тех,
кто находился под подозрением в
сотрудничестве с российской СВР.
Мы лишились внедрённой агентуры,
сети в Европе и США оказались
разгромлены полностью. Некоторое
время держались сотрудники
диппредставительств имеющие
иммунитет, но...

- Я в курсе, Нина Ивановна. Так понимаю, что в сети «птицеловов» из ФБР попали не все?

Невольная улыбка словно бы осветило жёсткое лицо этой волевой женщины. И я в который раз подивился, как всё же прекрасны русские женщины и как порой непосильна ноша лежащая на их плечах. Но миг отвлечённости прошёл и директор ГРУ снова заговорила сухо, по-деловому.

- Да, товарищ командующий. Полтора месяца назад, через секретариат нашего восстановленного торгпредства в Лаосе, поступил сигнал от двух агентов из тех, что ответил

согласием ещё в довоенный период. После проверки нашими весьма ограниченными на данный момент средствами, одного уличили в двойной игре, а второй оказался весьма полезным и занимает достаточно высокое положение в оккупационной администрации коалиционных войск...

... Боль накатила жгучей волной, но я уже был готов принять её. Бережная говорила то, что я уже знал из справки которую месяц назад подготовил Костя. На самом деле, ГРУ удалось расконсервировать сеть спящих агентов в самих США и что особенно ценно в Великобритании. Это было уже второе поколение

агентов, потомки тех, кого отправили ещё в советские времена. Они обросли связями, многие занимают видные посты в госструктурах и деловом мире Запада. Само собой, не все согласились нам помогать, но большая часть возобновила контакты с эмиссарами новой, Советской России. Но информация об этом не для всех. Даже Маевскому не положено знать, какое мощное оружие попало к нам в руки. По данным этих источников, после ожидаемой победы над нами, американские денежные тузы готовят крупную ревизию зарубежных кредиторских активов. В первую очередь, это касается Китая и

некоторых других стран «жёлтого пояса». Точно пострадают южнокорейцы, не сладко придётся Индии. Амеры хотят предложить кредиторам очень низкую ставку по гособлигациям, что практически сведёт на нет практически весь внешний долг США перед этими странами. Льготные условия ожидают только англичан, ослабленную войной Европу, американцы фактически отдадут британцам на откуп. Китайская разведка скорее всего владеет частью этой информации, причём довольно давно. Именно по этой причине, КНР так стремится опрокинуть американцев. Расчёт их прост:

проигрыш американцев в большой войне спутает финансистам карты и на какое-то время отсрочит деноминацию долгов. В этой ситуации позиция России весьма шаткая. С одной стороны, мы не можем просто выйти из войны. Даже если «Северное сияние» пройдёт успешно, это в лучшем случае выход на границы бывшей Российской Федерации. А ведь есть ещё оккупированный турками Кавказ, есть стотысячная группировка Коалиции в Узбекистане. Плюс, никто не победил младевропейцев, которых «старшие братья» выставят против обескровленной потерями молодой советской армии. Как

только мы выйдем за пределы радиоактивной пустошей образовавшихся в пределах Золотого кольца, поляки, прибалты и прочие албанцы вынуждены будут воевать. А там и старая Европа непременно покажет свои гнилые клыки. Нет, в одиночку нам не выстоять. Пока против амеров играет извечная европейская нерешительность. Союзники по Коалиции предоставляют свою территорию, промышленность, ресурсы, но сами по-серьёзному воевать не спешат. Однако, в каждом из них живёт страх оккупации, все они на генетическом уровне помнят русских в Берлине, русских в Париже. Поэтому они

точно огрызнутся, как загнанная в угол крыса заражённая бешенством. Тем временем амеры перегруппируются и вполне возможно решат применить ОМП, раз не удалось получить ресурсы так легко как планировалось. В этой ситуации, важно действовать быстро, обозначить угрозу с другой стороны. Для этого, необходимо подбросить китайцам и амерам грамотную дезу.

В недрах ГРУ, уже готовится новая операция, в которой-то и будут задействованы Спящие. Так мы называли группу натурализовавшихся агентов влияния. Как только «Северное сияние» будет реализовано, по надёжным каналам,

китайцы получают данные, согласно которым амеры всё равно иницииируют деноминацию долгов. В свою очередь, американцы получают данные о скором вступлении КНР в войну. С одной стороны, то заставит наших союзников действовать и с другой, лишит США возможности немедленных ответных действий. Если Китай выступит на нашей стороне открыто, это наверняка отсрочит ядерный удар, либо исключить его возможность полностью. И кроме того, позволит нам открыть нечто вроде Второго фронта, даст возможность подтянуть резервы. Но воевать на американской земле предстоит прежде всего

китайцам, северокорейцам и индусам. Если я угадал всё верно, новая, уже Советская Россия пошлёт в Штаты небольшой экспедиционный корпус. Нам ещё тут дерьмо разгребать, да приводить европейцев к общему знаменателю. Пусть поработают и восстановят то. Что можно восстановить, а где нельзя — построят новое...

- Хорошо Нина Ивановна, эту часть можно опустить. Расскажите лучше товарищам, что нам стало известно о действиях Коалиции на главных направлениях?

- Большая часть юга России и Кавказ, находятся под контролем турецкого экспедиционного корпуса

генерала Оглу. Остатки черноморского флота блокированы в бухте Севастополя турецким флотом, с берега город взят в осаду украинскими силами самообороны. Остатки 58-ой армии генерал-лейтенанта Тропинина уверенно оперирует только в пределах Ставрополя. Некоторые части блокированы в Осетии и в пределах абхазского анклава. С юго-запада их подпирают, 28-ая, 26-ая и 14-ая оперативные бригады Коалиции, преграждая путь на линии Волгоград – Ростов – на – Дону, общей численностью до восьмидесяти пяти тысяч человек.

Тропинин один из немногих

кому действительно удалось не только выжить и сохранить армию, но и довольно эффективно драться в полном окружении. Если удастся деблокировать его группировку и вывести людей, то мы сразу получим боеспособный сегмент активной обороны на юге. Пополним, переучим и вскоре сможем выбить турок с Кавказа. По сводкам перехватываемой службой РЭБ фронтовой разведки в том районе, в бывших российских республиках творится то же, что и по всей остальной стране. Турки активно используют биологическое оружие, бомбят крупные сёла и города. Местных бандитов уничтожают

наравне с мирными жителями, на освободившейся территории возводят какие-то сооружения, непонятного назначения. Плодородная, щедрая земля снова полита кровью собственных жителей. И пока мы мало чем можем помочь. Но враг ответит за всё, это обещание данное на руинах лётной части в начале войны, я твёрдо намерен сдержать. Усилием воли придав лицу спокойное выражение я поднял глаза от бумаг и спросил директора ГРУ:

- Мы можем чем-то помочь Леониду Романовичу?

- Налажено взаимодействие между нашей службой и разведотделом 58-ой армии.

Помогаем информацией, дальняя авиация уже месяц уверенно работает в интересах частей группировки генерала Тропинина. Эпизодически поставляем медикаменты, эвакуируем раненых воздушным путём. Несколько подразделений глубинной разведки независимо работают в оперативных тылах войск Коалиции на юге и юго-востоке. Это обеспечивает некоторую свободу частям Тропинина на линии непосредственного столкновения с турецкими и американскими войсками. Пока это всё, чем мы можем помочь окруженцам. Но потенциал я вижу хороший,

соединение вполне сможет нанести встречный деблокирующий удар там, где запланировал генштаб.

- Хорошо, пока будем считать, что на южном направлении удалось достичь нужных нам условий. Обстановка на центральном направлении более-менее стабильна. Есть свежие данные по северо-западу?

Нина слегка нахмурилась перебирая бумаги. Я заметил, что вопрос ей не слишком приятен. Видимо за сутки поступили какие-то новые данные.

- Товарищ командующий, Алексей Макарович... Согласно свежей сводке, группировка

Коалиции в районе Выборг- Великий Новгород- Петрозаводск усилена свежими подразделениями. Преимущественно это финские и эстонские части, из которых сформировано две мобильные бригады оперативного назначения. Согласно данным фронтовой разведки они накапливаются в районе насунктов Кирши и Тосно. В генштабе считают, что планируется прорыв обороны под Колпино с конечной целью выйти на окраину Санкт-Петербурга.

На душе стало как-то особенно муторно. Ленинград, это пожалуй один из самых любимых моих городов. Его спокойная,

величественная красота всегда вселяла в меня уверенность. Помню как долго любовался шпилем Петропавловской крепости, будучи проездом в тех краях. Неужели город падёт? Лица у сидевших за столом вдруг стали тревожными, Бережная даже начала подниматься со стула, но я вовремя совладал с эмоциями.

- Нина Ивановна, этот город никогда не сдавался врагу. Москва горела и терпела Наполеона, ждала Гитлера и возможно покорилась бы... Но Питер всегда был и будет русским! Свяжитесь с товарищем Грековым и подумайте, как можно помочь защитникам Петрограда. Понимаю, ресурсы наши не просто

ограничены, их попросту нет. Однако в данном случае удержать этот плацдарм очень важно, даже с политической точки зрения. Любой освободительной войне нужны символы, примеры стойкости и мужества. В ту большую войну Ленинград и его жители стали ими. Так давайте сделаем так, чтобы история с блокадой повторилась в последний раз. Русские люди всегда умеют неприятно удивить любого врага, не будем нарушать традиции.

Оба они – Маевский и Нина, не ожидали от меня подобного всплеска эмоций, поэтому директор ГРУ ответила лишь после некоторой заминки:

- Есть, товарищ командующий.

- Подойдите к вопросу творчески, но если цена будет слишком высока...

На мгновение я снова увидел, как стою на набережной Невы, держу жену за руку и мы оба едим основательно подтаявшее мороженое в вафельных стаканчиках. Солнце неожиданно выглядывает из-за лёгкой кисеи облаков и происходит чудо. Всё что я вижу: река, крыши и стены домов, даже сам шпиль крепости вдруг заблестели серебром. Город, улицы – всё это стало очень похоже на чеканный серебряный барельеф. Его будто высекли сотни лет назад, он старился, приобретал

благородную чернь, но не тускнел. И сейчас враг снова целится в эту вечную красоту, хочет стереть её с лица земли. Подавив очередной болезненный спазм, я нашёл в себе силы продолжить более спокойным голосом.

- ...Если цена будет высока, то нам придётся в очередной раз добавить к общему счёту неприятеля ещё и этот город вместе с его жителями...

Давящая тишина повисла в кабинете. Никто из присутствующих не смотрел мне в глаза. Конечно, когда бушует пожар таких масштабов, не след плакать о музыкальной табакерке. Но страшно примириться

с мыслью, что сейчас одним словом можно зачеркнуть сотни лет славной истории, жизни сотен тысяч людей. Однако сейчас не следует заострять внимание на том, чего сделать нельзя. Как командир я обязан взбодрить людей, напомнить им о победах. Они есть и их не мало. Прошуршав для порядка бумагами лежащими поверх масштабной оперативной карты, продолжил уже деловым тоном:

- А теперь, что там с той шумной заварушкой на севере?

Нужно было видеть, как оживился Маевский, а с лица Бережной сбежала лёгкая угрюмая тень. Слегка покачав головой,

директор ГРУ проговорила чуть охрипшим голосом:

- Комбинация проводилась непосредственно контрразведкой Тихоокеанского флота, это епархия Алексея Андреевича. Мы только предоставили оперативное сопровождение и некоторую информацию по фигурантам акции.

Маевский согласно кивнул, старательно пряча довольную улыбку и переложив пару листов в своей папке поднялся с места. Однако я жестом принудил его сесть. Не гоже нарушать доверительную атмосферу, сложившуюся между нами в последнее время. Контрразведчик попросил пригласить двух офицеров

прибывших вместе с ним. Мне даже не пришлось, говорить, Костя уже открывал дверь, впустив кап-лея и кап-три. Маевский представил офицеров:

- Капитан третьего ранга Иванов, капитан-лейтенант Мельников. Соответственно командир и заместитель особого отдела базы ПРК «Осиное Гнездо». При их непосредственном участии была предотвращена масштабная диверсия на базе подплава.

История действительно вышла громкая, в прямом смысле этого слова. Американцы решили уничтожить один из наших немногих козырей — подводные ракетные

крейсера. Для этих целей отправили почти подряд три диверсионные группы. Пытались бомбить, штурмовать авиацией и обстреливать с кораблей. Ясно было, что рано или поздно попытки лишить нас подводных лодок увенчаются успехом, да и сама база была давно засвечена перед противником. Поэтому корабли, персонал и оставшихся мирных жителей поэтапно перевели в новый пункт дислокации. Однако в старой базе выставили надувные макеты из специальной ткани, они издали очень напоминали силуэты подлодок. Более того, после очередной неудачной попытки диверсии,

особистам удалось раскрыть и установить негласное наблюдение за кадровым сотрудником ЦРУ, искусно маскировавшимся под местного жителя.

Всё это в сжатом виде доложил Маевский, но в середине доклада он попросил Иванова продолжить. Я не возражал и коренастый кап-три подавив попытку подняться, начал излагать. Голос у него немного дрожал от напряжения, но вскоре он взял себя в руки и заговорил более уверенно:

- Агента выследили в момент когда он шёл к тайнику, для осуществления кодированной передачи. Капитан-лейтенант

Мельников и двое его сотрудников обнаружили тайник загодя и ждали в засаде. После того, как агент был идентифицирован, нами было принято совместное решение не брать его на передаче а начать оперативную игру.

Тут я прервал доклад. Майор очень толково всё изложил и причины были очевидны, однако я хотел лишний раз убедиться, что сыграно всё чисто:

- Почему вы приняли такое решение?

Иванов понимающе кивнул, в его тёмных глазах загорелись азартные огоньки. Этот человек определённо умел и любил

рисковать:

- Агент несколько раз наводил диверсантов на базу. Взяв его на тайнике, мы обрубим бы все связи.

- И они были?

- Нет. К счастью для нас, агент работал соло. Наблюдение не выявило связей, те что были, оказались лишь источниками получения оперативной информации для него. Поэтому, мы, совместно с руководством объекта «Осиное Гнездо», разыграли операцию прикрытия. Нам было известно, на какое число планируется перевод кораблей, поэтому агенту и ряду его основных источников была организована командировка за

пределы режимной зоны. За это время, вывод кораблей в новый пункт постоянного базирования был завершён, а на объекте выставлены макеты. Капитан-лейтенант и его оперативники под видом помощника склада ГСМ и нескольких матросов сопровождали агента и его контакты, запретив им выход в зону причалов и складов вооружений. Одновременно, мы довели до сведения нескольких источников агента, что на объекте вводится режим повышенной секретности. Агент дал взятку капитан-лейтенанту якобы за лишние часы сверхурочных, чтобы попасть в порт. А поскольку агент работал в зоне причалов посменно, то он и

спланировал диверсионную акцию на свой первый выход в порт.

- То есть, вы заставили его нервничать и торопиться?

- Так точно, товарищ главнокомандующий.

- Как же вы узнали, что прибывают диверсанты?

- Кодированный сигнал при осуществлении сеанса связи был агентом изменён. Так он делал всякий раз перед прибытием диверсантов. Мы не могли расшифровать сообщение, поэтому пришлось пойти на риск.

- Действительно, риск и трудозатраты огромные. Выходит, наверняка вы ничего не знали?

- В таких случаях, это всегда риск, товарищ главнокомандующий.

- Хорошо. Ну и как же вам удалось провести диверсантов?

- Агент вышел в точку встречи, мы его плотно вели. Группа кораблей флота постоянно отслеживала перемещения вражеской подлодки и движение диверсионной группы в прибрежных водах. Как только агент и группа диверсантов вышли к объекту, был осуществлён захват, а вместо агента расставлять маяки вышел уже я сам. После этого диверсанты ушли в нейтральные воды, где их встретили корабли прикрытия. Подлодка успела осуществить несколько передач в

эфир используя радиобуй, после чего была уничтожена глубинными бомбами.

...Снова вспомнились первые дни войны. Не было ни связи, ни точного представления о том, кто где находится и что делает. И вот, мы уже снова можем не только отвечать на удар, но и контратаковать. Как же быстро можно постичь эту науку, если стоишь на краю пропасти, а за краем полное небытие. Что-то во взгляде этого майора не позволило перейти к результатам. Он слегка отводит взгляд, есть нечто беспокоящее его.

- Как ваше имя-отчество, капитан третьего ранга?

Невозмутимая маска на миг дрогнула, я успел заметить гамму эмоций: от удивления, до отчаянья. Видимо было что скрывать, но к сути операции это мало относится. Насколько я знаю, амеры разнесли пустую базу и надувные макеты лодок в пух и прах. А это означает, что блеф удался. Иванов переступил с ноги на ногу и медленно ответил:

- Аристарх Иванович, товарищ командующий.

- В общении с подчинёнными, я не люблю недомолвок. Аристарх Иванович, что заставляет вас умалчивать о шероховатостях операции?

Преодолевая некое внутреннее

сопротивление, Иванов было открыл рот, но в этот момент вперёд шагнул морпех. Глядя прямо перед собой, он почти выкрикнул:

- Это моя вина, товарищ главнокомандующий! Из-за моей оплошности, одному из диверсантов удалось смертельно ранить солдата срочной службы из состава охранной роты.

Очередная жертва войны. Не абстрактная цифра, а в который раз живой человек. Сколько их было, сколько ещё погибнет пока мы не вышвырнем врага вон из нашего дома. И все они мои, каждая жизнь ложится на душу тяжким грузом. Мельников замер в напряжённой

позе, я видел как крепко стиснуты его тяжкие кулаки. Кивнув головой в знак того что услышал, задаю уточняющий вопрос спокойным тоном. Ведь то, что сказано, явно выглядит как самооговор:

- В чём конкретно ваша вина, капитан-лейтенант?

- Рядовой Епифанов... тот, что погиб... Аккумулятор его радиостанции оказался разряжен и он не услышал приказа сменить позицию вовремя. Епифанов не сменил позицию, вышел из зоны видимости группы прикрытия. Диверсант заколол его... не было возможности помешать. Всё бы сорвалось...

И всё же невыразимо трудно сохранять невозмутимость всякий раз, как только смерть выходит за рамки абстракции и становится судьбой конкретного человека. В такие мгновения гибель сотен таких же вот Епифановых там, за сотни километров отсюда, вновь обретает своё страшное лицо. Неподъёмную цену мы платим за ошибки прошлого, за собственное беспамятство и беспечность. Я снова взглянул на вытянувшихся у стола офицеров, поочерёдно посмотрел в глаза каждому из них. Оба жаждут наказания, видят свою вину, пускай в данном случае и косвенную. Иногда стечение обстоятельств

опрокидывает любые уставы, спорит на равных с железной логикой и даже отрицает законы природы. Нельзя предусмотреть всё, но можно сделать так, что стремление к абсолюту станет нормой жизни тех, кто берёт на себя ответственность за жизни других людей. От меня ждут справедливости. Ну что же, пусть будет так.

- Капитан третьего ранга Иванов, решение по взысканию для капитан-лейтенанта Мельникова оставляю на ваше усмотрение. Подчинённого вправе карать только тот, кто командовал в бою. Теперь ступайте и... спасибо вам за то, что сделали. Ваш боец погиб, но

благодаря ему сотни и тысячи других выживут. Спасибо, товарищи офицеры.

Что-то неуловимое промелькнуло в глазах контрразведчиков, я даже не понял что именно. Но когда оба они чётко, через разворот, уходили из кабинета, я успел заметить как блестят их глаза. Начразведки генштаба тоже потупился, деликатно кашлянув в кулак. Не делая паузы, пришлось тут же оформить в приказ сложившееся за время разговора с полевиками мнение:

- Андрей Алексеич, подготовьте наградной лист и внесите туда Иванова с Мельниковым. Каждому –

орден Отечественной войны и
внеочередное звание. Обоих
перевести туда, где жарко, награды и
звания засекретить, выдать новые
документы соответственно
разжаловав публично. Рядовому
Епифанову – присвоить звание Герой
Советской России. Если есть семья,
поставить на вечное довольствие.
Пусть СМИ подготовит материал о
том, как солдат погиб в неравном
бою с диверсантами.

Обернулся к строчащему на
ноутбуке за отдельным столом
Ларионову. Теперь предстоит
порадовать нашего главного врага:

- Костя, составь пресс-релиз для
СМИ, где говориться о разжаловании

и расформировании всего особого отдела контрразведки базы «Осиное гнездо», за то, что проморгали диверсантов. Да строго так напиши, чёрной краски не жалея.

За столом все обменялись понимающими улыбками, повинувшись знаку адъютанта разведчики поднялись и после короткого прощания покинули кабинет. Я попросил директора ГРУ задержаться. Перед совещанием с руководством генштаба, я хотел уточнить кое-то важное.

- Нина Ивановна, каково положение в Казахстане и на Украине?

Видимо, вопрос не застал её

врасплох, потому что ответ последовал незамедлительно, без каких-либо задержек. Это хороший знак, может быть и не придётся прибегнуть к варианту предложенному Грековым позавчера.

- Правительство Казахстана, при поддержке направленных туда месяц назад группы военных специалистов, взяли под контроль области прилегающие к бывшим границам РФ. Президент Рахманкулов лично гарантирует, что американцев не пропустят. Кроме того две мотострелковые бригады вооружённых сил НОАК, при поддержке авиаполка, готовы в

случае чего оказать помощь нашим казахским союзникам.

- Удержат сами-то?

- Риск есть, Алексей Макарович, но китайские войска это хорошая страховка на этот случай.

- Хорошо, Нина Ивановна. А что там с украинским подпольным центром?

- Наш резидент в Донецке подтвердил выступление вооружённых отрядов местного сопротивления. По всей восточной Украине и в Крыму, люди готовы выступить и помешать войскам гетмана Корольковского ударить во фланг 58-ой армии генерала Тропинина.

- Этого будет достаточно чтобы заставить гетмана и его американских союзников обратить на партизан пристальное внимание?

Прежде чем произнести следующую фразу, Нина слегка улыбнулась, от чего лицо женщины снова стало удивительно красивым:

- Майор Гамаюн, наш резидент в Украине, готов поручиться что гетман будет очень занят.

- Хорошо, будем надеяться, что так оно и будет.

...Резервным планом предусматривается нанесение по территории Украины трёх ядерных ударов. Накроет прежде всего те города которые в данный момент

являются центрами сосредоточения так называемых «сил самообороны». По сути, это четыре тысячи наёмников собранных по всей Европе, но большую часть там составляют жители самой республики. Американцы сформировали две мотопехотных бригады, лишив их тяжёлой техники и артиллерии. Функцию поддержки должны осуществлять войска Коалиции размещённые на бывших военных базах распущенной указом гетмана регулярной армии.

Нанесение удара так близко от дислокации войск Тропинина крайне нежелательно. Однако синоптики уверяли, что облако пройдёт

стороной, но это всё равно тревожило. К тому же, часть населения украинского протектората или Зоны Брайфорт «Д», сосредоточено в трёх больших «карантинных лагерях». И все три находятся в радиусе прямого поражения при ракетном ударе. Желание обойтись без крайних мер заставляет пойти на риск и довериться чутью Яровой. Однако зная Грекова, я не сомневаюсь, что ракеты будут ждать своего часа.

Простившись с женщиной, я некоторое время просто сидел отперевшись руками о подлокотники кресла. Мерно тикали часы на противоположной стене, время

отмеряло мгновения тишины. На какое-то мгновение стало совсем тихо, как это бывает только под землёй. Я собрал бумаги с заметками и ещё некоторое время сидел, вникая в детали подробной оперативной сводки. Пока всё складывается более-менее так, как мы с Грековым и рассчитывали. Американцы сворачивают активные действия на флангах, перегруппировывая силы до решающего момента. По цифрам всё сходится: флота у нас нет, авиации крайне мало, юг и северо-запад отрезаны и слишком слабы чтобы ударить Коалиции в тыл. План очень прост по сути и подразумевает только победу численным перевесом.

Никаких манёвров или тонких комбинаций, а лишь одна грубая сила и мощь...

- Алексей Макарович, члены ГКО в приёмной...

После успеха «Снегопада», когда фронт стабилизировался и угроза полного разгрома чуть отодвинулась, стало ясно, что одной военной администрации уже недостаточно. Нужно показать населению и армии, что в стране снова есть власть, что государство живо. И что теперь это не будет страна дураков, нищих и нуворишей. Сновагодились связи Нины Яровой. Нам удалось отобрать толковых хозяйственников старой, ещё советской закалки, среди потока

беженцев. Большею частью это были учёные, бывшие партийные советские работники среднего звена. Из них мы сформировали временный орган государственной власти новой Советской России, по образцу государственного комитета обороны, управлявшего страной во время Великой Отечественной войны. Единственное неудобство которое пришлось принять лично мне, это пост председателя ГКО. Одно дело командовать войсками и совсем другое — фактически управлять самой большой страной в мире. Но пока другого выхода нет, приходится вникать ещё и в хозяйственные вопросы, обсуждать поставки по

союзному договору с КНР и прочее. И сначала было крайне трудно, порой даже невыносимо из-за того, как беспомощно чувствуешь себя в присутствии опытных гражданских спецов. С течением времени всё вошло в рабочий ритм, стало не так паршиво и появилось ощущение ситуации в стране. Проще всего оказалось с идеологией. Миф о советском прошлом как о поре безгрешных правителей, всеобщего равенства и процветания, оказался вполне жизнеспособен в тяжких условиях военного времени. Люди подсознательно, на генетическом уровне восприняли подзабытую риторику былых времён, как

обещание стабильности и скорой победы. Наш народ выдержит всё и победит любого врага, если будет верить, что впереди есть некая светлая перспектива. Будут жить в бараках, есть картофельную шелуху и одеваться в лохмотья. Лишь бы достичь желанной цели, лишь бы всем и всего было вдоволь и поровну. И я старался, чтобы личный миф каждого русского, на каком бы языке он не говорил, стал осязаем. Это будет отнюдь не та «уравниловка», которую ставят в вину советскому строю его постперестроечные оппоненты. Для русских всегда характерно иное понятие что есть справедливость и что такое «всем

поровну». Перед экономистами была поставлена задача создать общественный строй, при котором государство защищает слабых и ограничивает сильных. Трудно, порой на ощупь, но вскоре удалось нащупать этот баланс между государственным регулированием и желанием людей зарабатывать. Первоначальный план тоже разделён на пятилетние отрезки. В первую очередь, все силы брошены на восстановление и развитие тяжёлой промышленности и фундаментальной науки. Параллельно, немалые силы выделены на восстановление сельскохозяйственного комплекса.

Ликвидировать голод, болезни – всё то, что приходит во время и сразу после войны. Нужно дать людям хлеб, работу и безопасность, а когда достаток перевесит нужду, можно будет подумать и о таких эфемерных вещах как всяческие свободы личности и лишь много позже открыть дорогу частным предпринимательствам, но пока только в отрасль сферы обслуживания. Отныне ничего не будет делаться наобум. Как ни странно, но именно война дала нам шанс исправить всё то, что привело Россию к краю пропасти. Сутками мы сидели над программами планов первой пятилетки. Над тем, что и как нужно

восстанавливать, куда направить помощь, предоставляемую союзниками, пускай и полулегально. Первых результатов удалось достичь, как только заработали ремонтные заводы, где в полевых условиях, под натянутыми тентами и масксетями латали подбитую бронетехнику, делали патроны и шили обмундирование. Вскоре, появились цеха, пошла первая заводская продукция собранная уже на освобождённых от захватчиков территориях. Народ жил, боролся и уже начал побеждать свой страх и отчаянье первых месяцев войны. Это было лишь начало, но верный путь не бывает лёгким.

Снова зашуршал ковролин и в кабинет один за другим стали входить члены ГКО. Штатские люди, одетые в мешковато сидящий на их сутулых плечах камуфляж без знаков различия. Всего трое, но сейчас именно под их руководством приходит в движение разбитая экономика, восстанавливается порушенное сельское хозяйство и обеспечение армии всем необходимым. Высокий, худощавый старик в старомодных круглых очках с сильными линзами, слегка поднялся с только что облюбованного стула. Это был Аристарх Раковский, экономист старой закалки, в своё время

вынужденно ушедший из
госуниверситета из-за разногласий с
либеральным руководством.
Некоторое время профессор
перебивался случайными
заработками, даже торговал газетами
в киоске. Однако в 2003 году,
совместно с бывшими учениками
организовал небольшую фирму,
оказывавшую консалтинговые услуги.
Быстро поднялся, но окончательному
успеху помешал кризис восьмого
года. В справке контрразведки нет
указаний на то, чем и как жил
учёный оставшееся до войны время,
но вряд ли прикуривал от крупных
купюр сидя в шезлонге на
собственной яхте в Средиземном

море. За предложение построить новое, справедливое общество ухватился с молчаливой яростью фанатика, как впрочем и все те, что сидели сейчас напротив меня. Всех нас сплотила одна единственная идея — искупить делом вину перед собственным народом, ещё только на полшага отступившем от края пропасти, за которым только смерть и полное небытие. Голос Раковского звучал глухо, под глазами залегли чёрные круги, но во взгляде чувствовалась сосредоточенность.

- Алексей Макарович, рад сообщить, что машиностроительный сектор начинает давать первую продукцию. Поток

отремонтированной и модернизированной техники возрос вдвое против показателей прошлого месяца. Есть нехватка рабочих рук и комплектующих, но сейчас это связано с восстановлением транспортной инфраструктуры. Оборудование и запчасти просто вязнут в пути.

- Немцы исправно выдерживают график поставок?

Министр пролистал бумаги, что-то быстро отчеркнул огрызком карандаша и утвердительно кивнул:

- Наши потребности всё ещё велики, однако получаемые через Китай станки и прочее оборудование пока закрывают потребности

заводских производств в Ново-амурской промышленной зоне.

Ново-Амурск, стал нашим первым большим проектом с начала войны. На месте заброшенной ещё в советские времена промзоне, что в ста двадцати километрах от Хабаровска, было решено сконцентрировать промышленный потенциал состоящий из предприятий обеспечивающих выпуск техники, оружия и боеприпасов. Инфраструктура возводилась при содействии китайской стороны, однако монтаж оборудования и набор кадров осуществлялся из российских граждан под жёстким контролем

контрразведки. Само собой, квалифицированных кадров остро нехватало и тогда Промцентр был поделён на внешний и внутренний пояса. Во внешнем шили одежду, обувь и осуществляли ремонт гражданской техники. А внутренний пояс имел закрытую инфраструктуру и туда допускались только работники предприятий и конструкторских бюро. Само собой, китайцы были любопытны, однако работали всегда корректно, острых акций удаётся избегать. Пока всё только начинается, но лиха беда начало.

- Как выполняются заказы фронта, Аристарх Степанович?

- Пока справляемся. Согласно

плану, мы сделали упор на модернизацию техники уже имеющейся в распоряжении армии и частично всё ещё находящейся в консервации. Это обеспечивает восполнение боевых потерь. Если в процентном исчислении, то почти на восемьдесят девять процентов. Остальное покрывается за счёт имущества расформированных подразделений.

- Армия и флот могут рассчитывать на быстрое пополнение своего парка в острый период?

- Да, мы сможем обеспечить поставки, если охрана тыла сможет предотвратить налёты вражеской авиации, да ведомство товарища

Маевского подсобит милиции с саботажниками и мародёрами.

- Обстановка действительно не простая, Аристарх Степанович. Но думаю, мы попросим Алексея Андреича выделить дополнительные силы для обеспечения прикрытия Промцентра. Что там с развёртыванием новых производств?

Ситуация в тылу складывается действительно не простая. Части внутренних войск укомплектованы личным составом всего на треть. Пополнение идёт, но слишком медленно для быстро меняющейся обстановки. Освобождённые территории эпизодически будоражат разрозненные части противника,

шайки местных мародёров и уголовников. Однако явления первых двух месяцев войны - районов, полностью контролируемых такими вот вооружёнными шайками уже нет. При управлении контрразведки создали отдел по борьбе с бандитизмом, пока в штате было всего около пятисот человек, а техника только ещё начала поступать. Реже стали случаи, когда приходится снимать подразделения с фронта, в помощь ВВшникам. И это добрый знак, мирной, новой жизни. В местах же больших поселений было всего две вспышки заразных болезней, что учитывая ту помощь, что нам оказывается индийскими и

китайским миссиями «красного креста», можно считать за очаговое явление, не приобретшее размеры пандемии. Но главное всё же то, что удалось начать не только ремонт, но и восстановить часть производств довоенной поры. Скоро в войска поступит новая бронетехника, самолёты, вертолёты и стрелковое оружие.

-... Товарищ председатель, производство перспективных образцов техники запущено в Якутии и некоторых районах Прибайкалья. Через два месяца, мы сможем поставить в войска до двух сотен БМП-4, сто шестьдесят основных танков Т-90МС, а так же самолеты

различных классов, до тридцати единиц штурмовых и транспортных вертолётот. Сложнее с морской техникой, верфи Ванино только начали восстанавливать. Китайские товарищи помогают чем могут но...

- Это всё хорошо, Аристарх Степанович, но увы, не достаточно. Найдите способ ускорить производство, прошу вас.

Лицо министра потемнело, на лбу выступили крупные капли пота, которые он стёр лихорадочным движением бледной узкой ладони.

- Товарищ председатель, я... Тут даже не поможет, если я и мы все встанем к станкам прямо сейчас.

- Понимаю, но техника нужна

уже сейчас. Если противник осознает, что мы выигрываем, то просто сотрёт Россию с лица земли. По данным генштаба, мы сможем имеющимися у нас на данный момент средствами перехватить две из шести боеголовок, которые прилетят из-за океана и Европы. И для того, чтобы ударить быстро, нужна новая техника. Думайте, Аристарх Степанович, думайте как это выполнить.

Бывший учёный, кабинетный профессор, вдруг склонил голову. Казалось, мои слова вдавили его в жёсткий стул так, что Раковский стал чуть меньше ростом. Но когда мгновение спустя, его взгляд снова

встретился с моим, он спросил слегка осипшим голосом:

- А если мы сможем... если я найду способ... Мы победим, Алексей Макарович?

Что можно сказать тому, кто отчаянно верит в чудо? Врать такому человеку нельзя, как не нужно показывать своей внутренней неуверенности. Если смерть рядом, грань между возможным и не реальным часто очень зыбкая вещь.

- Если бы я сомневался в том, что могу это сделать, то бы не требовал от вас того, о чём мы только что говорили, товарищ Раковский. Победа, это не дело для одного, её создаёт общество, которое желает

ВЫЖИТЬ.

Раковский обменялся взглядами с министром сельского хозяйства Котельниковым. Что-то в их взглядах изменилось на короткий миг и они не сговариваясь поднялись со своих мест и бывший профессор ответил за двоих:

- Есть возможность переделать захваченные у противника передвижные ремонтные станции. Они насыщены автоматикой, а у нас есть талантливые ребята, которые смогут э... реорганизовать уже имеющиеся у нас поточные линии сборки. Рабочих рук понадобится вдвое меньше, монтаж возьмут на себя китайские специалисты, но

сборка по агрегатам скроет всю картину, технология останется при нас.

...После того, как разбитые силы Коалиции начали откатываться всё дальше на Запад, к нам в руки попало очень много трофейной техники, оружия, боеприпасов. Но самым ценным оставалась обширная вспомогательная база: продовольственные, вещевые склады и хранилища запчастей, резервуары с горючим. Трофейные грузовики и джипы прочно вошли в обиход тыла, так что освоение трофейной ремонтной техники вполне логично и может стать реальным выходом из положения. Верное решение как

всегда находится перед глазами, нужно только понять, куда смотреть.

Раковский замер на полуслове, в кабинете повисла напряжённая тишина. Чтобы не длить неловкость, я вернул разговор в нужное русло практических цифр:

- И каковы сроки?

- Шесть с половиной недель, товарищ председатель. А с учётом быстрого восстановления транспортных магистралей Транссиба, этот срок можно будет сократить ещё на четверо суток.

Видимо идея уже ими обсуждалась, но как мне думается, это даже не авантюра. Скорее всего сырой план, родившийся спонтанно,

как всё гениальное. Если мы получим новую технику в указанный срок, но к тому времени, как первый этап наступления истощит наши резервы, это окажется своего рода тузом в рукаве. Вторая волна наступления не остановится на рассчитанном рубеже и вместо Нижегородско - Тверской линии, мы выйдем на соединение с окруженцами из Питера на северо-западе, а на юге сможем помочь генералу Тропинину не только вырваться из окружения, но и контратаковать зарвавшихся турок.

- Добро. У вас есть любая помощь, которую государство может предоставить. Приступайте,

товарищи.

После короткой процедуры прощания, министры вышли, переговариваясь в полголоса. Видимо детали нового проекта давно витали в воздухе и рвались наружу. Как только за ними закрылась дверь, я откинулся на спинку кресла и сидел так до тех пор пока голос адъютанта не заставил открыть глаза. Простое действие далось с ощутимым трудом, боль снова вступала в свои права, лекарства как всегда проиграли.

- Совещание генерального штаба через три минуты в командном центре, товарищ главнокомандующий.

Сглотнув горькую и вязкую желчь подступившую к самому горлу, я нащупал костыль стоявший справа возле стола и привычным усилием поднялся на ноги. Скрипнул протез, боль обдала кипятком мозг.

- Иду, Костя...

...Путь через два коридора к лифту и снова через переход по плоским ступеням вниз, на этот раз давался легче. Костя шёл чуть позади, готовый подхватить если нужно. Может быть его присутствие даёт некий стимул не распускаться, давить слабость. Высокая бронированная плита двери с лёгким гудением отошла в сторону, приглушённый свет

люминесцентных ламп мягко окутал всё вокруг. Шуршат кондиционеры, над тремя рядами столов висит неровный гул голосов. Восемь операторов непрерывно стучат по клавишам компьютеров, а впереди мерцает плоский экран во всю стену, это наша новая оперативная карта. Знакомая топография Уральского хребта, а чуть западнее — тёмно-оранжевое пятно покрывающее псковскую, новгородскую и московскую области. Там враг применял все виды оружия массового поражения, какие только смог. Интересно, сможем ли мы когда-нибудь снова строить там города, пить воду из рек и не прятаться от

дождя?..

- Товарищи офицеры!..

... Все, кто занимался своей работой и вносил данные по обстановке на фронтах, остались сидеть. К нам повернулись только начальник генштаба Греков и двое командующих направлениями — генерал-полковник Алтуфьев, который отвечал за юг и генерал-лейтенант Лобов, командующий центральным и северо-западным участками. Снова прошуршал сквозняк и в зал вошёл командующий авиацией генерал Примак. Он как всегда был в лётном комбинезоне, с пилоткой заправленной под плечевую клапан. Пётр Николаевич как всегда

стремительно кивнул и потянулся было за пилоткой, но я остановил летуна и тот молча встал рядом с другими докладчиками. Контр-адмирал Никифоров как всегда был доступен по видеоканалу. Он всё ещё принимал авианосец, следил за тем, как прошли довооружение вновь обретённого корабля и пополнение экипажа. Василий Павлович Греков, наш военный гений, стоял как обычно с указкой у экрана и слюнявя палец что-то дописывал в свою старую записную книжку. Я прошёл к столу находящемуся у левой стены и сев в придвинутое адъютантом кресло сказал:

- Начнём товарищи. Василий

Палыч, что ты там опять приготовил нашим зазнавшимся оппонентам? Всыплем им на этот раз или как?

- Кто кому подкинет леща, покажет время, товарищ главнокомандующий. План мы разработали толковый, разрешите по порядку?

- Разрешаю, излагайте.

Греков вплотную подошёл к экрану и снова нацепив на голову наушник с микрофоном начал излагать своим дребезжащим старческим басом:

- Ситуация после завершения наступательной операции «Снегопад», пришла к некоему подобию равновесия, на

центральном направлении. Более того, за счёт высвободившихся ресурсов, мы смогли помочь окружённым частям бывших Западного и Южного ОСК. Я говорю об армиях генерал-полковника Шепетова на западе и конечно армии генерала Тропинина, на юге. Кроме этого в оперативном тылу противника и глубинных тыловых районах оккупированных территорий страны, организовано более пятидесяти партизанских соединений. Руководством шестого управления ГРУ, осуществляющего работу с зафронтовыми формированиями ополченцев, спланирован ряд острых акций в

тылу противника. И начата реализация плана под кодовым наименованием «Тёплый приём», по физическому устранению командиров низшего и среднего звена вражеской армии и частных военных компаний. Партизанами уничтожено значительное количество живой силы противника, а так же бронетехники, стационарных пунктов связи и снабжения. В нужный момент, по сигналу «Пелена», ополченцы выступят. Их действия будут скоординированы с командованием передовых частей регулярной армии.

- Шепетов, это тот, что до войны возглавлял управление тыла

западного ОСК?

- Так точно, товарищ командующий. Лично мы не знакомы, но войска под его руководством взяли под свой контроль спорные участки под Рыбинском. Сейчас ими занят важный стратегический узел — посёлок Ветлужский. Это в трёх десятках километрах от Нижнего Новгорода. Особо отличился 4-ый корпус полковника Рябушкина, его танки перерезали линии снабжения группы французско-германского контингента. Есть договорённость, что за сутки перед нашим генеральным наступлением, Рябушкин ударит в тыл

развёртываемой под Нижним группировке бригадного генерала Филипса, которая составляет основную часть оперативного резерва группы «Центр». Это спутает расписание противника и собьёт темп на направлении главного удара.

- Кто командует операцией у американцев?

- Четырёхзвёздный генерал Холлистер Бриггс, если переводить его звание на наш манер, то генерал армии, вы с ним в одном звании, Алексей Макарович [41]. Разведка знает больше, но по его ответным мерам на манёвр Рябушкина, могу сказать что он умом не блещет. Вместо того, чтобы блокировать

прорвавшуюся группу противника и уничтожить вырвавшиеся вперёд ударные части 4-го корпуса, он всего лишь ограничился выдвижением тыловых заслонов мотопехоты, состоящих из наёмников и сводных частей, отведённых с фронта на переформирование.

- Он не видит угрозы транспортным магистралям, это странно.

- Противник действует в рамках директивы от первого ноября. Согласно ей, у нас нет регулярной армии, а все кто противостоит войскам Коалиции на фронтах — лишь разрозненные и деморализованные окруженцы.

- Высокомерие?

- Трудно сказать наверняка, Алексей Макарович. Думаю всё дело в директиве 04582 выпущенной американским госдепартаментом сразу после осеннего поражения.

41 На самом деле, в американском табели о рангах есть звание "general of army". Однако это звание является специальным, что-то вроде генералиссимуса или маршала и в общем-то Греков правильно трактует звание Бриггса.

...Иногда создаётся такое впечатление, будто враг сам хочет быть побеждённым. В упомянутой начальником генштаба директиве говорится, что октябрьское

поражение является ни чем иным, как тактическим манёвром, военной хитростью. Вместо того, чтобы признать ошибку и мобилизоваться, Коалиция решила опять игнорировать очевидное положение вещей. Безусловно, пока у них есть все основания для подобной уверенности: армия сильна, стратегическая инициатива всё ещё находится на их стороне. Тех, кто думает иначе никто не слушает.

- Согласен, продолжайте Василий Палыч.

- Оперативный замысел противника прост и в иных обстоятельствах был бы весьма эффективен. На направлении

главного удара Златоуст-Первоуральск, американцами искусственно ослаблена линия обороны, дабы наши передовые части без усилий смогли пройти под Пермь и Уфу.

Греков сделал два резких выпада указкой и к названным городам потянулись две красные стрелы.

- Как только части первой и второй ударных армий центрального фронта под командованием генералов Жаркова и Чикишева выходят на оперативный простор и разворачиваются для дальнейшего наступления и нанесения деблокирующих ударов на Ижевск, американцы планируют вывести им

в тыл три усиленные бронетехникой бригады «страйкер», рассредоточенные на «крыльях» уральского хребта. Одновременно будет нанесён массированный ракетно-бомбовый удар по нашим наступающим частям. После этого, американцы перехватывают инициативу и активно взаимодействуют с экспедиционными силами, чья массированная выброска планируется тогда же — пятнадцатого декабря.

- И что вы придумали на этот раз?

Водянистые глазки Грекова лукаво блеснули из под белёсых

бровей. Сейчас он неуловимо напомнил мне самого умного из трёх поросят.

- Ну прежде всего, экспедиционным силам на Аляске нанесён серьёзный ущерб. Из-за свирепствующей там эпидемии гриппа, войска потеряли боеспособность и высадиться в указанных в плане районах они не смогут.

Старик резко шагнул вправо и ткнул указкой вверх. На карте мгновенно отобразились стрелки идущие в обход горных массивов, вдоль побережья Баренцева моря. Узкие красные стрелы шли прямо в центр Большеземельской тундры,

обежали Тиманский кряж и Северные увалы.

- Генштабом, совместно с третьим управлением ГРУ, которому поручена стратегическая разведка, разработана операция «Белая пелена». Суть её заключается в доставке посредством нескольких диверсионных групп компонентов комплекса «Салют ИПП- 2М» на указанные возвышенности.

Изделие о котором говорит Греков, было обнаружено в одном из спрятанных в Саянских горах хранилища ядерных боеприпасов. По сути, это активный постановщик помех, работающий в настраиваемом диапазоне. Иными словами, можно

забить каналы связи противника, сохранив собственные возможности управления войсками. Устройство разбито на носимые компоненты по виду и весу не более трёх килограмм каждый. Чем больше компонентов развёрнуто тем выше зона покрытия и мощнее сигнал...

- В момент, когда передовые части войск центрального фронта минуют третью линию обороны противника, по всем каналам связи пройдёт сигнал «Пелена». Это будет означать, что в течение минуты, все подразделения переключатся на выделенные заранее рабочие частоты обмена данными. В генштабе и у командующих высшего и среднего

звена будет развёрнута дублирующая аппаратура, так что фактически перебоев в получении данных не будет. В частях непосредственного действия это не представляется возможным из-за ограничения их мобильности, поэтому там предусмотрен подробный план действий в отрыве от командования.

...Риск в такой схеме определённо существует, но противник будет находиться в ещё более худшем положении: связи не будет вообще никакой. Специалисты из шестого управления ГРУ, отвечающие как раз за средства киберразведки и связи, говорят что «Салют» сконструирован таким

образом, что лишит противника возможности управления войсками на двадцать минут гарантированно и до трёх часов с вероятностью 83%.

- Одновременно с началом действия помех, мы нанесём комбинированный удар по средствам управления войсками противника, его дезорганизованным наземным силам, под Ижевском, на Аляске и авианосной группировке в районе Филиппин, которая к тому времени будет связана боем с нашей авианосной группой под командованием контр-адмирала Никифорова.

...Совместно с китайскими и индийскими специалистами,

флотским удалось в короткий срок привести авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов» и ракетносец «Варяг» в боевую готовность. С ними в море выйдут все наличные силы Тихоокеанского флота, однако же против американской эскадры насчитывающей более полусотни вымпелов и имеющей в качестве основных боевых единиц два новейших атомных авианосца, это будет мизер. Противник имеет двукратный численный перевес и некоторое техническое преимущество в средствах РЭБ и спутниковой разведки.

- Группа подводных крейсеров под командованием капитана

первого ранга Солончака, уже более сорока часов находится в заданном квадрате и в нужный момент произведёт ракетный удар по кораблям противника, имея приоритет на уничтожение авианосцев и базы флота на Филиппинах, а так же инфраструктуры НАТО в Европе и самих США. По расчётам аналитиков генштаба, подлодки имеют 95% вероятности уничтожения первоочередных целей.

Греков не удержался и хмыкнув в кулак, снова шагнул чуть вперёд и нацелился указкой на узкую полосу земли далеко на севере.

- Два месяца назад, в район

Новой Земли нам удалось эвакуировать остатки разгромленного противником Северного флота. На данный момент это один вертолётоносец «Мистраль», два больших противолодочных корабля, восемь эсминцев и одна атомная подводная лодка. В момент получения сигнала «Пелена», они выдвинутся в район Канинского полуострова и нанесут дислоцированному в Северодвинске флоту противника поражение всеми имеющимися средствами. Одновременно будет выброшен десант в районе наспункта Койда. Недавно сформированная штурмовая бригада морской пехоты осуществит

марш-бросок с целью создания плацдарма на рубеже Ключевая - Пинега- Лешуконское. Морпехов поддержат с воздуха бомбардировщики и штурмовая авиация второй воздушной армии генерал-майора Абрамова. Под их прикрытием в районе наспункта Пинега, десантируется 28-ая и 46-ая десантно-штурмовые бригады, из состава созданной недавно 1-ой армии Сил быстрого развёртывания, усиленные артиллерией и танковым полком. Войскам поставлена задача с ходу развернуть наступление на Архангельск и обеспечить подход кораблей Северного флота. По расчётам генштаба, корабли

противника дислоцированные в Северодвинске, имея угрозу уничтожения попытаются выйти на оперативный простор Баренцева моря, с целью укрыться в Норвегии. Поэтому, десантники генерала Николаева имеют в составе бригад по два дивизиона ракетных установок «Триумф», доставка которых имеет приоритет. Размещённые вдоль береговой линии, установки позволят нанести группировке противника гарантированное поражение. Таким образом, командование войсками Коалиции будет либо уничтожено, либо пленено. Последнее относится на усмотрение Госкомитета обороны

и лично ваше, товарищ командующий.

...Вопрос о том, как дальше поступать с пленными американцами и наиболее преданными им союзниками не возникал. Приказ номер 401, от второго сентября недвусмысленно предписывает расстрел на месте или после снятия показаний. Исключений для генералов спрятавшихся на плавучем штабе ВМС США «Миннесота», я делать не собирался. Потом, после того как и эта война завершится, будет суд, но только для тех из агрессоров кому повезёт выжить.

- Специально никому пощады не

давать. С выжившими поступать согласно директиве ГКО 401. Доведите это ещё раз до всего личного состава армии, флота и военно-воздушных сил.

...На окончании фразы, мы пересеклись с Грековым взглядами. В глазах старика не было возмущения или несогласия, скорее там была толика сочувствия и понимания. Если мы победим, война кончится и снова наступит мир. Уцелевшие заведут детей, пройдёт много времени и может случиться так, что я стану кровавым тираном, а напавшие на Россию американцы, французы, англичане, поляки и прочие чехи — гуманистами и человеколюбцами.

Моё имя вымажут дерьмом, прах
вытряхнут из гроба и всякий кому не
лень станет глумиться над
солдафоном залившим кровью весь
земной шар. Сейчас это звучит дико,
но к сожалению это уже было в
русской истории раньше, может
быть повторится снова. И всё же я не
отступлю, глаза не закроются и рука
не дрогнет, покуда жив хоть один
враг. Ну а когда нечисть сгинет,
пускай говорят и пишут всё, что
заблагорассудится. Время всё
расставит по своим местам, каждому
воздастся по делам его.

- Будет исполнено, товарищ
командующий. Разрешите
продолжать?

Надтреснутый голос Грекова прозвучал немного глуше, чем обычно. Однако штабисты и даже внимательный Костя упустили этот тонкий момент между нами, все они занимались чем-то своим.

- Да, Василий Палыч. Извини, что перебил.

Греков снова отступил к середине карты и откашлявшись продолжил. Указка в его руках ни разу не дрогнула:

- Группа истребителей малой заметности с противоспутниковым оружием нанесёт удар так же с получением сигнала «Пелена». Особая группа штурмовой авиации и дальних бомбардировщиков будет

работать по системе дальнего и ближнего радарного обеспечения противника. Таким образом, мы рассчитываем ослепить и оглушить противника окончательно. Согласно прогнозам аналитического управления генштаба, войска Коалиции будут лишены большей части радаров и средств оповещения в пределах нынешнего театра военных действий. А также на большей части Восточной Европы, Франции и ФРГ включительно.

-Как быстро они смогут восстановить связь?

- В полном объёме, только через десять суток. Частичное восстановление оперативной связи —

сорок восемь часов, но это предположения аналитиков. Однако времени вполне хватит для того, чтобы разгромить группировку на равнине и дать артиллерии подрезать «крылья» Уральского хребта. Более того, в последующие трое-четверо суток, мы сможем завершить деблокаду южной и северо-западной групп войск, а так же перехватить стратегическую инициативу.

- Что ваши аналитики говорят об ответном ударе американцев, в случае разгрома их группировки?

- Вероятность нанесения ядерного удара возрастает, однако Нина Ивановна Яровая заверяет, что её люди совместно с китайскими

товарищами готовят президенту Оруэллу и его генералам неприятный сюрприз в самих Соединённых Штатах. Плюс, наши специалисты частично восстановили то, что уцелело от российского оружия ответного удара. Мы узнаем если американцы запустят ракеты и мы сможем ответить. Думаю, вероятность обмена ударами «последнего шанса», сводится к процентному соотношению тридцать восемь «за» к шестидесяти двум «против».

...И каждый раз, как только решается очередная сложнейшая задача, её место тут же занимает новая. Только-только наметился

перелом в войне, а уже впереди маячит новый труднейший выбор. Военный опыт прошлых лет недвусмысленно говорит, что мало отбросить врага. Для того чтобы не разменять результаты тактических побед, требуется достижение максимального превосходства и окончательное уничтожение даже отступающего противника. Но с другой стороны мы уже воюем на пределе собственных сил, а грядущее наступление заставит перешагнуть и эту тонкую грань между допустимым и невозможным. Как вести войну за свободу, если радоваться ей будет практически некому? По последним подсчётам, на этот раз количество

жертв превысило шестьдесят миллионов человек. Геноцид устроенный американцами и их прихлебалами унёс миллионы драгоценных жизней, оставил пустоту, которую очень трудно будет заполнить. Даже если европейцы струсят и захотят переговоров, я не имею права их начать. Враг опомнится, спланирует очередную подлость и тогда уже Россия исчезнет с карты мира окончательно. Резкая боль снова вернула меня к реальности. Нашарив прислонённый к столу костыль я поднялся и повернувшись лицом к вставшим следом офицерам сказал:

- Это не должно останавливать

нашего продвижения к государственной границе России на Западе. Товарищи офицеры и генералы, прошу внимания. От имени ГКО Российской Советской Республики и всех наших граждан, я приказываю приступить к разработке плана «Возмездие». Врага нужно бить, пока он не опомнился. Бить в Европе, не давать ему покоя на его собственной территории. Товарищ Греков, ответственным за разработку общего плана операции назначаетесь лично вы. Любая поддержка со стороны госкомитета вам гарантированно будет предоставлена по первому требованию и незамедлительно.

...Слова были произнесены.

Невидимая окружающим ледяная волна окатила меня с ног до головы. Даже боль в ампутированной левой ноге утихла, настолько ощутимым стал груз ответственности который пришлось взять. Очень давно, я видел как во время состязания тяжелоатлетов, знаменитый советский чемпион Леонид Жаботинский борется с рекордным весом на помосте. Подходит, и сначала мысленно берёт вес. Просчитывает каждое своё действие, ибо случись ошибка — все годы тренировок, все усилия будут напрасны. И вот сейчас я, вместе со всем остальным русским народом

подходим к непосильной ноше, которая либо покорится, либо задавит.

Попрощавшись с офицерами и пожав руку Грекову, я как мог бодро, вышел из командного центра. Снова лифт, длинные коридоры и сражение с накатывающей волнами острой болью. В кабинете, за фальшивой стенкой оборудована комната отдыха. Правда, это очень громко сказано: та же походная раскладушка, застеленная тощим матрасом, с зелёным казённым одеялом и плоской маленькой подушкой. Костя хотел поставить диван, но на мягком я ни разу не смог уснуть нормально. Сила привычки, наверное. Не

раздеваясь, поставив костыль у изголовья, ложусь навзничь и замираю без движения. Сначала отступает боль, а следом приходит глубокий, похожий на обморок, сон.

Россия, 27 ноября 2011г. 16.45 по местному времени. 139км юго-восточнее линии непосредственного соприкосновения с силами Коалиции. Временный пункт дислокации 80-ой мотострелковой бригады 2-ой ударной армии вооружённых сил Советской России. Боец второго взвода отдельной разведроты, младший сержант Антон «Ропша» Варламов. Мы поедem, мы помчимся, на оленях утром

ранним...

...Из всего лица комроты капитана Хамидулина, я сейчас видел только макушку. Сально блестящие тёмные волосы в нитях ранней седины изредка сверкали в неровном свете лампочки. Обёрнутая выцветшей страницей из какой-то газеты, она светила жёлтым, печальным светом, но функцию свою скорее не выполняла: палатку окутали тёмные, почти чёрные тени, сжиравшие даже свет струящийся с экрана потёртого бронированного кофра тактического компьютера ротного.

- Ропша, что ты мне можешь пояснить по существу рапорта

майора Доронина? Он сообщает, что отделение под твоим командованием покинуло отведённый участок и отступило без приказа.

...Вот тебе и «нормальный мужик». Похоже, что мы с Михасём опять разошлись в оценке отдельно взятого мента. Нет, с формальной точки зрения он прав: приказ отдан, а позиция нами сдана. С другой стороны, не уйди мы в соседний дом, амеровская пехота зашла бы доронинцам во фланг. А так, есть кому строчить рапорты и даже виновник «позорного бегства» стоит пред светлы очи начальства, а не лежит кочерыжкой под кучей присыпанного ядовитым снежком,

битого кирпича...

- Журнал боевых действий и все записи камер бойцов, с моего тактблока - у вас на столе, товарищ капитан. Там всё. Запись действий отделения шла с самого начала операции, как положено по уставу. Виноват – накажите, я не прячусь и готов отвечать за каждое своё действие. Прошу только отметить, что бойцы выполняли мои приказы и ответственность полностью лежит на мне одном.

Хамидулин резко поднял лицо. И по мере того, как я говорил, выражение его менялось. При упоминании своего нового звания, он невольно лапнул возвращённые

недавно на плечи мятые погоны. Три «лейтенантские» звёздочки на них были старыми и почти вдавились в ткань, сливаясь с ней. А вот четвёртая — «капитанская» была прикручена наспех и выпячивалась не успев обтереться как следует. После того, как я упомянул записи боя, он было метнулся взглядом к экрану ноутбука, однако вспомнив, что уже всё изучил задолго до моего появления, покривил рот в досадливой гримасе. И совсем уже взбесило комроты моё геройство. Тут мы оба оказались заложниками ситуации. Он и я понимаем, что иначе командир штабной «спецуры», отписывался бы только о потерях. К

тому же, Хамидулин видит из записей, что я действовал по обстановке и отступил тактически грамотно.

- Сержант, чё ты мне лепишь! Знаю я, что спец выдрючивается и желает жопу прикрыть. Он вас умирать туда отправил. Про танки ему было известно, это факт жизни. То, что вы не устоите на позиции и вас там похоронят – тоже реально как божий день. Но мне-то что с этой грамотой делать, а?! Под трибунал хочешь?!

- Никак нет, товарищ капитан!..

Ротный, уткнувшийся было снова в экран ноутбука, откинулся назад, от чего спинка низкого

раскладного стула жалобно взвизгнула. Хамидулин упёрся злым взглядом в потолок и процедил сквозь плотно стиснутые зубы:

- Клоуны, бя! Вокруг меня одни, бя, клоуны!..

В моменты, когда ротный вот так злился, лучше выждать некоторое время. Некоторое время в палатке висела напряжённая тишина, было слышно, как по толстому брезенту шуршит зарядивший с самого утра мелкий и колючий снежок. Переступив с ноги на ногу, я сказал:

- Если разрешите, могу обратить ваше внимание на маленький нюанс, товарищ капитан...

Усталость снова взяла своё и

капитан проговорил уже едва слышным, скрипучим голосом:

- Ну так говори, не телись!

- Во время боя, с КП майора Доронина была потеряна связь. Поэтому я принял решение действовать по обстановке, что не является нарушением приказа товарища майора.

Осунувшееся, чёрно-серое лицо Хамидулина вдруг осветила простая человеческая улыбка и вместо сорокалетнего худого мужика, я увидел другого человека. Это был двадцатитрёхлетний учитель географии, каким этот парень бежал из разорённого амерами Кургана. Война и невзгоды старят людей.

- Ну это ж, другое дело, сержант. Всё, отправляйся к третьему КПП. Там дождись своего знакомого из автобата, поедете в тыл, поможешь разместить раненых. Но главное – доставишь документы в штаб бригады. Я предупредил начальника разведотдела, тебя будут ждать.

Ротный отстучал что-то на раздолбанной, отчаянно щёлкавшей клавиатуре ноутбука. Тактблок, висевший слева, почти подмышкой в специальном чехле, ощутимо завибрировал. Кинув мимолётный взгляд на дисплей, я увидел как ползёт заполняясь полоска индикатора загрузки.

- Вот, теперь на въезде в

расположение тебя тормозить не будут. Остальное прочтёшь в дороге. Заодно доставите раненых в полевой госпиталь. Из-за выброшенной к нам в тыл группы диверсантов их эвакуировали, так что теперь это цыганский табор...

На некоторое время, Хамидулин замолчал. Сложив локти на стол, он зажал голову меж заскорузлыми от въевшейся грязи обветренными ладонями и стал лихорадочно тереть уши. Потом вдруг замер так на некоторое время, затих. Однако, из-за моей полной непереносимости начальства, пересилил деликатность. Отчётливо кашлянув, я спросил:

- Разрешите идти, товарищ

капитан?

Плечи ротного вздрогнули, он дважды мотнул головой в знак согласия и пробурчал едва слышно:

- Иди-иди...

...Воздух снаружи был лишь немногим холоднее, чем в командирском обиталище. Единственным отличием был резкий, порывистый ветер, периодически швырявший горсти колючих снежинок прямо в лицо. Быстро отскочив на обочину, я нашёл глубокую утопанную тропинку и побрёл вдоль ряда палаток к видневшейся вдалеке мачте поднятого вверх шлагбаума КПП. Но буквально на полпути сообразил, что

если пойду туда сейчас, то рискую промёрзнуть окончательно в ожидании конвоя. Поэтому пришлось свернуть у разрытой гусеницами развилки и повернуть налево. Там, за ещё одним рядом палаток, гробились полукруглые крыши передвижной ремонтной базы мехбата. Отыскав среди вереницы разнокалиберной техники два грузовика и внедорожник с пулемётом в маленькой башенке на верху, пошёл в ту сторону. Сквозь налипшую грязь удалось различить знакомые номера на борту «тигра». Женька Селянинов умудрился выбить себе новую машину и даже присвоить ей тот же номер — 26. Я подошёл ближе, едва

избежав столкновения с бронетранспортером, мчащимся на полной скорости к выезду с базы. На броне его сидело человек шесть бойцов с ног до головы покрытых коркой копоти и грязи. Из открытого люка мехвода, неслись обрывки какой-то незнакомой мелодии. Про себя подумалось, что теперь и мы можем позволить себе не таясь ездить с музыкой по своей земле, а главное, к людям вернулась способность замечать что-то кроме голода и постоянного страха смерти. Когда видишь такое, невольно ощущается как чаша весов этой войны неуловимо качнулась в нашу сторону.

Ефрейтор обнаружился внутри крайнего от дороги ангара, из широко распахнутых ворот которого, доносился стойкий визг электродрели, что-то бухало и скрежетало. Я шагнул внутрь, невольно поддавшись порыву снять подшлемник. Особый жар разогретого металла, отработанной смазки, дизельного топлива, тот час же окутал целиком. Женька стоял у края «ямы», что-то доказывая невысокому чумазому мужику в засаленной коричневой спецовке. Поняв, что водила меня может не заметить ещё очень долго, я подошёл к нему вплотную и хлопнул по плечу. Женька оглянулся, оборвав разговор

на полуслове. Лицо его изменилось как только он разглядел кто перед ним стоит.

- О! Какие люди!.. Здоров, Старый!

Мы обнялись. Я привычно уже отказался от предложенной сигареты, на этот раз с фильтром и судя по маркировке – трофейным. Женька быстро закончил разговор с чумазым механиком и мы вышли на воздух. Начинало смеркаться, кое-где зажглись приглушённые из-за светомаскировки огни. Ветер перестал швыряться снегом, оставив после себя только лёгкую позёмку, катавшую серые крупинки по незамерзающим глинистым колеям

дороги. Остановившись возле броневика, Женька с гордостью похлопал машину по правому крылу.

- Гляди как удалось крутануться, пехота!.. Целый ящик консервированной ветчины и три бутылки не палёного вискаря отдал за эту красавицу!

Я тоже провёл ладонью по шероховатой броне пассажирской двери. Вообще, к машинам отношусь равнодушно. Нет этой тяги к моторам и прочему. Единственное, на подсознательном уровне люблю запах выхлопных газов. Это осталось с первой моей войны, где к нам прорвался одинокий БТР, вытащивший из окружения меня и

ещё человек десять. Запах выхлопа закрепился в подсознании как признак безопасности. Поэтому, почти искренне поддержал разговор:

- Поди вискарь-то за номер отдал?

Селянинов резко обернулся и перегнувшись через капот воскликнул:

- Э!.. Вот только давай без приколов про мои религиозные убеждения, Старый. Номер это как имя у человека, он на всю жизнь!

Мы залезли внутрь. Тут пахло той же смесью топлива, масла и пороховой гари. Сзади влез стрелок, молчаливый коренастый бурят, который только кивнул нам обоим и

не пристёгиваясь уселся в кресло оператора «спарки». Женька плавно тронул машину и мы поехали вдоль разбитой колеи, ведущей ко второму КП. Дабы обратить всё в шутку я спросил:

- И кто же твой бог, поди Шумахер?

- Я верю в счастливые числа, Старый. Числа, они никогда меня не обманывают. Вот сумма номера на жетоне говорит, что я умру ещё только через пятьдесят лет!..

Так мы перебрасывались ничего не значащими фразами ещё минут десять. За это время, наша маленькая колонна состоявшая из женькиного броневика и бортовой машины

везущей раненых, встала на обочине дороги. Солдат возле поднятой вверх палки шлагбаума пропускал приличную колонну бронетехники, медленно выползавшей на раскисшую дорогу. Неожиданно, водила грузовика оказался у женькиной двери и грохнув кулаком в стекло жестами показал куда-то назад. Недовольно бурча что-то себе под нос, Селянинов вышел наружу и скрылся вместе с приятелем. Я уже совсем было приготовился к новой порции ожидания, как водила вернулся и залез обратно.

- Там какая-то непонятка. Дежурный офицер тебя в караулке ждёт, поскольку командир на этом

поезде у нас сегодня ты, Старый.

- Ладно, сейчас...

Мысленно перебрав все причины задержки, я допустил самый невероятный оборот событий. От немедленного ареста, до отмены приказа ротного ехать в расположение штаба бригады. Может быть даже помыться получится. Тут же резко раззуделось недостижимое место на спине, которое никак не удавалось почесать. Задавив жгучее желание потереться о борт внедорожника, я быстрым шагом направился к будке караульного помещения. Собранный из лёгкого стального профиля, с плоской крышей и обрубком трубы, караулка

глядела на дорогу одним мутным «глазом» окошка из чего-то вроде оргстекла. Оббив боты от налипших пластов грязи о приставную лесенку служившую крыльцом, я вошёл. В караульном помещении, разделённом на две неравных половины низким ограждением с открывающейся внутрь дверкой, было достаточно светло. Голая лампочка под самым потолком светила прилично, но всё же в комнате стояло ощутимое марево, состоящее из смеси пригоревшей пищи, порошкового кофе, оружейной смазки, немытых тел и чего-то ещё.

Пройдя к составленному из снарядных ящиков столу дежурного

офицера, я только было собирался раскрыть рот, чтобы доложить, как задёрганный лейтенант говоривший о чём-то с другим офицером, сам встал навстречу и обращаясь больше к своему собеседнику кивнул в мою сторону:

- ...А вот и он, товарищ майор!

И обращаясь уже непосредственно ко мне, снова опустился за стол, лихорадочно настукивая что-то на клавиатуре ноутбука:

- Сержант, это майор Подлесный из штаба бригады. Он поедет вместе с вами.

Собеседник дежурного обернулся, мы обменялись

приветствиями. Первое, что бросилось в глаза, это возраст штабного офицера. За всё время, что воюю, никого старше тридцати пяти лет встречать не довелось. И партизанский опыт не в счёт, там действительно были разные люди. Но в армии сейчас только молодняк, который очень быстро взрослеет, однако по жизни это всё те же восемнадцатилетние ребята, а иногда и совсем ещё дети. Меня все тут зовут Старым, потому как мои тридцать восемь лет, это для большинства действительно глубокая старость. Так вот, майор этот действительно обогнал меня лет на десять, может быть чуть меньше.

Чуть выше среднего роста, худощавый и поджарый. Узкое, широкоскулое лицо с тонкими чертами, тонкие губы и цепкий, внимательный взгляд серых глаз. Одет не по-штабному: в обычную демисезонную «горку», комбинезон и разгрузочный жилет почти такие же грязные, закопчённые как у большинства фронтовых обитателей. Подсумки, притороченные по бокам и вдоль, сильно обтрепаны, а по виду автоматных магазинов можно сказать, что только два из восьми не пустые. Стойкий запах гари и пота, недельная щетина и перевязанная кисть левой руки, всё говорило о том, что человек совсем недавно был на

«передке». Единственное, что отличало майора, выдавая в нём кого-то особенного, это редкий в наших краях зверь - малоразмерная «девятка» [42]. У доронинских бойцов я видел один или два таких. Внешне, «девятка» напоминает обычный «чебуран»-АКСУ, но силуэт чуть короче, да и бьёт точнее за счёт использования особых девятимиллиметровых патронов. За это, собственно, его так прозвали. Пострелять из такого не довелось, однако 42 Имеется ввиду АК-9.Изделие представляет собой компактный автомат на базе состоящего в настоящее время на вооружении ВС РФ АК-74М. Для

стрельбы используются патроны типа СП калибра 9х39мм. Основное отличие от автоматов Калашникова – укороченный газоотводный механизм и ствол. Другое отличие – новая пистолетная рукоятка, обладающая значительно лучшей эргономикой. Цевье внизу имеет направляющие «пикатини», при помощи которых к оружию могут крепиться различные тактические фонари и лазерные целеуказатели. Коллиматорные или оптические прицелы по-прежнему крепятся к левой части ствольной коробки, как на АК-74М. Складной полимерный приклад так же остался без изменений. Полимерный магазин вмещает 20 патронов, как и в АС,

ВСС или ОЦ-14. Прицельная дальность стрельбы составляет 400 метров. К стволу может крепиться быстросъемный глушитель.

В данном случае, я вынужден привести только ТТХ и описание, ибо не могу с полным доверием или совершенно уж скептически отнестись ко всему слышанному об указанном образце.

раз его берёт спецпура, да ещё в рейд, значит штука надёжная.

Взгляд этого необычного штабного напомнил одного моего знакомого из прошлой, довоенной жизни. Звали его Сергей, после армии он пошёл служить в ментуру. По жизни, был он общительный и

весёлый, поэтому я очень удивился переменам, когда мы снова встретились лет через пять. Походка и все движения стали напоминать виденных мной не раз вблизи волков. Осторожная и вместе с тем уверенная, напружиненная походка, а главное — тот же цепкий, колющий взгляд. Как я понял позднее, Серёга служил в уголовном розыске. Общения нормального не получилось, после той встречи на душе остался неприятный осадок. Вскоре, его подстерегли у подъезда дома, где он снимал квартиру и зарезали. Тогда я пожалел о том, что не смог найти нужного тона и мы чуть не разодрались. Но задним

числом ничего не поправить. Чёрт, вот как же мне «везёт» на встречи.

- Товарищ лейтенант, по инструкции я не могу брать попутчиков без приказа командира роты капитана Хамидулина, или моего взводного - лейтенанта Машанова.

Дежурный совсем было открыл рот, но штабной неожиданно открыто улыбнулся и миролюбиво сказал, обращаясь к лейтенанту:

- Всё нормально, Барыбин, сейчас уладим этот казус...

Отойдя чуть в сторону, Подлесный опустил блямбу нашлемного визора так, что она закрыла левый глаз и что-то начал

набирать на невидимой нам виртуальной клавиатуре. Через несколько минут, приказ обновился и мы вдвоём вышли из караулки. На лагерь опустились ранние осенние сумерки, усугублённые тем, что снова пошёл снег. По ощущениям, это были осколки дроблёного стекла, уколы которых чувствовались даже задубелыми участками кожи на скулах. Майор забрался в десантный отсек внедорожника, сноровисто расположившись на свёрнутой в тугой тюк масксети у левого борта. Я снова занял место рядом с водителем. Женька завёл машину и «тигр» резво скакнул вперёд, прямо под неопускаемую жердь шлагбаума.

В дороге майор вёл себя спокойно, даже флегматично. Как только мы отъехали на пару километров от лагеря, он удобно устроился на импровизированной лежанке и заснул. Серое, осунувшееся лицо его было спокойным, однако это всё только внешняя сторона. Тут я подумал, что сейчас просто смотрю на себя со стороны. Тяжёлая, чёрная дремота в которую проваливаешься при любом удобном случае, это скорее обморок. Нет сновидений, нет отдыха после пробуждения. Женька хотел было рассказать одну из шофёрских историй, которые обычно позволяют коротать дорогу, но я почти его не

слушал, отвечая невпопад и он тоже замолк. Мы ехали в полном молчании до самой Деевки – посёлка, избежавшего уничтожения во время оккупации по чистой случайности. Там, вокруг группки трёхэтажных каменных домов обустроился штаб бригады и база инженерно-сапёрного батальона. Однако, когда наш небольшой отряд подъехал к КПП, то мы оказались в длиннющей очереди, состоявшей из разномастной техники. Женька с матюгами пристроился в хвост грузовику с закрытым наглухо брезентом кузовом и перевёл движок на холостой ход. Теперь встряли как минимум на пару часов. Очередь до

заветной калитки тянулась вперёд метров на тридцать, или около того. Лучше будет разбудить майора, если он действительно торопится, на своих двоих доберётся быстрее. Я обернулся назад и громко позвал:

- Товарищ майор, приехали!..

Штабист в тот же миг открыл глаза, в которых не было ни грамма той сонной мути, которая обычно плавает во взгляде разбуженного человека. Отерев лицо пятернёй, майор быстро глянул мне за плечо и подобрав с полу свой тощий РД [43], уточнил совсем не сонным голосом:

- Это действительно надолго. Ну, тогда пешком будет быстрее. Спасибо, что подбросили, сержант.

Когда дверь за майором закрылась, Женька ещё некоторое время смотрел ему в спину. В прищуренных глазах водилы я читал настороженность пополам с досадой.

- Эй, колесничий, ты чего так возбудился на штабного?

Селянинов словно бы очнувшись, оторвал взгляд он исчезнувшего из рассеянного света вереницы машин офицера.

- Мутный он какой-то. Вот как тот пластун, который нас чуть в городе не угробил. Смотрит на тебя этот комбинатор, а сам чего-то выгадывает, крутит. Будто и не человек перед ним, а пешка там, или лошадь 43 РД – рюкзак десантника.

Немного напоминает туристический рюкзак на раме, отличается от гражданских моделей лишь специфическим окрасом и наличием специального набора функций укладки.

шахматная. С такими хоть в бой, хоть в сортир – один хрен в говно вляпаешься.

- Думаешь, вот две такие важные птицы: шофёр и окопная «махра», что целый майор за ними шпионить пришёл?

Лицо ефрейтора вдруг побледнело, что при зеленоватом освещении приборов выглядело слегка жутковато. Он быстро взглянул в мою сторону и ответил всё тем же глухим

ГОЛОСОМ:

- Ты мне там, на «передке» жизнь спас, из-под смерти выдернул. Хотя понятно, тоже чего-то мараковал и выгадывал. Но только это потому, что выхода у тебя нема: либо исхитришься, либо прихлопнут.

Женька сноровисто нашалил в боковом кармане бушлата мятую пачку сигарет и вынув одну зубами, прикурил от неизменной золотой зажигалки. Потом увидев, как я поморщился, включил кондиционер и приоткрыл дверь со своей стороны. Дым вытянуло наружу, запахло уличной сыростью и выхлопными газами. Жадно добив первую сигарету почти то края тёмно-

коричневой кожи на пальцах, он сноровисто выудил следующую и подкурив от окурка продолжил:

- А эти... ну, такие как Доронин и этот майор... Они маракуют и комбинируют потому, что по-другому не умеют. Такой и по жизни втравит в историю, если выгоду увидит.

Своя правда в словах Женьки, безусловно, присутствует. Особенно остро это ощущается на грани, когда жизнь мгновенно переходит в смерть. Сознание ищет способ объяснить то, в чём вообще нет человеческой, житейской логики. И тогда мы ищем крайних: злое начальство, скверная погода, тотальное личное невезение.

Поэтому я возразил:

- Жизнь имеет изнанку, колесничий. Есть те, кто идёт прямо, а есть другие, кто идёт впереди нас и стережёт сзади, чтобы нам никто не ударил в спину.

Глаза водилы зло вспыхнули, на скулах вспухли желваки, явственно слышался скрип зубов и окурок задрался тлеющим концом вверх:

- А если вот такие же и бьют? Как тогда?!

Тоже прав, в разведотдел я своими руками везу вот такой же запоздалый тычок в спину, от человека схожей с майором Подлесновым профессии. Однако, дальше фронта не пошлют, это

правило действует ещё с той, почти забытой войны. В силу возраста, опыта и обстоятельств, наказание не волновало совершенно. Сбегу из-под ареста и снова пойду партизанить. Долго так повоевать не получится, но сколько выторгую у безносой – всё моё. Поэтому я лишь пожал плечами и ровным голосом ответил:

- Стерегись, не подставляйся. Мой дед говорил, что не всякий легаш, это обязательно сука. Везде есть нормальные люди, брат.

Водила с лёгким удивлением ещё раз пристально посмотрел на меня и крякнув с досадой выдал длинную матерную конструкцию, по поводу хитрожопых старпёров вроде

меня. Потом, немного уняв темперамент, опять спросил:

- А как тебе вообще показался этот мутный?

Держа в уме задумку с побегом, я посмотрел как заворочался впереди массивный зад грузовика и тяжёлая машина медленно поползла вперёд по дороге. И снова ответил совершенно искренне:

- Женя, мне в принципе всё равно. Пока это меня не коснулось, каждый пусть идёт своим путём. Заглазно про каждого человека судить не возьмусь...

...После довольно продолжительного ожидания и перебранки с задёрганным до

остервенения прапором из комендантской роты, который ведал пропуском транспорта через КПП, нам удалось въехать на территорию бывшего посёлка. Миновав ещё пару заторов, мы выбрались на северную часть посёлка, где расположился полевой госпиталь. Собственно, внешне ничем от обычных армейских палаток, госпитальные не отличались. Амеры использовали красные кресты как удобную мишень и не стесняясь какими-то нормами морали, использовали любую возможность пострелять. Поэтому, медиков укрывали ещё тщательнее, чем обычную, боевую часть. Искать никого не пришлось, видимо ротный

известил местное начальство о нашем прибытии. Едва наш маленький караванчик съехал с разрытой гусеницами основной дороги, отделявшее штабное хозяйство от госпитального, как к нам уже спешили шестеро санитаров. Их легко было узнать по чёрно-бурым от копоти и крови халатам, одетым поверх обычной полевой формы. Приземистый, коренастый бурят в сбитой на затылок ушанке подбежал ко мне:

- Старший лейтенант медслужбы Шуфенков! Нормально «тяжёлых» довезли, никто не помер?..

- Младший сержант Варламов.

Доехали без потерь, товарищ старший лейтенант. Куда встать на разгрузку?

Шуфенков махнул рукой своим людям и те стали подходить к нашему грузовику, двое сноровисто забрались в кузов. Тут же, наших раненых перекладывали на госпитальные носилки, а наши складывали рядом с машиной, выбрав место почище. Где-то с полчаса ушло на разгрузку, лейтенант, оказавшийся помощником главного хирурга, занялся формальностями. Что-то опять забуксовало в бюрократической машине и Шуфенков попросил времени до утра. Главная медсестра

сейчас была на выезде, поэтому всё затягивается до утра, а именно, до ноль восьми. Ситуация выглядела хреново, ибо главным заданием оставался доклад начальнику разведотдела. И сделать это следовало сразу по прибытии, а с КПИ скорее всего уже сообщили, что мы прибыли в расположение штаба. Неожиданно выручил водила. Селянинов вызвался уладить всё в госпитале, тем более я заметил, как он о чём-то шептался с одним из санитаров.

...До третьего по счёту от развилки трёхэтажного дома, где размещался разведотдел бригады, я добрался когда окончательно

стемнело. Проходы между палатками, окружавшими обычные дома, кое-где освещались химическими светильниками, дававшими очень слабый синеватый свет. Окна дома тоже были частью забиты картонными и деревянными щитами, частью занавешены плотными тряпками. Второй вариант превалировал на втором и третьем этажах. Обогнув дом кругом, так как выйти сразу к фасадной стене выйти не удалось, я назвал одному из часовых у входа пароль и вошёл в подъезд. Внутри было светло, а вход на лестницу перегородивал обшарпанный канцелярский стол, за которым сидел капитан в верхней

одежде и о чём-то остервенело орал в телефон. Голос офицер давно сорвал, поэтому вместо крика выходил злобный, малоразборчивый хрип. Когда я попытался обратить на себя его внимание, капитан молча указал на мой коммуникатор и без дальнейших разговоров прошла процедура сверки личности. Потом, капитан так же небрежно махнул рукой в сторону лестницы и привстав, дёрнул за край стола.

- Второй этаж, вторая дверь по диагонали с левой стороны, квартира четырнадцать...

Протиснувшись сквозь вереницу бегущих вверх-вниз людей, я поднялся на неожиданно

пустовавшую площадку второго этажа. Открыв неплотно притворённую стальную дверь, потускневшей от копоти, попал в скудно освещённую прихожую, обычной малометражной квартиры. В гостиной было накурено так, что голоса людей было слышно раньше, чем удавалось их разглядеть. Я подошёл к столу заваленному какими-то бумагами и у лейтенанта с отсутствующим взглядом узнал, что мне нужно снова выйти в коридор и постучать в закрытую дверь ванной. Но дверь оказалась не заперта. Пройдя через забитую мусором до потолка ванной и оказавшись в бывшей квадратной кухоньке, увидел

знакомое лицо. За узким столом на кривых ножках, сидел давешний наш попутчик. Скинув бушлат и накидку, лежавшие на коротком подоконнике, майор что-то выстукивал на клавиатуре ноутбука. Подняв на меня светлые, внимательные глаза, чуть улыбнулся одними уголками губ и сказал:

- Присаживайтесь, сержант. Ждал вас не раньше утра, но раз пришли – давайте сразу к делу.

Я набрал код на пульте своего коммуникатора и через пару мгновений тот пискнул, подтвердив передачу зашифрованного пакета данных. Майор некоторое время просматривал видео с камер моих

бойцов, потом ещё минут двадцать изучал записи в журнале БД. Попутно вынув пачку сигарет с фильтром и ловко хлопнув по днищу, предложил угощаться. Поблагодарив, я отказался, тогда майор закурил сам, добыв огня из обычной пластиковой зажигалки, а потом спросил:

- Почему вас все зовут «Ропша», сержант?

- Это прозвище счастливое, товарищ майор. Помогло выжить другу моего деда и мне тоже пока везёт.

Лицо особиста немного дрогнуло, во взгляде промелькнуло удивление. Откровенности он явно не ожидал, а то, что я сказал

искренне, майор почувствовал сразу. Это был очень опасный человек, теперь понятно, от чего Женька так на него озлился. Водила ощутил рядом пронизательного человека при власти, а шустрилы вроде Селянинова таких терпеть не могут.

- Только что просмотрел запись нападения на колонну бронетехники, которую вы спланировали. Как вы поняли, что грузовик нужно выделить в качестве приоритетной цели?

- Главной целью были солдаты в кузове. А про то, что так рванёт, я не знал. Груз не выглядел необычно.

Майор кинул мимолётный взгляд на экран ноутбука и едва

заметно кивнул, видимо в такт каким-то собственным рассуждениям. Затем, он решительно погасил почти целую сигарету и снова спросил:

- Согласно рапорту командира отряда специальной разведки — майора Доронина, вы оставили свой участок обороны без приказа. Но рассмотрев все сопутствующие обстоятельства, я не склонен поддерживать его обвинения в ваш адрес...

Особист откинулся назад, наши взгляды встретились. Идя сюда, я настраивался на подвох, ждал обычного казённого беспредела. Но вот объективности... это был

настоящий сюрприз. Тем временем майор снова заговорил, тщательно подбирая слова:

- Отряд Доронина понёс серьёзные потери и выполнил свою задачу лишь частично. Как ни странно, но его работу сделали вы и ваши трое бойцов. Скажете, опять повезло?

При этом лицо майора опять дрогнуло и лёгкая тень улыбки снова смягчила резкие черты его лица. Поняв, что от меня ждут пояснений, пришлось отвечать:

- Скажу, что везение в нашем деле, это как вторая рука: решающей роли не играет, но без неё не обойтись.

- Хорошая аналогия, сержант. Я знаком с вашим личным делом, кое-что удалось проверить уже по нашим источникам. Получается, что вы человек с опытом, который можно использовать более эффективно. Что скажете, если мы направим вас в распоряжение второго управления ГРУ?

«Двойка» ведает всеми подразделениями фронтовой глубинной разведки. Нежданный мой «благодетель» Доронин, как раз оттуда. Предложение выходило заманчивым, но с этим атаманом нам каши не сварить. Либо он меня подставит, или я до него доберусь. В обоих случаях ничего хорошего не

жди. Глянув прямо на особиста, уточняю:

- В подчинение Доронина?

Видно было, что Подлесный раскручивает какую-то собственную комбинацию. И в принципе разгадывать тут нечего, следующий вопрос очевиден. Для диверсантов такого уровня как в «глубинке», наряду с творческим мышлением важно умение беспрекословно подчиняться приказу командира. Майор не подвёл, спросив то, что нужно:

- А если и так?

И вот, анкета подпорчена, не быть мне в элите, не отбелятся мои косточки. Так и останусь серой

махрой:

- Вынужден отказаться, товарищ майор.

Но разочарования во внимательном, с лёгким прищуром взгляде собеседника я не увидел. С таким лицом хорошо играть в карты. Ровным голосом он спросил:

- Причина?

Майор оказался хорошим, толковым мужиком, поэтому отгораживаться какими-то казёнными фразами, я посчитал неоправданной грубостью и ответил как есть:

- Мы несовместимы как командир и подчинённый. Пострадает прежде всего дело.

Играть на руку врагу, либо работать вполсилы я не согласен, товарищ майор.

Снова покивав каким-то своим мыслям, Подлеснов отстучал что-то на клавиатуре и снова внимательно глядя мне в глаза, сказал:

- Майор Доронин, скорее всего будет от командования отстранён. А о характере новой службы, вас известят завтра... Точнее уже сегодня, в ноль восемь тридцать. До этого времени, можете оставаться в казарме комендантской роты, я отдам распоряжение. И что касемо желания... сейчас ни у кого нет роскоши выбора, сержант. Обстоятельства складываются так,

что вы более всего полезны разведке фронта, нежели у нас. Хотя признаюсь, отдавать лучших по первому требованию тоже не есть хорошо.

Мой коммуникатор снова завибрировал, на узком экранчике появилось сообщение «обновление статуса военнослужащего». В прошлый раз, подобное случилось когда мне присвоили звание. Но сейчас обстоятельства не позволяли разглядеть чем именно начальство решило удивить на этот раз. Тем временем майор продолжил:

- Временно вы поступаете в непосредственное распоряжение разведотдела штаба бригады, то есть

в моё. А в указанный срок, вам всё сообщат о новом месте службы.

Он быстро поднялся из-за стола и протянул мне крепкую, жилистую ладонь. Рукопожатие вышло хорошим: уверенным, без излишнего силового давления. Немного замешкавшись, я попросил:

- Товарищ майор, разрешите подождать в расположении госпиталя, там ещё стоит наша транспортная колонна. Попрощаюсь с приятелем, да и до штаба там ближе.

- Добро, не возражаю. Только помните, что о подробностях нашего разговора никто знать не должен. Для всех, вы задержаны для

разбирательства по рапорту майора Доронина. Мы поняли друг друга, сержант?

- Так точно, всё ясно...

Мы ещё раз пожали друг другу руки. Вышло так, будто на короткий миг мы не были командиром и подчинённым. Снова стали людьми одного возраста, может быть даже в чём-то схожей судьбы. Об этом я думал, когда выходил из прокуренной комнатки и позже, стоя на пронизывающем осеннем ветру, становившегося уже по-зимнему холодным и колючим.

Пробираясь между палатками, порой залезая в кучи навороченной машинами грязи, я всё время

обдумывал детали нашего с особистом разговора. С одной стороны, ничего особенного в том, чтобы уйти в рейд по глубоким тылам нет. Поскольку сплошной линии фронта нет, шансы сделать дело и уйти, при грамотном командовании и подборе людей вполне хорошие. По-любому в реале всё обернётся обычной импровизацией с дикими «пятнашками», это будет хорошей возможностью обновить личную статистику. И уже в который раз я стал задумываться, а что будет, если получится прожить достаточно долго и я попаду в Америку или ближе, к немцам? Смогу ли удержаться и не

убивать всех подряд, ведь даже вид живого врага заставляет бросить всё и просто задавить его голыми руками. Вопрос крутился в голове и так и этак уже довольно продолжительное время и всё, к чему я пришёл, это осознание что им всем будет очень плохо. Щадить даже безоружных желания нет абсолютно. Напротив, хочется принести к ним, в сытую, не порченную войной Европу и Америку тот ад, который они сотворили тут. Может быть меня расстреляют свои же, по правде говоря, к собственной смерти я уже давно стал относиться совершенно равнодушно. Страшит беспомощность серьёзного ранения,

увечите, влекущие за собой невозможность мстить амерам. Видимо поэтому я до сих пор не утратил осторожности и выжил...

Свет фар встречной машины заставил метнуться через дорогу, прыжок вышел неуклюжий и я упал на одно колено, ощутило ударившись о подвернувшийся булыжник. Наколенный щиток принял удар, позволив избежать ушиба. Отряхнув ломкую снежную кашу. Быстро стаявшую и стёкшую с перчаток, я понял, что незаметно перебрался на госпитальную половину базы. Немного поплутав меж длинных тёмных палаток, выбрался на дорогу и вскоре нашёл обе наши машины,

которые теперь стояли в стороне от проезжей колеи, под просторным навесом рядом с двумя другими грузовиками, приписанными к госпиталю. Пройдя под навес, я увидел возле открытой дверцы броневика ссутулившуюся женькину фигуру. Водила копался в моторе при свете синего химического фонаря, что-то приговаривая себе под нос. Я подошёл ближе и окликнул приятеля. Тот быстро вскинулся. Отёр руки о кусок ветоши и проговорил:

- Знаю всё, при штабе оставляют и дело шьют! А я говорил, что зря мы этого майора с собой берём. Ты их подвозишь, а они тебя потом тоже... но уже под статью!..

Трудно было сдержаться и не рассказать Женьке всё, что мне поведал майор Подлесный. С одной стороны, Селянинов очень близко подходит под определение «друг». А на войне трудно заводить друзей из-за того, что их очень часто убивают или калечат настолько, что человека поглощает тыловая госпитальная кутерьма, что равнозначно смерти. В любом случае тот, кто начинаешь узнавать и притираться, вдруг вычёркивается, перестаёт быть. Сейчас мы оба находимся как бы в чистилище, ибо из госпиталя человек либо возвращается в строй, либо его поглощает тыловая неустроенность. Поэтому я ограничился нейтральным

пожатием плеч:

- Не гони на особиста, колесничий. Он составил нормальный рапорт, просто случившееся не его уровень. Доронинская кляуза пошла в штаб соединения, поэтому покантуюсь недельку при штабе, а потом снова вернусь в часть.

Женька будто бы и не слышал моих слов. Водила зло сплюнул куда-то в сторону и оставив мотор броневика в покое, нырнул в кабину почти по пояс и порывшись внутри, вынул какой-то небольшой свёрток, затем протянув его мне.

- Держи, я свои долги всегда возвращаю.

На раскрытой ладони, ефрейтор держал нож. Вернее, это был современный американский «Кей-Бар» с восемнадцатисантиметровым клинком, в тёмно-коричневых потёртых ножнах из толстой воловьей кожи. Штука не из дешёвых, серьёзный трофей. Я принял подарок и потянул клинок из ножен. Овальная термопластовая рукоять прильнула к коже ладони, пальцы удобно легли в упоры небольшой гарды. Нож бесшумно вышел и ни один лучик света не отразился на воронёной поверхности клинка. Выступ на пятке рукояти плоский, ладонь не соскользнёт даже при самом сильном ударе. Проверив

о ноготь заточку режущих кромок, я спрятал подарок в ножны. Хороший, судя по весу не обычная подделка с эпоксидным напылением, настоящий и сработан из шведской стали. Кинжал был бы удобнее, однако там куда скорее всего придётся отправиться, этот клинок лучше, чем многое из того что я смогу найти. Порывшись в карманах, я нашёл завалявшуюся там медную пятидесятикопеечную монету и протянул её Женьке.

- Возьми медный грош, за булатный нож. Тебе – прибыль, мне – удача.

Немного помешкав и с некоторым удивлением выслушав

старую присказку, он принял монетку и сунул её в карман бушлата.

- Это чего такое было?

- Нельзя просто подарить нож, принявший оружие в дар без оплаты будет маяться неудачей пока не избавится от подарка. Поэтому, нужно отдать медный грош, вроде как была купля-продажа. Где достал?

- Там уже нет. Бери, владей и помни, как вытащил меня из той горячей могилы.

- Спасибо, брат.

...Мы ещё некоторое время стояли, дальнейший разговор вертелся вокруг обычных житейских проблем. Я отвечал автоматически, подарок, пристёгнутый слева у пояса,

ощущался новой приятной тяжестью. Голову переполняла та особенная пустота, когда ни одна мысль не додумываясь до конца просто вязнет не принося пользы. В какой-то момент закруглив тему, я вышел из-под навеса и тут же столкнулся с кем-то в полумраке. Человек отскочил и стал заваливаться назад, оскользнувшись в жидкой грязи. Сработал рефлекс и я поймал ускользающий рукав бушлата, слегка потянув лёгкую, по ощущениям, ношу на себя. Женщина или подросток, даже дистрофично-новобранец весит больше...

- Ропша, это ты?!

В отрывистой фразе

послышались знакомые нотки. Свет фонаря выбившийся из-под хлопающего на ветру полога ближайшей палатки позволил разглядеть прядь светлых волос, прилипших ко лбу. Блеснули серо-голубые, полные слёз глаза. Лера...

- Я...

Не знаю как это вышло, но в следующий миг наши губы уже встретились. От девушки пахло обычным медицинским духом: смесь антисептиков, хлорки и чего-то ещё. Прижимая Леру к груди, интуитивно находя глаза, лоб, щёки и губы в надвинувшейся снова темноте, я с запозданием опознал её родной, сладкий телесный запах. В какой-то

момент оторвавшись от меня, девушка быстро и очень тихо заговорила, словно боясь что я исчезну, не успев услышать всех новостей:

- Шуфенков прислал список вновь поступивших... Там среди сопровождающих увидела твою фамилию. Ехала, торопилась, думала не успею и... И снова потеряю твой след! А ты... Ты искал меня?!..

Рассказывать про бесконечные запросы, которыми я достал и госпитальную канцелярию и потом всех штабных в роте, особенно не хотелось. Но просто так молчать тоже не было сил, поэтому, кое-как преодолев застрявший в горле ком

стекловаты, удалось произнести:

- Искал как только мог... Но ты же видишь, чинов не приобрёл, а на запросы рядовых писарское войско реагирует не особо шустро. Думал, что всё ...

Неожиданно поднявшийся ветер, бросил пригоршню мокрого снега прямо на нас. Мелкие капельки влаги засеребрились на коже, ресницах девушки. Я снял перчатку и как мог бережно отёр таявшие снежинки с её щёк. Лера вдруг поймала мою ладонь и прижавшись к ней губами, прерывисто всхлипнула. Потом, резко потянула куда-то в темноту, решительно пробормотав:

- Пойдём... Быстрее...

Некоторое время ушло на блуждание между палатками, но время для меня застопорилось, перестав существовать. Долгое время представляя нашу встречу, ни как не думал, что она будет вот такой. Как и в тот первый раз в пещере, я совершенно растерялся. Разум хотел передать все те мысли, что возникали всякий раз, когда война ненадолго разжимала свои объятия. В такие моменты я упорно пытался представить, а что случится после? Что будет, если по какому-то огромному недоразумению выживу я, да и Лера вдруг решит остаться со мной рядом на какое-то время? Попытки каждый раз оканчивались

ничем. От природы обладая совершенно посредственным воображением, живо представить нашу совместную жизнь не получалось. И я просто сидел в палатке, или там, где застанет минутка отдыха, уставившись в пространство. Сон приходил короткими оборочными провалами в темноту, а потом снова был очередной бой и война опять завладевала мной целиком.

...Хлопнул полог, мы пришли в скудно обставленную палатку, где от всей мебели был старый разохшийся стул, печка-буржуйка в центре комнаты, да узкая кровать застеленная тонким зелёным

одеялом, упрятанная за белой
больничной ширмой. Мы замерли на
пороге, взгляд девушки растерянно
пробежал по моему лицу, потом она
оглянулась назад и в этот миг я
просто её поцеловал в губы. Сначала
неумело, потом вспомнилось всё ,
что стёрлось и казалось ушло
навсегда. Но тело помнило, каждое
прикосновение открывало забытые
уголки памяти, заставляя кровь
приливать к голове, от чего в ушах
стоял непрерывный гул. Мы
бестолково кружили по комнате, я
бедром задел угол стола, от чего на
пол градом полетели какие-то
бумаги. Потом пришла очередь
ширмы и вот мы уже вообще

потерялись, время не просто утратило своё значение, оно ускорилось настолько, что я перестал его ощущать.

Очнулся я от лёгкого ощущения щекотки. Скосив глаза вниз, увидел как непокорный светлый локон колышется от моего дыхания возле самого кончика носа. Голова девушки прочно обосновалась у меня на груди, а её руки крепко держали меня за плечо и талию. Горячая нога прочно обхватила моё бедро и я боком ощущал, как подрагивает её живот при дыхании. Стараясь не тревожить Леру, я попытался чуть поднять голову, чтобы осмотреться, но девушка тут же встрепенулась и

вскинула голову, не разжимая объятий:

- Ты не уснул?

- Это было бы свинством с моей стороны. Не видеть любимую женщину столько времени и вдруг уснуть в такой пикантный момент!..

Я потянулся вниз и найдя губами её макушку поцеловал, попутно вдохнув знакомый запах. Однако на этот раз примешивались всякие больничные запахи и ещё холодная сырость поздней осени, от сквозняков, гуляющих по палатке. Девушка вздрогнула, потом потянулась вверх всем телом. В полумраке блеснули её глаза обращённые на меня:

- Ой, я совсем не против. Когда ещё выдастся возможность поспать, как не сейчас!..

Опустив руку вниз, я провёл ладонью по плечу, спустился ниже. Лера задрожала, кожа её покрылась мурашками и следующие полчаса мы не разговаривали. Всё получалось нежнее, более чувственно чем в первый раз, хотя как и в начале я плохо помню что и как происходило. Наконец, оторвавшись друг от друга мы замерли, каждый слушал и считал вздохи другого. В чувство меня привёл холод. Оглядевшись, заметил бардак устроенный нами в палатке. Вещи опять перемешались, одеяло сбилось к изножью кровати. Сев, я

подобрал тонкое солдатское одеяло
вправленное в серый, застиранный
пододеяльник и укрыл девушку. Но
Лера застыла, лёжа на спине, её
тёмные сейчас глаза следили за
каждым моим движением не
отрываясь. Когда я опустился рядом
и поцеловал её в ключицу, девушка
что-то пробормотала и поёрзав под
одеялом снова прильнула ко мне
всем телом.

- Слышала, ты останешься при
штабе на несколько дней. А я через
час уезжаю, нужно налаживать
работу нового полевого госпиталя
под Александровкой.

Страх холодной змеёй обвил
мою грудь и стиснул её со всей силы.

Учитывая как амеры любят бомбить наши госпитали и расстреливать врачей с ранеными, Леру не ожидало ничего хорошего. Снова мучительно засосало под ложечкой, нестерпимо захотелось закурить. Сглотнув колющий комок ставший поперёк горла, я ровным голосом уточнил:

- Это на пятьдесят километров западнее, практически на «передке».

- Я почти единственный настоящий военный хирург с реальным довоенным опытом на три госпиталя. Остальные — из гражданских, отобилизованных. Есть отличные специалисты, но...

Недоговорив, она снова развернулась ко мне лицом и снова

был этот длинный, жадный поцелуй
полный нежности и отчаянья.
Оторвавшись, Лера горячо
зашептала, уткнувшись мне в шею.

- Мне самой страшно... чёрт,
мне каждую секунду страшно от
того, что прилетит осколок, бомба
или другая дрянь!.. Помнишь, есть
легенда про Реку Мёртвых – Стикс?
Она разделяет живых и мёртвых.
Живые видят только тени на другом
берегу и слышат лишь их невнятный
шёпот. Не хочу быть только
бесплотным духом, не хочу чтобы нас
опять что-то разделяло!..

Кожей я почувствовал, как Лера
плачет. Слезы отчаянья, они самые
горячие и горькие одновременно.

Подняв её лицо за подбородок, поцеловал в заплаканные веки, щёки и заострившийся кончик носа.

- Помнишь тот самый первый раз, в пещере?

- Д-да... помню...

- Ты тогда взяла с меня слово, что я не умру до нашей следующей встречи. И вроде сработало: мы всё ещё живы и опять вместе. Раз уж так вышло, что я остаюсь как бы в тылу, а ты отправишься к чёрту в зубы... Короче, теперь моя очередь взять с тебя обещание не умирать.

Взяв её лицо в свои ладони, я наклонился так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Сейчас они были почти синими, в красных

прожилках на белках. В уголках застыли капельки солёной влаги. Пристально всматриваясь в эти, кажущиеся бездонными глаза любимой женщины, я твёрдым голосом произнёс:

- Обещай мне это. Твёрдо обещай не умирать!

- Да... Обещаю...

... Мы не отрывались друг от друга, пока в палатку не влетел какой-то мужик в грязном халате поверх полевой формы. Поняв, что Лера за ширмой не одна, он остановился и застуженным до сиплости голосом сообщил, что машина ждёт. Девушка нехотя отодвинулась и мы замерли.

Вечность закончилась, время вновь побежало стремительно и неумолимо. Лера глазами показала мне на большой бак с водой. Рядом с которым стоял на полу гнутый алюминиевый таз. Мыться ледяной водой, совершенно не стесняясь наготы друг друга было словно продолжением того, что прервал запыхавшийся санитар. Торопливые прикосновения, мимолётные взгляды — всё это врезалось в память так сильно, что вряд ли когда-нибудь можно забыть. Потом, мы стали быстро одеваться, путаясь в вещах, снова ежесекундно стараясь коснуться друг друга рукой, плечом, ладонью. При этом больше не было

сказано больше ни единого слова. Тягостное молчание преследовало нас до самого порога. Лера забралась в кабину грузовика, тащившего на прицепе длинный бронированный вагон, с узким рядом тёмных бойниц по обоим бортам. Я стоял у входа в опустевшую палатку до тех пор, пока машина не вырулила на основную трассу, ведущую прочь из лагеря и не скрылась в предрассветной темноте. Было без пятнадцати минут четыре утра. Машинально оправив чуть криво сидевшую разгрузку, я направился к навесу, где уже рычал мотор нашего броневика, предстояло в очередной раз попрощаться с тем, кто стал мне немного ближе на этой

войне.

... - Вот и на чёрта ты выжил, если тут, в самом что ни на есть тылу, можно к стенке прислониться?!

Женька снова сплюнул в сторону попавшую в рот табачную крошку и принялся остервенело крутить какую-то гайку в недрах движка. Потом занырнув в кабину, он заставил машину утробно заурчать, звук показался мне удивительно мягким. Минуту водила слушал, потом удовлетворённо покивал сам себе и грохнув капотом, стал отирать чёрные от масла руки. Заметив, что он всё ещё ждёт ответа, я сказал:

- Мне умирать нельзя, поэтому я не переживаю по поводу других

вариантов.

- От оно как! Ты чё, типа заговорённый?

- Просто дал слово не умирать и всё...

Водила затрясся в приступе смеха, попутно прихлопывая своего «железного коня» по мощной бронированной скуле крыла. Он начал было выпрямляться, чтобы отмочить какую-нибудь очередную хохму, но в ту же секунду в салоне брякнул зуммер входящего радиовызова. Женька быстро стал собираться, я помог скатать брезент и собрать инструменты в походный ящик. Мы обнялись и уже запрыгивая в кабину, водила сказал:

- А может быть так оно и надо.... При любом раскладе хорошо, когда тебя кто-то ждёт, это не даёт повода лезть на рожон. Ну, будем живы, Старый. Прощай, не держи зла, ежели что.

Джип плавно сдал назад и пристроившись в корму к уже вырулившему на дорогу грузовику, резво пошёл вперёд. Его тоже поглотили сумерки и я остался один, что в данном случае было совсем не плохо...

...Гул двигателей большого транспортного самолёта и едва уловимый свист воздуха за бортом набитой под завязку техникой и людьми машины, это всё, что я

слышал последние шесть часов. Расположение штаба бригады я, и ещё несколько таких же отобранных из разных частей кандидатов, покинули через час после прощания с Лерой и Селяниновым. Подлеснов лично приехал на обшарпанном грузовичке, с длинной вереницей иероглифов на кузове. Вот в крытом кузове этой старенькой японской малолитражки мы и поехали, всё ещё надёжно скрытые синими сумерками. Помню, что воняло дизельным топливом, специфической смесью отработанного машинного масла и сырости. Часа три ехали по общей дороге, судя по звукам доносившимся

снаружи, а потом вдруг свернули на асфальтированную, разбитую дорогу. Грузовик то ехал ровно, то проваливался в яму, то вдруг трясся словно в лихорадке. Снова слышался свист самолётных двигателей, стало ясно что мы прибыли на аэродром. Створки кузова распахнулись и по глазам резанул яркий утренний свет. Тут же, не давая нам опомниться, какой-то невысокий человечек в лётной куртке, плотных ватных штанах и подшитых валенках, скороговоркой провёл перекличку. И вот, я и пятеро угрюмых бойцов трясшихся рядом в грузовике, снова были втиснуты на узкую скамью идущую вдоль левого

борта здорового самолёта. Перед глазами замер бок забранного масксетью прямоугольного контейнера, с противоположной стороны трюма слышались матерные переговоры целого хора голосов. Трудно было определить принадлежность части, но думаю, это была десантура, уж больно свободно они вели себя во время взлёта. Сам я терпеть не могу летать, ощущаю себя беспомощным перед лицом возможной катастрофы, а эти ржали, перекидываясь отдельными фразами. Товарищи мои помалкивали, определить кто из них откуда труда не представляло, хотя перед погрузкой в самолёт, нам

приказали снять все знаки различия, а документы и тактблоки сдать сопровождающему офицеру. Им оказался молчаливый лётчик, по возрасту — сильно за пятьдесят. Он молча собрал наши железки и документы, всё сложил в небольшой чёрный контейнер, а потом ушёл в носовую часть самолёта. Больше «лётчик» не показывался и вскоре мы оказались в воздухе. Когда прошло минут десять полёта, сидевший рядом боец, лет двадцати на вид, кивнул в сторону борта и сказал едва слышно:

- На север курс взял!..

И словно бы отвечая на мой немой вопрос, засучив левый рукав

бушлата показал часы с обычным компасом. Стрелка всё больше отклонялась в направлении «северо-запад». Значит, скоро нас ожидает настоящая зима. Признаться, промозглая курганская слякоть уже порядком достала, так что внутренне эта новость даже ободрила. Хотя мне в принципе всё равно было где воевать.

- ... Все на выход!..

Не знаю как это получилось, но после того как самолёт некоторое время висел в воздухе, я отключился. Возможно, сказалось внутреннее напряжение последних дней, тем более что отдыха по возвращении с боевых не получилось. Сгоняя

навалившееся оцепенение, я вскочил и вместе с остальными выбрался наружу. Тут было всё так же темно, как и в лагере. Взлётную полосу освещала скупая цепочка огней, но воздух ощутимо холоднее. Под ногами хрустнул свежее выпавший снег, в небе плыли низкие тучи, скрывая звёзды и луну. Обернувшись к парню, который в прошлый раз верно указал направление полёта, я спросил:

- Какой теперь час?

- Там откуда мы прилетели – без восьми минут полдень, а вот здесь, не знаю.

Говоря это, парень даже не взглянул на часы, значит, уже успел

поинтересоваться временем раньше. Тут я почувствовал себя неуютно: люди всю дорогу общались, а я проспал. Но всё же сработала привычка, своих спутников воспринял как обычно, без всяких эмоций. Может быть аэродром это последний раз, как мы видимся.

- На погрузку, бегом - марш!..

Офицер, перед отлётом забравший наши тактблоки и документы уже стоял возле возникшего из темноты БТР, со включёнными фарами. Мы быстро загрузились в пропахший смесью топлива и пороховой гари десантный отсек, и машина тут же рывком тронулась с места.

- По прибытии в точку сбора, всем запрещается переговариваться, называть имена, звания, номера частей. Следовать указаниям инструктора, вопросов не задавать. Ясно?!..

Мы нестройным хором ответили, что мол, всё ясно и бронемашина пошла ещё быстрее, набирая скорость. По моим ощущениям, ехать пришлось часа полтора, по ровной дороге без ям и ухабов. Давя попытки организма снова провалиться в сон, мысленно разбирал свой АКМ, потом пистолет. Смешивал все детали и на время собирал оба «ствола». Это помогло забороть приступ сонливости и

высадиться по приезде на место уже не на заплетающихся ногах. Тусклое освещение и быстрота с которой нас погнали в длинный плоский барак, оказавшийся вещевым складом, не позволила оглядеться как следует. Но вроде это была турбаза, или вроде того: длинные бараки, ряд домиков с затемнёнными окнами метрах в пятидесяти за дорогой, разделяющей «турбазу» на две неравные части. Всё же бараков и хозпостроек оказалось вдвое больше. Неразговорчивый молодой солдат в полевой форме без знаков различия выдал каждому из нас новую верхнюю одежду, повседневку, нижнее бельё и по паре непривычного вида берцев, более

всего напоминавших дорогие зимние кроссовки. Верхняя одежда тоже удивила: куртка имела бело-коричнево-серый пиксельный рисунок, две приличной толщины поддёвки на молниях, но даже с ними оказалась удивительно лёгкой. Такие же стёганные штаны, носки из непривычной мягкой ткани. Но переодеться не дали, погнав сразу в следующий барак. По влажной духоте и запахам дешёвого мыла, я понял, что привели в баню. Вода в общей душевой оказалась удивительно горячей, что я с непривычки даже разомлел. Вымытых, переодевшихся в необмятую форму, нас всё так же

бегом перевели в медсанчасть. И всё это время, кроме нас вокруг не было ни одной живой души. Опять двое неразговорчивых, молодых парней в белых халатах поверх формы, заставили раздеться до трусов, прошёл быстрый медосмотр и каждому вкатили в плечо и задницу по жёсткому, болючему уколу.

Здесь, как и в бане, особой толчеи не было. Видимо группы заводи́ли отдельно, чтобы никто не увидел лишнего. Меня такой подход к делу устраивал как нельзя лучше, теперь будет больше времени на то, чтобы собраться с мыслями и ещё раз вернуться к встрече с Лерой. Тогда мы почти ничего не успели сказать

друг другу, слов оказалось катастрофически мало, учитывая, что я вообще не очень умею долго говорить о чём-либо.

- ...Пять минут на сборы! Построиться у входа в санчасть!..

Инструктор, казалось, всё время был где-то рядом, выпасая всякое моё желание задуматься. Снова бег по примороженной бетонной дорожке, едва-едва расчищенной от снега. Рассеянного света жёлтых фонарей, висящих на редких столбах между зданиями, едва хватало на то, чтобы различать дорогу. Сопровождающий сменился, теперь это был высокий, жилистый мужик лет пятидесяти, с мёртвыми чёрными глазами и

хриплым командирским баритоном. Как только мы построились возле крыльца санчасти, он без особых разговоров дал команду «Бегом марш!» и возглавил колонну. Нас, шестерых, разместили двух небольших домиках, как раз из тех, что стояли поодаль длинных бараков. Инструктор предупредил, что до отбоя у нас есть всего двадцать минут, после чего дал приказ разойтись. Домики немного напоминали те, что я однажды видел на горной турбазе, может быть до войны, это она и была. В помещении было тепло, я заметил трубы батарей центрального отопления, хотя дымом от котельной над базой и не пахло.

Со мной поселили того парня с полезными часами и флегматичного мужика, одного со мной возраста. Парень с часами назвался Пашей, а мой ровесник представился Вадимом. Разобрав оставшиеся невеликие пожитки, мы по очереди сходили в тесный совмещённый санузел. Едва я успел почистить зубы, как откуда-то с потолка проревела сирена и тут же погас свет. Это вышло очень неожиданно, но я смог быстро приспособиться к полумраку и добравшись до узкой койки, упал на плоскую маленькую подушку и укрывшись тонким одеялом, провалился в сон.

...Пробуждение было резким, я

успел схватить за руку того, кто стоял у кровати. Но потом понял, где я и что это Дима, в одном исподнем, пытался меня разбудить. Отпустив его руку и сев, я спросил:

- Чего, подъём?

- Нет... Тут этот Паша... Трясёт его как эпилептика, гляди!...

Мы вместе подошли к кровати Паши. Тот выламывался дугой, с уголков рта его брызгала желтоватая пена. Я было хотел попросить что-нибудь, чтобы разжать ему зубы, как входная дверь распахнулась и в комнату ввалился один из давешних докторов, а следом ещё двое солдат со складными носилками. Доктор отстранил нас обоих, а солдаты

сноровисто сунули Паше в рот резиновый звгубник и привязали к носилкам специальными ремнями. На мой вопрос что с парнем, доктор только вскользь глянул куда-то мимо и пожал плечами. Они все вышли, а заявившийся следом инструктор приказал нам обоим снова ложиться спать. Сон пришёл не сразу, но случившемуся я не придавал особого значения. Причин для этих корчей может быть масса, врачи скорее всего разберутся. Ревун подъёма прозвучал ровно в тот самый миг, как я заснул. Проклинаая всё на свете, мы с Вадимом выбежали из помещения, одевшись почти мгновенно. Новая форма лишь слегка замедлила

процесс, однако из норматива мы не выбились. Снаружи опять царила ночь, а среди наших соседей по бараку в строю было тоже лишь два человека. Человек, которого мы увидели перед собой, был плотным, среднего роста, одет так же как и мы: светло-серая вязанная шапка, форменный бушлат без знаков различия, штаны и кроссовки. Единственным отличием было то, что пояса он не носил, да левый пластиковый наколенный щиток, был спущен вниз, прикрывая ступню сбоку. Круглое лицо гладко выбрито, из-под красиво очерченных седых бровей на нас смотрели пристально чёрные, внимательные глаза. Он без

предисловий начал говорить, как только строй замер:

- Товарищи разведчики, поздравляю вас с прибытием в Северный, базу сил специальных операций второго главного управления ГРУ. Здесь у вас нет имён, нет званий. Тут у каждого будет только боевой псевдоним. Вас отобрали как имеющих боевой опыт, надеюсь, вы справитесь. Ко мне обращаться — «товарищ старший инструктор», к инструкторам по специальным дисциплинам — «товарищ инструктор». Теперь, разминка перед завтраком. За мной, бегом-марш!..

...Первые трое суток в лагере

были одним сплошным марш-броском. В принципе, всё как заведено в армии, но были свои особенности. Нашу группу дополнили ещё двумя бойцами, взамен выбывших и начали гонять как новобранцев. Тут было всё: марш-броски на разную дальность, стрельба из доступных нам видов оружия. Причём никто не давал чего-то экзотического, мы получили обратно своё, закреплённое за каждым личное оружие. И вот тут начались странности. В учебном классе, где я вновь получил свой трофейный «глок» и АКМ, каждому предложили отстрелять по три магазина. Заправлял всем невысокий,

полный человек, сильно за пятьдесят. Сначала, была стрельба по мишеням, на пятьдесят, сто пятьдесят и триста метров. Всё как обычно: стоя, с колена, лёжа, потом работа в парах, тактический лабиринт. Народ подобрался тёртый, это я видел по тому, как каждый брал оружие и занимал положение на огневом рубеже, двигался во время парных упражнений. Мы с Вадимом даже перевыполнили норматив, сработали практически синхронно при смене оружия. Человек привычный, делает это автоматически, не думая. Новички суеются, держатся скованно, от того и проигрывают... или умирают. Инструктор смотрел в

трубу, листал мишени, но прежде всего смотрел на нас. И взгляд этот изучал наши повадки, манеру стрельбы. Подозреваю, что результат его интересовал в последнюю очередь. Он не строил ребят, а с каждым говорил отдельно. Потом оружие каждого модернизировалось с учётом советов инструктора и серия упражнений повторялась снова. Как я заметил, рекомендации помогали, с учётом того, что это был лишь первый день. Меня инструктор почему-то обошёл стороной и только когда до окончания занятий осталось десять минут, попросил подойти. Именно попросил, этот полный, немногословный человек не

обращался с нами по уставу, хотя по выправке был явно строевым офицером. Подозвав меня, он спросил:

- Стреляете хорошо, но слишком много интуиции, тратите больше боеприпасов чем остальные курсанты. Охотились профессионально?

- Так точно, промышлял до...до войны...ещё той, в Чечне.

- Ну, все мы где-то начинали. В принципе, вам я могу посоветовать только добавить рукоять на цевьё для переднего хвата, оптический прицел лучше не ставить, это идёт в разрез с наработанной манерой боя...

Угловая рукоять очень удобно

ложились в ладонь, перчатка перестала скользить из-за рифлёной поверхности приспособления. Кисть левой руки всё ещё иногда ныла, если перенапрячь, но с рукояткой нагрузка заметно снизилась. После окончания занятия, я улучив минуту, подошёл и поблагодарил инструктора за совет. Тот явно не ожидал чего-то подобного, однако стараясь скрыть это лишь сдержанно кивнул в ответ. Потом был короткий перерыв на обед... или это был завтрак, есть совершенно не хотелось. Но в какой-то момент, я понял, что только что умял чуть ли не котёл гречневой каши с мясом. По стуку ложек и чавканью товарищей, заметил, что

аппетит проснулся не только у меня одного. И снова. В длинном помещении столовой кроме нас шестерых не оказалось ни одной живой души. Следующие шесть часов были посвящены теоретическим занятиям. Новый инструктор, наш ровесник, проверял что мы знаем от тактико-специальных дисциплин. Строгостей особых не было, думаю, что его интересовало как мы поведём себя в той или иной ситуации, как думает каждый из отобранных в группу бойцов. Дело своё инструктор знал превосходно: лично мне удалось освежить в памяти полузабытые приёмы тактики малых групп, некоторые важные нюансы рейдовой

тактики в глубоком тылу противника. Всё это всплывало как бы само собой, помимо воли. Два часа пролетели совершенно незаметно. И нас опять выгнали в темень, на мороз. Но бежать далеко не пришлось, следующий класс оказался всего в двух десятках метров, через два здания.

Здесь всё было иначе, а инструкторов стало двое. Немногословный, пожилой лысый мужчина одетый в гражданское: тёплый свитер под горло, ватные штаны и собачьи унты. Ему помогала женщина, тоже сильно за пятьдесят, одетая в глухое тёмно-серое шерстяное платье подшитые валенки.

На длинном столе перед ними лежали детали какого-то устройства, судя по всему портативной радиостанции или чего-то в этом роде. Про себя, я окрестил обоих «учёными», уж больно они подходили под этот термин, было в их внешности нечто особенное. Говорить начал мужчина, причём довольно тихо. Так говорят, когда приходится повторять одно и то же много раз подряд. Думаю, что группы вроде нашей заводят непрерывно, а «учёный» не привык к подобного рода монотонной работе.

- Товарищи, перед вами изделие «Салют ИППТ- 2М». Оно представляет собой активный излучатель

радиоволн определённой частоты. Правильная транспортировка и сборка устройства – залог успешного выполнения поставленной перед вами командованием боевой задачи. Прошу быть предельно внимательными, записывать и конспектировать – запрещено, будем работать по сборке и разборке изделия, пока вы всё не усвоите.

Женщина оказалась удивительно ловкой, когда дело дошло до сборки-разборки прибора. Естественно, ничего сложного в приборе не оказалось: два основных блока, плюс четыре массивных батареи подсоединяемых последовательно, одна к другой. Немного помучились с

длинным тросом-антенной, который следовало закрепить на земле определённым образом, но к концу второго часа, это стало получаться у всех. Никакой теории нам не давалось, да и вряд ли она особо нужна. Всё что требовалось, это закрепить антенну на любой подходящей сопке или скале, не ниже пятидесяти метров в высоту, подключить батареи, ввести код активации и проконтролировать коммутацию с другими, похожими устройствами, для чего прибор имел монохромный дисплей и пульт с десятком кнопок.

Занятия длились не больше двух часов, при этом я не заметил за

собой ни малейших признаков усталости, голова тоже была ясной настолько, что любая деталь из данного нам за весь день материала всплывала практически молниеносно. Нас снова погнали в санчасть, где опять были два укола в руку и на сей раз в бедро. Ужин прошёл в молчании, все сосредоточенно стучали ложками и по визгливому сигналу зуммера, опять бег, на сей раз в наши домики. Вместо выбывшего, к нам подселили невысокого, плотного парня. Судя по всему он был из тувинцев, однако поговорить как всегда не получилось: металлический голос с потолка возвестил, что у нас

двадцать минут до отбоя. Во время всяких бытовых процедур вдруг появилось время проанализировать всё, что с нами произошло. База явно существует недавно, судя по слабой приспособленности построек к режиму секретности, поэтому нас так жёстко гоняют, чтобы не сталкивать с другими курсантами. Готовят в сжатые сроки, без должного закрепления навыков, отсюда критерий отбора именно опытных, обстрелянных бойцов. Нас проверяют на то, соответствуем ли характеристикам выпавленным в особых отделах частей, откуда шёл отбор. Поэтому ничему особо не пытаются научить, просто как могут

оптимизируют наши навыки под ту задачу, которую предстоит выполнить...

- Отбой!..

Последними мыслями мелькнувшими перед тем, как сон одолел меня окончательно, была догадка об уколах. Скорее всего, это никакие не прививки, нам вкачивают стимуляторы, чтобы заставить какое-то время работать на износ. Мысль о том, что так можно и подохнуть просто от истощения, оставила почти равнодушным. Так или иначе смерть ходит рядом, то заглядывая в глаза, то наступая на пятки. Лера, вот тот единственный островок беспокойства, который ещё

некоторое время не давал смириться с вероятной перспективой сдохнуть от какой-то военной химии.

- ... На выход! Построение!

Новый день в царстве вечных сумерек начался точно так же, как и предыдущий. Пробежка до столовой, снова закрытый ангар-стрельбище, но на этот раз под тикающие звуки метронома и жёсткое ограничение по времени на каждое упражнение. Всё получалось легче, чем вчера, гораздо быстрее и чётче, чем в обычном бою. Атмосферу дополняли звуки перестрелки, транслируемые со всех сторон. Но после часа привычной уже беготни, правила изменились. Откуда-то на полигон

вольной, слегка растянутой колонной, вышел неполный взвод, экипированный для ближнего боя. Вооружены новички были пневматическими муляжами американских автоматов, экипировка больше напоминала спортивную, но это понятно: шарики из плотного пластика бьют довольно ощутимо. Бойцы прошли к противоположному от нас краю тактического лабиринта и там исчезли. Инструктор указал на закрытые брезентом длинные столы возле входа:

- Разбирайте экипировку и учебное оружие. Сейчас команда наших инструкторов проведёт с вами учебный бой. Ваша задача —

продержаться шестьдесят секунд. Допускается не более одного «ранения» в конечность или в корпус. Попадание в голову засчитывается как смертельное. На сборы – две минуты, время пошло!..

Экипировка оказалась не очень отличной от обычной по весу и ощущениям, но всё же легче. Оружие выглядело подробной копией нашего АК-74М с тем обвесом, который до этого был рекомендован каждому из нас. Выставив прицел в положение «постоянный», поскольку предстоял ближний бой, я хотел было заикнуться об отстреле десятка пристрелочных...шариков, как инструктор погнал нас на рубеж.

Двадцать шагов, десять выстрелов. Шарики в магазинах оказались стальными, поэтому шлемы с толстым бронестеклом и усиленные щитками перчатки не казались теперь причудой. Выходило не так скверно, как мне думалось сначала. Конечно, тех ощущений, что даёт настоящее оружие не было, но боль от попадания шариков будет вполне чувствительной.

- Время вышло! Все на исходный рубеж, разбиться на «двойки». Держать строй, прикрывать друг друга...

Дальше всё произошло очень быстро. Парни в чёрном сразу выбили двоих наших, банально

выскочивших на выстрел один за другим. Потом, окружили нас с Вадимом в центре лабиринта имитировавшем комнату здания. Мы едва успели нырнуть за фанерную «стену», как та тут же взлохматилась снопом щепы. Чёрные поняли где мы и сейчас прижимали огнём, в то время как другие их коллеги наверняка готовятся обойти и расстрелять нас в спину. Глянул на товарища и наткнулся на его немного ошалелый взгляд.

- Обойдут и примут слева!..

Не я один понял что сейчас случится, это радует. Знаком показав напарнику, чтобы отползал вправо, сам боком, прижимаясь к стене,

двинулся следом. Боковым зрением зацепил чёрное пятно слева и сразу же вскинув автомат выстрелил три раза подряд. Чёрные пошли сразу с двух сторон, однако не ожидая что мы разгадаем их манёвр полностью. Вадим «убил» троих, я приложил одного «наглухо», а ещё двоих серьёзно «ранил». При этом тоже поймал в верхнюю треть бронежилета два шарика. Удар оказался довольно сильным, как будто саданули молотком со всей дури.

- Влево!..

Я нарочито крикнул громко, дёрнув Вадима за плечо в противоположную сторону. За углом

никого, мы быстрыми перебежками прошли вперёд метра три, повернули за угол, вышли на открытое пространство и нарвались на группу чёрных, зацеливших проход где-то впереди. Нас враг не ожидал, но каким-то шестым чувством они поняли, что сзади опасность.

- Бьём!..

И мы высадили в спины изготовившихся к штурму «чёрных» всё, что осталось в магазинах. По сути это было избиение. Шестеро «умерли» сразу, ещё троих мы серьёзно «ранили». В этот момент прозвучал зуммер и следом голос инструктора:

- Время – две минуты сорок пять

секунд. Результат группы —
шестьдесят восемь процентов.
Лучший результат у Пятого и
Второго. Инструкторам прибыть к
северному коридору, группе
курсантов — построение у южного
входа в класс...

Поскольку ни имён, ни званий у
инструкторов не было, я прозвал
этого — Седым. На самом деле,
седина у него хоть и была, но явно не
выделялась. Вообще, выглядел Седой
очень непримечательно. Глянешь раз
на такого и ничего не вспомнишь уже
через секунду. Мы стояли ещё не
остывшие от боя, у двоих парней их
соседнего с нашим домика, были
видны отметины на грудной

пластине «броника», даже на забрале шлема. Лицо инструктора ничего не выражало. Всё тем же ровным голосом он сообщил:

- Первый этап подготовки, вы прошли. Завтра будут командные испытания, вашему подразделению будет присвоено кодовое имя, каждый боец получит боевой псевдоним и будет назначен командир группы. На выход, бегом-марш!..

Следующий класс, был по рукопашному и ножевому бою. Нет, никаких схваток с пленными амерами, никакого боевого оружия. Видимо, подсознательно каждый из нас ожидал чего-то подобного,

однако инструкторам удалось нас удивить. В пустом ангаре вообще ничего не было, кроме собственно инструктора и обычного офисного стола. Ярко горели лампы, отопления тут не было и было прилично холодно. Инструктором оказался давешний «лётчик», поэтому я и обозвал его так, для лёгкой памяти. Он встал перед строем и сказал:

- Товарищи бойцы! В бою может возникнуть ситуация, когда возможен тесный контакт с противником. Все вы так или иначе владеете холодным оружием, а кто-то даже навыками прикладного фехтования. я не буду вас ничему учить, просто хочу посмотреть, что вы умеете.

Лётчик сдёрнул материю со стола. Там лежало несколько видов армейских штык-ножей, пара кинжалов, две малых сапёрных лопатки и два автомата, наш и американский, тоже с примкнутыми штык-ножами. Инструктор приглашающим жестом указал на всё это:

- Это муляжи, боевого оружия не будет. Выбирайте, кто к какому привык, а потом короткий спарринг со мной. Будет три раунда по одной минуте...

Видимо от того, что ожидания не оправдались, все парни немного растерялись. Двое вообще стояли несколько мгновений, они в

нерешительности топтались перед столом, пока хлёсткий окрик инструктора не заставил их схватить первое, что попало на глаза.

- Быстрее!..

Мой же выбор не был спонтанным, решение быстро оформилось в конкретное действие и я взял муляж АКМ. Штука оказалась вполне похожа на боевой аналог, а клинок штык-ножа был выполнен из какой-то плотной, но хорошо поддающейся на изгиб, резины. Я рассуждал так: ножом и лопаткой, Лётчик точно владеет лучше меня. Кроме того, он выше ростом, следовательно выиграет из-за длинных рук, более широкого шага. С

автоматом это его преимущество можно немного сократить. Лицо инструктора осталось так же бесстрастно, как и в начале нашего знакомства, но во взгляде промелькнула тень интереса. Когда он увидел, что я выбрал, «лётчик» как будто слегка кивнул в такт своим мыслям.

Нельзя сказать, что поединки выглядели зрелищно. Обычно всё заканчивалось обменом двумя-тремя ударами и противник инструктора оказывался либо убит, либо серьёзно ранен. И я не особо удивился такому раскладу, тут всё решал навык. Как бы умело не бился каждый из нас в реальном бою, там это было по

большой части везение. Никто из моих товарищей раньше военным ремеслом не занимался. В нарушение инструкций, мы перебрасывались репликами в перерывах между занятиями и судя по разговорам, никто кроме положенных по срочной службе двух-полтора лет, в армии не служил. Так что выходило, что я и здесь выделился, пускай и не намеренно. Ребята просто оказались более везучими, нежели многие кого нынешняя война перемалывала своими жерновами в кровавую кашу. Так что профи, вроде «лётчика», им не противники. Вскоре, очередь дошла до Вадима. Мой напарник

выбрал малую сапёрную лопатку и с первых мгновений боя показал, что неплохо ею владеет. Он уверенно отбил скоростную атаку инструктора и контратаковал. С резким свистом, его лопатка крестила воздух в ладони от лица инструктора. Однако, Вадим увлёкся и после очередного финта слишком подался вперёд, чем противник тут же воспользовался. Лётчик увёл руку с оружием влево и продолжив движение прикончил Вадима, резко выбросив свою лопатку вперёд, «перерезав» правой боковой кромкой лопатки горло противника. Тот резко выдохнул, крикнув от ошутимого тычка в кадык. Но инструктор уже опустил оружие и

сказал:

- Хорошо, очень хорошо!..
Следующий!..

Я поудобнее перехватил АКМ, мысленно повторяя набор приёмов, вспоминая свой крайний бой с амером в лесу. В тот раз, противник попался хоть и опытный, но с нашей техникой фехтования не знакомый. А здесь всё иначе: «лётчик» читал личное дело на каждого из нас, наверняка готовился и занимался своими железками не два дня. Слегка покачивая автомат в руках, инструктор встал передо мной в нарочито расслабленной позе и спросил:

- Готов?..

Отвечать я не стал и с ходу сделал прямой выпад, чтобы одним ударом пробить противнику горло. Лётчик явно опешил, но профи есть профи – удар отбил правильно, с отшагом влево и в сторону. Не давая противнику опомниться, я перехватил автомат за основание приклада и рукоять, так, что радиус поражения стал больше и ударил по ногам справа налево. Удар почти получился: лезвие муляжа чиркнуло по правому бедру инструктора и не отскочи тот вовремя, то непременно проиграл бы бой.

-Ха!..

Крикнув на выдохе, эффектно уйдя в боковой перекат, «лётчик»

разорвал дистанцию, а потом быстро парировал мой очередной выпад направленный ему в живот. Американский штык-нож имеет два преимущества перед нашей стандартной «хлебoreзкой». Он немного длиннее и имеет более продолжительную верхнюю режущую кромку. Этим инструктор пользовался не стесняясь, мне едва удавалось уходить от возвратных атак, следовавших с поразительной точностью и быстротой.

Реальность окружающего мира исчезает, когда идёт бой. Ты просто концентрируешься на противнике, стараясь сбить его с ритма, угадать слабое место и ударить. Всегда

важна дистанция. Если это огневой контакт, там многое слишком обезличено: нет глаз, часто нет голоса и практически всегда отсутствует запах, а вместе с ним какой-то особенный личностный отпечаток. Пуля бьёт, ты её только отправляешь в цель. Рукопашная схватка, как и бой с холодным оружием совсем иное дело. Всегда есть связь с противником, всегда ты чувствуешь и видишь всё, почти срастаясь с ним душами...

- А-а-ах!..

Штык инструктора сделал обманный финт влево, обозначая удар в бедро. Но потому как он не дослал ногу, я понял, что сейчас

последует удар в горло. Блок, нырок в сторону и приклад моего автомата впечатался в затылок противника. Обозначив двойной укол в область печени и почек, я отступил на два шага в сторону.

Стараясь сдержать сбившееся дыхание и не спуская глаз с медленно поднимающегося на ноги инструктора, я негромко, но чётко произнёс:

- Убит.

Лётчик поднялся, сразу же подобрав отлетевший в сторону муляж автомата. Рукой он непроизвольно потянулся потереть ушибленное место, но тут же отдёргнув руку сказал:

- Отличный бой, курсант. В вашем личном деле не было указано, что вы владеете боевым фехтованием на таком уровне. Но мы обыгрываем боевую ситуацию и на противнике могут быть средства защиты. Ваш штык сломался, а я снова жив. В реальном бою, учтите этот момент...

Он сделал паузу, но я промолчал. Сюрприз удался и это немного улучшило настроение, как моё, так и стоящих в строю ребят. На их лицах читалось удивление, смешанное с небольшой толикой злорадства. Оно и понятно, крутой спец оказался на полу, растеряв ореол неувязвимости. И даже его последние слова не испортили общего настроения, это было

заметно по тем мимолётным ухмылкам, которые промелькнули прежде, чем нас снова погнали вперёд. Инструктор изменил правила, но реальности это не изменило. Любой их ребят знает, что учения и реальный бой это далеко не одно и то же. Главное в реале — быстро сообразить как поступить в конкретный отрезок времени. Принял верное решение и ты жив, сделал ошибку и в лучшем случае ты лишь ранен. Никаких обид или сожалений не было, время вновь бежало очень и очень быстро.

Потом снова была короткая пробежка, новый ангар и снова испытание. Тут заправлял совсем уже

старый дед, перед которым было разложено несколько пустых болванок. Я так называю оболочки мин, из которых вынули взрывчатку и поражающие элементы. Занятие вышло скучным, всё свелось к азам минно-взрывного дела, основным типам мин и свойствам взрывчатки. Я больше люблю подлянки мастерить, нежели о них рассказывать, поэтому просто отвечал на вопросы, показывал, если инструктор просил, что и как нужно сделать в том или ином случае. Дед своё дело знал отлично, но интересно рассказать у него не получалось. Наконец, снова забег до санчасти, снова укол. Потом ужин и

снова отбой с провалом в короткий, словно обморок, сон.

Весь следующий день, мы изучали новый комплекс связи, больше похожий на те, что я видел у офицеров. Он назывался «Рубеж-18М» и весил значительно меньше нашей обычной «Звёздочки». Главным отличием была дальнобойная, компактная радиостанция, способная обеспечивать связь даже под землёй, а на поверхности бывшая на расстоянии в сорок пять километров. Обычного планшета и контроллера с дисплеем тоже не было, вместо этого, вся информация разворачивалась на объёмном

дисплее, создаваемом пучком каких-то лучей, реагирующих на движение пальцев оператора. Изображение проецировалось в визор висящий на удобной наголовной повязке, которую можно отрегулировать по себе.

Управление оказалось простым, данные всех бойцов шли на компьютер командира, создавая целостную картину общей обстановки. Отдельно висели опции вызова авиа поддержки, артиллерийского огня и даже союзного флота. В любой момент можно было запросить данные разведки, причём ввести код подтверждения нужно было только

один раз, при активации комплекса. Всё работало на то, чтобы между получением информации и принятием решения, задержка была исчезающе мала. После ознакомления, инструктор, которым оказалась та самая немногословная женщина-учёный, приказала вызубрить серийный номер прибора, ибо он теперь закреплялся за каждым из нас. Обед и последовавший за ним визит в каптёрку не вызвал особого удивления. Лётчик и женщина-учёный помогали нам разместить коммуникатор, который теперь занимал гораздо меньше места, да и разгрузка оказалась так хитро

сконструирована, что общий вес экипировки и обвеса субъективно уменьшился примерно на треть.

Потом снова был марш-бросок на пять километров с полной выкладкой, учебная задача на полигоне и стрельбы по пружинным мишеням. Нас заставили штурмовать с ходу макет двухэтажного здания, где противник занял круговую оборону. Командиром назначили Вадима, чему я в принципе не особо удивился. Этот немногословный блондин с удивительно мягкими чертами лица лучше всех показал себя во время тактических занятий, кроме того он соображал быстрее остальных, включая меня. Мне

выпала роль командира огневой подгруппы и честно сказать, это порадовало. Стрелять и выполнять конкретную задачу у меня всегда получается лучше, чем вести в бой кого-то ещё. Посылать пули в цель оказалось значительно удобнее, благодаря передней угловой рукояти. Автомат стал удобнее в управлении, кисть левой руки почти не ныла как это бывает на холоде. Перчатки оказались трофейные, американские и совершенно новые. В части мы иногда получали трофейное обмундирование и экипировку, но в большинстве своём это было снято с мертвяков. После санобработки химикатами, все такие вещи имели

специфический запах. А перчатки оставляли ощущения настоящей новизны. И снова пришло ощущение уверенности, стало даже немного забавно. Выходит, что теперь и мы захватываем американские склады, а они вынуждены драпать, бросая всё. Задачу мы выполнили, ибо кроме коммуникатора и новой нашлемной камеры, остальные элементы снаряжения были всем хорошо знакомы. Витёк, наш новый сосед, отлично управлялся с «грушей». Беспилотник под его управлением плавно скользил где-то в вышине, выгодно подсвечивая позиции условного противника в здании. Да и вообще, всё выполнялось

практически так, как каждый из нас делал уже сотню-другую раз, когда ходил к амерам «в гости».

Позже, я даже немного задремал, пока мы возвращались на базу. В десантном трюме БТРа было практически темно, душно-тепло от работающего движка и нашего дыхания. Основательно пованивало соляркой, оружейной смазкой и живым людским духом. Приятная тяжесть оружия, правильно подогнанной снаряги и сухие ноги настраивают на некоторый расслабон. Ибо когда всё тип-топ, то мне по жизни хочется только одного — спать...

- Группа, стройсь!...

...Отрывистая команда Лётчика, оказавшегося уже снаружи, пронеслась для меня как сквозь вату. Тело помнило всё что нужно, я выскочил следом за Вадимом, лицо вновь ожгло холодом. Снова бег, сдача оружия и снаряжения. Чистка, осмотр и роспись в толстой амбарной тетради.

После ужина, поскольку обед мы съели сухим пайком, снова санчасть и только один укол в плечо. Кто-то из парней начал ворчать, что мол, надоело уже. И тут один из молодых врачей гадко так улыбнувшись пробормотал, что мол, это последний и мучения наши закончились. Поймал тревожный

взгляд Вадима, когда одевался. Видимо, он всё же не до конца понял, куда и зачем нас привезли. Во время пробежки, мы держались рядом и он спросил:

- Чё думаешь, скоро уже отправят?..

Снег хрустел под ногами, подошвы ботинок упирались в закаменевший асфальт и совершенно не скользили. Раз укол последний, то вполне может быть, что сосед не так уж и не прав. Но вслух я сказал:

- Поживём – увидим, брат...

Ночь оказалась длинной, просто так вырубиться не получилось. Субъективно прошло минут двадцать после того, как в домике погас свет,

обморочная занавеска сна исчезла. Меня разбудил скрип собственных зубов, всё тело покрылось липким потом. Левую руку сильно дёргало, всего меня трясло кидая то в жар, то в холод. На соседней койке метался Вадим, а Витёк вообще скатился на пол и почти на грани слышимости подвывал, свернувшись калачиком.

Теперь сомнений не было, весь этот аттракцион нам обеспечен болючими уколами. Но судя по реакции парней, никто помирать не собирался. Шатаясь, я поднялся с кровати и на подгибающихся ногах подошёл к койке Вадима. Нашарил в темноте коробок спичек, который приятель крутил между пальцев,

когда выдавалась свободная минута. Раздался мелодичный перестук, коробок был полон. Чиркнул спичкой и в свете рыже-жёлтого света, лицо приятеля залоснилось от пота. Тряхнув его за плечо, дождался пока муть уйдёт из глаз:

- Ты как брат?

Огонь блестел в его широко раскрытых, диких от лихорадки глазах. С трудом разлепив иссохшие губы, он просипел севшим от напряжения голосом:

- Горит всё, пить хочу...

Вода есть в санузле, но сейчас это не главное. Нужно помочь Витьку, положить его обратно на кровать. Это отвлечёт, поможет

перебороть слабость. Спичка догорела, оставив после себя серную вонь. Положив коробок на прикроватную тумбочку, я нашарил ладонь приятеля и сказал:

- Напьемся, но пока нужно Витька на кровать положить... Валяется на полу, простынет и снова в свой стройбат поедет. Прикинь: мы с тобой в тундру, к амерам, а Витёк в теплушку, к молодухам, да соплякам!.. Не справедливо это, брат. Давай помогу...

Мы, кое-как доковыляли до свернувшегося в тугой комок тела, и с трудом разжимая ему руки, водрузили обратно на койку. Это отняло последние силы, поэтому мы

тут же оба осели рядом с кроватью Витька на пол, тяжело переводя дух. Чувствуя, как снова подступает слабость, я выматерился сквозь зубы и помогая себе руками поднялся, сначала на четвереньки, а потом уже на ноги. Вадим тоже кое-как встал и мы шатаясь и натыкаясь на какие-то углы побрели в санузел. Вода была ледяная, текла из крана тонкой струйкой. Пустив приятеля вперёд, я терпеливо ждал, опираясь что есть сил о дверную притолоку. Наконец напившись, Вадим громко рыгнув побрёл мимо меня обратно в комнату. Я задержал его на полпути:

- Погоди, разбудим Витька, напоим и его тоже... может,

одыбает...

Вытряхнув из пластикового стакана наши зубные щётки, я прополоскал стакан как можно более тщательно и наполнив его водой, побрёл в комнату. Тувинец всё так же метался по кровати, нам еле удалось его растормошить. Вадим поднял его и поддерживал за плечи до тех пор, пока мне не удалось влить в дёргающийся рот Виктора всю воду. Потом, мы опустили его обратно, парень затих и больше не стонал. Игнорируя подступающую слабость, я как можно более прямой походкой дошёл до своей койки и рухнул как подкошенный. Сказать что-то не было сил, да и чего тут вообще

говорить-то?..

- Подъём!..

Ревун пробудки прозвучал как-то особенно резко, однако когда тело привычно подбросило вверх, ночная слабость ушла бесследно. Остался только какой-то звон в ушах и только. Вадим тоже собирался как обычно, только Витька всё ещё немного качало. На выходе я тихо спросил его:

- Ну ты как, в целом?..

Тот лишь мотнул головой, он вообще говорил не особо много. Однако потом обернулся и так же тихо сказал, глядя на нас с Вадимом:

- Спасибо, мужики... Не забуду.

...На этот раз, никаких лекций больше не было. Снова бег по

хрусткому от неслабого уже мороза асфальту, до каптёрки. Снова всем выдали оружие, снарягу, боекомплект и полный рацион на неделю. Понимаю как это звучит, но боевой рацион это не сухой паёк в красивой серебристой упаковке. Длинные, серо-зелёного цвета брикеты, четыре штуки по сто грамм каждый. Если залить их кипятком, то они набухают и тогда даже можно есть. Пресные, безвкусные, но после них почти двадцать часов сохраняется ощущение сытости. Пить тоже не хочется и думаю в этом их настоящее предназначение, к тому же они очень немного весят. Из дополнительного снаряжения мне выдали прибор

наблюдения, синхронизированный с коммуникатором, что видно в него, тут же заносится в память и отображается на карте. Так же я получил «тихарь» на оба своих штатных ствола, а тот что шёл к «глоку» оказался фирменным. Впервые за всю войну я получил по две сотни дозвуковых патронов, причём к пистолету опять шли фирменные, австрийские «уэспэшки». Таких я не видел с довоенных времён, тем более удивительно встретить этого редкого зверя сейчас. Полчаса дали на подгонку снаряжения, калибровку оборудования и подготовку оружия. Мысленно прикинув, что и как

может случиться, я снарядил два магазина к пистолету «тихими» патронами и два обычными, бронебойными остроконечными. С автоматом всё немного иначе. Стрелять из АКМ дозвуковыми почти бесполезно. Сам выстрел глушится не особо сильно, плюс затвор ощутимо стучит на откате, к тому же «уэспэшки» могут и не проковырять стандартный амеровский или французский «броник». Поэтому набив «тихими» два рожка и уложив их в подсумок слева, остальные патроны я сдал обратно, добив остальные четыре магазина обычными типа СПП [44]. В качестве основного, попросил найти мне

барабанный пулемётный магазин. К счастью, в этом «клондайке» такой нашёлся, что само по себе можно считать большой удачей. Теперь, вместо тридцати штатных, или даже сорока, у меня на первый раз есть целых семьдесят пять патронов. С барабаном центр тяжести чуть сместился, но новая рукоять позволила вполне нормально удерживать оружие и целиться привычным образом. В рюкзак уложены, помимо прочего, четыре батареи к той хреновине которую мы до одури собирали и разбирали во второй день вместе с пожилой парой интеллигентных «учёных». Устройство было разделено на шесть

компонентов, каждый из группы нёс какую-то часть. Наконец, в устой нагар где мы возились с экипировкой, бодрым шагом вошёл Лётчик и заорал:

-... На построение!..

Снова бегом, но теперь на лётное поле, где нас загнали в трюм грузового самолёта. Гулко простучали мёрзлые подошвы по дну откинутой аппарели и вот мы снова притиснуты друг к другу. Однако на этот раз брюхо самолёта было набито бойцами, экипированными и 44 Патроны СПП – имеются ввиду патроны со стальным сердечником повышенной пробиваемости. Они мощнее стандартных боеприпасов,

значительно сильнее по отдаче при стрельбе. Индекс ГРАУ — 7Н23(7.62x39мм). Патроны УСП — дозвуковые, уменьшенной силы пробития. Применяются для стрельбы с прибором ПББС(прибор беспламенно-бесшумной стрельбы). Их пробивная сила значительно меньше чем у стандартных и СПП, но пуля существенно тяжелее, головка окрашена в зелёный цвет.

вооружёнными сходным, с нашим, образом. Туша самолёта дрогнула, двигатели взвыли на более высокой ноте и машина пошла на взлёт. Поскольку вес экипировки был под сорок кило, а парашютов нам никто не выдал, я уже настроился на

долгую поездку с пересадками. Витёк спал, Вадим мусолил застёжку клапана одного из верхних подсумков и что-то неслышно бормотал. Остальные, жившие в соседнем домике парни, тоже занимались пустяками, как это и бывает в дороге. Я откинулся назад и закрыв глаза, мгновенно заснул.

Посадка вышла не слишком мягкой, нашу «птичку» несколько раз жёстко потрянуло, от чего проснулись все, кто как и я решил не тратить времени на пустяки. Из-за медленно откинувшейся аппарели нам в лицо ударила снежная пурга, пахнуло сильным холодом. Мимоходом посчитав бойцов, я понял, что в с

нами вместе будет девяносто человек, почти рота. Пятнадцать групп, несущих на своём горбу глушилки, это очень интересно...

- Рота! В колонну по три, становись!..

Бег, опять бег до такого же как и на базе типового ангара. Внутри нет скамей или стульев, только Лётчик и ещё какой-то невысокого роста тип в старомодном изжелта-белом тулупе, рядом с нашим инструктором. Колонна замерла, над тремя шеренгами стало повисать облако белого пара от выдоха почти сотни человек. Вопреки моим ожиданиям, заговорил тот невысокий в тулупе:

- Здравствуйте товарищи

разведчики!...

Повинуясь жесту Лётчика, мы все, как это и положено, коротко выдохнули в морозную гулкость ангара:

- Зра!...

Голос девяноста человек отразился от стен и ещё некоторое время гулял под потолком. Дождавшись, пока эхо немного уймётся, Тулуп заговорил снова:

- Я – генерал-майор Маевский, начальник главразведуправления генерального штаба войск республики. Представляюсь потому, что вы идёте в бой и должны знать, кто отдаёт приказы. Вы все прошли жёсткий отбор при наборе, но ещё

более жёстко вас отбирала сама война. Выжить и победить, вот что от вас требует сложившаяся обстановка, непростое время в которое нам довелось жить. Каждый из нас вносит свой вклад в общее дело, в победу над врагом! Моей задачей, задачей командования, было обеспечить вам тот участок, где вам придётся сражаться. И меня не будет с вами там, как не будет там ваших боевых товарищей из тех подразделений, в которых вы служили до набора в отряд особого назначения «Мститель». Но выполняя свою задачу, вы дадите им шанс уцелеть, дадите шанс новой, Советской России на жизнь, на

свободу и независимость. Старший инструктор определит задачи для каждой отдельной группы, это всё...

...После речи этого странного генерала прошло минут десять, когда к нам подбежал закутанный в такой же белый тулуп офицер, с погонами капитана, нашитыми несколько криво. Он быстро отстучал что-то на виртуальной клавиатуре и в тот же миг, у меня перед глазами появилась надпись: «Боевая задача обновлена. Приоритет — ноль один». Согласно следовавшей ниже разъяснительной записи и подробной карты маршрута, мне и остальным бойцам группы с позывным Мститель Четыре, предстояло снова лезть в глубокий

вражеский тыл. Вадим без особой суеты скомандовал:

- За мной, бегом, марш!..

Короткий инструктаж Лётчика мало что дополнял к уже прочитанного мной. Уточнено было лишь, что каждый из нас несёт по два компонента генератора помех, причём второй дублируется тем, что есть у другого. Так уменьшается вероятность, что прибор в нужный момент не заработает. В принципе умно, однако необходимость таскать лишний груз мало кого порадовала. После ещё одной проверки экипировки и оборудования, группа загрузилась в бронетранспортёр, окрашенный в бело-чёрный

камуфляжный цвет и мир снова сузился до залитого красным светом тесного нутра боевой машины. Машину почти не трясло, лишь изредка подбрасывая на ухабах. Все молчали, только Вадим по старой привычке крутил замызганный спичечный коробок меж пальцами. Получалось довольно ловко, всегда завидовал людям умевшим делать что-то незначительное, но в то же время очень эффектное. Странно, но именно сейчас, в спокойной обстановке, мне не удалось заставить себя уснуть. Какое-то тяжёлое, скверное предчувствие запустило свои кривые когти мне в душу и не отпускало пока мы не прибыли на

передовой пункт наблюдения, как услужливо показывала карта. Натужно скрипнув, распахнулся люк и я снова оказался в царстве белой вьюжной пелены. Не видеть дальше вытянутой руки, что может быть привычнее на войне?..

Россия, 28 ноября 2011г.
Приблизительно 200км от г.
Углегорск. 07.13 по местному
времени. Бывший штабной ЗКП 182-
го гвардейского тяжёлого
бомбардировочного авиаполка.
Центр единого стратегического
командования вооружённых сил
Советской России. Председатель
Государственного Комитета

Обороны, главнокомандующий ВС
СР - генерал армии Алексей
Макарович Широков. Реальная
политика.

...Резкий порыв пахнущего
сыростью ветра, обжёг кожу, а от
вдоха перехватило дыхание. Силась
удержать приступ натужного сухого
кашля, я прерывисто вдохнул. Кашель
не пришёл, это была ещё одна
маленькая победа над собой. Небо,
всё заложенное низкими облаками,
не давало возможности увидеть
звёзды. Старая примета гласит, что
если они будут слишком далеко, то
Судьба человека готовит ему
неприятный сюрприз. Порыв ветра
опять набросился, приподняв

воротник куртки. Она была старого образца, с большими заплатами на локтях. У каждого человека есть любимая вещь, я же отличаю эту куртку за то, что мы с ней проходим уже третью войну...

- Алексей Макарович, пора вниз, они ждут.

Голос адъютанта прозвучал откуда-то из-за спины, хотя минуту назад я был совершенно один. Вот такой он, этот Костя, везде найдёт. Рука привычно оперлась на костыль при повороте и я не глядя Ларионову в глаза просто пошёл ко входу в бункер. Снова сухой, прохладный воздух нагнетаемый кондиционерами, от уличных запахов

осталось только лёгкое свежее послевкусие.

- Китайские товарищи привезли посредника от Евросоюза?

- Да, Чжан сдержал слово и на сей раз это француз.

- Чиновник или военный?

Поворот был немного неожиданный. Неужели немцы спасовали, отдав вожжи своим давним соперникам? Отвечая на мой вопрос, адъютант лишь неопределённо пожал плечами.

- Чиновник МИДа, некто Себастьян Лебелль. Разведка составила на него короткую справку, в кабинете доложу подробнее. Там не особо много, лишние пять минут при

таком формате переговоров роли не сыграют.

Как только он произнёс слово «переговоры», меня слегка покорило. Время разговоров с Европой прошло. Если они не капитулируют до момента когда амеры попятятся, ракеты будут запущены и благополучное европейское болото снова будет гореть, как в 44-м году прошлого века. Беда этих господ в том, что они слишком уверовали в американскую непобедимость.

- Вместо этой встречи и пустых разговоров, я бы лучше ещё немного побыл на свежем воздухе. Европейцев погубит их снобизм...

Впрочем, это будет не в первый раз, пошли в кабинет, поглядим, что там накопала разведка...

... Собственно, личность эмиссара американских сателлитов меня особо не интересовала, просто нужно воспользоваться моментом и ещё раз обдумать сложившуюся ситуацию. Допустим, европейцы соглашаются на сепаратный мир и тогда Коалиция разваливается. В Европе остаются только неофиты, принятые в НАТО на волне «бархатных» революций 90-х годов прошлого века. Поляки, прибалты, чехи, румыны — все они будут цепляться за своих новых хозяев до последнего. Однако с ними особых

проблем не ожидается, армии этих стран слабы, плохо вооружены для масштабной войны. Новая советская армия без особых усилий сможет одержать победу над ними. Вопрос в другом, а вот пропустят ли старшие европейцы нас дальше, не станут ли мешать добить отступающего врага? Это и следует выяснить в первую очередь, но само собой не от этого «говорящего письма» Лебелля.

Я снова прошёл в кабинет и как можно более осторожно устроился в кресле. Монитор компьютера уже светился мягким белым светом. Но важную информацию мне на стол подавали в обычных картонных папках. Сейчас тут как раз лежала

одна такая, с надписью «Переговоры». Открыв её, с неприязнью вдохнул запах краски и свежей бумаги, никогда не доверяю всему новому.

- Там биографическая выжимка, послужной список и кое-что из личных пристрастий...

Костя быстро вышел, как только я глянул на него поверх очков, которые надеваю только для работы с документами.

- Хорошо. Извести товарища Чжана о небольшой задержке по времени, я скоро приду в конференц-зал.

Сделав вид, что действительно изучаю бумаги, я погрузился в

невесёлые раздумья. Операция начнётся уже совсем скоро, но данных о том, как поведут себя китайцы всё ещё нет. Санкцию на совместную тайную операцию в США они своей разведке дали, согласились практически тотчас же, как только Бережная ознакомила генерала Люй-Ши, шефа внешней разведки КНР, с имеющимся у нас планом. Однако, прямого ответа на наше предложение об открытии второго фронта и высадке на Аляске, так и не последовало. Выжидают, прикидывая свои шансы и выгоду от участия? Тут всё довольно прозрачно: участие даст Китаю шанс сбросить последнее препятствие на

пути к статусу сверхдержавы, позволит сделать качественный скачок в развитии страны. Ведь не секрет, что последние два года темпы роста их экономики замедлились и продолжают падать. Ещё месяцев шесть, может быть год, и начнётся спад, который потянет назад так быстро разогнавшийся поезд. А война позволит устранить главного конкурента, вырваться не просто вперёд, а стать впереди всех. Не думаю, что лидеры КНР этого не понимают. Однако, риск тоже велик и в случае провала – затяжная война, новые расходы. Без Китая не полезут в общую драку и индийцы. Этим вообще не выгодно отвлекать свои

силы, когда под боком кипит пакистанский котёл, готовый вновь взорваться. Только месяц назад, индийские спецвойска предотвратили взрыв «грязных» бомб в Кашмире и Пенджабе. Без вопросов ввяжется в драку только Северная Корея, но там всё кончится довольно быстро. Против расквартированных там сил Коалиции и южнокорейской армии, у войск КНДР нет шансов на победу, если её не поддержит Китай. А КНР ввязываться не станет, если информация агентов ГРУ об одностороннем пересмотре долговых обязательств США не будет воспринята китайским госсоветом достаточно серьёзно.

В конечном итоге, именно от нынешней встречи зависит, что и как будет происходить после того, как мы отбросим американцев в радиоактивную яму, которую они сами создали на нашей территории. Московская, Псковская, Брянская и Калининградская области для жизни совершенно не пригодны. Помнится, Наполеон тоже отступал по разорённым им же самим русским землям. Хоть было и зверски холодно, однако императорские солдаты не принуждены были пить радиоактивную воду. Потом гитлеровцам тоже повезло, а вот амерам и их табору удача явно покажет спину. М-да, каждый раз

агрессору всё тяжелее уходить с нашей земли... Но покуда это лишь благие пожелания, пока враг всё ещё оседлал Урал, а мы истекаем кровью. Нужно ударить и пусть удар окажется роковым для врага...

Дверь в кабинет приоткрылась, адъютант показался в проёме, на его серое от усталости лицо было невыносимо смотреть. Молодой ещё парень, а вот оказался в самом центре большой войны. Как там говорил классик: попадая в «глаз бури», мы всякий раз задумываемся, а так ли уж сильно нам повезло?..

- Алексей Макарович, иностранец копытом бьёт. Да и Чжан нервничает...

- Хорошо, пойдём.

Пришлось снова подниматься на три уровня вверх и ещё метров тридцать идти по переплетению коридоров. Американцы уже перестали бомбить, летуны генерала Примака и зенитные батареи нового главкома войск ПВО генерал-полковника Черкасова, отучили врага от беспечной наглости первых месяцев войны. С трудом подавляя приступы боли в культе, я преодолел последний десяток шагов до раскрытой в сторону двери длинной пустой комнаты. Тут раньше был кинозал, но сейчас всё переоборудовали под комнату, где проводились оперативные совещания

генштаба. По случаю приёма гостей, из обстановки остался только длинный, покрытый тускло-бордовым сукном длинный стол и десяток деревянных стульев, ужасно скрипучих и грязноватых. Костя вошёл первым и громко сказал:

- Господа, председатель государственного комитета обороны Российской Советской Федеративной Социалистической Республики – генерал армии Широков!..

Для слуха это было всё ещё не привычно, но я успел заметить, что китаец склонил голову, чтобы скрыть понимающую улыбку, от стоящего сейчас напротив него моложавого француза. Представитель Евросоюза

был среднего роста, полноват и совершенно лыс. При этом, Лебелль имел ухоженные светлые усы, светло-серые внимательные глаза и я с удивлением отметил, что он пользуется косметикой. Подкрашенные губы, немного туши на редких ресницах и бесцветный лак на наманикюренных ногтях пухлых рук. В личном деле этого не было, но это не играет особой роли, выглядит очень необычно. Мы с Чжаном обменялись рукопожатиями, его широкая жёсткая ладонь была сухой, пожатие сильным и отрывистым. Нервничает, встреча чем-то важна для его хозяев. Лебелль первым руки не протянул, а я не

спешил протягивать ему свою. Поэтому, ограничившись кивком, француз вынул из папки, которую всё это время стискивал левой рукой, несколько скреплённых позолоченной скрепкой листов бумаги и протянул их мне со словами:

- Господин Широков, я здесь по просьбе Антуана Фуке, специального комиссара Евросоюза по иностранным делам. Перед вами лежит меморандум о намерениях подписанный главами ведущих стран Европы.

Лебелль замолчал, в комнате повисла тяжёлая тишина. Костя, повинувшись моему жесту, взял листки

со стола и сделал вид, что читает. Всё это время я безотрывно смотрел в лицо французу, пока тот не выдержав, не начал вертеть головой, пряча глаза. Говорил он по-русски, с картавым французским акцентом, но вполне внятно и бегло. Поэтому я кивнул ему и Чжану на стулья и ответил:

- У нас, у русских, есть хорошая поговорка, что в ногах правды нет. Прошу вас, господин Лебелль, присаживайтесь.

Француз сел на протяжно скрипнувший под его весом стул, напротив меня. Чжан сел демонстративно далеко от Лебелля и нас с Костей, показывая, что он тут

фигура нейтральная. Француз чуть поёрзав, снова открыл было рот, но я опередил его и начал говорить:

- Не трудитесь пояснять, господин представитель, содержание этого документа мне очень хорошо известно. Как известно и то, что ваши хозяева не собираются выполнять пункты 4.9 и 5.2 данного соглашения. Остальное там – суть обычная словесная мишура, не более того...

Всё шло именно так, как мы изначально и думали. Европейцы всё ещё наедятся усидеть на двух стульях и проскочить между американцами и нами. С целью лишить Коалицию единства, российским МИДом был

подготовлен договор о заключении сепаратного мирного соглашения между РСФСР и ведущими странами Евросоюза. Прежде всего Францией, Германией и Италией. Все они проводят, или стремятся проводить, наиболее независимую политику в рамках своих соглашений с американцами. Более того, на территории ФРГ и Италии размещается значительная часть вспомогательной инфраструктуры Коалиции. Если бы удалось заключить мир, или хотя бы заставить их инициировать процедуру выхода из состава Коалиции, это поможет нам на направлении главного удара зимней

компании. Не сильно, однако поступление подкреплений и снабжение группировки коалиционных сил будет существенно затруднено. В дальнейшем, можно ожидать, что войска перечисленных стран будут сняты с фронта и сложат оружие, позволив нашим наступающим войскам без боя преследовать и уничтожить отступающего врага. Без союзной поддержки, боевая эффективность противника сильно снизится. Так говорят аналитики ГРУ и судя по тому, как развиваются события, я склонен с ними согласиться, пока ситуация развивается в прогнозируемом

коридоре событий.

Документ удалось передать через швейцарское торгпредство в Париже. Наши агенты сработали чисто, французская контрразведка никого не смогла задержать. Как и ожидалось, прямо нам отказывать не решились. Учитывая шаткое положение Коалиции и результаты операции наших войск в последнее время, европейцы решили выиграть время. Сначала, ответа не последовало вовсе, но после того, как положение на Урале стало не таким однозначным, прислали вот этого накрашенного месье. Более того, из контекста переданного им документа, аналитики смогли

выделить два очень важных для Советской России момента: дезу о разгроме подводного флота все приняли за чистую монету, а потери указанных стран как в материальном, так и в людском ресурсах порождают болезненные процессы недовольства населения и даже крупных финансовых кругов. Поэтому, многое сейчас зависит именно от того удастся ли нам победить и вынудить американо-английские части к бегству. Тогда, поняв что мы держали козырь в рукаве, европейцы тормознут военные поставки, чем существенно ослабят и без того дезорганизованные силы Коалиции на восточном фронте. Мы тоже

слабы, но если вторая часть плана сработает, к этому времени Китай и Индия открыто выступят на нашей стороне. В этом случае нанесение ядерных ударов будет уже избыточным как с нашей, так и с американской стороны. В последнем случае, скорее всего даже невозможном, как уверяют меня спецы Нины Ивановны. Пока мы тут соревнуемся в политесе, вновь воссозданная североамериканская резидентура ГРУ, при негласной поддержке китайской разведслужбы, проводят внедрение компьютерного вируса в компьютерную сеть слежения за ракетными запусками американской оборонной системы

НОРАД. Нечто похожее уже несколько лет тому назад запущено китайцами в системы управляющие энергопотреблением, регулирующие железнодорожный транспорт и прочие элементы инфраструктуры США имеющие двойное назначение. Как сказано в краткой справке, которую мне присылали из разведуправления, вирус создаёт нечто вроде собственной подсети, дублирующей основную. И пока не подана управляющая команда, он ничем не выдаёт себя. Но как только поступает такой приказ, созданная подсеть блокирует основную, выводя из строя все электростанции. Она перегружает городские энергосети,

заставляет идти в разнос реакторы атомных станций. Поэтому в момент наступления, у американцев и их союзников возникнут комплексные проблемы, которых они не ожидают.

Все эти рассуждения кратким мигом пронеслись в сознании, пока я слушал, как француз начал нехотя возражать:

- Господин генерал, данные пункты предполагают прямое нарушение договорённостей с союзником... очень сильным союзником. Страны, которые я представляю на этой неофициальной встрече, никогда не смогут дать вам твёрдых гарантий пока... Пока в конфликте не наступит полная

определённость.

...После того, как Лебелль озвучил словом «конфликт» тот ад, которым обернулось вторжение в Россию в том числе и его соотечественников, мне захотелось просто от души врезать ему по морде. Сколько раз бы захватчики не приходили на Русь, всегда они прикрываются какими-то высокими словами, на деле проявляя зверскую жестокость к обычным, мирным людям. Но стоит прижать вот таких «цивилизаторов» к стенке, отобрать оружие, как тут же начинается стон о «зверствах» русских, миллионах «замученных» европейцев и прочие благоглупости. Буквально позавчера,

мы с начштаба выезжали в тыл, дабы разобраться с тремя тысячами пленных американцев, тех же французов, англичан. Наёмников и наёмников из бывших советских республик до таких лагерей не доводили. Солдаты, слыша корявую русскую речь, иногда просто развешивали таких «ловцов удачи» на уцелевших фасадах рухнувших зданий, покосившихся фонарных столбах, пулю тратят редко. Так вот, я попросил на выбор поговорить с тремя пленными. И каждый старался сказать, что убивать никого не хотел, его заставили травить газом города или бомбить госпиталя. А в доказательство своих лучших

качеств, все трое говорили о том, что они де, люди семейные. Наглый цинизм, помноженный на твёрдую убеждённость в собственной безнаказанности. И мне не жаль его детей, потому что они сами лишены жалости. Поэтому я отказал в просьбе представителя швейцарского «Красного креста» в освобождении всех заключённых. Здоровые и наиболее матёрые пошли в расход, а тех девяносто три человека что были покалечены или имели серьёзные ранения, приказал обменять на тех немногих солдат, офицеров и просто мирных жителей, кто так же находился по ту сторону фронта. Но вслух я ответил:

- Мы понимаем ваши опасения, месье Лебелль. Более того, советская сторона не будет настаивать на немедленном подтверждении соблюдения данных пунктов соглашения. Но поймите и вы нас. Идёт война, месье Лебелль. Как бы нейтрален не был язык дипломатии, в данном отрезке времени, важнее язык военный, он более конкретен и уместен в данном случае. И вот как военный и как председатель ГКО, говорю вам: если в предусмотренные договором временные рамки, Франция, Германия и Италия не начнут процесс вывода своих войск, технического и вспомогательного персонала с российской территории,

а так же не предпримут мер по блокированию войск Коалиции в пределах её инфраструктуры, развёрнутой на территории этих стран, будут серьёзные последствия. Советское государство в этом случае нанесёт по территории Евросоюза упреждающий удар, в том числе будет использовано оружие массового поражения, включая тактические ядерные заряды.

Лицо француза не дрогнуло. Более того, весь мой опыт общения с такими вот скользкими типами говорил, что про подготовку ядерного удара он знал заранее. Другое дело, что европейцы не принимают в расчёт «потопленные» подводные

лодки, рассчитывая перехватить ракеты тех немногих мобильных ракетных тактических комплексов, о которых мы намеренно допустили утечку. Очертив наманикюренным, покрытым бесцветным лаком, ногтем указательного пальца некую черту перед собой, Лебелль чётко произнёс:

- Весьма сожалею, что мы не поняли нужд друг друга, господин генерал. И ваша неуступчивая позиция ставит под угрозу принятия комплексного соглашения, составленного на взаимовыгодной основе.

Резкий приступ боли пришёл всё так же неожиданно, как и обычно.

Мне едва удалось сохранить невозмутимое выражение лица и унять дрожь в голосе:

- Поверьте, мне тоже очень жаль, месье Лебелль. Однако, советская сторона оставляет дверь приоткрытой. Если вдруг, главы европейских держав, уполномочивших вас, решат изменить своё решение, мы не будем добавлять новых условий, или пересматривать уже прописанные в договоре.

Тень злорадной усмешки на мгновение промелькнула в глазах француза. Он буквально упивался отведённой ему ролью хозяина положения.

- Увы, я не вижу к этому повода, господин генерал.

Боль ушла так же внезапно, как и появилась, оставив после себя звенящую пустоту в голове и лёгкую дрожь в пальцах. Лебелль заметил это и не удержавшись от улыбки сказал:

- Вам тоже не мешает подумать о сложившейся обстановке, господин Широков. Если вдруг вы решите начать переговоры с представителями Коалиции о капитуляции, то Франция готова взять на себя роль посредника.

- И мы это очень ценим, месье Лебелль. Поэтому, у меня есть к вам встречное предложение. Если вдруг,

ваши хозяева передумают, следя за тем как развиваются события на Урале и захотят вернуться к соглашению с РСФСР, пусть сделают кое-то.

Разговор свернул с тех тем, в рамках которых посланник Евросоюза чувствовал себя комфортно, поэтому на моё предложение он отреагировал не сразу, даже не сумев скрыть явного удивления:

- Господин генерал, я не уполномочен ничего обещать...

- Но передать-то вы вполне способны, на память не жалуетесь?

Француз всё ещё был в шоке, однако быстро сумев справиться со

своими эмоциями он неопределённо кивнул:

- Если это не накладывает на уполномочивших меня людей никаких обязательств, то я всё передам.

Я сделал адъютанту знак и Костя протянул мне кальку масштабной карты пригородов Петербурга. На ней был отображено наиболее вероятное направление удара под Колпино. Показать это было можно ещё и по той причине, что эстонские и финские части накапливались там совершенно открыто, уверенные в своём численном и техническом преимуществе перед сводными

отрядами ополченцев, курсантов военных училищ и моряков-балтийцев.

Увидев карту, Лебелль слегка помрачнел, но не особо удивился. Он тоже считал, что Серебряный город на этот раз уж точно падёт к ногам захватчиков. Поэтому очень легко произнёс:

- Мы не имеем влияния на командование союзных частей в этом регионе, господин генерал и я не понимаю...

- А я объясню, господин посланник. Силы Коалиции в этом районе состоят из прибалтов и финнов, которые сейчас проявляют наибольшее рвение в войне против

России. И я не прошу их отзываться, поскольку понимаю ваше положение.

Правая бровь посланника произвольно поползла вверх, и он спросил опережая мои пояснения:

- Тогда в чём же состоит ваша просьба?

- Всё предельно просто, господин Лебелль. Поддержку этих частей средствами радиоразведки, артиллерией и авиацией, осуществляют французские войска. Если вдруг, связь пропадёт, самолёты с вертолётами не прилетят, а артиллерия не станет стрелять, нам этого будет вполне достаточно в качестве жеста доброй воли и фактического принятия условий

брюссельского меморандума. Явно вас никто обвинить не сможет, а вскоре... Всё течёт, всё изменяется, месье Лебелль.

Француз был реально ошарашен, смущён и дезориентирован. Подобное предложение означало, что у русских либо есть какой-то убийственный козырь до которого не докопалась ни одна разведка союзников, либо это очень дерзкий блеф. Но глядя мне прямо в глаза, Лебелль сумел разглядеть нечто такое, что удержало его от возражений. Он просто кивнул в знак согласия и прошептал что-то китайскому чиновнику дал понять, что его миссия выполнена. Кивнув

французу на прощание, я поднялся с кресла и мы вышли в другую дверь, ведущую к служебному лифту. Ход сделан, посмотрим, что из этого получится.

...Уже в тамбуре, отделявшем длинный коридор от гулко́го ангара, внутри которого уже начинал прогревать моторы тяжёлый транспортный самолёт, Костя снова спросил меня, пока рёв двигателей не заглушит любой звук совсем:

- Алексей Макарович, а зачем вы ему карту показали, ведь теперь они знают, что направление главного удара их группы раскрыто?

Имея светлую голову, когда нужно что-то достать или

обеспечить, Ларионов был слишком горяч и скор в суждениях. Недостаток молодости, который скоро уйдёт, иногда позволял мне вслух проговаривать уже принятые решения, порой исправляя неочевидные с первого взгляда недоделки. Поэтому я ответил насколько возможно откровенно:

- О том, что мы знаем про чухонские бригады, натовцы наверняка знают и так. Но даже если нет, то это лишь послужит доказательством нашей осведомлённости.

- Но как же ополченцы? Ведь враг может изменить направление ударов, перегруппироваться и

ударить в другом месте.

- Может, но не станет. По данным перехватов и сведениям фронтовой разведки, чухонцы слишком сильно рассчитывают именно на помощь французского контингента. Им прекрасно известно, где и сколько ополченцев им сможет противостоять. Эти неофиты буквально упиваются своим превосходством, поэтому ничего менять они не станут. К тому же, Лебелль ведь не побежит к финнам в штаб, он доложит своему начальству, а то в свою очередь не станет слишком торопиться с тем, чтобы дать «младшим партнёрам» эту информацию.

В очередной раз я заметил, как на щеках адъютанта заиграл лёгкий румянец. Костя всё ещё сердился, что не смог додуматься до подобного самостоятельно, поэтому я добавил:

- Ничего, это пройдёт. Ты всё ещё мыслишь шахматными категориями, в то время как война, это покер. Числа, точный расчёт результата тут не работают. На войне все действия строятся в расчёте на личность противника, на интуиции и тем возможностям, которые мы обязаны от него скрыть до поры. Или показать кое-что, дабы он перестал нервничать и играл по нашим правилам.

- И когда же этот козырь можно

будет предъявить?

- Как всегда в игре с большими ставками, Костя – в самом конце партии...

К самолёту мы добрались, когда восточный ветер принёс стылую, мозжащую сырость. Плотнее закутавшись в бушлат и пряча слезящиеся от ветра глаза, я без посторонней помощи взобрался во вместительное брюхо транспортника. Тут нас встретил командир корабля и с некоторой предупредительностью, которую он всячески стремился скрыть, проводил в отдельно отгороженный закуток рядом с пилотской кабиной. Тут было два удобных кресла и от

остального трюма нас отделяла довольно толстая переборка. Поэтому было относительно тихо и очень тепло. Вытянув ноги и отставив костыль к стене, я прикрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Самолёт взревел и медленно набирая разбег стал выруливать на основную полосу. Вскоре земля затряслась, сто эхом отдалось в пульсирующей резкой болью ноге. А потом, тяжёлая туша транспортника вдруг замерла в воздухе, породив восхитительный момент свободы от земного притяжения. Пилот лично заглянул к нам и сказал:

-Всё, легли на курс, товарищ командующий. Через пять минут

встреча с эскортом, до пункта назначения три часа сорок восемь минут...

Летели мы в небольшой посёлок — Солнечный, что находился в нескольких десятках километров от почти нетронутого войной Комсомольска на Амуре. Там размещался контрольно-измерительный пункт военно-космических сил. Правда, сейчас он был переоборудован в нечто вроде секретной тюрьмы, первой настоящей тюрьмы новой России. Более семи уровней, пять сотен метров в глубину, полк охраны и пока всего три десятка узников в одиночных камерах.

Дело в том, что в то время, как большинство праздновало первую победу над врагом, некоторые готовились к перевороту. Молодой и амбициозный генерал Афанасьев с десятком единомышленников остановил наступление на своём участке фронта. Затем, пытался выслать парламентёров к американцем и отдал приказ группе специально отобранных солдат и офицеров из числа комендантской роты второго корпуса, проникнуть на главный КП штаба центрального фронта и арестовать меня, со всем аппаратом генштаба.

Причина по которой Афанасьев решил поднять мятеж, до сих пор

вызывала у меня чувство гадливости. Он, оказывается, серьёзно верил в весь этот бред про сталинские репрессии, всероссийское покаяние. Даже высказывался, что неплохо бы монарха призвать. Уж не знаю, может даже дворянином себя ощущал. А тут ещё и карьерная ступенька подоспела. Дело в том, что чин генерал-майора, Афанасьев получил всего за неделю до начала вторжения. На тот момент ни я, ни другие офицеры этому факту значения не придали. Молодой генерал толково организовал дела в корпусе, а до этого отлично служил при штабе округа, не дрогнул как многие в тот момент. Потом было

наступление, Второй Корпус воевал хорошо, грамотно. Думаю, происходило это не от того, что предатель хотел себя показать с лучшей стороны. В деле, которое я просматривал кутаясь в тулуп сидя у иллюминатора, был материал о том, что уже тогда отбирались офицеры по принципу личной преданности Афанасьеву. Его начальник разведки — полковник ГРУ Ольховников, отыскивал знакомых Афанасьева, подтягивал своих сослуживцев из других подразделений. Он же организовал устранение старшего лейтенанта Вартаняна, своего подчинённого из особого отдела корпуса. Вартанян случайно вышел

на схему захвата светлогорского ЗКП и не подумав, доложил заместителю Ольховникова, также вовлечённого в заговор.

И план бы несомненно удался, ели бы не предусмотрительность полковника Мережковского, начальника особого отдела 46-й мотострелковой бригады 2-го корпуса. Когда им из штаба Афанасьева пришло распоряжение обеспечить американским парламентам коридор, для прохода через позиции его бригады, тот через голову командира части, обратился непосредственно в разведотдел фронта. Там панику поднимать не стали, предложив Мережковскому

проверить лояльность своего
комбрига. Особист выехал в штаб
бригады и как оказалось вовремя:
путчисты арестовали командира
бригады и весь его штаб, под
предлогом измены Родине.
Мережковский со своими людьми
комбрига со штабом освободил.
Вскоре, цепочка единоначалия была
полностью восстановлена,
американцы отброшены даже далее,
чем в ходе наступления, а Афанасьев
с преданными ему людьми был
блокирован силами двух рот полка
Внутренних войск. После суток
переговоров, мятежники сдались и
были эпатированы в тюрьму
закрытого типа «Солнечный». Рядом

располагалась туристическая база, теперь полностью переделанная для нужд персонала охраны. Заключённых держали в расконсервированном сейчас десятиуровневом запасном командном пункте космических войск. Узкие, похожие на пеналы коморки, минимум света, абсолютная звукоизоляция, двухразовое питание. Осмотр врача раз в два месяца, Ольховников уже тронулся рассудком, как и некоторые другие участники заговора. Но Афанасьев держался, следователям отвечал высокомерно, даже шутил. В ходе допросов выяснилось, что главными подстрекателями были

именно Афанасьев и его близкий друг Ольховников, с которым они вместе служили ещё в Москве, при генштабе...

- Подлетаем, Алексей Макарович...

... На земле ещё больше завьюжило, видимость существенно снизилась и наш джип, как и

обе машины сопровождения, двигались почти шагом. Дорога от небольшого аэродрома до КПП тюремного комплекса растянулась почти до шестнадцати сорока. И когда двойные створки ворот наконец-то открылись, были уже густые осенние сумерки. Снежная пыль блестела в жёлтом свете

фонарей, культа снова начала ныть, как это бывает на холоде. Во внутреннем дворе нас встретил начальник тюрьмы майор Померанцев и недавно назначенный главным военным прокурором полковник Мордвинов. Померанцев выглядел простовато: под пятьдесят, круглое обветренное до багровой красноты лицо с крупными чертами, белая от седины плешивая голова, сейчас прикрытая обмятой по фасону служак «ушанкой». Майор чётко отдал честь, мы обменялись рукопожатиями:

- Товарищ главнокомандующий! Все заключённые на месте, больных тяжело – шестеро, недужных – двое.

Заключённый 58903 доставлен в комнату для беседы, согласно приказу товарища главпрокурора. Вас разместим со всем возможным комфортом, но...

- Не нужно беспокоиться, Олег Михалыч. Я , собственно, в твоё хозяйство только проездом. Побеседую с ... бывшим товарищем и дальше поеду. Пошли, а то вон, прокурор-то в шинели уже ногами от стужи перебирает...

Полковник Мордвинов был невысок, жилист и действительно не выносил холода. Назначил я его по представлению главначштаба Пашуты. Согласно представлению, Мордвинов и рота «вованов» под его

командованием, остановила грабёж и мародёрства в освобождённых областях под Новосибирском, в кратчайшие сроки принудив к сдаче расселившихся по лесам и руинам вооружённых местных жителей, вообразивших себя последними людьми на планете. С особенно непонятливыми, люди Мордвинова поступали очень жёстко, там до сих пор есть местная достопримечательность — «аллея мародёра», где на вкопанных специально для этой цели столбах линии электропередач развешены убийцы и грабители. Почувствовав силу новой власти, «выжиывальщики» потянулись к

комендатурам, на подушную перепись и сдачу оружия.

На должности главного военного прокурора, Мордвинов тоже оказался крут, однако, это был не тот случай, когда «дыба, костёр и чистосердечное признание» правили бал, отнюдь. Просматривая дела мордвиновских людей и те решения которые выносил он сам, я видел суровость, но вместе с тем и справедливость, а часто и снисхождение одного фронтовика к другому, пусть и давшего слабинку, оступившегося. Тем жёстче работал полковник с теми, кто сейчас сидел в «Солнечном». Ни один не получил послабления, все ждали расстрела...

кроме главного зачинщика — Афанасьева. И когда я спросил, почему, Мордвинов лишь дёрнул щекой и сказал:

- Он открыл ворота города, когда в них лбами бились голодные волки, товарищ командующий. По моим данным, от артобстрелов, действий французской и американской авиации, а также подразделений контракторов, погибло до пятидесяти девяти сотен человек. Это раненые, беженцы, части находившиеся на перестроении. За такое мало расстрелять тут, вдали от всех. Нужно показать его людям. Будем кормить, беречь и лечить... А вот как закончится это всё, устроим

показательный суд, пусть народ наш его осудит, пусть простые люди, кто выжил, кто натерпелся, пускай они своё слово скажут.

- Толково ты это сказал, Валерьян Петрович! Вот что мы сделаем: подручных всех конечно, по законам военного времени, а вот таких как этот деятель, нужно беречь как зеницу ока. Вези их всех сюда: наших вези, импортных собирай, кого солдаты не пристрелят, а потом будет суд. На весь мир покажем, пускай все знают как и что было.

- Есть, товарищ Председатель Государственного Комитета Обороны! Будет исполнено, не сомневайтесь. Только вот,

послушают ли они нас, в мире-то?

В зелёно-карих, красных от недосыпа глазах военного прокурора мелькнуло сожаление. Такое всегда можно увидеть во взгляде добросовестного работяги, когда он предвидит пренебрежение к результатам своего труда со стороны несведущих. Я сердечно пожал его крепкую ладонь и сказал:

- Эта война снова, как и семьдесят лет назад, докажет нашу правоту. Но на этот раз, только от нас самих зависит, насколько долгой будет память поколений. Давай постараемся, чтобы никогда не забыли. И слушали очень внимательно. Сверхзадача всегда

мобилизует, Валерьян Петрович...

...В комнате для допросов всё было как обычно: привинченные к полу прямоугольный стол, два стула по обе его стороны, яркая лампа дневного света и никакого окна, даже мелкой форточки. С непривычки, я даже слегка оглох от навалившейся разом тишины. Она была абсолютной, гасила все звуки, даже голоса звучали здесь как-то особенно глухо. Отставив костыль в сторону, прислонив его к краю обитой алюминием столешницы, я с облегчением опёрся локтями о край стола. Переход по длинным коридорам, поездка в лифте и ещё несколько коридоров с тусклым

освещением настроения не улучшали. И не от того, что я боюсь низких потолков и подземелий, отнюдь. Живя с начала войны в бункере, давно уже привык, даже на открытом воздухе стало чего-то нехватать.

Я подсознательно чувствовал, что Афанасьева этот антураж не сломит. Такие более всего обожают показательные страдания, возможность проявить силу характера. Мол, смотрите: я не боюсь подземелий и палачей «режима». Тюрьма призвана воспитывать раскаянье через страх, человек должен чувствовать лишения, в этом весь смысл таких заведений. Но мазохиста, с манией

величия этим не пронять. Поэтому, я не удивился, когда заключённого ввели, усадили напротив и защёлкнули особое кольцо в цепи кандалов, прикрученное к середине столешницы. Бывший генерал поднял на меня светло-карие глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, лёгкая щетина и растрёпанность побитых сединой чёрных курчавых волос даже шла ему. Поняв, что нормального разговора не получится, но время всё-таки потрачено, я сказал:

- Ну здравствуй, Саша! Про самочувствие не спрашиваю, вижу, кайф от своего положения ловишь.

В глубине глаз предателя

метнулся испуг, он внешне он лишь широко улыбнулся, как бы с презрением:

- А вы Алексей Макарович, почему без регалий, ведь немало теперь их у узурпатора-то?

Пикировка с тем, кто находится в более уязвимом положении унижает, поэтому пропустив мимо ушей эти вымученные колкости, я продолжил:

- Про регалии это потом, после войны поговорим. Уверен, народ наш всё справедливо присудит. Я сюда ехал, чтобы спросить тебя, Саша, какую власть ты собрался посреди войны провозглашать, когда враг от тебя в двух десятках километрах

стоял?!

- Демократическую, которой присягу давал... и Вы, генерал Широков, тоже присягали! Или нет?!

...Подспудно, у меня было чувство, что Афанасьев скажет именно это. И не просто скажет, а вот так, с пафосом, бросит мне в лицо. Время до встречи с китайским эмиссаром госсовета КНР ещё оставалось, почему бы не оказать бывшему коллеге хотя бы эту честь, дать ответ на мучающий его вопрос. Чуть отстранившись, чтобы дать отдых начинающей ныть культе и дырке в простреленном лёгком, я утвердительно кивнул:

- Да, разумеется. Только вот

правительство испарилось в облаке раскаленной плазмы, в ноль шесть утра двадцать шестого июля, Саша. А последний представитель этой демократической власти, губернатор Хабаровского края Свартин, Юрий Семёнович... Напомни мне, что он тебе предложил, когда твои коменданчи привели его, грязного и оборванного к тебе на КПП. Амеры тогда утюжили позиции корпуса авиацией, время было горячее. Так что он тебе предложил, когда ты взяв под козырёк, затребовал указаний и связи с правительством страны?!

Лицо Афанасьева потемнело, на скулах вспухли узлы желваков, я даже отчётливо услышал, как пленный

скрипнул зубами. Сдавленным голосом он нехотя процедил:

- Затребовал полного прекращения огня и связи с американским командованием... чтобы те связали его с семьёй на французской Ривьере.

- И что ты ему тогда ответил? Пропустил «народного слугу» через линию фронта?!

Афанасьев вдруг вскочил, дёрнулся вверх, порываясь отойти от стола. Но кандалы прочно удержали его на месте, ему удалось лишь пошатнуться на стуле. Дверь в камеру мгновенно приоткрылась, но я махнул рукой, охранник исчез и дверь снова затворилась. А

заклѹчѣнный заговорил опять:

- Да! Расстрелял эту гниду, потому что он тоже нарушил присягу, предал конституцию которой обязан служить. Он тоже был предателем, для меня вы оба на одной доске!

- Система в которую ты веришь, Саша – была изначально порочна, ибо строилась не на волеизъявлении народа, а на предательстве его интересов, кучкой преступников и авантюристов. Эти «ценности», завезли к нам те, что сейчас жгут наши города и травят граждан страны газом! Заметь, Саша: той самой страны, которой мы оба присягали. И вот я, предатель и узурпатор даю им отлуп и бью без пощады! Бью и буду

бить пока могу и вцеплюсь им в глотку когда буду помирать хоть зубами. А ты, поборник закона и конституции открываешь им фронт, позволяя творить Зло. Непоправимое, чудовищное по размахам Зло, Саша!..

Афанасьев хотел было возразить, но время которое отпущено на беседу, истекло. Я понял, что моих аргументов для убеждения этого оступившегося идеалиста не хватит. Таких нужно убеждать делами, поэтому я сказал:

- Нет, Саша, она порочна, как и все «дары» принесённые нам в 91-м. Благодаря этой системе, мы сейчас потеряли половину половины той

страны, которая у нас была двадцать лет назад! Благодаря ей и тем выродкам, которые нами управляли, Россия сейчас истекает кровью, а армия снова состоит не из умудрённых опытом профессионалов, а из выживших в этой мясорубке мальчишек и девчонок! Им бы детей рожать, учиться, радоваться жизни... А мы и эта твоя «демократическая власть» их не защитили. Всё, Саша! Хватит экспериментов и поисков. Мы вернёмся туда, где нас сбили с дороги. Туда, где у каждого была работа, были права на труд, учёбу и медицину. Мы всё исправим и больше никогда не пустим врага на

родную землю, не оступимся и не свернём. Китайцы не свернули и у них получилось, я уверен, сможем и мы. Нужно вспомнить, что за тот выбор заплачено кровью тех же граждан, наших с тобой предков. Нельзя предавать купленное такой дорогой ценой и мы больше не допустим такой ошибки, не отречёмся. И в новом мире который народ России построит теперь, для твоих «демократов» нет места. Ведь всё что они умеют, это жрать в три горла и брать, брать, брать! Этого тоже больше не будет: от каждого по способностям, каждому по его труду. Это справедливо и так у нас всё и будет, по справедливости... даже доя

таких как ты, Саша.

... Наша страна устроена не так, Саша. Ей нужно беззаветно служить, отдавать всего себя, не жалеть ничего и никогда. А ты, вместо того, чтобы исполнить свой долг офицера и гражданина, затеял бунт посреди войны! Ты и твои ублюдки ударили воюющему народу в спину!.. Ты думал, поставим к стенке, а позже такой же вот поддонок сочинит про вас байку, как несколько бескорыстных бессеребренников-офицеров задумали остановить кровавого тирана, прекратить войну и подняли восстание? Не надейся, такого не будет. Сейчас посидите тут, под замком, некогда с вами турысы

разводить. Считай полстраны под американцами и их лизоблюдами... Пусть пройдет время, Саша, и будет суд. А пока, тебя будут беречь, кормить и лечить. Чтобы ты и некоторые твои подручные дожили и смогли посмотреть советским людям в глаза. Перед ними будете отвечать. И отвечать будете своими словами, а мы запишем, чтобы никто не смог перевернуть. Это будет вернее, чем петля Иуды, которую вы заслужили...

- А говорил, что народ осудит...

- Не лови меня на слове, Саша.

Народ?!.. А сколько душ погубила твоя авантюра, ты знаешь?! В любом случае, пока не до вас. Ни мне, ни народу за который ты так хочешь

спрятать свою низость, воюем мы. А суд будет открытым. Если доживу, я своё слово тоже скажу. Может быть, даже рядом сесть придётся... я тоже виноват... у всех нас есть за что просить прощения у людей... у всех... У живых и у мёртвых, а тем паче у тех, кто из-за этой войны не родится никогда. Прощай, Саша. Может и увидимся ещё, кто знает...

Я тяжело поднялся, уже не глядя на Афанасьева и не слушая того, что он выкрикивал мне в спину. Этот разговор окончен, больше нам нечего друг другу доказывать. Теперь всё только времени под силу расставить по своим местам. Фигуры же, должны занять свои места на доске,

игра всё ещё продолжается...

...Уже в самолёте, когда медсестра сделала своё «чёрное дело» и боль наконец-то отступила, из пилотской кабины вышел Костя и наклонившись почти к самому уху сказал:

- Только что через китайского атташе в Харбине получена условленная фраза: «Белый Тигр, Красный Дракон и Небесный Лучник – могут собираться в путь, младшие братья будут помогать в дороге».

Сердце, отягощённое разговором с предателем растаяло, мутная горечь ушла. На какое-то мгновение, мне показалось, что сквозь низкие облака сверкнул луч солнца. Китай, Индия и

Северная Корея поддержат «Северное сияние» и выступят на нашей стороне. Наконец-то в войне наметился коренной перелом. Наконец-то две Коалиции, два взгляда на то, что есть справедливость! Мир стремительно менялся, надеюсь, что к кровавой цене прошлых месяцев, не придётся прибавлять ещё больше русской крови. Я устало закрыл глаза:

- Ответь, что положено, Костя. Мы летим домой...

Под успокаивающий гул моторов, накатил светлый, прозрачный сон. Обе мои ноги были при мне, мы с женой были на той старой дощатой танцплощадке, что

была когда-то в центре моего родного посёлка на Черниговщине, и самодеятельный оркестр играл «Случайный вальс». Было так тепло и пахло сиренью. На какой-то миг я даже поверил, что войны нет вовсе. Но только на короткий миг...

Россия 08 декабря 2011г.
Большеземельская тундра, режимный тыловой район «L-44» сил Коалиции. 183км северо-восточнее Тиманского кряжа. 06 группа ОРДО «Мститель». Заместитель командира группы Антон «Ропша» Варламов. Ломка стереотипов, или почему Бездна, это не всегда гиблое место.

...Никогда бы не подумал, что

буду хотеть, чтобы колючая снежная пыль сыпала ещё гуще. Здесь, в ровной как стол тундре, любое существо или возвышенность, оказываются видимыми на много километров окрест, стоит стихнуть метели, а тучам рассеяться. Ясный день, не для тайных дел, это известно всем. И поэтому желание быть укрытым от посторонних глаз сейчас было особенно острым. После того, как нас высадили непонятно где, «броня» отвалила и мы очутились практически в чистом поле. Но едва я подумал, что отсюда придётся топать пешком, да ещё волочь груды общественного добра на собственном горбу, как совсем рядом

появился невысокий человечек в меховой парке и с «калашом» за плечами. Непонятный мужик шустро вёл в поводу десяток низкорослых, коротконогих лошадок, с непропорционально большими головами. Всего я насчитал десять животных и ещё трёх собак, почти молча нарезавших круги вокруг каравана, ибо все лошади не были связаны между собой. Увидев нас, человечек окриком остановил животных и свиснув негромко собакам, побежал в нашу сторону.

- Прапорщик Карнаев, третий батальон погранвойск ГРУ! Приказано скрытно сопроводить вашу группу в оперативный район

56'78. Данные в вашем КПК!

Этот странный прапор безошибочно определил в Вадиме командира нашего небольшого воинства и обращался только к нему. Собаки валялись в снегу, шутливо грызлись между собой, ибо лайка не может долго устоять на месте, если чует дальнюю дорогу. Сколько раз не сталкивался с этими сверх умными животными, всегда казалось, что они уже сами знают, куда человек пойдёт и что их всех ждёт впереди...

Вадим на некоторое время застыл, просматривая приказы и сверяя что-то на невидимом экране, потом махнул нам рукой:

- Всё ровно, грузимся на

лошадей. Ропша, Михалыч, Краб –
ваши три первые лошадки. Хохол,
Чёрный - грузитесь на пегую и серую
лошадь. Потом цепляем
оборудование к остальным. Погнали!
Дозоров не выставлять, это приказ.

Закреплять груз нам помогал
шустрый прапор, который будто бы
успевал везде на свете. Полностью
всё утрясти и тронуться вперёд,
получилось менее чем через полчаса.
Про дозоры это было правильно.
Собаки принялись кружить вокруг
отяжелевшего каравана едва мы
набрали полный ход. Такие сторожа
никого не подпустят, к тому же мы
сохраним взятый сразу же высокий
темп движения. Сидеть на лошадке

долго не пришлось, проводник заставлял спешиваться и бежать рядом, если видимая только ему дорога выходила на твёрдый участок промёрзшей земли, не слишком занесённый снегом. Надо сказать, делал он это так умело, что к первому привалу мы подошли практически не уставшими.

Увидев мой немного ошарашенный взгляд, Карнаев кивнул на опустивших в снег морды лошадей и перекрикивая свистящий пронзительный ветер, объяснил:

- Это не для вас, лошадки немного вздохнут, и дальше побежим.

- Только в кино таких видел...

Карнаев улыбнулся, от чего его

кирпично-коричневое безволосое лицо, едва видневшееся из-под капюшона сложилось в забавную сеть складок.

- Враг тоже не заметит. Мы теперь для них – дикая природа, пока в зону их патрулей войдём, тревожиться не будут.

- А когда войдём?

- Ну тогда...

Веселье вдруг исчезло из глаз проводника, а чёрные глаза смотрели пусто и безразлично.

- Тогда, мне командир обещал что я тоже десяток смогу убить. Я советовался с Удэгэ, он у нас главный по разговорам с духами, он сказал: если не можешь отпустить своих

душой, отпусти тех, кто это сделал...
духи не против.

- Тоже личный счёт к амерам?

Проводник согласно кивнул, но ничего больше не сказал. Само собой, я не настаивал, лезть в душу — последнее дело.

Вскоре, перед глазами, которые сейчас были как и у остальных скрыты за очками, появился маркер «готовность ноль». Я снова взобрался в узкое седло и лошадь неторопливо набрала прежнюю скорость. Шум ветра, редкие потягивания собак, вот и всё. Что я слышал следующие три часа. Перед глазами бежала синя стрелка маршрутизатора, всё указывало, что

мы приближаемся к плоскогорью. Вскоре, когда проводник приказал нам спешиться, меня по короткой связи вызвал Вадим. Сейчас были всё те же белые сумерки, что и утром, но вой ветра ощущался немного слабее. Карнаев нарочно завёл караван в небольшую впадину, между холмов, так что со всех сторон мы были скрыты. Даже с воздуха разглядеть что-то будет проблематично. Вадим переключил коммуникатор в режим сопряжения с моим и передо мной появилась подробная карта района. Там, где шла красная пунктирная стрелка, пролежала еле заметная полоска занесённого снегом хребта. Как я понял, Карнаев вёл нас именно

вдоль него, иначе мы бы завязли в сугробах в самом начале пути. Отмечена была и нынешняя стоянка, но дальше начинались плохие новости. Путь к пункту назначения преграждала передовая база американцев. Сооружение было стандартным: четыре стены из набитых уплотнителем мешков. Две дозорные вышки, со станковыми пулемётами 0.50 калибра, Вертолётная площадка, для снабжения и патрулирования, пункт спутниковой связи и до двадцати человек гарнизона. Как я увидел, блокпост находился в единственном месте, где мог пройти наш караван. Глянув вопросительно на командира,

я поинтересовался:

- Как будем проходить: тихо или с шиком?

Вадим зло мотнул головой и вынув нож, принялся ковырять стену оврага. Видно было, что не этих слов он хотел от меня сейчас. Наконец, он что-то сделал на виртуальной клавиатуре и у меня в верхнем левом углу замигали цифры обратного отсчёта.

- На принятие решения и прохождение препятствия, у нас всего час. Как мы пройдем, не имеет значения. Просто если пройдем тихо, есть шанс установить прибор не под миномётным огнём. Я позвал тебя, чтобы посоветоваться, а не

приказывать. Ну так что?

М-да, а я —то уже настроился тупо бегать и исполнять распоряжения начальства. Не выходит, каменный цветок, видимо придётся снова думать, испытывать удачу. Но сначала, нужно позвать проводника. Наверняка он что-то знает про этот блудняк и сможет что-то подсказать. Карнаев, как будто слыша ход моих мыслей, подошёл и присев на корточки между нами, обратился на этот раз ко мне:

- Тихо пойти можно... Быстро пройти нельзя.

Тут же вмешался Вадим. Он резко наклонился вперёд и чуть ли не в лицо проводнику прошипел:

- А нам нужно именно быстро, прапорщик!...

Я удержал его за плечо, стиснув чуть сильнее, чем хотел. Вадим вырвался, но я опередив его слова сказал:

- погоди, командир! Не дурней нас человек. Давай послушаем, а если план говно, я первый на штурм полезу, прямо сейчас! Ну?!

Видно было, что Вадим остыл, потому что опускаясь назад, он делано небрежно отряхнул плечо за которое я его ухватил и пробурчал:

- Да ладно, понял... Пусть излагает...

Я снова встретился с блестящими в случайных бликах

света, глазами проводника и сказал:

- Брат, тут такое дело: если мы не поспешим сейчас, вся наша прошлая скачка, ничерта стоять не будет. Важно вовремя на гору попасть, помоги, а?

- А кто говорит, что не попадём-то? Просто тут тихо пойдём, а дальше совсем-совсем быстро!..

- Тогда излагай, чего удумал...

План Карнаева был прост: амеры на этом блокпосту уже не трогали местное население, ибо те привозили контрабандное курево, консервы и выпивку с пропущенных трофейщиками складов местного торгового представительства какой-то заготовительной канадско-

российской компании. Прапор как раз знал, где его свояк держит такую «нычку». План прост, как три копейки и так же безотказен. Мы снова грузим приборы и остальную амуницию на себя и тихо идём в обход северной стены блокпоста. Карнаев пойдёт с той же стороны и амеры завидев его, отключат камеры слежения и минные поля. Сидя на голодном пайке, местные вояки всегда рады освежить рацион, на это был весь расчёт. Если же, что-то пойдёт не так, прапор организует в воротах базы переполох, чтобы заметались лошади и тогда можно будет пойти громко. В принципе выходило неплохо. После того, как

Карнаев отдаст амерам бухло и консервы, он поведёт лошадок намеренно медленно, чтобы мы смогли встретиться уже на той стороне и снова двинуться дальше по маршруту и даже обгоним график, ибо есть тропы в обход основного маршрута, но только дальше, впереди блокпоста.

Выслушав план, Вадим неожиданно повеселел и кивнув, дал добро:

- Ладно, тогда снимаем с лошадей добро, снова волокём на себе. Погнали, бойцы!..

Снег, присутствие которого едва ощущалось до сих пор, облепил нас со всех сторон. Немного помогали

легкосплавные снегоступы, удерживая тяжело нагруженное тело на поверхности. Мы шли по южному склону кряжа, почти полностью скрытого толстым слоем снега. Оставленная тропа пролежала западнее в сотне метров под нами. Ветер усилился. Из-за метели видимость упала до расстояния вытянутой руки. Перед глазами бежала тонуая пунктирная цепочка указательной стрелки навигатора, помогая хоть как-то удерживать верное направление. Я и Краб шли в первой связке, на мне были дополнительные батареи, а он тащил какой-то тяжёлый блок, чьё назначение нам толком никто не

объяснял. У каждого наготове был нож, чтобы в любой момент обрубить того, кто оступится, потянув за собой всех шестерых.

- Группа внимание!..

Все остановились и буквально нырнули в снег там где стояли. Сквозь злые завывания ветра ничего слышно не было, но через некоторое время, на мониторе появилась мерцающая фигура. Мгновенно сработавший вычислительный блок выдал данные: это американский реактивный боевой беспилотник, вооружённый оптическими сканерами и крупнокалиберным пулемётом. Невидимая обычному глазу смерть скользила в толще

облаков, что не очень мешало ей облучать землю внизу. Снизившись до расстояния трёх тысяч метров, БПЛА начал медленно кружить над передовой базой внизу. Мы же в это время вынуждены были сидеть неподвижно, дабы специальная ткань наших костюмов смогла укрыть контуры тела, излучение электроники и тепло тел.

- Вперёд, можно...

Страхивая с себя оцепенение и делая над собой усилие, я снова делаю шаг, потом ещё один и снова втягиваясь в размеренный темп движения почти забываю о том, где и зачем нахожусь. Нет ни усталости, ни страха, только иногда хочется

приподнять нижний край маски и глотнуть свежего воздуха. Зажевав его местным снегом. Проводник сказал, что тут осадков не выпадало и я пару раз с наслаждением ел такой вкусный, хрусткий снежок...

- Ропша, Михалыч – огневики, на позицию. Приоритет – башня. Хохол, Чёрный – штурмовая, работать возле прапора, беречь проводника! Я страхую отход через два-три-шесть. Работаем!

Как ни странно может показаться со стороны, но с грузом мы проползли шесть километров, за час, полюс-минус десять минут пока пережидали беспилотник. Сейчас вся наша группа рассредоточилась

вдоль стены блокпоста, до которой было порядка двухсот метров. Вадим, наш командир и снайпер, засел с короткоствольным «Выхлопом» [45] на невысоком 45 ВССК "Выхлоп" Бесшумный крупнокалиберный снайперский комплекс. Разработан в Центральном КБ спортивного и охотничьего оружия, в г. Тула, в 2002 году, по специальному заказу Центра Специального Назначения (ЦСН) ФСБ России. Комплекс состоит из оружия и патронов к нему. Изделию присвоен индекс ГРАУ. Сейчас комплекс "Выхлоп" выпущен в небольшом количестве и состоит на вооружении подразделений ЦСН ФСБ России.

Основным назначением снайперской винтовки ВССК "Выхлоп" является малошумное и беспламенное поражение защищенных целей (автомобили, прочая небронированная техника, живая сила в тяжелых бронежилетах или укрывшаяся в транспортных средствах и т.п.) на дальностях до 600 метров. При этом за счет использования пули с дозвуковой начальной скоростью (порядка 290-295 м/с) в сочетании с эффективным глушителем обеспечивается значительное снижение уровня звука выстрела (громкость выстрела на уровне 123 дБ).

Отдельно надо сказать о

номенклатуре спецбоеприпасов. Большая эффективность действия по цели достигается использованием тяжелых крупнокалиберных пуль массой 59 грамм (патрон СЦ-130ПТ повышенной точности) и даже 76 грамм (патрон СЦ-130ВПС с повышенной пробивной способностью). Для патрона СЦ-130ПТ заявляется кучность стрельбы 25мм на дальности 100 метров (1 МОА / угловая минута), для патрона СЦ-130ВПС – гарантированное пробитие 16мм стальной плиты на дальности 200 метров или тяжелого бронежилета 5 класса защиты (по ГОСТ) на дальности 100 метров. Патроны

используют специально изготовленные пули и относительно короткие гильзы цилиндрической формы – полная длина 12.7мм патрона СЦ-130 составляет 97мм против 145 мм у "обычного" отечественного крупнокалиберного патрона 12.7x108. За счет сравнительно небольшой (для выбранного калибра, разумеется) дульной энергии оружие под него получилось практически в два с половиной – три раза легче, чем винтовки под "обычные" крупнокалиберные патроны 12.7x108 или 12.7x99. Тем не менее, дульная энергия пули патрона СЦ-130ПТ составляет порядка 2500 Джоулей (3

650 Дж для патрона СЦ-130ВПС), и за счет тяжелой пули с высоким баллистическим коэффициентом энергия лучше сохраняется на траектории пули по сравнению с "обычными" снайперскими патронами калибра 7.62мм или "бесшумными" 9мм патронами при стрельбе из винтовки ВСС "Винторез". Единственный из выявленных на данный момент существенных недостатков изделия — ВССК "Выхлоп" построена в компоновке буллпап и имеет интегральный глушитель, снимаемый для транспортировки или чистки оружия. Механизм перезарядки ручной, с продольно скользящим

затвором, управляемым рукояткой на правой стороне оружия. Запирание ствола осуществляется поворотной боевой личинкой затвора. Однорядный отъемный коробчатый магазин вмещает всего 5 патронов. Это существенно снижает скорострельность оружия, ограничивая круг выполняемых ею задач. Так же отмечается недостаточное количество специальных боеприпасов, производство которых существенно ограничено именно из-за скудной материальной базы отечественного военпрома.

В остальном, всё стандартно для винтовки такого назначения. На

ствольной коробке винтовки сверху выполнены крепления для оптических или ночных прицелов, кроме того, винтовка оснащена резервными открытыми прицельными приспособлениями (мушка и целик), выполненными на складных холмике, мы с Михалычем приготовили трубы гранатомётов, чтобы в случае чего отсечь тех, кто выйдет из казарм. Хохол и Чёрный. Оба вооружённые ручными пулемётами готовились врываться внутрь и косить всё что движется. «ПКМ» [46] - отличная машина, бьёт очень кучно, хотя имеет свой норов.

Пока мы с Михалычем ползли вдоль невысокого наносного сугроба,

я вдруг вспомнил, что Вадим на стрельбище тренировался с обычной армейской «драгуновкой», модернизированной, но всё же штатной, как у всех. Поскольку оружие нам никто нового не сватал, ввиду сложности его быстрого освоения так сказать в совершенстве, значит, имел наш командир дело с экзотической «стрелялкой» и достаточно коротко. Вот значит как, нас на поводок взяли: вместо обычного «ваньки» с передовой, посадили в команду настоящего «спеца». И ведь как ловко сработали, чтобы народ не всполошился, замазали под обычного парня и вот всё работает. Нет, про Вадика ничего

плохого сказать было нельзя, даже чуйка не ворохнулась против него, видимо, парень действительно толковый...

основаниях. В передней части короткого пластикового цевья расположена складная двуногая сошка.

Сказано так много, потому что реальных данных от пользователей данной винтовки у меня нет покуда. Так что имеем то, что имеем.

46 Это уже дань традиции, но напомним тем кто читал мои книги и скажу специально для тех, кто читает впервые. ПКМ — ручной модернизированный пулемёт системы Калашникова. Надёжное и

безотказное оружие, способное даже с расстрелянным в хлам стволом вполне уверенно работать и поражать живую силу противника. Это личное мнение автора, хотие соглашайтесь – хотите нет. ТТХ: Калибр – 7.62x54R . Вес – 7.5кг. Длина ствола – 645мм. Темп стрельбы – 650 выстр/мин. Питание – наборная стальная лента/короб на 100, 200 и 250 патронов.

Мигнула красным стрелка на экране визора, я дёрнул за верёвку, чтобы Михалыч остановился. Немного разрыв снег, мы разложили оружие и двинув пальцем на невидимой клавиатуре пиктограмму, я замер. В ответ пришёл шёпот

командира:

- Ропша, даю картинку, оцени обстановку, работать будем по отмашке «посылки». Ваши с Михалычем цели отмечены маркером как 5 и 8. Как принял?

- Есть, работа по маркерам после отмашки...

Экран снова мигнул, появилось изображение верхнего края стены блокпоста и наш проводник, прохаживающийся вдоль своих лошадок, проверяя сбившуюся поклажу. Мы почти час откапывали смёрзшиеся картонные коробки с водкой, консервами и прочими припасами, спрятанными у какого-то холма в тундре. Карнаев сказал, что

амеры сами рыскали на разбитой буровой платформе, но он и его брат побывали там задолго до иностранцев, поэтому наёмники со зла взорвали брошенные рабочими бульдозеры и грузовик.

Пока мы снаряжали липовый караван, проводник рассказал мне, почему пошёл воевать. Оказалось, что брата убил израильский БПЛА, приняв его стойбище за лагерь партизан. Амеры пришли в совхоз, который к тому времени приватизировал какой-то бандит из большого города. Тут Карнаев даже весело усмехнулся. Показывал бумагу, его люди раздавали рабочим водку, но Карнаев и его брат не пили.

Тогда бандиты стали стрелять из помповых ружей и промысловики ответили. Из города приезжала милиция, искала бандита и его людей. Народ только пожимал плечами и говорил, что был буран, могли и не доехать, а тундра большая. Больше никто не приезжал, пока не началась война с Америкой. Потом пришёл военный начальник, капитан первого ранга Мантулов, уважаемый и серьёзный человек. В былые времена, давал запчасти для вездеходов, помогал соляркой и запчастями. Поев оленины, что сготовила жена Карнаева, он сказал, что все кто хочет жить как жили давно, при Советах, нужно идти за

это воевать. Остальным, лучше будет спрятаться. Брат Карнаева – Семён, решил остаться, а сам Карнаев отдал жене положенный паёк и карабин, а потом ушёл с Мантуловым. Потом узнал, что совхоз отравили газом, а брата убили в тундре. Уцелел только шаман Угэдэ и шестеро ребятишек. Которых старый колдун увёл с собой заранее в урочище Душ. У Карнаева было беспокойно на душе, с трудом он отпросился на побывку и увидел только верхушки занесённых снегом домов. На окраине села, его ждал старый шаман. Вдвоём они отрывали трупы односельчан и разобрав избу сельсовета, устроили похороны. Карнаев зарезал лошадь, принёс

жертву Угэдэ, за всех кого злые люди подло убили. Тогда-то шаман и посоветовал два пути: путь крови врага и путь крови своего сердца. Карнаев выбрал путь крови врага, ибо сердце по ощущениям, превратилось в холодный и мёртвый камень, что проступает иногда из-под снега в летнюю пору...

- ...Посылка двинулась, всем внимание!

Трое часовых у ворот блокпоста, что-то обсуждали по рации. Вышел четвёртый, судя по тому, что одет он был чуть лучше, закутан в более добротные лохмотья, это офицер. Он подозвал к себе проводника, тот угодливо сгибаясь, подбежал и стал

что-то быстро говорить. Офицер, почти не слушая его, прошёл вдоль каравана, вспарывая ножом все коробки подряд. На снег сыпались банки консервов, коробки с крупами. А остановился он только в тот миг, когда из очередной коробки выпала стеклянная бутылка с прозрачной жидкостью и нырнула в снег по самое горлышко. Тут же подобрал с земли бутылку, амер сноровисто отбил у неё горлышко лезвием ножа и понюхав, отпил из горла. После этого, караван облегчили совершенно, а потом поспешно погнали Карнаева и его нервничающих лошадок через внутренний периметр, вытолкав их

на ворота в рекордно короткий срок. Мгновенно картинка с прицела Вадима пропала и он скомандовал:

- Ждём, пока посылка уйдёт из сектора обстрела второй башни...

Карнаев отряхнулся, привёл в порядок упряжь лошадок и неторопливо двинулся вперёд, по еле видимой стёжке хребта, не занесённой снегом. Так прошло ещё минут тридцать, но амеры огня не открыли, тем самым сэкономив нам время и возможно, отсрочив собственную смерть.

- Всё, снимаемся... Идём в точку два, бегом!..

В голосе командира я слышал едва различимую нотку облегчения.

И я и проводник, да и остальные ребята тоже, понимали какому риску подверг себя прапорщик, войдя в лагерь до зубов вооружённого, обозлённого холодом и голодухой врага.

...Ветер усилился и различать что-либо вокруг и под ногами стало возможно только благодаря тактическому дисплею. Я уже привык к синевато-белёсому фону помех, время от времени искажающих перспективу, но знаю, стоит их только снять, мир вокруг превратится в белую круговерть колючей, смёрзшейся до состояния наждачной крошки воды. Груз за спиной особо не напрягал, ощущения

усталости и апатии ушли ещё в самолёте, не хотелось ни спать, ни есть, ни отдыхать. В наушниках пиликнул мелодичный сигнал и голос Вадима сообщил:

- Мы в точке «два», обеспечить периметр и ожидать посылку!..

Скинуть груз и окопаться там, где стоит сойти с узкой полосы мёрзлого камня, как провалишься по грудь в снег — занятие для ленивых. Главное, чтобы сектор обстрела просматривался и вторая яма, для смены позиции. Вырыв два сообщающихся ростовых окопа и протаяв полуметровые амбразуры, я замер у правой, доложив о готовности простым касанием

пальца в невидимую иконку клавиатуры.

- Михалыч, Ропша, готовьте «фломастеры» на всякий случай!..

От Вадима пришла картинка идущей где-то севернее хребта небольшой колонны лёгкой бронетехники: шесть БТР и три бортовых грузовика без вооружения. В одном пряталось до двух отделений пехоты, а в остальных двух — ящики с боеприпасами для самоходок. Благодаря нашей юркой «груше» оснащённой новым комплексом разведки, всё это отобразилось на командирском экране Вадима, а тот переслал нам. Подтянув трубу гранатомёта ближе, я

снова замер. В то, что амеры идут на прочёсывание такого большого района с машинами верилось слабо, скорее всего едут на усиление и всё. Вряд ли нам отдадут приказ их останавливать, будет слишком много шума. Вскоре, четыре больших и два малых ромбика пропали с карты, тревожное попискивание сигнала общей готовности стихло. Облегчённо, Вадим выдохнул в общий канал:

- Отбой... ждём дальше.

В голову помимо воли лезли обрывки воспоминаний нашей последней с Лерой встречи. Порой, когда ветер особенно сильно задувал внутрь норы, мне всюду чудился её

тонкий телесный запах...

- Посылка в точке рандеву! По флангам чисто... Грузимся и продолжаем движение. Бегом, в темпе!..

Вид у лошадей и самого проводника был не очень замученный, скорее, в едва видных прищуренных тёмных глазах, были видны искорки злорадства. Когда понадобилось закрепить свою часть груза, я подозвал Карнаева ближе и отключив связь, спросил:

- Водку отравил?

Взгляд проводника тревожно метнулся куда-то в сторону, но я показав на гарнитуру связи рубанул ладонью по воздуху. Он понял и едва

заметно утвердительно кивнул.

- Когда они погонятся за нами?

- Через неделю, когда наладят связь. Мой второй брат был на этом посту трое суток назад. Вертолёт не взлетит, рация барахлит уже сейчас и скоро умолкнет.

Голос проводника, такой весёлый сначала, сейчас звучал хрипло и как-то зловеще-тихо. Поняв, что я не делаю попыток кому-то доложить, он пояснил:

- Этот яд дал мне один хороший человек, тоже военный из ваших. Дал просто так, видно бумаги про меня прочёл. Умный, как ты. Сначала ничего не будет. Им всем станет весело и хорошо, а потом, они станут

драться друг с другом, потом на оставшихся в живых нападут корчи. Противоядия нет, спасения нет...

Я не стал задавать глупых вопросов о том, почему этот невысокий человек не позволил нам расправиться с амерами быстро. Главное, он не подставил нас и сквитался с теми, кого считал виновными в смерти своих близких. Это нормальный расклад. Но что-то заставило меня спросить:

- Легче стало?

Карнаев наклонился к земле, зачерпнул пригоршню снега и подставив кулак ветру, разжал ладонь. Белёсая пыль исчезла, быстро подхваченная ветром и вскоре

смешалась с остальными злыми осколками мёрзлой воды. Обернувшись ко мне, он сказал:

- Дело не в том, стало ли мне хорошо от их смерти. Человек никогда не чувствует себя хорошо, он всегда недоволен. Дело в том, что зло должно возвращаться к тем, кто его причинил. В мести есть справедливость, в мести нет жестокости. Просто зло уходит к тем, кто его выпустил и позволил добрым людям умереть.

- Спасибо, прапорщик.

- За слова, или за пример?

Проводник смотрел как снежинки рассеиваются ветром, стоя ко мне спиной. Собственно, наш

разговор его особенно не трогал. Всё о чём болела душа, он уже выполнил.

- Думаю, что за то и за другое. Пошли, а то командир уже вон копытом бьёт.

- Не скажешь ему?

- Нет. Амеры умрут, только это имеет для меня значение. Пошли, время не терпит...

Переход от блокпоста к следующей контрольной точке — небольшому озеру зажатому среди плоских гор, прошёл довольно спокойно. Несколько раз мы прятались от амеровских беспилотников, постоянно замирали, стоило аппаратуре засечь передвижение техники. Но в целом

всё прошло довольно тихо. Часам к трём утра, когда моя вахта подходила к концу, последовал экстренный вызов от Вадима. Группа моментально собралась под карнизом из намёрзшего за сотни лет белёсо-коричневого льда, у замёрзшей отмели. Так нас не было заметно с воздуха и со стороны вычисленных за время рейда маршрутов редких моторизованных патрулей. Тундра хоть и казалась безжизненной, но оставаться незамеченными с каждым километром приближавшим нас к месту операции, становилось всё труднее и труднее. Спасало чутьё проводника и вовремя получаемые

данные радиоперехвата. На этот раз, я чувствовал себя настоящим разведчиком, а не бредущим вслепую мстителем, вооружённым лишь удачей и парой устаревших гранат.

- Что случилось?

Я тронул замершего в неудобной суслячьей позе Вадима за плечо, но тот сначала лишь отмахнулся, а потом у всех обновилась карта маршрута. Потом вдруг осипшим от волнения голосом приказал:

- Выдвигаемся. Чёрный — вперёд, Краб — замыкаешь. Остановок больше не будет. Карнаев, Ропша — ко мне...

Когда караван тронулся и скрылся шагах в десяти, командир

обернулся и глядя только на меня, сказал:

- Ноль Третий и Ноль Второй – обнаружены, ведут бой. Не смогли пройти тихо... За нами пока не идут но...

- Значит наш маршрут не засвечен, не надо дёргаться.

Мои слова, казалось, вообще не затронули сознания командира. Он обратился к виртуальной клавиатуре, я видел, что он просматривает карту местности на юго-востоке. Там была наименьшая плотность патрулирования, по крайней мере, за это была разведсводка суточной давности. Я было хотел ещё что-то сказать, но в разговор вмешался

Карнаев. Проводник молча подошёл к Вадиму и что-то шепнул тому на ухо. Тот сразу обмяк, привалившись к стене. Обернувшись ко мне, Карнаев сказал:

- Боится проиграть, делает ошибку. Враг нарочно открыл нам эту лисью нору, чтобы мы туда полезли. Наш путь верный, сворачивать нельзя. Он сейчас очнётся, всё будет хорошо. Иди вперёд, Ропша, иди...

Вадим действительно отменил свой первоначальный приказ, да и вид у него был какой-то пришибленный. К семи утра, он окончательно успокоился и мы вышли к подошве кряжа, где Карнаев

покружившись на месте некоторое время, отпустил вперёд Карнауха — вожака стаи своих пастушьих собак. Это был крупный, чёрно-белой масти пёс с пронзительными голубыми глазами. В которых ум сочетался с хорошо контролируемой злостью. Сам же проводник присел на корточки возле сгрудившихся у его ног собак и жестом попросил меня подойти.

- Враг знает про тропу, но не знает, как на неё войти отсюда. Подняться наверх у их людей не получилось, слишком сложно. Мин накидал, датчиков наставил. Карнаух покажет как нам пройти, мы тут уже ходили. Трудно, но ты не бойся...

- А если командир заартачится?

Карнаев поглубже укутался в парку и стряхнув с капюшона снег, потрепал за ухом одного из псов:

- Он теперь тоже бояться не будет, его страх у меня покуда...

Подниматься пришлось петляя по нечёткому собачьему следу, оставленному вожаком. Пёс небыстро трусил впереди, отходя от головной лошади, которую вёл в поводу Чёрный. Мне досталась роль замыкающего, Вадим ехал верхом, что-то постоянно отстукивая на клавиатуре. Проводник всё внимание сосредоточил на остальной стае, которая рвалась бежать вперёд, следовать за вожаком. Несколько раз

Карнаух останавливался, рылся в снегу, метил его и замирал, как бы поджидая, пока неуклюжие четвероногие и двуногие спутники догонят его. К девяти часам, когда сумерки опустились на тропу и даже в новомодных приборах ночного видения мало что можно было разглядеть, Карнаев сказал, что нужно передохнуть, пока ветер переменится. Вадим было заспорил, но оглядевшись вокруг, неожиданно согласился. Мы, под руководством проводника, отрыли довольно глубокие норы в снегу. Они примыкали к скале, поэтому хотя бы с одной стороны была надёжная твердь. Лошади и собаки нашли себе

приют сами: одни немудрствуя особо сгрудились под скальным выступом, а собаки сбились в тесный клубок долго ещё возились в темноте. Огня никто не разжигал, но стены наших нор отлично сохраняли тепло. Ровно через три часа, когда сквозь низкие тучи стала проглядывать круглая и неожиданно белая луна, мы снова тронулись в путь. Тропа неожиданно закончилась, когда луна уже побледнев, скрылась за неровной грядой деревьев, росших по ту сторону хребта. Карнаев остановил лошадей и подойдя к Вадиму, что-то стал ему объяснять. Тот согласно кивал, снова пробегая пальцами по клавиатуре.

Вскоре после этого, последовал приказ снять груз и снова распределить его между собой. Мне опять досталась пара батарей, от чего настроение слегка снизилось. Скорее всего, проводник свою задачу выполнил и дальше наши пути расходятся. Карнаев не ушёл просто так. Проводник попрощался с каждым, что-то дал на память, подошёл наконец и ко мне. Не став медлить, заговорил сам:

- Ты всё правильно выбрал там, внизу. Поэтому я не стану говорить с тобой как с твоими товарищами. Говорить как и когда отпускать чужое зло, тебе уже не нужно. Просто помни, что скоро придёт твой час

выбрать свою или чужую жизнь
отдать, чтобы зло не вернулось.

- Не понимаю тебя.

- Скоро всё станет ясно. Как
только день дважды сменит ночь,
придёт пора выбирать.

- Ладно, спасибо за загадку,
прапорщик. Возьми вот чайку пачку.
Мне вроде как уже лишний вес, а ты
может быть и выпьешь раз-другой..

Я бросил проводнику плотный
кубик прессованного индийского
чаю из пайка. Тот поймал и
неожиданно сняв с руки какую-то
вещь – бросил так, что я вынужденно
поймал. Это был браслет
составленный из медвежьих и чьих-
то поменьше.

- Это когти лесного хозяина и росوماхи. Хозяин сильный, а росумаха хитрая и коварная. Ты и твои люди идёте умирать, но может быть звери помогут тому, кто никогда не станет их убивать, если останется жив. Ты обещаешь не убивать их, Ропша?

- Обещаю.

- Тогда прощай, нам с тобой больше не по пути.

- Прощай и ты, прапорщик.

Потом я ещё некоторое время смотрел вслед удаляющемуся каравану, пока последний лошадиный круп не скрылся за пеленой снежной пыли и не затихло собачье тявканье.

- Ропша, замыкающим, вперёд!..

Машинально одев оберег на правую руку и скрыв его манжетой комбеза, я развернулся в противоположную сторону и в темпе принялся нагонять отряд. Дорога шла вверх неровными скачками, то круто скатываясь вниз, то забирая вверх таким образом, что приходилось стаскивать груз и поднимать его вверх на тросах. Тропа постепенно сужалась, пока не перешла в узкий, шириной в шаг взрослого человека, карниз. Ветер тут, на высоте, превратился в непрекращающийся поток белёсых, острых кусочков льда. Вскоре, все мы оказались покрыты толстым слоем слипшихся льдинок,

от чего снаряга всё остальное, становились тяжелее с каждым новым шагом. Привалами стали короткие остановки, когда пристегнувшись карабином к вбитому в скалу крюку, мы стояли неподвижно прислонясь к стене, иногда выпивая по два глотка воды, проглатывая кусочек питательного пресного на вкус батончика. Мой выскользнул из рук и канул вниз ещё на первом привале, но расставание прошло как-то не особо болезненно. Чувства голода не ощущалось уже давно, но жажда никуда не исчезла, хотя потребность в воде тоже была какой-то механической, как привычка. Несколько раз, мы

получали данные о том, что та или иная группа дошла до точки назначения, но от тех, что двумя днями раньше были обнаружены, никаких новостей не поступало. Само собой, случаются и военные чудеса, но лично я особо не верил в то, что кто-нибудь уцелел. Диверсантов в плен не берут, да и их самих сдаваться никто не учит. Натасканные на конкретную задачу, для любой контрразведки мы полезны только очень короткий срок. И вот на эти час-другой, если всё же случится попасться в руки волкодавам, учат терпеть. Боль, страх, унижения — всё это нужно выдержать эти пару часов, пока

другие, те кто прорвётся, выполняют то, за чем они бежали и ползли, летели и плыли. Все это знают, поэтому никто не тратит на диверсантов времени, кроме особых, исключительных случаев.

...На третьи сутки, ветер стих на столько, сто можно было различить пейзаж вокруг. Тропа снова расширилась, приведя наш отряд на небольшое горное плато, не более трёхсот метров в поперечнике. Вадим приказал спешиться и отрядил Чёрного, Краба и Хохла ставить сетку. Нам же с Михалычем, досталась роль сборщиков аппарата. Вбитый на занятиях рефлекс вернулся быстро и короб прибора

оказался собранным буквально через полчаса. Видя. Что всё готово, командир отогнал нас от прибора, отрядив в караул, хотя просматривалась отсюда только тропа, по которой мы пришли и северо-восточные склоны кряжа, да и то метров на сорок, не больше.

- Ропша, ко мне!..

Скатившись вниз, по шуршащему снегу, я оказался возле командира, который склонился над прибором и что-то лихорадочно выбивал на клавишах. Монохромная шкала, должна отражать какие-то нужные параметры то загоралась, то гасла. Видимо так не должно было быть. Об этом говорили бешенные

глаза Вадима. Увидев, что я подошёл, он сразу же окрысился:

- Вы чего тут насобирали?! Эта хрень не работает!

Мы снова разобрали прибор, потом собрали и прогнали тестовую программу. Всё было в норме: прибор исправно выдавал сигнал о готовности, тестовый сигнал проходил штатно. Всё начиналось, как только Вадим подключал смонтированную парнями сеть, раскинутую на скверном склоне отвесного участка скалы над карнизом. После ввода кода подтверждения, аппарат должен был перейти в режим ожидания, чтобы в нужный час сработала заложенная в

него программа. Но вот код который вводил командир, заставлял аппарат сбоить. Шкалы тухли и ничего не происходило. Сюрприз был не приятный: вся наша дорога сюда зависела от этой жестяной коробки и вот теперь перед нами будто возникла стена. Действовать нужно быстро: проверить сеть, которую парни уже собрали, а потом заново повторить всю процедуру сборки и ввода ключа. Вадим всё ещё «завис», тыкая кнопки на панели неисправного аппарата. Чтобы вывести его из ступора, я толкнул его в плечо и сильно сжав, сказал:

- Сколько ещё времени до сигнала готовности?

Словно очнувшись, он дёрнулся, пытаясь отшатнуться. Но я крепко держал и Вадим тряхнув головой приглушённо ответил:

- Час двадцать восемь минут. Бой на равнине уже идёт, по сигналу эта хрень должна включиться иначе...

- Лирика потом... Дай приказ парням проверить сеть на разрывы и мы её перепотклучим, а пока мы с тобой снова разберём и соберём этот херов ящик со светомузыкой! Ну, давай не телись!..

Снова Чёрный и Хохол полезли на карниз, а Михалыч с Крабом пошли ставить периметр. Неприятности, неприятностями, но

предстояло ещё выставить минные поля, датчики слежения. На случай незваных гостей. А как только наша «музыка» заработает, они точно явятся, тут к гадалке не ходи...

Минут пятьдесят мы лихорадочно гоняли тесты, проверяли на разрыв каждый миллиметр сети, ползая по краю пропасти. И всё это под шквалистым ветром, кидающим в нас заряды колючего снега. И вот, прибор снова собран, мы с Вадимом замерли у мигающей шкалы. Он трясущимися руками вводит цифры и... как только он доходит до третьей группы я замечаю и вовремя ловлю его за руку, останавливая. Командир почти

испуганно отдёргнул руку, обратив на меня дикий взгляд.

- Чего?!

- Нет интервала. Тётка-инструктор говорила, нужен интервал между второй и третьей группой цифр. Ты пробел-то нажал?!

Нужно было видеть, как побелело лицо командира в эту минуту. Но отдавая ему должное, самообладания Вадиму было не занимать. Быстро поправившись, он ввёл код и шкалы прибора тут же ожили. У меня перед глазами на дисплее побежали ломанные линии, которые через какое-то мгновение слились в одну. Наш аппарат синхронизировался с теми, что вот

также приволокли в горы отчаянные
головорезы вроде нас!..

- Есть сопряжение, прибор готов
к работе через один, два, три...

На моём внутреннем дисплее
высветилась красная литера «Д». Секундой позже побежали цифры обратного отсчёта и появилась новая команда: «Задействован протокол 0935 «Пелена». Группам отряда «Мститель» обеспечить работу Сети любой ценой...»

Мы укрыли аппарат в отрытой
среди камней ямы аппарат и каждый
побежал к своей позиции, которую
ещё предстояло подготовить. А где-то там, вдалеке, уже багровели
всполохи невидимого нам

наступления. Мы их не видим, но и они не все знают, что мы тоже воюем, пусть и покуда не так громко. Скоро будет и у нас фейерверк, скоро...

Следующие пару часов, все наши общие усилия были направлены на укрепление позиций на плато. Кроме тропы и карниза, был ещё западный склон, по которому вполне можно выслать штурмовую группу, а на само плато выбросить десант. Поэтому мы принялись рыть систему оборонительных закрытых траншей, сообщающихся подземными переходами. Работа так себе : рыть пришлось без остановки, но к концу поставленного Вадимом срока,

большая часть укреплений была готова. Я уже заканчивал очередной проход к очередной ячейке, как по общему каналу раздался предупреждающий зуммер воздушной тревоги, а потом голос Вадима:

- Встречайте бандероль, северо-восточный склон. Сто-сто двадцать метров...

Ещё в учебке немногословный Лётчик сказал, что если группе удаётся закрепиться в нужной точке, ей могут помочь боеприпасами, но рассчитывать на это можно только в самом крайнем случае. Судя по всему, нам повезло. Хлопка парашюта слышно не было, но

вскоре, на тактическом дисплее появился квадратный зелёный маркер, двигавшийся в указанном командиром направлении.

Контейнер нашли Краб и Чёрный, но приволокли всё мне, ибо штатным подрывником числился ваш покорный слуга. В выложенных антистрессовым, вроде пенопласта, покрытием ячейках длинного зелёного ящика, были закреплены два тяжёлых «скворечника» от вертушек [47] 47 Имеется ввиду ПВМН-12 (противовертолётная кумулятивного действия мина, носимого типа). Предназначена для выведения из строя низколетящих воздушных целей (самолетов,

вертолетов, иных летательных моторных аппаратов) движущихся со скоростью до 360 км/час. Поражение цели при взрыве мины наносится ударным ядром, вылетающим в направлении цели на дальность до 150 метров.

Датчик цели комбинированный акустико-инфракрасный.

Чувствительность акустического датчика составляет не более 0.6 децибел, что позволяет обнаруживать и уверенно селектировать шум моторов мотодельтоплана на дальности 0.6 км, вертолета до 3.2 км. Система селекции шумов позволяет выделять звук мотора самолета или вертолета на фоне

шумов моторов наземной техники, взрывов, стрельбы.

Если шум распознан как шум мотора воздушной цели, то при приближении цели на расстояние менее 1 км производится разворот боевой части в сторону цели и включаются инфракрасные датчики цели (4-6 датчиков), которые определяют точное направление на цель и дальность до нее. Перезахват иной цели в это время исключается. Комбинация одновременной работы акустического и инфракрасных датчиков исключают реагирование мины на тепловые противоракетные ловушки отстреливаемые целью.

При входе цели в зону

поражения (полусфера радиусом 150 метров) производится подрыв мины и ударное ядро, движущееся со скоростью около 2500 км/час поражает цель. Целью считается источник звука и инфракрасного излучения одновременно (мотор летательного аппарата). Если цель не вошла в зону поражения, то при удалении на расстояние более 1 км. происходит отключение инфракрасных датчиков и мина вновь переходит в положение ожидания цели. Срок работы в боевом положении – до 90 суток.

ТТХ: корпус металлический. Масса-12.0 кг. Масса взрывчатого вещества (ТГ-50)-6.4 кг.

Размеры мины(в транспортируемом положении) — 45.5х47.4х47 и шестнадцать противопехотных МОН-50 [48]. При виде последних, я тихо выматерился, но в принципе хорошо, что есть хоть это в дополнение к тем восьми таким же МОНкам, которые мы принесли с собой. Выбрав себе в помощники Чёрного, я пошёл выставлять «гостинцы» у тропы и с направлением на северный и северо-восточный склоны, откуда могут появиться гости. С противовертолётными минами было и сложнее и проще: я подошёл к Вадиму и спросил:

- Командир, «скворечников»

всего две штуки, прикроем плато или поставим на склон, по периметру сети?

Немного подумав, Вадим кликнул на участок карты, где разместился наш небольшой отряд и задумался. Тактический анализ вероятных действий противника показывал, что скорее всего, миномётный и артиллерийский обстрел для них будет недоступен. Без связи и спутников, стрелять по горам практически бесполезно. Поэтому, прибегнут к активному поиску: высадят десант там, где сигнал будет сильнее и там, где позволят условия местности. Мы выставили на дне долины ещё одну

сеть, излучавшую более чёткий сигнал, как отвлекающий. Хитрость тут состояла в том, что эта см. Радиус зоны поражения в полусфере –150 м. Радиус зоны обнаружения цели в полусфере –1000 м.

Максимальная скорость цели – до 100 м/сек. Время перехода из режима ожидания в рабочий режим до 1.5 сек. Боевой работы от 30 до 90 суток.

48 МОН-50 это противопехотная мина направленного действия, с радиусом поражения до 50 метров. Слабые, не самые лучшие советские противопехотки, именно из-за недостаточной плотности покрытия поражаемой площади. Имеет два

достоинства: небольшой вес и безотказность в работе как автономно, так и в сети дистанционного подрыва при перепадах температур, в отличие от других противопехотных мин подобного типа. Всё вышеперечисленное – личное мнение автора.

антенна была пассивной и только отражала эхо основного сигнала. Учитывая строение сканеров стоящих на вертушках амеров, засечь должны прежде всего именно этот сигнал. Штурмовые вертушки ходят парами, поэтому разделять «гостинцы» смысла нет. А так, основная сеть проживёт на

какое-то время дольше. Видимо так Вадим и рассуждал, потому как махнул рукой на карниз:

- Ты с Крабом, как более опытные верхолазы, ставьте оба «скворечника» на основную сеть. А в долине пусть будет всё обставлено так, будто глупые мы... Так и так ведь придут, а?

- Я бы точно полез, а вот амеры... Но ты же знаешь, командир – надейся на лучшее, а готовься к тому, что будет жопа. Рецепт на все случаи так сказать.

- Ладно, тогда решено. Лезьте...

...Контейнер долго не хотел вставать на своё место, сильный боковой ветер пару раз чуть не

вырвал из рук трубку со штифтом внутри. Удобная штука: внутри крепёжный штифт и пороховой патрон, любую породу берёт. С минами мы возились часа полтора, когда сама скала под нами дрогнула. От двух сильнейших ударов, осыпались комья снега нас с напарником оторвало от стены, страховка зазвенела от напруги, но выдержала. Мимолётно пронеслась мысль о том, что будь контейнеры с минами всё ещё у нас на весу, мы вместе с ними ухнули бы вниз.

- Опасный уровень ультрафиолета, применяю фильтры...

Всё потемнело перед глазами, но казалось, что это только на

мгновение. Бросив быстрый взгляд через плечо, я увидел, как где-то далеко на северо-западе один за другим вспухли десятка три огненных косматых шаров, величиной с трёхэтажный дом. Постояв так некоторое время, они начали тускнеть, но затем всё повторилось снова и так ещё раза три.

- Основная фаза наступления, наши термобаром жгут хребты... Убирайтесь оттуда, быстро!..

Ещё раз проверив крепление контейнеров, мы с Чёрным как могли быстро, ушли с карниза и сразу же нырнули в припорошенный постоянно идущим снегом ход

сообщения. Очнулся я только в одной из ячеек. Где в амбразуру было видно белое свечение над горами. Машинально проверив эфир, я услышал только дикий вой везде, кроме двух – командной по которой шёл поток обмена данными с... а чёрт его знает, где сейчас сидят наши командиры, и второй – короткая отрядная частота. Пока наша общая глушилка работает. Глянув в левый нижний угол посветлевшего тактического дисплея, увидел, что кроме нашей работают ещё семь похожих аппаратов. Но сигнал был нестабилен: сила его то увеличивалась, то вдруг падала. Вдруг, станций стало шесть, мигнула

и погасла одна точка. Сколько до неё? Километров сто двадцать по прямой?.. Видимо где-то враг уже добрался до наших товарищей, скоро бой придёт и к нам, очень скоро...

Ветер проникал в узкие щели амбразур, тем более, что мы старались забраться повыше на склоны, чтобы обеспечить хоть какое-то преимущество над противником. Если доведётся воевать в горах, то правило только одно: чем выше ты, тем хуже будет противнику. Все оборонительные норы, мы обустроили с северной стороны плато, где ветер дул как бы сверху, не заслоня обзора и в лицо нападающим. Позиция получалась

неприступной для обходных манёвров, поскольку позади нас была отвесная стена и пропасть, метров триста глубиной, а обе тропинки ведущие через хребет хорошо простреливались. Минус был только один: боеприпасов должно хватить только лишь на час нормального боя. После этого, можно либо схватиться с врагом врукопашную, либо попытаться отступить. Оба варианта выглядели хреново, ведь сама задача ставилась не в расчёте на долгий бой, а на скрытное прохождение и установку генератора помех. Билет в один конец, уйти нам не дадут. Склоны хребта скорее всего уже прочёсывают, а тропы перекрыты.

-... Воздух!..

Мины рвались где-то за восточной стеной, прикрывавшей плато. Грохот стоял страшный, обрушились три хода сообщения, сорвало одну из противопехотных мин и она негромко хлопнула, оставив грязно-серый штрих копоти в сотне метров впереди. Вскоре, калибр сменился, несколько тяжёлых стапятидесятимиллиметровых снарядов разорвались в центре плато, но ни одна наша мина не среагировала, что было удачей. Амеры вели обстрел ещё около получаса, но больше ни один снаряд через скалы не прилетал. На какой-то миг, всё стихло. На удивление,

нашей связи ничто не повредило, голос командира звучал отчётливо:

- ...Осмотреть повреждения, сейчас полезут. Направление юго-восток, идут с тропы. Группа шесть-восемь человек. Работает только Чёрный, не будем показывать всё, что имеем...

Мы с Хохлом полезли расчищать ходы сообщения, когда сверху раздались выстрелы. Пулемёт Чёрного резко и зло отзывался короткими очередями, а тех, кто ему отвечал становилось всё меньше и меньше. Когда мне снова удалось выглянуть на поверхность через узкую щель расчищенной амбразуры, снаружи стало гораздо темнее.

Ничего кроме запорошенных снегом воронок от обстрела видно не было, поэтому пришлось переползать метров на десять влево, чтобы увидеть шесть тел, лежащих среди воронок. Если бы не слабое свечение в инфракрасном диапазоне, я бы ничего разглядеть не смог. Очки, подключённые к нашлемной камере и тактическому компьютеру просто творили чудеса. Такие комплексы в войсках были редкостью и поступали только для «рексов» из разведподразделений фронтового подчинения, у нашего Хамидулина был такой обвес, считавшийся «командирским». Но лично мне довелось опробовать только сейчас.

Не нужно было включать активное излучение, всё делалось за счёт многократного усиления любого источника света, электромагнитного или инфракрасного излучения, как сейчас. Тела лежали в таком порядке, что становилось понятно, как именно всё происходило. Пройдя свои же минные поля, амеры вышли с той же тропы, что и мы. Ожидая сопротивления, вперёд пошли тяжеловооружённые бойцы, с пулемётами, судя по стойкому кислому запаху, пустили химический дым. Но благодаря очкам, Чёрный видел излучение какой-то электронной начинки их обвеса и дав выйти, а потом развернуться в

атакующий порядок, просто перестрелял всех.

Не уверен, что дальше нам так сильно повезёт. Сигнал мешает амерам и чтобы уничтожить источник, они пойдут на любые жертвы...

- Цель одиночная, групповая! Юго-восток, удаление триста пятнадцать метров! Гранатомёты к бою!..

Для того, чтобы из обычного гранатомёта сбить вертолёт, нужно лишить его манёвра. Иными словами, выстрелов должно быть больше чем один. Для десанта, мы разработали очень эффективную ловушку, часто применять её не приходилось, но

сейчас был как раз такой случай. Я дополз до нужной ячейки и отрыл из углубления чуть пристывшую к стенке окопа трубу «вампира», а потом откинул край брезента, закрывавший окоп с тыла. Прильнув к прицелу, перекинув переключатель, ожила сетка баллистического вычислителя, засветившись оранжевым светом. На этот раз, в стволе «гостинец» с зажигательной смесью, а это не оставляет тем, кто в «корове» ни малейшего шанса остаться хотя бы покалеченным, сгорят все.

- Третий готов!..

Чуть позже, отозвались Хохол и Краб. Их задача проще – отработать

из гранатомётов «обычными»
осколочными гранатами по
десантной вертушке, чтобы
маневрируя, она пошла в нужную
сторону. Высота для такого рода
транспорта не предельная, поэтому
они могут прибывать и прибывать.
Единственное на что можно
рассчитывать, это на страх потерять
больше чем им положено по
инструкции и на страх смерти самих
амеров. Они очень не любят умирать,
хоть за деньги, хоть за свой
матрасно-полосатый флаг. Само
собой, их будет прикрывать звено
штурмовых «Апачей», но нас
интересует именно десантный борт.
Когда напарники отработают,

«корова», как мы зовём транспортный вертолёт, метнётся ровно в мою сторону и тогда всем кто внутри будет очень и очень жарко.

- Первый готов!..

Шум винтов стал явственно различим, я увидел два сине-чёрных силуэта на фоне темного неба. Один, узкий как молоток, с обвесом под короткими крыльями, сразу пошёл вперёд и дал залп неуправляемыми ракетами по тому месту где раньше сидел Чёрный, потом по полю и обработал склоны плато из пушки, вращающейся у него под носом. Но всё это в почти в сотне метров от наших позиций. Быстро отвалив,

«Апач» стал кружить над плато, давая «корове» место для посадки. Тяжёлый, длинный вертолёт начал снижение, урча двигателями...

- Второй готов!..

«Корова» развернулась и причесав местность перед собой из бортовой шестиствольной пушки, стала ещё ближе к земле. В наушнике раздался дрожащий от напряжения голос Вадима:

- Огонь!..

И в тот же миг, два дымных следа потянулись к нависшей над землёй машине. Пилот сработал верно: развернул машину носом к угрозе, уменьшая силуэт и рванул вправо, с небольшим креном из-за

нагрузки. Неожиданно, десантная аппарель раскрылась и оттуда стали прыгать люди. Но я выжал спуск только когда вертушка повернулась ко мне своим открытым нутром. Отдача привычно толкнула в плечо, а секунды две спустя, на месте десантного вертолёта раскрылся косматый огненный шар, поглотивший даже тех, кто выпрыгнул мгновением раньше. Вышло чисто, но гранат мало, а вертолёты точно пришли не в последний раз. Вынув «трубу» из оплавившейся амбразуры. Я пополз что было сил влево, потому что опомнившийся «Апач» разворачивался на то место, откуда

был именно мой выстрел.

Ответ не замедлил последовать. Ещё три штурмовых вертолётa перепахали неуправляемыми снарядами и очередями из крупнокалиберных пушек всё пространство на плато, откуда мы стреляли. Вертолётa построились в круг, и больше часа стреляли, бомбили. Делали всё чтобы отомстить за гибель десанта. Приборы фиксировали облучение, амеры активно сканировали плато, но наша форма и в какой-то степени толща снега, укрыли нас. Наконец, помогла погода, резкий. Северо-восточный ветер принёс огромную снежную тучу и вертушки стало

сносить влево. Точно видеть что и как мы не могли: датчики установленные на скалах по периметру плато и спутниковые данные, получаемые раз в пятнадцать минут, давали лишь общую картину и я не смог точно сказать, от чего разбился один из вертолётков. Просто на дисплее его идентификатор замигал и исчез, а когда пришёл пакет данных со спутника, я увидел как искалеченная машина зависла меж острых зубцов скал, восточной части хребта. Видимо другие побоялись той же участи и оставшиеся машины ушли вниз, расстреляв напоследок оставшийся боезапас куда придётся. Это вызвало

серию оползней и тоннели снова завалило, но более основательно. В наушнике слышался голос Вадима:

- Ропша, как ты?!..

Мне удалось откопаться и пробить узкую щель на поверхность, через которую я видел край плато и улетающие вертолёты. Снаряга уцелела. Но гранатомёт утонул глубже всего, вместе с подсумком, поэтому сейчас, я надеялся откопать и их.

- Труба и кирпичи утонули, откапываю вот...

- Чёрного завалило, он по правую руку от тебя тридцать метров на северо-восток. К нему идёт Хохол, но похоже тот провалился в какую-то

естественную полость...

Вадим хотел сказать что-то ещё, но я уже бросил своё занятие и выкопавшись по пояс, а потом и полностью, пошёл в указанном направлении. Скоро действие чудесных стимуляторов кончится и тогда Чёрный просто замёрзнет или захлебнётся жидкостью в лёгких. Время как всегда вдруг обернулось против него, а значит и против всех нас, против нашей задачи. Снег вокруг смешался с вывороченными из земли камнями, пороховым нагаром и чёрт знает чем ещё. Ступив в эту кашу, я провалился сразу по пояс и так побрёл вперёд, пока ноги не нашарили твёрдый,

скальный грунт. Идти стало легче, но душу царапнуло нехорошее предчувствие. Лёд и снег, это само по себе не ахти, если завалит. Но хуже этого отколовшиеся куски скальной породы, вмёрзшие в лёд валуны, потревоженные взрывами. Сверив направление с навигационной точкой Чёрного, слабо мерцавшей в пяти метрах впереди, я снова расчехлил лопату и перекинув автомат за спину, принялся копать. Сигнал был действительно очень слабый, еле мерцающий. Отбрасывая в сторону тяжёлую массу бурого снега, я вскоре натолкнулся на то, чего опасался. Путь преграждала огромная ледяная

глыба, более всего похожая на монументальную стену из мутного серо-зелёного стекла. Матерясь сквозь зубы так, чтобы в микрофон брань не особо различалась, начал копать вдоль «стены», стараясь увеличить скорость изо всех сил. Получалось хреново, снег осыпался, не держа форму, поэтому вскоре понял, что начинаю выдыхаться. И как раз в тот момент, когда тело пришло с разумом к внутреннему соглашению о том, что ещё пару раз черпну эту бурую грязь и сяду отдохнуть, остриё клинка лопаты провалилось в дыру, потянув меня за собой. Шлем спас от удара об край ледяной глыбы, зиявшей острыми

краями и только узость дыры помешала провалиться в открывшуюся черноту пещеры одним нырком. Выбравшись назад, сверился с показаниями приборов. Сигнал Чёрного стал чётким, но по прямой до него было почти пятнадцать метров. Переключившись на его частоту, я вызвал пулемётчика:

- Эй, Черныш! Отзовись!..

Ответ пришёл не сразу, голос бойца оказался слабым, едва слышным. Но это точно не из-за рации, помех было даже меньше чем обычно.

- Ро...пша!.. Я...

- Ладно, брат! Всё нормально будет. Светани, если есть чем...

Внизу ярко вспыхнул луч налобного фонаря, потом пропал, чтобы поберечь энергию батарей. Точно, пятнадцать метров, нужен трос. Переключившись на командира, обрисовал ситуацию и тот отправил Хохла мне в помощь. Вскоре его низкая, кряжистая фигура на секунду заслонила свет:

- Как он там?

Я только пожал плечами. Раз может говорить, а сам не выбрался, то скорее всего сломался. Если ноги или руки – в принципе фигово, но не смертельно, а вот позвоночник...

- Вытащим и узнаем...

Пришлось ещё раз вызывать пулемётчика, что вышло не сразу.

Парень постоянно терял сознание, говорил очень тихо. Всё, что удалось выяснить — двигаться сам он не мог, а значит придётся спускаться кому-то из нас. Оглядев фигуру Хохла, я понял, что в узкую дыру, даже если мы её сейчас раздолбим, ему не пролезть. Скинув с себя всё снаряжение, оставив только пистоль в набедренной кобуре, я пристегнул страховочную сбрую и протиснувшись в дыру, начал спуск. В синеватом свете «ночника», к тому же делившего изображение на некое подобие еле видимой сетки, я видел оплывшие потёки льда, куски голой скалы. Но более всего я поразился когда понял, что пещера уходит

глубже, чем те пятнадцать метров, которые показывал маяк пулемётчика. Осторожно, держась ближе стене возле которой лежал Чёрный, я спустился на небольшой выступ, ниже которого была треснувшая почти пополам льдина. На ней-то и лежал на левом боку скрючившийся человек. Пулемёт он цепко сжимал в руках, обняв его всем телом. Сверху нетерпеливо позвал Хохол:

- Ну чё там?!..

Стараясь, чтобы Чёрный или Серёга Чернышев, не слышал, что я говорю, обрисовал невесёлую ситуацию:

- Чёрный поломался, но крови

нет. Хреново то, что он на льдине, а под ним ещё фиг знает какая пропасть. Он вроде не понимает, но...

- Как поступим?

- Я его от сбруи освобожу, срежу всё до чего дотянусь. Обряжу в своё, ты нас по очереди поднимешь.

- А если...

- Тогда только его и по любому Черныша в этой дыре бросать нельзя. Делай!..

Зависнув над льдиной, я осторожно, ступая по самому её краю, опустился сначала на колени а потом на живот и пополз к раненому. Полз и прислушивался как потрескивает лёд, шуршит

скатывающийся в бездну сыпучий снег. Подобравшись к раненому вплотную. Снял с него маску и ударил по щеке. Тот вздрогнул, открыл глаза и попытался дёрнуться, вдруг скрючившись ещё сильнее и скрипя зубами от боли.

- Чёрный! Чёрный не шевелись!..

Льдина отозвалась противным скрежетом, но вроде осталась на месте. Обрисовав товарищу ситуацию, я стал помогать ему освобождаться от сбруи, на которой висел боекомплект, такткомплекс и прочие полезные вещи. Но сейчас это всё был лишний груз. В процессе, когда я снимал свою сбрую и вместе мы просовывали ремни под грузное

тело пулемётчика выяснилось, что тот сломал два ребра , левую руку в двух местах, а часть кости на правой ноге, торчала бугром, не прорвав ткань комбеза насквозь. Единственной хорошей новостью было то, что позвоночник сломан не был. Льдина захрустела в тот момент, когда тело пулемётчика стало отрываться от её поверхности. Где-то справа опасно хрустнуло и я покатился влево и вниз. Быстро вырвав из гнезда лопату наотмашь рубанул лёд справа от себя и остановил падение, кромка лопаты вонзилась в рыхловатую поверхность льдины почти наполовину. Распластавшись в позе «морской

звезды», я молча наблюдал, как медленно тело Чернышева уходит вверх.

Потом время застыло, я лишь поудобнее перехватил рукоять лопаты, чья страховочная петля плотно врезалась в кисть левой руки. Лыдина потрескивая, всё сильнее кренилась вниз, откуда уже скорее всего будет рукой подать до Преисподней. Когда лёд хрустнул в очередной раз, мелькнула дурацкая мысль, что хоть согреюсь. В правой руке, у меня был ремень пулемёта, отпустить который было никак нельзя. Если уцелею, амеры-то из-за скалолазных подвигов никуда не делись.

- Ропша, держи!..

Прямо на грудь мне упала охапка страховочной сбруи. М-да, а тёплые котлы были так близко!..

Подъём наверх сопровождал шорох сползающей в бездну льдины. Не выдержав того, что сотворили с природой русские разведчики, льдина величественно, всё более набирая скорость понеслась вниз. Грохот с того места где висел я, слышался так слабо, что стало совершенно очевидно — до дна пещеры бы не долетел. Из угла расширенной ниши что-то хрипел Чёрный, но я только отмахнулся. Вадим, тоже оказавшийся рядом, протянул мне чашку горячего чая.

Земля вдруг дрогнула и посыпался снег. Звуки разрывов раздались с юга, похоже на сто пятидесятимиллиметровые снаряды. Вадим глянул куда-то в пространство и сказал:

- Новый штурм через пять минут, все по местам. Ропша, отдай Чёрному свой автомат, бери его машинку и ползи за мной. Хохол, поделись с нашим скалолазом патронами, а то он их проглотить не успел, пока на льдине валялся...

...Позиция на северном склоне, которую оборудовал Чёрный для себя, при последнем обстреле уцелела. Лишь осыпались края бокового лаза, да просел передний

срез амбразуры. Расчистив всё и быстро выполнив неполную разборку оружия, убедился, что пулемёт не пострадал от падения, жаль что пристрелочную очередь дать не выйдет. Хохол отдал мне две ленты, на сто и двести патронов, это очень мало для того блудняка, который всё увеличивался и увеличивался в размерах. Собрав и заправив самую полную ленту, я выставил прицел и утвердив пулемёт на сошках, стал ждать команды.

- Готовность — ноль, северо-запад двести метров!.. Ропша, Хохол — работайте по готовности!..

Десант спускался вниз по склону на тросах, стреляя по ходу

движения. Появились две вертушки, но на этот раз «Апачи» держали предельную дистанцию и поливали огнём из курсовых пушек уже перекопанный южный склон и центр плато. Тех кто спускался, было отлично видно в оптику. Компьютер точно указал, что их тридцать пять человек, вооружены лёгким стрелковым оружием, у пятерых за спинами РПГ в скатках. Хитрость старая: выявить огневые точки и подавить, спровоцировав огнём. А там, за острыми зубцами наверху, сидят три или четыре снайпера, либо корректировщики со своими ящиками, наводящими ракеты по лазерному лучу. Поэтому, никто из

нас пока работать не спешил. Амеров ждал сюрприз, причём не из самых приятных.

Я отыскал в ниспадающем меню своего такткома пункт «инженерные сооружения» и выбрал собственноручно названный и посаженный «минзаг номер раз». Амеры всё ниже спускались, паля во все стороны, пока не достигли поверхности плато. Поняв, что никто не стреляет в ответ, они сначала залегли и стрельба стихла. Но долго это не продлилось: словно подброшенные неведомой пружиной, десантники вскочили и после недолгой суеты разбились по отделениям и перебежками

двинулись туда, где всё было перепахано взрывами. Как только все они оказались за минным полем, установленном как раз на склоне в тылу десанта и обращено оно было в спины атакующих. Нажав пункт меню «активация», я прильнул к амбразуре и приготовился ждать. Частые хлопки слышались секунд через восемь. Десантники заметались по краю плато, не понимая откуда исходит угроза. В это время, зашевелились те, кто до поры до времени прятался, надеясь выманить нас.

- Интенсивное тепловое облучение, северо-восток, дистанция двести восемьдесят. Оптический

дальномер, направление северо-северо запад!..

Женский голос компьютера бесстрастно выделил треугольниками точки в которых было обнаружено активное излучение оптики и лазера. Вот теперь можно работать. Приняв поправку, я выбрал целью дальномер и выпустил в ту сторону четыре короткие очереди, потом ещё две.

- Цель поражена... Цель поражена...

Эхом метнулся отзвук выстрелов слева, это работал Хохол. И слитно с ним отработал Вадим, благо дистанция позволяла. Все три маркера погасли почти

одновременно, амеровская подлянка не удалась. Перейдя в одиночный режим стрельбы мы добились остатки десанта. Амеры , кого не срезало роликами от мин, было залегли. Но снег плохое укрытие от тяжёлых пуль и вскоре на плато снова было тихо. Быстро собрав своё имущество и подхватив пулемёт за рукоять, я пополз вправо, от греха подальше. Амеры попытались отомстить, вызвав ждавшую наготове артиллерию, стараясь бить по квадратам. Но только пять или шесть тяжёлых снарядов разорвались на плато в сотне метров перед нашим «крысиным городом», как окрестили плато сами американцы. Мы

слышали их переговоры по короткой связи, на всех же остальных их частотах по-прежнему царил жуткий протяжный вой помех. Всё не зря, в очередной раз сказал я про себя, всё не зря...

Амеры предприняли ещё несколько подобных, одиночных атак, однако бомбить и обстреливать с вертолётов больше не пытались. Все их мы отбили, не сказать, чтобы это далось легко: был убит осколком снаряда Краб, меня и Хохла основательно контузило, от чего бывший монтажник пластиковых окон Максим Хохлатский, блевал желчью как худой кот и заикался. Я принял удар тоже не сказать чтобы

нормально. Так же мучила тошнота, потряхивало левую, многострадальную, руку; однако обошлось без потери слуха и заикания. Последнее, просто потому, что уже после первой давней контузии, научился говорить медленно, контролируя дыхание. Лишь иногда прорывалась лёгкая «заика», но никто особо не замечал. Тело Краба, командир оттащил в ячейку к Чёрному, где тот постреливал из моего автомата, соорудив себе немудрёный блок из ремней, уперев «рог» оружия в снежную проталину. Тут же, Вадим собрал всех кто остался на ногах. Толкаясь в тесной норе, мы уселись

плечом к плечу и тогда командир раскрыл карты:

- Кроме нас, держатся ещё три группы, но там везде повреждена сеть, полную мощность даёт только наш ящик. Амеров везде теснят, но для того, чтобы у наших всё срослось как надо, мы должны держать их слепыми как минимум ещё час...

Я посмотрел на чумазые от копоты и потёков пота лица товарищей и прикинул наши шансы. Невольно, взгляд упал на запорошенные снегом ботинки Краба, который всю свою удачу уже выпил до дна. Глянул в прищуренные от гложущей его тупой боли глаза Черныша и совершенно бледное,

красноглазое лицо Вадима.
Смертники. Всегда ими были,
вероятно даже каждый чувствовал
как закончится его жизнь. Хотя нет,
смерть не показывается таким как
мы в кошмарах и видениях. Для
воина, которого она знает достаточно
долго и по-своему даже любит,
Смерть всегда одевает лучший наряд
и делает сюрприз. Так будет и на
этот раз, мы её не увидим, но она
всех нас приберёт сегодня. Не знаю
почему, но «безносой», я звал Смерть
только когда ещё боялся нашей
встречи, сейчас она почему-то обрела
лицо и фигуру какой-то очень юной
красавицы в белом свободном
платье...

- ...Ропша! Эй, Старый, ты чего?!

Оказалось, что я спал с открытыми глазами, но длилось это миг, не дольше. Вадим и остальные почему-то выжидательно смотрели в мою сторону. Один Михалыч по привычке уже разобрал своё «весло» и вычищал нагар из газовой трубки автомата. Видимо, все ждали моего мнения. Уняв дрожь в руке, я полез в карман и нашарив там сухарик, бросил его в рот, а потом сказал:

- Патронов у нас минут на десять хорошего боя. Можно собрать оружие с мертвяков, какое сможем использовать. Это ещё максимум полчаса, потом – рукопашная или

игра в снежки. И всё это, если учесть что амеры не вскроют настоящее местоположение сети и аппаратуры. Тогда нас тоже попробуют уничтожить, но скорее всего просто выставят пару постов на тропах с плато и уйдут. Мы им интересны, пока враг думает, что сеть на плато.

- Ты конкретно скажи, чего предлагаешь?

Голос командира прозвучал зло, видимо не такого ответа он ждал. Его можно понять, видимо ещё кадровый офицер, которого забросили командовать необученными людьми. Опытными, но именно что не обученными как он привык. Поэтому я пояснил, сглатывая размокшую

мякоть сухаря:

- Как только сеть уничтожат, можно спуститься на дно пещеры, куда чуть не нырнул Чёрный. Завалим проход слегка, либо дойдём до дна и выйдем где-то в лесу. Кряж старый, ход на поверхность точно есть, я партизанил в таких.

Вадим и Михалыч с удивлением подняли на меня глаза, а Хохол даже покрутил пальцем у виска. Но все просекли, что с нашим снаряжением, спуск возможен. Вадим кивнул и деловито сказал:

- Не торт. Однако это всё же вариант. Но кто-то должен прикрывать наш отход...

Все, не сговариваясь,

посмотрели на Черныша, от чего тот лишь обречённо кивнул. Я снова чуть кашлянул, привлекая общее внимание.

- А давайте без жертв?

Вадим вскинулся, будто я вдруг обвинил его в воровстве из тумбочек:

- Очень интересно, как?! Амеры сразу вышлют группу, чтобы уничтожить аппаратуру. Полезут большой группой, это факт.

- Соберём оставшиеся мины, поставим в одном месте. К примеру, где сейчас глушилка стоит. Как совсем жарко станет, перейдём туда и обозначим наше присутствие плотным огнём и быстро отступим. А потом будет грандиозный «бум».

Уверен, после этого нас никто некоторое время искать не будет. Аппарат – вдребезги, так что никаких следов. А Черныша я на себе поволоку, он раненый, не мёртвый.

- Хорошо, но это запасной план. Пока сеть цела, уходить мы не имеем права.

Голос Вадима стал глухим, в глаза нам он смотреть перестал. Но тут я его перебил, хотя оно конечно, не по правилам это:

- А никто и не собирался, командир. Или забыл, что тут все – добровольцы. Умирать противно только зазря, а это не наш случай, верно товарищи разведчики?

Говоря это, я обвёл взглядом

всех сидящих рядом. И каждый, кроме Вадима, молча кивнул в ответ. Что говорить, мужики подобрались – хоть в разведку, хоть по бабам. Это порадовало, ибо подтвердилось то чувство общности, возникшее пока мы тут водили амеров за нос.

...Крюк с натугой вошёл в трещину отвесной стены и я закрепил на нём канат с блоками, чтобы спускать раненого Черныша. Сверху свешивался Хохол, подавая мне всякие полезные вещи. Работал я быстро, но основательно. Наверху уже начали греметь миномётные разрывы. Значит, амеры снова скоро полезут. Хохол немного суетился и изводил меня пустыми вопросами:

- Старый, а что там внизу?..

- Темно было, фиг его знает.

Спустимся и посмотрим...

- А верёвок хватит?

- Должно...

- Блин, чё ты меня изводишь!

Нет чтобы прямо сказать!..

Я забил костыль в очередную трещину и стал подниматься наверх. Когда кругом снова стало немного светлее, молча показал Хохлу на дыру в снегу и сказал:

- Я полезу первым. Как только увижу дно, зажгу фальшфейер. Ты не дрейфь, вдруг не пригодится и придётся помирать наверху.

- Успокоил, блин!..

До этого спокойный и

выдержанный, он тоже стал психовать. Но это издержки. Всё устаёт, и металл и даже самые стойкие люди иногда дают слабинку. Поэтому я ответил спокойно, без нервов:

- Видишь ли брат, опций у нас маловато: на верху пуля, внизу камни и лёд. Страшно и паршиво в обоих случаях.

Хохол немного пришёл в себя, но отголоски истеричности в голосе всё ещё оставались. Однако, совсем немного и это хорошо. Гнутья может и булат, главное, это не сломаться...

- Слушай, Старый, как ты всё это с такой кислой рожей говоришь?! Или тебе пофиг на всё?

- Нет, не пофиг, брат. Я вот хочу до Америки добраться, так чтоб живым. Чтобы не покалечило и в строю остаться. Хочу тамошним жителям нашего дерьма дать попробовать... да досыта. Да и другая причина есть: девушка любимая меня ждёт, поди щас тоже воюет, сшивает по кускам таких вот как мы с тобой... Понимаешь, я ей вернуться обещал. А слово держу всегда, так родители воспитали. Так что пойдёшь со мной — выживешь. Так понятней, или опять доскрёбываться будешь?

В полумраке, глаза бойца стали круглыми, а лицо под слоем копоты побелело. Видимо это от того, что я

говорил хриплым свистящим полушёпотом. Голос от чего-то сел. Вышло как-то замогильно, но увы. Закрепив канаты, Хохол привстал не решаясь от чего-то протиснуться мимо меня к выходу. Дрожащим от напряжения, но уже нормальным голосом он пробурчал куда-то в сторону:

- И всё-таки ты псих, Ропша!

- Ещё какой, брат, ещё какой...

Пошли, сверху гости пожаловали.

Я отступил в лаз и подхватив пулемёт пополз к своей норе, не обращая на Хохла никакого внимания. Надоело всё и всем объяснять. Пусть боится меня, а не амеров. Так оно будет даже лучше.

Сам-то я и в половину сказанного не верю. Мой танец со смертью в последние часы выписывает опасные кренделя. Может так сложиться, что сегодня к вечеру. Она наградит меня своей холодной улыбкой и уведёт вниз, ибо никак иначе наше с ней путешествие даже вообразить не могу...

...Первая противовертолётная мина установленная выше всего и замаскированная скальным выступом разрядилась почти бесшумно, учитывая, что амеры теперь пёрли с трёх сторон. Снова пришли «Апачи», от их ракет и пулемётов стало совершенно не поднять головы. Заплатив кровавую

дань за то, чтобы вычислить где точно находится враг, американцы щедро пускали в ход всё, что могли. Десант спускался со скал, подлетали транспортные «коровы», две из которых нам опять удалось свалить.

О том, что враг вычислил точное местоположение сети, я узнал в тот момент когда короткими очередями сгонял в кучу пятерых десантников, сумевших прорваться задымив проход на тропу. Амеров выдавало электромагнитное свечение приборов, поэтому я уверенно срезал троих, но пятеро прорвались, удачно укрывшись за мороженными трупами своих менее удачливых коллег. Сейчас окопаются и начнут

пакостить...

- Хохол, дай огонька на тридцать-восемнадцать, северо-восток!..

- Лови...

Гостинец, в виде осколочной гранаты прилетел по пологой дуге и лопнул точно над головами укрывшихся за трупами врагов. Хохол таскал с собой сорокамиллиметровый гранатомёт, похожий издали на детское ружьё и пару подсумков с гранатами к нему, в довесок к нелёгкому ПКМ. За что и получил своё весьма говорящее прозвище.

- Есть! Накрыл!..

Амеров накрыло тучей осколков,

двое в панике вскочили и я их срезал, ещё один снова зажёг дым но включённая рация снова выдала его слабым голубым свечением. Дождавшись, пока в прицеле покажется голова, я переключился на одиночные и ласково выжал спуск. Пулемёт непривычно мягко отдал в плечо. Фигура врага дёрнулась и замерла. И тут я увидел тревожный красный огонёк в верхнем левом углу дисплея. Мина увидела цель и разрядилась. Скрепляя звенья ленты специально припасённым для этих целей «трассером», я увидел как погасла и вторая. А ещё через пару секунд началась феерия. Откуда-то из-за гор раздался резкий свист и на

плато стали падать дымовые снаряды. Вскоре, мутная серая пелена заволокла всё пространство впереди и я увидел, как со склонов спускается отдельными группами почти целая армия. В наушнике, на общей частоте, прозвучал усталый голос командира:

- Работаем вариант Ропши, их тут до батальона лезет и судя по спутнику, это только первая волна. Как с патронами?

Я оглянулся вокруг и понял, что заправил в короб последние пятьдесят патронов, картриджей к гранатомёту не было уже давно. Осталось пятьдесят патронов к пистолету и две наступательные

ручные гранаты. Не узнавая свой хрипящий шёпот, я сказал:

- У меня только на два притопа, три прихлопа. Потом только снежки...

Остальные выразились в том же смысле, поэтому Вадим приказал отходить к норе, где утыканная минами обреталась «глушилка».

- Михалыч, Ропша — тащите Чёрного к дыре, мы пока подыграем...

Сквозь постоянный треск выстрелов, я от чего-то слышал только как матерится воющий от боли Черныш. Мы закрепили его верёвками и осторожно спустив вниз, отправились обратно. Раненый

медленно скрылся в чёрном провале, потихоньку стравливая трос специальной машинкой, которая крепилась к нему специальными скобами, чтобы облегчить хват рукам при спуске и подъёме.

Быстро вернуться назад, к точке сбора помешал завал, ход разрушился от разрыва миномётной мины, которые прицельно били со склонов, но пока им не удавалось нащупать никого из нас. Закинув пулемёт за спину, я вынул лопату и Михалыч сделал то же самое. Проход необходимо было расчистить, иначе все остальные окажутся в ловушке. Тем временем слева слышался сильный взрыв, потом ещё и ещё.

Тревожно пискнул датчик и я увидел, что мощность сигнала упала на две трети. Наша сеть разрушена. Бросив копать, я посмотрел на часы, час и пятнадцать минут. Мы выполнили основную задачу, теперь оставалось сделать так, чтобы посмотреть на плоды своих трудов...

- Командир, нас не ждите, идите к норе, тут завал, мы работаем...

- Идём...

Когда есть задача, всё остальное теряет актуальность и даже реальные ощущения окружающей реальности пропали. Я долбил и отбрасывал серую массу снега смешанного со льдом, пока её клинок не ударился о такой же, только с другой стороны.

- Еле...еле успеваем.

Маска на лице Вадима обгорела, я увидел обугленный участок кожи на левой щеке. Вместе. Мы расчистили проход так, чтобы он и остальные могли протиснуться. Когда он и Хохол оказались внутри, я спросил:

- Краба там оставили?

Вадим только кивнул, ему как и мне неприятно было оставлять мёртвого товарища, как наживку. Рядом грохнул ещё один взрыв и отрытая нами дыра, снова закрылась. На секунду мне показалось, что командир как-то дёрнул плечами и стал заваливаться вперёд, мне на руки. Из его затылка сочилась кровь. На экране появилась красная

надпись: «замена командира группы. Ропша 2047 — новый командир подразделения «ноль шесть». Потом высветилась ещё одна: «передача командных кодов и частот завершена» .

- Чёрт! Все вниз, быстро!..

Передав тело бойцам, я набрал на клавиатуре код активации минной ловушки и побежал следом. Взрыв прозвучал в тот самый момент, когда мы уже метров на пять спустились вниз, по отвесной стене пещеры. Вверху ударил фонтан снежной пыли и вниз полетел всякий мусор. Теперь пещера погрузилась в абсолютный мрак, пока мигнув не включились ночники.

- Как только достигнем дна, всем сменить батареи и беречь пока не найдём выход!

- А мы найдём его?

Сказал это в общем канале Хохол, но думали об этом все. Раз я снова при высоком чине, нужно врать. Но я не стал. Пусть надеждой людей идущих за мной будет не ложь, а вера в свои силы, часто это тоже работает и неплохо.

- Обязаны найти и найдём. Наша смерть не сегодня и не в этой вонючей дыре. Спускаемся и делаем как договорились. Полезли, парни!..

... Мы достигли дна ещё через час. Помогли осколки льдины, которая упала и раскололась на два

больших ломтя. Спустившись по иззубренному краю одного из них, мы оказались на берегу небольшого ручейка. Тут было значительно теплее, чем на поверхности. Здесь же, на небольшом возвышении похоронили Вадима, завалив труп плоскими кусками породы. Дали холостой салют, положили Черныша на носилки и двинулись вдоль берега, обходя большие валуны. В голове у меня была только одна мысль: помогла наша карусель там. Наверху общему делу или генералы попятились, не сдюжили? В который раз уже эта навязчивая мысль: не зря ли всё это? Хочется... нет! НУЖНО верить, что не зря. Без твёрдых

убеждений и крепкой веры, победы нет никогда. Даже если проиграет кто-то другой, я не сдамся пока дышу, в это я верю, этим живу и спасаюсь.

Россия, 14 декабря 2011г.
Приблизительно 200 км от г. Углегорск. 23.57 по местному времени. Бывший штабной ЗКП 182-го гвардейского тяжёлого бомбардировочного авиаполка. Центр единого стратегического командования вооружённых сил Советской России. Председатель Государственного Комитета Обороны и главнокомандующий ВС СР - генерал армии Алексей Макарович

Широков. Мозаика боя: рассвет который наступит завтра.

...Более всего, меня беспокоили сведения полученные зарубежными отделами разведуправления ГРУ. Операцию по переброске войск во Владивосток, с Аляски, неожиданно отменили, войска сворачивают инфраструктуру баз, командование передали генералу Вернеру, ставленнику какой-то умеренной группы в сенате. И теперь колонны техники движутся к канадской границе непрерывным потоком уже вторые сутки. Однако же авианосная ударная группа уже покинула Филиппины и движется в тот район океана, откуда они должны

поддержать именно экспедиционный корпус Вернера. Противник вводит в схему неизвестный компонент и это может поломать весь расчёт генштаба...

- Товарищ командующий, директор ГРУ по закрытой линии.

- Соединяй, Костя.

Сейчас мы были как бы на возвышении, откуда огромный экран и сидящие вдоль него два десятка офицеров связи, казались как бы музыкантами в оркестровой яме, внимательно вчитывающимися в партитуру, перед началом представления. Тут был десяток удобных кресел, три защищённых терминала связи. Кроме нас с

адъютантом тут были заместитель Грекова – генерал-майор Пашута и офицер связи из аппарата ГРУ – полковник Синицын. Остальные, включая самого нашего военного архитектора столпились внизу, обсуждая оперативные сводки. Греков попросил у меня десять минут, прежде чем определить план действий в новых условиях. Я одел гарнитуру, метал обода приятно холодило затылок, а почти невесомый микрофон висел на уровне подбородка почти невидимой дождевой каплей. Вскоре, раздался чуть приглушённый голос Яровой:

- Товарищ командующий, план по дезинформации удался. Только

что китайский генштаб отдал приказ о мобилизации войск, о приведении в полную боеготовность флот и ВВС. Есть данные, о большой группе боевых кораблей, в южной Атлантике. По данным спутникового наблюдения, это почти две трети китайского военного флота. Тридцать судов определяются как большие и среднего класса десантные корабли. Их прикрывают шесть противолодочных кораблей, два ракетных крейсера и до двенадцати эсминцев, три вертолётносца. Аналитики говорят, что группа идёт к восточному побережью США. Также в составе группы суда обеспечения, что говорит о

крупномасштабной десантной операции. Ракетным войскам тоже объявлена боевая готовность. МИД готовится сделать какое-то важное заявление... Вот! Они предъявили американцам ультиматум: либо немедленное погашение всех долговых обязательств по курсу 1:1 к старой валюте, либо война. Американцы ответили... Они готовят к запуску ядерные ракеты, идёт обратный отсчёт!..

Вдруг, комнату наполнил тревожный звук раннего оповещения о ядерной атаке. Рисунок на карте сместился, большая часть Китая и наших тыловых районов окрасилась концентрическими кругами

вероятных попаданий ядерных ракет. Яровая на какое-то время пропала, а потом вдруг всё стихло, зуммер тревоги умолк, заикнувшись на протяжной ноте. Один за другим гасли красные круги, пока не исчез последний, над Ново-Амурском. Все на секунду замерли, но потом общая суэта возобновилась, а директор ГРУ снова вышла на связь:

- Китайский вирус сработал чётко: поражены все системы связи и управления силами ядерного сдерживания США. По всей стране идут массовые отключения электроэнергии, выходит из строя навигационное оборудование воздушного, наземного и морского

транспорта. Кое-где власти пытаются задействовать дубль-системы, но вирус проник и туда...

- Как долго это продлится?

- Согласно отчётам аналитического отдела ПГУ – от пяти, до восьми часов. Но это касается только 30% гражданских систем управления и связи. Данные по военным системам нам не доступны в достаточном объёме.

- Часа три у нас есть?

- Не знаю, Алексей Макарович. Китайские товарищи уверяют, что на перезапуск всех систем связанных с силами ядерного сдерживания и слежения у американцев уйдёт не менее недели.

Повернув голову, куда-то влево, женщина взяла у невидимого помощника какие-то бумаги и с нескрываемым удивлением проговорила:

- Это ещё не все новости из того региона, товарищ командующий. Силы Южноамериканского Союза, объявили США войну и сейчас объединённая группировка войск, костяк которой составляют Венесуэльские и кубинские войска, готовятся к высадке в Никарагуа. Гондурас и Мексика заявили, что не могут противостоять вторжению, просят помощи у США. К мексиканской границе стягиваются силы национальной гвардии,

регулярные войска пока не задействованы.

- Ясно, снежный ком покатился с горы... Держите меня в курсе, Анна Ивановна. Заодно проверьте. Нет ли в войсках южноамериканцев китайских помощников. Если есть, то в Мексике будет отвлекающий удар, а главное представление планируется в самом подвздошье Штатов. Сбылась мечта голливудских сценаристов — Нью-Йорк станет руинами и весьма скоро.

Вместе с новостями. Пришли отголоски боли. Нужно сконцентрироваться, пусть размышления помогут её прогнать!.. Итак, американцы не смогли ударить

наотмашь, это первые кирпичи в их огороде. Но пока у них есть независимая система в Германии и плавучий командный центр в Архангельске. Они не отступят. Латинские командиры весьма кстати зашевелились. Видимо почувствовали слабинку и решили не упустить момент.

Размышления прервало сообщение одного из офицеров, следивших за обстановкой на участке Красноуфимск-Первоуральск:

- 38-ая и 112 бригады «страйкер» первой ударной группы «Центр» начали движение, товарищ командующий. Они активно

маневрируют, оставляют ранее оборудованные укрепрайоны возле наспунктов Варсонофьево и Канинск...

Греков отреагировал мгновенно, на ходу он бросил в микрофон не сколько фраз и пиктограммы первой армии Жаркова пришли в движение. Слева, в окне появилась картинка с камеры одного из атакующих подразделений. Судя по зелёной сетке фона и маркеру подразделения, это был панорамный прицел танка 369-й гвардейской бригады полковника Чернова. Тут же он сам заговорил, голос танкиста прерывался статикой помех:

- Здесь Волга-21, занимаем

позиции в районе высоты 114.
Сопротивление противника
минимальное...

Тут же Греков, уже входивший к нам на «подмости», отдал команду непосредственно полковнику:

- Здесь Крепость-2, движение вперёд отставить! Пусть работают шпалы и карандаши. Ваша задача – их прикрытие, как приняли, Волга-21?!

- Понял, Крепость... Есть удерживать занятые позиции и прикрывать «деревянных»...

Шпалы и карандаши, так в кодовой таблице значились сапёры и мотострелки. Никого этот шифр уже не путал, американцы знали как и

куда идут наши войска, но в этом-то и был основной замысел...

- Товарищ командующий, в планах американцев возникли некоторые изменения. Это связано с северо-восточным сектором. Они эвакуируют аляскинскую группировку, но дальше канадской границы продвинуться не могут. Канадские власти прознали об эпидемии... короче, там сейчас бардак.

Греков уже переключился на доклад, двигая на настольной панели карты местности. Голос его звучал нервически бодро, что являлось хорошим признаком. Выдвинув карту Окинавы, он увеличил один из

прибрежных районов. Там виднелось скопление военных судов, к берегу двигались колонны грузовиков и бронетехники.

- Судя по разрозненным данным разведки и спутниковым снимкам, американцами сформировано сводное оперативное соединение, для высадки южнее Владивостока. Однако, численный состав этой группы – отведённые в резерв после операции «Снегопад» части. Их усилили двумя батальонами морской пехоты и отремонтированной техникой. По численности это около пяти тысяч человек, три эсминца, до сорока единиц бронетехники. Разведка отмечает отсутствие у

противника постоянного воздушного прикрытия. Японские силы самообороны не выделили запрашиваемых двух вертолётноносцев и ракетный крейсер. Поэтому, американцы высадятся в надежде на скорый подход авианосной ударной группы идущей сейчас с Филиппин...

Данные, которые сообщил Греков с одной стороны радовали. Теперь, вместо полноценной группировке, равной по численности нашим совокупным резервам, расписанным для прорыва, мы получаем всего лишь немногочисленный десант. Но что-то в этом уравнении не складывается,

возникало некое чувство, мешавшее оставить сообщение начальника генштаба без внимания.

- Где по вашим данным планируется высадка десанта?

Греков сильно потёр переносицу и что-то глянув в блокноте, сдавленно проговорил:

- В районе бывшего наспункта Кузнецово. Там нет наших войск, только взвод радиоразведки 285-го полка связи, приписанного к 3-ей резервной армии генерала Туманова. По данным штаба полка, это двенадцать человек, все только что с ускоренных курсов, две трети личного состава- девушки.

- Отдать приказ на немедленную

эвакуацию связистов. Какие силы мы сможем перебросить в район плацдарма и как скоро?

Греков покачал головой, припечатав короткопалой ладонью свой блокнот к столу так, что потревоженная сенсорная панель взвилась ворохом всплывающих окон.

- Американцы успеют закрепиться, практически весь наш боеспособный флот в точке встречи с АУГ противника. Там только отряд из пяти сторожевиков, есть несколько вспомогательных судов. Так же в пятнадцати километрах южнее наспункта, развёрнут пункт приёма раненых и три полевых госпиталя.

Греков ещё что-то говорил, но картину последствий высадки десанта я видел и без него. Если американцы поймут, что нащупали брешь в обороне, то велика вероятность того, что японцы подключатся и уже сейчас готовятся встрять, если представится случай. А учитывая то количество раненых, которое поступает каждый час с фронта, там будет резня. Грубо говоря, амеры ударят нам поддых и план генерального наступления окажется под угрозой. Связь противником будет восстановлена в необходимом объёме, координация войск станет приемлемой. Наступающие окажутся в

меньшинстве, как и рассчитывали американцы. А наши резервы не придут, ибо их пока нет в принципе и тогда кольцо вокруг наступающих армий сомкнётся. Потери окажутся велики настолько, что весь успех осеннего наступления будет сведён на нет.

- Товарищ начальник генерального штаба, разрешите обратиться к товарищу главнокомандующему?

От невесёлых рассуждений, отвлёк хрипловатый молодой голос. Подняв глаза от роковой точки на карте, я увидел, что это Синицын. Невысокий, темноволосый с обветренным красным лицом, он

смотрел прямо на меня своими тёмными, воспалёнными глазами. Греков только пожал плечами и кивнул. Полковник подошёл к карте и сдвинув ряд изображений свёл их в определённую цепочку, поясняя по ходу:

- При оценке обстановки, товарищ начальник генштаба не учёл возможности 1-ой армии СБР генерала Каменского. А именно: 11-ая и 14-ая десантно-штурмовые бригады, из резерва постоянной готовности, могут уже через час развернуть оборону в районе предполагаемой высадки десанта. А если скоординировать их действия с подразделениями сформированной

уже 161-ой танковой бригады, то у противника нет шансов закрепиться, из-за характерного открытого рельефа местности.

И тут я увидел, как Греков бледнеет. Нет, это был не приступ гнева, даже не злость на выскочку, посмеявшего высказать то, чего он сам вроде как не заметил. Поняв, что Синицын закончил, он всем корпусом развернулся ко мне и заговорил, тяжело роняя каждое слово:

- Товарищ командующий... Алексей Макарович... Я учитывал подобный сценарий, предложенный полковником Синицыным, но... Если лишить армию Каменского хотя бы

части сил и развернуть танковую бригаду из резерва Ставки...

Он снова стиснул зубы так, что вспухли багровые желваки на скулах, а зажатый в пальцах правой руки огрызок карандаша с треском переломился, роняя щепки на пол.

- Две бригады десантников планировалось перебросить в Ленинград. Это единственная возможность скрытно и без потерь помочь окруженцам. Все остальные части сил быстрого развёртывания будут задействованы в ходе операции «Пелена» полностью.

На какой-то миг, у меня внутри всё сжалось. Снова мелькнул перед глазами шпиль Петропавловки,

серебряные блики в волнах Невы и смех жены. Не знаю, как это выглядело внешне, но все кто стоял у планшета, опустили глаза. Глухим голосом, я отдал роковой приказ, хотя слова прозвучали во вдруг возникшей тишине чётко и слышали все:

- Предложение полковника считаю дельным...

Я посмотрел прямо на Грекова и он тоже поднял глаза. Решение было вынужденным, но скорее всего Питер обречён. Однако в противном случае, наступление забуксует и большая часть страны окажется под контролем Коалиции. Перегруппировка ничего не даст,

войны на истощение мы не выдержим. Поэтому я продолжил:

- Василий Палыч... Отдавай командиру северо-восточного направления приказ. Пусть выделит означенные части в распоряжение полковника Ахметова, командира 14-ой ДШБ. Он возглавит операцию по отражению десанта, командир толковый, помню его по летним учениям прошлого года... И сообщите в Питер, что помощи не будет. Боеприпасы и медикаменты – вот всё, что мы сможем прислать. Выполняйте...

... Как Греков отдавал распоряжение я не слышал. В ушах стоял звон, а рот наполнила вязкая,

горькая слюна. Тысячи жизней, прекрасный, Серебрянный город... всё исчезнет. Всего предугадать нельзя: по окинавской базе наша авиация нанесла мощный ракетно-бомбовый удар, разрушивший инфраструктуру и уничтоживший большинство ключевых объектов снабжения. Но разведка что-то упустила и вот сейчас погибнет ещё один русский город...

- Товарищ командующий, пора...

Я глянул на красные цифры электронных часов над главным экраном. Ноль часов, ноль минут. Настала пора в очередной раз бросить вызов Судьбе. Невольно захотелось выйти на улицу, вдохнуть

холодный, слегка пахнувший керосиновой гарью воздух. Там наверно особенно темно, как это бывает в полночный час. И мы сейчас тоже делаем отчаянный шаг в эту темень, надеясь что рассвет подарит нам победу. Не отводя взгляда от красных ромбов, скопившихся в такой узкой горловине меж двумя хребтами Уральских гор, я молча кивнул. Всё пришло в движение, зал наполнился гулом голосов, ожили диалоговые окна главного экрана. Некоторые уже перешли невидимую грань и вклинились в рыхлые порядки противника, думающего, что он уже победил. Греков снова натянул

гарнитуру, взял блокнот со стола, снова выудив откуда-то другой огрызок карандаша. Отрывистым голосом он приказал:

- Я Крепость, Гранит Главный и Базальт Главный – начать выдвижение в районы развёртывания три и четыре. Молот Главный, Небо – поступаете в распоряжение Гранита и Базальта, работайте.

Сами взрывы на карте отображались жёлтыми концентрическими кругами. Сосредоточившимися впереди наступающих танков и следующих за ними мотострелков. Пока всё шло как и задумано: противник отступал, показывая притворную слабость.

Ожил интерком, я услышал доклад кого-то из артиллеристов:

- Здесь Молот -23! Инженерные укрепления противника в указанных квадратах уничтожены. Переносим огонь в квадраты 12, 8 и 31...

Неожиданно, вклинился голос Грекова, тот брызгая в микрофон слюной матом крыл своего любимца – танкиста Чернова:

- Твою дивизию Волга!.. Назад!.. Не преследовать противника, у вас другая задача. Это не цирк, погоны снимешь!..

... Я сел в кресло, которое предупредительно отодвинул Костя. Он же подвинул стакан крепкого чаю, в подстаканнике, который

тускло блеснул в рассеянном свете ламп упрятанных под потолком. У чая был горьковато-терпкий вкус, первый глоток обжёг нёбо, всё как я и любил. Но сейчас все ощущения сосредоточились на карте, а голоса Грекова и остальных офицеров звучали приглушённо, не мешая следить за тем, как из бумажного, план операции превращается в реальные действия. Пока всё шло так, как рассчитывали американцы: их передовые части с лёгкостью оставляли передовые базы. Организованные с тщательностью, они даже не минировались при отходе, ведь американцы рассчитывали уже через сутки

вернуть их обратно...

- На связи Нептун Главный,
Алексей Макарович...

Диалоговое окно открылось
прямо под моей же правой рукой,
сквозь рябь проглядывало
сосредоточенное лицо контр-
адмирала Никифорова, который
держал свой флаг на «Кузнецове».
Увидев, что я смотрю прямо на него,
Никифоров кивнул и доложил:

- Авиаразведка обнаружила
противника, корабли опознаны. Два
авианосца - «Рональд Рейган» и
«Джордж Буш». Три ракетных
крейсера — «Нормандия»,
«Честерфилд» и «Алабама»,
двенадцать эсминцев, шесть

противолодочных кораблей и три подводных ракетносца класса «морской волк». Ещё шесть вспомогательных судов и два танкера с горючим. Идут на сближение, надводные корабли противолодочных манёвров и мероприятий не осуществляют...

Я подавил желание сделать глоток остывающего чая, чтобы не выглядеть слишком уж по-штабному. Одновременно мелькнула мысль, что хоть моряки не подвели и всё идёт без сюрпризов.

- Хорошо. Синоптики обещают шторм, справитесь в непогоду?

- Два балла, это не шторм, товарищ командующий – так лёгкий

ветерок...

- Тогда действуйте по плану. Но помните: держаться, сковывать силы противника до поступления известного сигнала. Остановите их в квадрате 44'12, как и предписано. Справитесь?

Картинка снова покрылась сеткой ряби, но голос Никифорова звучал чётко и совершенно спокойно. Но это с моряками всегда так: потоп или пожар, а им плевать.

- Нужно будет, сутки мотать их будем, горючего и боеприпасов достаточно...

- Хорошо, то связи, контр-адмирал и... удачи.

Окно свернулось и на экране

отобразились позиции нашей и вражеской эскадр: красных вдвое меньше, чем синих. И на два их авианосца, у нас всего один. А на шесть ракетных крейсеров, лишь отремонтированный наскоро «Варяг». Перевес у нас только в противолодочных кораблях и эсминцах, да ещё этот козырь в рукаве, о котором американцы ничего не подозревают...

- На связи Гранит-324! Нами взяты под контроль ж/д узел Паники и Абрамцево. Уничтожено шесть эшелонов с боеприпасами особого применения, двенадцать эшелонов с техникой и горючим, а так же два бронепоезда противника. Противник

непрерывно атакует, просим поддержать авиацией...

Это полковник Рябушкин, начал притормаживать уже стянутые к узловым транспортным развязкам резервы, приготовленные для наступления. Начал он рано, однако в сложившихся условиях вряд ли у него был выбор. Греков отреагировал мгновенно:

- Воздух 112! Активнее работайте в квадрате 38!.. Дайте «карандашам» отойти!..

- Здесь Воздух 112! Приказ выполняем...

На карте я видел, как группа маленьких красных ромбов с индексом «Воздух 112» довольно

быстро переползает в указанный квадрат. Где красные ромбы бригады Рябушкина еле-еле виднелись почти скрытые сплошной синевой. Так плотно было забито пространство силами противника.

- Сеть! Дайте мне картинку над тридцать восьмым. Живо!..

В открывшемся диалоговом окне, появилась картинка. Чёрно-белое изображение то и дело покрывалась рябью, судя по рискам, это был панорамный прицел командно-штабной машины самого Рябушкина. Камера резкими скачками дала длинный ряд горящих цистерн и белые силуэты американских БМП,

переваливающихся через
железнодорожную насыпь.
Расстояние было 230 метров,
впереди полыхнуло снова, потом я
услышал голос самого полковника:

- 13-й! Отводи свои коробочки в
в шесть-пятнадцать!..

В ответ послышался
неразборчивый, искажённый голос.
Трудно было разобрать что
происходит. Но вот в канале возник
ещё один участник:

- Я Один-один-два! Дайте
подсветку по вашим целям в квадрате
шесть-одиннадцать и шесть —два!..

В следующий миг картинка
смазалась и всё залил ослепительно
белый свет, в котором исчезли

переваливающие через насыпь бронемашины противника. Свет был настолько ярким, что в нём растворились даже горящие цистерны с горючим, которые виднелись справа, застывшие грудой покорёженного металла. Картинка резко сменилась и теперь я видел всё с высоты нескольких километров. Железнодорожный узел и километра три прилегающей территории, были во власти пламени, поглотившем всё. Но сквозь огонь я видел, как квадраты с красными маркерами уже скрываются за начинающими загораться деревьями какой-то чахлой лесопосадки южнее станции. Потом возник голос Рябушкина:

- Здесь Гранит-24!.. Отходим в направлении два-пять-восемь! Потери: две коробочки и тринадцать «карандашей» - двухсотыми...

Два танка и почти полвзвода сгорели в этой огненной купели. Сколько ещё сегодня будет таких докладов? А сколько потом припишут лично мне? Отгоняя эти мысли, я сосредоточился на докладах поступающих с центрального направления. Трудности начали возникать пока только у людей Чикишева. Войска противника плотно блокировали юго-западное направление и чтобы взломать его оборону охватившую полукольцом окрестности Ижевска, предстоит

поработать всерьёз, а на такой удар, его ударные части не рассчитаны. И сейчас предстояло лишь имитировать бой, избегая серьёзных столкновений с хорошо укрепившимися частями 240-ой и 135-ой бригад «страйкер». Усиленные соединениями штурмовой авиации и прикрытые артиллерией, доукомплектованные накануне нашего наступления, они почти втрое превосходят силы 365-ой и 371-ой бригад Чикишева, находящихся на острие атаки...

- Здесь Базальт Главный! Достиг квадрата 32-16, Базальт-21 и Базальт-17 докладывают о многоуровневой оборонительной структуре в указанном направлении...

Вот и Жарков упёрся в стену. Его передовые части соединились с передовыми подразделениями второй армии Чикишева и завязали бой, имитируя прорыв на Пермь и Уфу. Судя по тому, как пришли в движения войска противника на «крыльях» уральского хребта, он купился. Осталось позволить ему выйти на полное развёртывание и начать драться всерьёз...

- Командарм 58-ой, генерал-лейтенант Тропинин на связи, товарищ командующий!..

В окне появилась круглая, в следах подживших ожогов, физиономия Тропинина. На совершенно обычном, даже

простоватом лице выделялись пристальные, серо-стальные глаза. Из-за белых пятен оставленных огнём, щетина покрывала щёки и подбородок генерала клочками. Увидев, что связь установлена, он заговорил глухим, прокуренным басом:

- Товарищ главнокомандующий! Группировка в составе: 429-го мотострелкового полка, 136-ой гвардейской отдельной МСД и двух рот 34-ой горной бригады занимает указанные в плане позиции для поддержки деблокирующего удара во фланг группировке противника. Согласно данным разведки, турки и французы снимают часть сил с

нашего направления и перебрасывают их воздушным коридором в зону Хеверфорд-4, под Уфу. Момент для начала операции удачный, мы готовы. Если возможно, окажите поддержку артиллерией или любыми средствами доступными вашим силам.

Жарков сейчас сковывает на себя почти весь левый фланг войск Коалиции. Если американцы уже начали стягивать резервы из других, более отдалённых районов, значит, всё идёт правильно. Однако, если проявить силу сейчас, можно спугнуть удачу. Поэтому, опередив Грекова, я сказал, может быть чуть резче, чем хотел:

- У вас есть точное время начала действий, любое отклонение от плана запрещаю. Отставить самодеятельность, партизанщина заканчивается, генерал. Как поняли, командарм 58?!

В глазах Тропинина вспыхнул яростный огонёк, однако впервые за долгое время последовал чёткий приказ от того, кто действительно старше по званию. Сработал полузабытый рефлекс и генерал окружённой, истощённой, но не сдавшейся армии подчинился:

- Есть, отставить самодеятельность!..

И не успело погаснуть это окно, как к столу подошёл офицер связи от

Маевского. Это был высокий, статный майор с отличной выправкой. Чётким, хорошо поставленным голосом он доложил:

- Есть сигнал о готовности от отряда «Мститель». Двенадцать из пятнадцати групп заняли указанные позиции, развернули аппаратуру и закрепились. Две группы были обнаружены и в ходе боя были уничтожены противником. При этом, аппаратура генераторов была штатным образом уничтожена. Данные радиоперехвата не выявили расшифровки намерений групп. Американцы полагают, что столкнулись с обычной фронтовой разведкой, разрозненных

подразделений нашей северо-восточной группы погранвойск.

- Сколько человек мы уже потеряли там, майор?

- Десять «двухсотыми», товарищ командующий...

Ещё десяток опытных, обстрелянных фронтовиков, которых по настоянию Маевского набирали по всем фронтам, испытали военную удачу в последний раз. Начальник разведки генштаба настаивал, чтобы это были именно обычные фронтовые пластуны. Без специальной подготовки, без особой тренировки и навыков. Просто выжившие и удачливые, но знающие как выжить и победить. Даже в

смерти никто из них не выдал главного: своей основной задачи. Ведь попадись американцам настоящие спецы, натасканные и соответствующим образом вооружённые, пустыня мгновенно была бы насыщена войсками, горы стали бы прочёсывать сотни летающих дронов, спутники и тысячи солдат, не считая наёмников. Стараясь говорить ровным голосом, я отдал тот самый приказ, после которого всё должно было измениться навсегда:

- Передайте сигнал, о минутной готовности тем, кто вышел в точку передачи сигнала. Начинайте отсчёт!..

В зале шум голосов стал громче, а на табло поверх главного экрана у противоположной стены появились большие красные цифры : 0.58, 0.57, 0,56... Теперь грань истончилась, сделав всех равными: стратегами, воплотившими замысел в бумаге карт и теми, кто сейчас бьётся там, под Уфой и Ижевском, ждёт своего часа на огромной глубине в теснине переборок подводных крейсеров, более всего похожих на огромных молчаливых китов. И теми кто на пределе сил сдерживает армаду кораблей, несущих смерть остаткам нашего мира. И только несколько мгновений отделяют нас от того, чья же правда будет дальше, а чья сгинет

навсегда...

- Товарищ командующий!
Нептун Главный сообщает, что
«Адмирал Кузнецов» и «Варяг»
серьёзно повреждены, потеряно до
трети личного состава авиакрыла...

- Транслируйте на флагман
сигнал отсчёта... И приказ
держаться... Держаться!..

Казалось, само время
спрессовалось в неподъёмные
чугунные болванки, с неохотой
отмеряя секунды до конца одной
жизни и начала новой. Чья возьмёт,
чья правда сильнее?!

- ...0.03, 0.02, 0.01... «Пелена»!
Всем подразделениям сигнал
«Пелена»! Всем штабам и

командирам передовых подразделений, перейти к протоколу «Пелена»!..

И прежде чем на мгновение погасли все экраны в зале, последовали короткие доклады от командующих ударными армиями:

- Здесь Гранит Главный! Отрезаны от основных сил, ведём бой в полном окружении!..

- Здесь Базальт Главный! Противник в тылу! Ведём бой в окружении, отрезаны...

Синие прямоугольники и ромбы, словно ядовитые змеи обозначились на «крыльях» Уральского хребта и вскоре заполнили всё пространство в узком «бутылочном горлышке» по

линии Верхняя Слада – Невьянск – Асбест - Кыштым. Но у Челябинска синева остановилась, там создан укреплённый пункт обороны, там американцы не прошли, встреченные плотным заградительным огнём...

- Здесь Молоток-129! Передовая группа бронетехники противника уничтожена!.. переносу огонь в квадрат 13-62... Есть накрытие манёвренной группы моторизованной пехоты!.. Враг отступает от рубежа Орех-84!..

И в этот момент на мгновение погасли все экраны. Система ушла на перезапуск и тут же всё вернулось, только обновление обстановки пошло значительно быстрее. Силы

первой и Второй ударных армий, оказались в плотном кольце «синих». А это значит, что перестала работать штурмовая авиация, враг заглушил известные ему радиочастоты вызова поддержки. Но вдруг, всё застыло на секунду и синева стала дробиться, распадаясь на более мелкие фрагменты. Весь радиоэфир врага тоже заполнил треск и вой направленных радиопомех, погасли экраны тактических компьютеров, пропали целеуказания для артиллерии, самолёты остались без целей для нанесения своих хвалёных «хирургических» ударов. Приказов нет, информация с каждой секундой устаревает, ибо согласно диспозиции,

наши войска сейчас перегруппировываются, уходя из-под намеченных ударов противника.

А у нас была иная картина: после перезапуска заработали резервные каналы связи, вступившие в силу только по протоколу «Пелена». Одним из первых поступил доклад от генерала Примака:

- Я Воздух Главный! Ударные группы штурмовой и стратегической авиации заходят на указанные цели. Потерь нет, противник дезорганизован, сопротивление очагового характера... Угрозы со стороны ПВО нет...

Сейчас стратегические

ракетоносцы идут к берегам
Северной Америки, а фронтовая
авиация бьёт тех, кто зашёл в тыл
атакующим армиям Жаркова и
Чикишева, чтобы разблокировать
поступление резервов и снабжения.
Снова подал голос
офицер-«грушник»:

- Трезубец Главный сообщает:
запуск произведён. Основные и
дополнительные группы целей
поражены. Разведка докладывает что
«президенты» полностью
небоееспособны. Эскадра противника
лишена связи и дезориентирована.
Нептун Главный сообщает:
продолжаем бой, эскадра
боееспособна более чем на 70%...

...На карте сразу обозначились красные концентрические круги, охватывающие большинство районов сосредоточения тыловой инфраструктуры Коалиции в Европе и США. Отдельно были выделены районы оккупированных территорий России, Белоруссии и Украины. В последнем случае, удары пришлись на районы пограничные с Белоруссией, на направлениях ведущих к Минску, Гомелю и Могилёву. Именно туда будут направлены атакующие удары передовых подразделений вновь сформированных 3-й и 4-й армий, уже грузящихся в эшелоны и транспортные «борта». Они состоят

на три четверти из бойцов и командиров нового призыва, молодым придётся принять свой первый бой, пройти огненное крещение. И мы как могли старались облегчить им задачу, уменьшить сопротивление.

Откинувшись на спинку кресла, я спросил у подошедшего Грекова, который налив себе полный стакан минеральной воды, залпом его осушил:

- Американцы были сильно удивлены, что вместо старых ядерных боеголовок. Получили свою модернизированную нашими «левшами» смесь?

Покрасневшие, водянистые глаза

старого вояки довольно сощурились и он отрывисто кивнул.

- Не то слово, Алексей Макарыч. Теперь им придётся скинуть ту часть прогноза, где они рассчитывали на замедление продвижения наших войск в случае выхода на оперативный простор западнорусской равнины. Конечно, заражённые районы есть, но там пойдут специально экипированные подразделения. Видимо им придётся нелегко, поскольку именно удара на Брянском направлении американцы и ждут...

... С самого начала формирования органов разведки, мною была поставлена задача,

захватить и изучить компонент нового оружия, которое американцы именовали «Плащ Сатаны». Подобные исследования до войны велись и у нас, однако, многое было утеряно и быстрее было бы воспользоваться уже готовой технологией. Разведка справилась и вскоре, в Новоуральске и под Железногорском, было налажено производство боевых частей для переоснащения уже имеющихся на вооружении ракет межконтинентальных и средней дальности. Титаническая задача, с которой нам помогли справиться китайские товарищи. Само собой, эта технология была своего рода

нашим вкладом, платой за услуги. Но главное случилось: вместо губительного и бесполезного атома, мы получили эффективное и мощное оружие, позволяющее не загадить радиацией всё там, где ещё предстояло воевать. Снова развернулось сразу два диалоговых окна, на связь вышли Жарков и Чикишев. Оба чумазые, но в глазах у обоих читалось удовлетворение, смешанное с некоторой толикой растерянности. Но это были не все сюрпризы, которые мы приготовили для врага, далеко не все...

- Базальт Главный, приказ выполнен. Уфа деблокирована, передовым частям 12-го корпуса

полковника Шалангина удалось с боем выйти на соединение с частями бывшего Центрального ОСК. Совместными усилиями, развиваем наступление в направлении Самара-Ульяновск-Саранск. Части 58-ой армии генерала Тропинина деблокировали Волгоград и развивают преследование противника на направлении Краснодар – Новороссийск...

- Гранит Главный, приказ выполнен. Блокада Ижевска частично снята. Передовыми частями блокированы большие группировки противника оставшиеся без управления. Это несколько снизило темп наступления.

Артиллерия помогает, часть наступающих подразделений была перенаправлена в обход, где и соединилась с группой войск бывшего Западного ОСК. Развиваем наступление на линии Казань – Киров – Вологда. Противник полностью деморализован, его тыловые районы контролируются как нашими регулярными частями, так и партизанскими соединениями, действия которых координирует разведотдел армии, совместно со вторым главуправлением ГРУ...

...В какой-то момент, боль оставила меня совершенно. Её место заняло ощущение полного опустошения. Противник, такой

непобедимый ещё час назад, вдруг превратился в насыщенную паникой и страхом массу, которую мы гоним перед собой в зачумлённые и выжженные ими же районы России. Мало того, теперь прибалты, поляки, французы и немцы ощутили всю мощь ответного уничтожающего удара. Нет, мы не били по городам, но Европа, это очень маленький клочок земли и удары по военным базам НАТО, так или иначе затронули всех тех, кто одобрительно кивал, приговаривая: « - ...Русским нужно показать их место...» Особенно не повезло бывшим странам Варшавского договора: в Чехии и Словакии под удар попали

Прага, Брно. Огонь не уничтожил всё, но счёт жертв шёл на десятки тысяч. И это тоже будут вменять мне в вину, но пока Россия не свободна, ничто другое меня особо не заботит. Эти жертвы – их плата за молчание, за предательство.

Снова к столу подошёл Греков. Сдвинутые на шею наушники и лихорадочно блестящие глаза говорили о том, что всё идёт нормально:

- Ну, в целом всё получилось. Завеса радиопомех продержалась дольше чем мы рассчитывали...

Он обернулся к тому самому офицеру связи ГРУ и быстро перечислив какие-то координаты

спросил:

- Сколько диверсионных групп было на точках воздействия?

- Двенадцать, товарищ генерал-майор! Ещё три группы до пунктов назначения не добрались.

- В последние тридцать минут, работало всего две группы... Есть выжившие?

Ни один мускул не дрогнул на лице штабного майора, он быстро посмотрел что-то в своём электронном планшете и довольно быстро ответил:

- Из семидесяти двух бойцов ОРДР «Мститель» в живых осталось девять человек. Из состава идущей на Архангельск десантной бригады

было выделено три поисковых группы на вертолётах и шесть групп наземного поиска. Ими были обнаружены остатки двух подразделений отряда с позывными Мститель-6 и Мститель -11. В ноль шестой выжило четверо, один из них тяжело пострадал, сломана нога. В ноль одиннадцатой ранены все, командир тяжело контужен, выжило пять бойцов. Все они эвакуированы в расположение бригады, раненым оказывается помощь.

Греков глянул на меня вопросительно, однако что можно сказать о тех, кто выжил там, где это принципиально невозможно? Я подозвал Костю и приказал:

- Детали поставленной отряду «Мститель» задачи — засекретить. Выживших наградить орденами высшего достоинства без, поправки на звание. Но с правом ношения только в особых случаях и только в мирное время. Также всех представить к очередному званию, это пусть пройдёт официально, как поощрение за действия в ходе наступления. Кто лечится, потом направить по месту службы до назначения на задание, остальных тоже определить в те же подразделения, откуда они отбирались для выполнения задачи. Само собой пусть поработают особые отделы, нужно спрятать этих

бойцов. Передай Маевскому, пусть следит за ребятами... может быть их везение ещё не кончилось.

Отдав ещё некоторые распоряжения, я поднялся от стола и направился в комнату отдыха. Костя уже вызвал медсестру и после нескольких болючих уколов, накатил тяжёлый, как обморок, сон. Однако, усилием воли пришлось подняться и идти обратно, к планшету. Бой ещё не закончился. Кивнув корпящему над записями в своём блокноте Грекову, я снова сел в кресло и вызвал карту боевых действий. Обстановка за время моего отсутствия изменилась кардинально. Противник оказался в положении, когда все его наземные

части лишились поддержки авиации, артиллерии и флота. Разбитая авианосная группа отступала к Филиппинам, но из-за серьёзных повреждений оба авианосца быстро теряли ход, а сильно поредевшее авиакрыло с «Кузнецова», препятствовало другим кораблям американцев оказать повреждённым «президентам» помощь. Вскоре, замигали и стали серыми все ракетные крейсера американцев. В дело вступили группы морских диверсантов, высадившихся на американские корабли с двух небольших субмарин и с вертолётов, так же базировавшихся на «Кузнецове». Снова открылось

диалоговое окно, в нём появился генерал-полковник Николаев, командующий десантниками идущими на Архангельск.

- Базальт Четвёртый докладывает, сопротивление противника сломлено. Подразделения Базальта 14 и 19, сейчас входят в город. Также огнём береговых батарей, совместно с авианосной ударной группой Северного флота Трезубец-6, группа кораблей противника и корабль управления «Миннесота» - частью уничтожены, частью ушли в норвежские базы. «Миннесота» потеряв ход, быстро погружается. К месту крушения выслано два звена

штурмовых вертолётов, чтобы исключить эвакуацию команды и персонала с судна...

Это было не очень хорошо. Десантники закрепятся в городе, но подкрепление им придёт только через двое суток, а в Швеции и Норвегии стоит в готовности сорокатысячная группировка Коалиции. Подозвав адъютанта, я приказал:

- Костя, дай мне командарма второй воздушной, генерал-полковника Абрамова!

...Лётчик появился в новом диалоговом окне через пару минут. Стриженный под «ноль» с пробивающейся уже светлой

щетиной на подбородке и под носом, Абрамов казался таким же загнанным как и все вокруг.

- Владислав Степанович, как обстановка на севере?

- Помогаем десантуре брать Архангельск, есть потери, но сейчас работается легче. Вражеская авиация и особенно артиллерия работают крайне бестолково и несогласованно. Часто бьют по своим, мажут...

- Хорошо, не ослабляйте давления, к двадцати трём по вашему местному времени, город и порт должны быть взяты.

- Сделаем, товарищ командующий!..

- И ещё одно... Сейчас с тобой

связется Маевский, даст
координаты. Так вот, там ничего
живого остаться не должно иначе все
наши труды пойдут прахом.
Слышишь?! Ничего!

- Есть!..

- Выдели лучшие экипажи,
приступайте как только получите
координаты целей...

Загвоздка в том, что войска
рассредоточены вокруг крупных
гражданских поселений. Но иначе
сейчас нельзя. В любом случае,
отвечать за всё мне и только мне
одному...

- Товарищ командующий,
новости из Питера. Только что стало
известно следующее: сводная

бригада «страйкер», сформированная из финских, эстонских, литовских и латвийских подразделений Коалиции, ускоренным маршем идут к эстонскому Ахтме. Согласно данным радиоперехвата, когда передовые части прибалтийской бригады с позывным «Август», вышли на исходный рубеж для начала наступления и запросили у французов поддержку по намеченным для дистанционного удара целям.

- И что французы?

- Ничего, промолчали. После удара по инфраструктуре Коалиции в Англии, дезорганизация усилилась в полтора раза против ожидаемого

аналитическим отделом 2-го
главразведуправления ГРУ. Они
полагают, что были затронуты некие
неофициальные центры влияния на
руководство стран входящих в
Коалицию, либо непосредственно
связанных с этим союзом в
финансовом плане. А командование
особого района «Брайфорт» в
Витебске срочно сворачивает
инфраструктуру. По данным
стратегической разведки, готовятся к
эвакуации...

Значит, получилось. Один из
«спящих» агентов в Великобритании
дал очень ценную информацию о
местах расположения некой тайной
корпоративно-финансовой

организации. Агент сообщал, что именно оттуда, через подставные структуры финансируется нападение на Россию. Да и сама Англия всегда являлась неким символом стабильности, мировым законодателем общественно-политического курса Запада и США. Поэтому, два атомных ракетносца отдельно от остальной дивизии РПК, вышла в район гарантированного поражения территории Англии именно с помощью ядерного оружия. В данном случае, руководство госкомитета обороны пришло к мнению, что хирургический удар лишь отсрочит ответный ход главного противника. Решено было нанести

уничтожающий удар по всему острову, дабы бывшая империя перестала существовать. Благодаря китайскому вмешательству, такая операция стала возможной и сейчас, вся территория Англии представляет собой радиоактивную пустыню. Более точных данных пока не поступало, однако же удар дал нужный эффект: руководство Коалиции вдруг оказалось парализовано, несмотря на указы политического и военного руководства. Возник явный паралич власти.

А как только войска второго эшелона продвинутся ближе к госгранице России, скажутся

последствия неядерных ударов и по инфраструктуре в глубине старой Европы. Более того, час назад, мной дан приказ зарубежному отделу ГРУ на физическое уничтожение членов семейных финансовых кланов Ротшильдов и Рокфеллеров везде, где те будут замечены они сами или их доверенные лица, которые тоже подлежат ликвидации 49

Большинство мировых финансовых организаций: крупных банков, хэдж-фондов, промышленных корпораций, так или иначе принадлежат этим двум семействам. Традиционно считается, что полномочные представители Ротшильдов и Рокфеллеров образуют некое теневое,

«мировое правительство». И они же, таким образом, ответственны за все аспекты мировой политики проводимой Западом. Существование такого органа не доказано и вряд ли он существует как некая [49]. Важно отсечь этой финансовой гидре Запада, эти две жёсткая иерархическая структура. При том характере отношений, которые существуют в мире элит, он может иметь в лучшем случае лишь совещательные, координационные функции. Сторонники «теории заговора», часто и с удовольствием валят на эти семьи все непонятные обычным людям процессы, происходящие в мировой экономике

и политике. И кто-то ловко подsunул конспирологам идею некоего сионистко-масонского заговора, продвигая простую идею, что всё что делают Рокфеллеры и Ротшильды, это де происки мирового еврейского лобби. Близорукая и крайне вредная, на мой взгляд, теория.

Мировой капитал уже давно интернационален и никаких расовых выгод не преследует. Всё, что интересуется мировую правящую элиту, сводится лишь к разделу сфер влияния, захвату рынков сбыта и получению сверхприбыли. А эти понятия национальности не имеют и тем более не служат интересам одной или группы стран. Они служат

только тем самым семейным кланам, которые обрели вес и могущество в результате кровопролитных войн прошлого, настоящего и, если их не остановить, будущего. Война и только война всегда являлась и является для них быстрым средством получения прибыли, захвата рынков и территорий. И если принять меры, причём самые радикальные, вплоть до физического устранения, то на какое-то время маховики этой питающейся кровью и болью людей машины, притормозят. Этого времени может хватить, чтобы одержать победу, закончив тем самым активную фазу конфликта. Ну а после в дело вступит сначала

внешняя разведка, а в дальнейшем уже гуманитарные организации, чтобы повернуть финансовые потоки в мирное так сказать русло. Это вполне возможно, хотя и не принесёт быстрой и ощутимой прибыли, зато это работа на перспективу позволит ликвидировать большинство локальных конфликтов. Победить голод, нищету, болезни в глобальном масштабе. Таково моё мнение.

49 Большинство мировых финансовых организаций: крупных банков, хэдж-фондов, промышленных корпораций, так или иначе принадлежат этим двум семействам. Традиционно считается, что полномочные представители

Ротшильдов и Рокфеллеров образуют некое теневое, «мировое правительство». И они же, таким образом, ответственны за все аспекты мировой политики проводимой Западом. Существование такого органа не доказано и вряд ли он существует как некая жёсткая иерархическая структура. При том характере отношений, которые существуют в мире элит, он может иметь в лучшем случае лишь совещательные, координационные функции. Сторонники «теории заговора», часто и с удовольствием валят на эти семьи все непонятные обычным людям процессы, происходящие в мировой экономике

и политике. И кто-то ловко подsunул конспирологам идею некоего сионистко-масонского заговора, продвигая простую идею, что всё что делают Рокфеллеры и Ротшильды, это де происки мирового еврейского лобби. Близорукая и крайне вредная, на мой взгляд, теория.

Мировой капитал уже давно интернационален и никаких расовых выгод не преследует. Всё, что интересуется мировую правящую элиту, сводится лишь к разделу сфер влияния, захвату рынков сбыта и получению сверхприбыли. А эти самые ядовитые головы. Именно они так или иначе стоят за вторжением, ими устроен фокус с денежной

реформой в США, чтобы подстегнуть разваливающуюся общность западных наций к броску на Восток. Конечно, физическое устранение не остановит финансовых потоков, однако в совокупности с ударом по английскому центру, выведет мировую олигархию из игры. Через сутки начнут ощущаться последствия действий наших полевых агентов и к хаосу военному, прибавится ещё и финансовый. А значит, на европейский театр мы войдём в подходящее время и на выгодных для нас условиях. Локальный хаос выжжет все ресурсы накопленные для противостояния нашим контрударам и всё что остаётся

сейчас, это подтянуть резервы и наметить более выгодные направления для броска к Парижу, Берлину и Вене. Но это уже вопрос будущего, пусть и не такого далёкого.

Повернувшись к Грекову, который перестал орать в микрофон и сдвинув его на шею, промакивал белым в крупную клетку носовым платком, вспотевшую лысину:

- Василий Палыч, как общая обстановка?

понятия национальности не имеют и тем более не служат интересам одной или группы стран. Они служат только тем самым семейным кланам, которые обрели вес и могущество в результате

кровопролитных войн прошлого, настоящего и, если их не остановить, будущего. Война и только война всегда являлась и является для них быстрым средством получения прибыли, захвата рынков и территорий. И если принять меры, причём самые радикальные, вплоть до физического устранения, то на какое-то время маховики этой питающейся кровью и болью людей машины, притормозят. Этого времени может хватить, чтобы одержать победу, закончив тем самым активную фазу конфликта. Ну а после в дело вступит сначала внешняя разведка, а в дальнейшем уже гуманитарные организации,

чтобы повернуть финансовые потоки в мирное так сказать русло. Это вполне возможно, хотя и не принесёт быстрой и ощутимой прибыли, зато это работа на перспективу позволит ликвидировать большинство локальных конфликтов. Победить голод, нищету, болезни в глобальном масштабе. Таково моё мнение.

- Давим, товарищ командующий. Свежие части второго эшелона уже прибывают в бывшие Саратов, Казань, Нижний Новгород, Ростов на Дону... Иностранцы неорганизованно отступают, бросая инфраструктуру, технику и вооружение. Сопротивление есть, но учитывая всё ещё имеющееся

стратегическое преимущество,
полученное после применения
«Пелены», оно носит очаговый,
неорганизованный характер. Войска
имеют приказ такие очаги
сопротивления обходить, передавая
координаты силам поддержки. Через
три суток, выйдем к
государственной границе России. А
дальше, по намеченному плану: если
не будет капитуляции, ударим по
Польше, Прибалтике, В Архангельске
уже формируется ударная армия для
высадки в Норвегии. Но думаю, что
струхнут. Американцам сейчас не до
помощи союзникам.
Экспедиционные силы
Латиноамериканского Союза

генерала Риверы пересекли мексиканскую границу и идут на Сан-Антонио и Сьюдад - Хуарес.

- А наши китайские союзники?

- Там пока мало что известно.

Но силы НОАК высадились и с ходу овладели Уилмингтоном, взяли Норфолк и уничтожили крупнейшую базу ВМС США. Колонны бронетехники идут на Ричмонд. Есть данные о их высадке в Филадельфии, но пока всё идёт лишь по каналам разведки, точной картины нет. Думаю, Коалиция трещит по швам: американцы отзовут войска, о чём свидетельствует отсутствие даже намёков на контрудары.

- Нельзя дать им уйти, Василий

Палыч. Китайская армия велика, но воевать через море, это накладно. Дай приказ по войскам: пленных не брать, уничтожать любой транспорт противника идущий в направлении госграницы.

- Уже приказал. Но тогда придётся так и так вводить войска на территорию Евросоюза. Они, конечно, на сепаратный мир пойдут, с американцами постараются не ссориться. Однако сейчас, из-за разрушения инфраструктуры, в Европе начинается хаос. В самом выгодном положении французы, у них на территории нет американских военных баз, поэтому они закрывают границы с сопредельными

странами...

...Часть ракет с подводных крейсеров была направлена на атомные станции Евросоюза, химпредприятия занимающиеся производством удобрений и горюче-смазочных материалов. Сейчас дороги забиты отступающими войсками Коалиции, в городах началась паника, в которой активное участие принимают диверсионные группы первого управления ГРУ, призванные усилить хаос, поддержать бунты и беспорядки. Фактически, Коалиция распалась и к моменту выхода наших третьей и четвёртой ударных армий к бывшим границам России, организованного

сопротивления ожидать уже не стоит. Я снова посмотрел на Грекова. Обвёл взглядом весь зал. Тон докладов изменился, теперь всё чаще звучали такие: «враг отброшен», «населённый пункт взят». Это была победа, пришедшая на лезвии клинка. Малейшая ошибка и всё скатилось бы в пропасть...

Разлепив иссохшие и потрескавшиеся от не оставляющего внутреннего жара губы, я приказал:

- Важно, чтобы с территории России ушло как можно меньше вражеских войск. Добивайте их любыми средствами, это главная задача на сегодня. Хаос в Европе продлится только до тех пор, пока

американцы не накопят достаточно сил для организованной эвакуации. А это может стать стабилизирующим фактором, нам это не нужно. Что на Украине?

- Там вроде как уже бардак: войска гетмана отступают на Львов, просят поляков о помощи, но те тоже отмалчиваются, в распоряжение своих зон ответственности гетманцев не пускают. Если коротко: все воюют против всех, после того, как перебили гражданских наблюдателей и офицеров присланных от коменданта особого района Хеверфорд...

... Снова поднялась муть с самого дна. Теперь и с этой стороны

удара ожидать не следует. Пока местные вожди договорятся, мы сумеем выделить силы и поддержать тех из них, кто решит присоединиться к новому союзному государству.

Снова подошёл офицер связи, лицо у него ничего не выражало, но по какому-то наитию я понял, что вести добрые:

- Товарищ председатель Государственного комитета Обороны! Только что поступило сообщение из Петербурга. Части 279-ой десантно-штурмовой бригады третьей ударной армии вошли в город с северо-востока, прорвав блокаду войск противника. Потери

незначительны. Установлена связь с военным комендантом города — капитаном первого ранга Ольховским. Он сообщает. Что если будет отдан соответствующий ваш приказ, то все силы самообороны города выступят вместе с частями армии и флота, для окончательного снятия блокады.

- Даю такой приказ, пусть начинают.

- Есть данные от полковника Ахметова. Противник окружён и блокирован в наспункте Кузнецово. Ахметов запрашивает комбинированный ракетно-бомбовый удар по позициям вражеского десанта.

- Уничтожьте всех, пленные нам не нужны. Что японцы, помогать союзникам не спешат?

- Согласно данным радиоперехвата и спутниковой разведки, большая группа боевых кораблей китайских ВМС вступила в бой с группой шедшей на подмогу американскому десанту. Сейчас пока рано говорить, но по тем же данным, на юго-востоке КНР сосредотачивается группа грузовых самолётов, в воздух поднялись истребители прикрытия, идут в сторону окинавского побережья. По инфраструктуре Окинавы, островов центрального японского архипелага и Тайваню, наносятся мощные

ракетные удары... Похоже, что китайцы готовят масштабную высадку наземного десанта...

...Колесо Судьбы снова сделало полный оборот. Те, кто мнил себя сильными и способными покорить весь мир, снова оказались опрокинуты. Осознание победы, упавшего с души тяжкого бремени, вдруг побудило на поступок, о котором я мечтал с самого начала войны. Тяжело опершись на костыль, я поднялся из кресла и приказал:

- Начальнику генерального штаба принять командование операцией. Я буду наверху, если что – присылайте офицера связи.

... Выйдя на хрусткий, только

что выпавший снег, я ощутил сильное головокружение и прислонился к шершавой бетонной стене, скуповыступавшей из-под ещё видневшейся жухлой осенней травы. Солнце только-только поднялось из-за деревьев. От отражённого снегом света было больно смотреть на окружающие бункер сопки. Морозный ветер обжигал лёгкие так, что от первых вдохов пробил сухой, удушливый кашель. Темнота всё же уступила, теперь и мы и те кто уцелел, увидят следующий рассвет и те, что придут за ним. И пусть враг пока снова только лишь отброшен, но сейчас война пришла уже к нему на порог и даже шагнула в дом. Мы

заставим агрессора воевать на его собственной земле. Пусть теперь горят его города и гибнут те, кто мнил себя неуязвимыми. Красное знамя вновь принесёт нам Победу, а остальным народам подарит Мир. Надолго или нет, покажет время.

Россия, 29 декабря 2011г. 11.38 по местному времени. Около 120км юго-западнее линии непосредственного соприкосновения с силами Коалиции. Временный пункт дислокации 80-ой, гвардейской мотострелковой бригады 2-ой ударной армии вооружённых сил Советской России. Боец второго взвода отдельной

разведроты, гвардии сержант Антон «Ропша» Варламов. Короткая встреча – случайная радость.

...Гречка была горячей, но это не согревало. То ли из-за того, что последние трое суток мы провели на «передке», то ли потому, что я в принципе никогда не могу впитать достаточно тепла из окружающего мира, чтобы унять промозглый холод. Он угнездился во мне так глубоко, что вот уже пятнадцать лет, никак не уходит насовсем. Временами, удавалось загнать его куда-то на задворки сознания, но только на короткое время. Единственный раз, когда меня окутало настоящее тепло, было месяц назад, когда ко мне

прижималось горячее тело Леры. Тогда было так тепло и безопасно, как когда-то в детстве. Странно, что вспомнилось это именно сейчас, когда фронт продвинулся далеко на Запад и её полевой госпиталь затерялся где-то далеко позади.

- Ток-ток-трр-ток!..

Счётчик радиации затрещал, когда мимо прошла колонна грязных, закопчённых бойцов первого разведвзвода, только что выгрузившихся из двух грузовиков, пришедших с запада. После серьёзных потерь в ходе наступления, 80-ая бригада отошла на переформирование и получила пополнение. Но всё далеко от фронта

не отвели, а разместили в оперативном тылу атакующей группировки, бравшей Нарву. В бой бригаду само собой не вводили, но нас, разведчиков, постоянно использовали в интересах передовых частей легендарной танковой дивизии полковника Чернова и 46-ого дивизиона установок РСЗО. Места тут были основательно загажены радиацией, особенно доставалось именно нам и сапёрам, поскольку большую часть приходилось урываться в уцелевших городских домах и подвалах. Чаще всего, мы стерегли пацанов из инженерно-сапёрной роты танковой дивизии, пока те шарили по

развалинам, снимали сложные закладки и наземные датчики движения, оставленные в изобилии отступившими франко-германскими войсками. Американцев больше встречать не приходилось, они слишком шустро удрали дальше, в Прибалтику. Но как говорила карта, в районе морских портов Эстонии и Литвы, там постоянно работала наша фронтовая авиация и амеры оказались заперты на материке, без снабжения и связи со своим командованием...

- Товарищ сержант, а когда в баню пойдём? Вторую неделю мурыжат, цуцки тыловые!..

Прямо передо мной возникло

перемазанное камуфляжной краской
лицо бойца моего нового отделения
Кудинова. Пацан был молодой, из
нового пополнения, но мы с ним
успели десять раз сходить «в гости»,
как называется рейд по оперативным
тылам и нейтральной территории
города, считающейся пока ничейной
землёй. Кудинов приписал себе год и
попал к нам в разведку после того,
как передовые части армии
замедлили темп наступления и
началась обычная позиционная
тягомотина. Среднего роста,
чернявый и плотный, с чуть
вытянутым скуластым лицом,
Кудинов быстро соображал и показал
хороший темп на марш-бросках. С

боевой подготовкой тоже было не так плохо, как ожидалось и я назначил его своим «замком», как раз за предсказуемость и некую врождённую предусмотрительность. Вот и сейчас, на гречку с тушёнкой именно он поменял у местных кашеваров несколько трофейных французских комплектов химзащиты. Противогазы и лёгкие накидки сейчас очень ценились, а мы набрели на разрушенный попаданием мины склад, где этого добра было завались. Но прежде чем доложить по команде, мы пошуровали там немного и перепрятали часть имущества в собственный схрон. Склад нашёл Кудинов, он же и предложил

прикопать часть добра, на всякий случай. Но сейчас взятка не поможет: помывочная машина, которая ещё и прачечная, была расписана на неделю вперёд. И мы сидели почти у самой дороги, ожидая, пока помоются разведчики приписанные к штабу бригады.

- Кудинов, отставить нытьё! Терпи, часа два всего осталось. Лучше вон, личный состав добавкой обеспечить.

Ещё пятеро моих архаровцев сидело тут же и молча чавкала, уже слышался стук ложек по дну котелков. Зам только сморщил нос, тут же нырнув куда-то за палатки, попутно вырвав у возмущённо

заговорчавших парней почти пустую тару. Я смотрел на их довольные чумазные лица и ословевшие от сытной еды усталые глаза. Пока мне удалось водить группу без потерь, но надолго ли это везение, не закончилось ли оно после той скачки по горам, а потом долгому пути вдоль русла подземного ручья? Тогда нам повезло выйти на свет через сутки. Белый, ослепительный после темноты и замкнутого пространства свет, заставил взрослых мужиков повалиться прямо на пристывшую гальку у выхода из пещеры. Губы их беззвучно шевелились, я так и не понял, плакали они или смеялись. Я же просто сел на стёсанный ветром

плоский камень и вынув пистолет, отщёлкнул магазин, машинально проверяя количество патронов. Не знаю почему сделал именно это, видимо бой ещё не отпустил. Потом случилось чудо: через два часа, когда мы вышли у северного склона горы, Михалыч заметил метрах в ста пятидесяти впереди два БТРа. Я уже было хотел приказать, чтобы замаскироваться и переждать, но тут ожил коммуникатор, отозвавшийся на запрос «свой-чужой». Это оказался поисковый отряд выделенный специально по нашу душу... А вернее сказать тех, кто выжил. Вряд ли повезло многим, тут даже к гадалке не ходи. Что было

дальше, о сих пор вспоминаю лишь урывками: вот нас поднимают на броню, раненого Чёрного бережно кладут в десантном отсеке; вот нас отмывают, кормят каким-то супом, потом колют из тубика болючий укол, от которого немного проясняется сознание. Короче, кое-как приводят в чувство. И сразу же, без паузы, появился наш старый знакомый – Лётчик. Всем прицепили по ордену, присвоили очередное звание и отобрали подписку о неразглашении, приказав снять ордена и забыть всё, что было там, в горах.

Забыть...	Сейчас	я
действительно	с	трудом всё

вспоминаю, только какие-то моменты яркими вспышками опаляют сознание и снова исчезают в холодной темноте. Воспоминания придут потом, когда будет время оглядываться назад и если я буду жив. С давних пор запомнил железное правило: чувствуешь что-то, значит ещё живёшь. Но чем дольше находишься на войне, тем скуднее ощущения самого тока жизни. Происходит событие и ты на него реагируешь, чаще всего это машинальное действие, наработанный набор движений, отработанные решения. В них уже нет страха, нет азарта – всё стёрлось, потеряло остроту и стало рутиной.

Да, пожалуй, войну я могу забыть... её слишком много. Та стеклянная стена. Которая отгораживает меня от остальных, даже тех, кого можно назвать друзьями, становится всё толще...

-... Ропша!..

Моё имя, кто-то зовёт... Кто-то очень знакомый и потому, как холод отпускает, понимаю, что это она, Лера. Вскакиваю со стопки лысых покрышек на которых сидел, я оглядываюсь и вижу тонкую фигурку по ту сторону дороги. Через лагерь, на приличной скорости, идёт длинная вереница разномастной техники: наматывают грязь на колёса БТР-ы, уверенно раздвигают глину

стальные гусеницы танков, валко идут крытые, длинные «шаланды»-грузовики. Везде люди: закопченные и усталые; а где-то одетые с иголочки, в чистой, не обмятой полевой форме, стриженные под «ноль» новобранцы. Сквозь мелькающее серо-чёрно-зелёное месиво, я вижу тонкую фигуру в бушлате на размер больше, тёплых ватных штанах и высоких ботинках. Но сразу узнаю эти светлые, коротко стриженные волосы, сине-серые глаза и растерянную, счастливую улыбку. В горле застрял комок, я делаю шаг навстречу. В отброшенном котелке жалобно звякнула ложка. Но непрерывный поток техники всё идёт

и идёт, обдавая дизельной гарью, грохоча как мощный водопад. Прикладывая все усилия, я кричу, ловя её взгляд, стараясь ухватить малейшую чёрточку:

- Лера, я... Я сдержал слово!
Я...

Сзади к девушке подбежал какой-то долговязый, пожилой полковник медслужбы и с усилием привлекая её внимание, начинает что-то быстро говорить, отчаянно жестикулируя. Мы почти синхронно рвёмся друг к другу, но стальная река отбрасывает нас обратно. Нет даже малейшей возможности перейти ни туда, ни обратно. Полковник продолжает что-то говорить,

настойчиво беря Леру за локоть. Та отдёргивает руку, но потом бессильно кивает, что-то говоря седому и тот уходит постоянно запинаясь и оглядываясь. Я снова и снова кричу, что всё будет хорошо, но потом мы просто смотрим друг на друга, разделённые громыхающим железом. И тут меня осенило! Быстро вытягиваю ладонь вверх и ору что есть сил, перекрывая грохот и лязг:

- Подожди! Я сейчас!..

Она быстро кивает, но всё чаще оглядывается назад. Я быстро нащупал притуленный тут ж на колёсах «сидор», достаю небольшой блокнот и огрызок грифельного

карандаша, спрятанного в переплёте. Быстро пишу индекс видеосвязи и прибавляю: «Я очень сильно люблю тебя! Мы очень скоро встретимся! Антон.»

Выщелкнул из автоматного магазина патрон и обернув записку вокруг него так плотно, как только хватило сноровки, бросаю его сквозь едва наметившийся разрыв между быстро идущей техникой. Лера поймала маленький комочек бумаги и прочитав, прижала его к губам, а потом быстро-быстро закивала в ответ. Тут вернулся седой полковник и почти силой уволок её куда-то вглубь мешанины палаток и новых потоков машин. Встреча вышла

короткой, но принесла с собой тепло. То самое мирное, живое тепло, от которого мрак и холод войны отступил. В очередной раз я понял, что всё это время от смерти меня спасало данное любимой женщине слово не умирать и вернуться к ней. Может быть это самообман, но сейчас, я верил только в это. И не важно сколько продлится эта война, я постараюсь приблизить её конец насколько хватит сил, ибо главное для солдата знать, что есть на земле место, куда хочется возвращаться всегда.

Ангарск – Иркутск – Тайшет -
Зима.

12 июня 2012- 25 декабря

2013гг.

Традиционно благодарю моих близких друзей – Орлова Дмитрия и Юрчук Андрея, за помощь и поддержку на протяжении многих лет, некоторые из которых были очень непростыми для всех нас. Мы выдержали и продолжаем свой путь.

Также благодарю свою семью, ставшую мне опорой в трудные времена: маму Наталью Васильевну и сестрёнку Олю. Спасибо вам, родные мои.

Автор выражает благодарность за помощь в окончании работы над книгой своих преданных поклонников и читателей. Друзья, без вашего участия, книга никогда не

была бы завершена. Спасибо вам
всем.

Говорю спасибо вам, поимённо:

Голубов Дмитрий Викторович

Исаулов Игорь Игоревич

Потанин Денис Валентинович

Лисицын

Александр

Михайлович

Нечаев Юрий Валентинович

Абдрахимов Руслан Яхиевич

Алексей Иванов (aviva24)

Тихонов Вадим Геннадиевич

Князев Иван Викторович

Серов Юрий Владимирович

Пыпкин Виталий Леонидович

Поляничев Максим

Александр

Владимирович

Стрелков

Лабунец Владислав Юрьевич

Мурыгин Илья Геннадьевич

Митяков Олег Игоревич

Лебедев

Владимир

Владимирович

Примечания

1

"Спящим" называется агент или группа агентов глубокого внедрения. Люди живут, работают, ни чем не выделяясь на фоне соседей. Однако после получения определённого сигнала агент выходит на связь и приступает к активным действиям.

2

Замалчиваемый факт
действительности. Линия по
производству промежуточного

патрона калибра 5.45x39мм с индексом 7Н10(который считается в армии РФ основным с середины 80-х годов прошлого века), после раздела имущества бывшего СССР, осталась на Украине в г. Луганске. Теперь на тамошнем патронном заводе , сокращённо – ЛПЗ, производится до 2/3 боеприпасов для российской армии. Более того, патроны для снайперских винтовок, а так же патроны 7.62x39мм также закупаются именно там. Линия по производству данных боеприпасов в г. Тула, на данный момент не обеспечивает потребностей ВС РФ в достаточном объёме. Остальные предприятия данного профиля в

настоящий момент не производят боевых патронов, максимум строительные и дробовые. Армия России пользуется запасами созданными на момент до 1986г. Основную массу боеприпасов для стрелкового оружия типа АК-74М составляют патроны калибра 5.45x39мм с индексом 7Н6, которые не отвечают требованиям современных военных реалий.

3

Тяжёлый авианесущий крейсер, проекта 1143.5, известный на западе как "Кузнецов" класс – "Орёл". На данный момент это единственный действующий авианосец в составе российского флота. Был построен на

Черноморским судостроительном заводе на в г.Николаев. Проект разработан на основе предшествующего ТАКР "Адмирал Горшков" (бывший "Баку"), проект 1143.4, который был заложен в 1982 году, но превосходит его по водоизмещению (58500 тонн по сравнению с 40000 тонн) и имеет несколько меньшую скорость (30 узлов по сравнению с 32 у "Адмирала Горшкова").

Площадь лётной палубы составляет 14700 квадратных метров и лётная палуба оснащена расположенной под углом 12 градусов взлётно-посадочной полосой. Лётная палуба оборудована

аэрофонишёрами. Два подъёмника доставляют авиатехнику из ангара на лётную палубу.

Корабль имеет возможности по вместимости и обслуживанию на 16 самолётов Як-41М (известен под кодовым наименованием НАТО "Фристайл") и 12 самолётов Су-27К (Су-33) (Кодовое наименование НАТО "Фланкер") входящих в авиасоединение самолётов и соединение вертолётов включающее 4 Ка-27ЛД (Кодовое наименование НАТО Хеликс), 18 Ка-27ПЛО и 2 Ка-27С.

Корабль оснащён противокорабельными ракетами Гранит (поверхность-поверхность),

оборудовано 12 пусковых установок. На западе ракеты Гранит известны под кодовым наименованием "Shipwreck" и имеют дальность свыше 400 километров.

Противовоздушное ракетно-артиллерийское вооружение включает противовоздушные ракеты "Клинок" с 24 вертикальными пусковыми установками и 192 ракетами. Эта система защищает корабль от противокорабельных ракет, самолётов, беспилотных летательных аппаратов и надводных кораблей. Управление осуществляется с помощью многоканальной РЛС с фазированной решёткой с электронным

управлением. Система включает управляющую систему, подпалубную пусковую установку с четырьмя пусковыми модулями барабанного типа, каждый из которых имеет 8 ракет и ракетами "поверхность-воздух" в контейнерной пусковой установке. Система может достигать частоты запуска 1 ракета каждые 3 секунды. Четыре цели могут быть атакованы одновременно в секторе 60 х 60 градусов. Дальность поражения составляет 12-15 километров.

Противовоздушная система "Каштан", изготавливаемая Тульским машиностроительным заводом имеет 4 командных и 8 боевых модулей с

256 противовоздушными ракетами. Система обеспечивает защиту от высокоточного оружия, включая противокорабельные и противорадиолокационные ракеты, самолёты, вертолёты и малоразмерные морские цели. Радиус действия ракет 1,5 – 8 километров. Орудия могут вести огонь со скорострельностью до 1000 выстрелов в минуту на дальность 0,5 – 1,5 километров. Зенитные орудия – АК-630АД.

Корабль оборудован системой противолодочной обороны "Удав-1" с 60 противолодочными ракетами. "Удав-1", поставляемый Научно-Производственной Ассоциацией

"Сплав", защищает надводные корабли отвлекая и уничтожая торпеды противника. Система также обеспечивает защиту от подводных лодок, карликовых подводных лодок и диверсионных средств, таких как подводные мотоциклы. Система имеет 10 секций и способна вести огонь глубинными реактивными снарядами 111СГ, ставить минные заграждения (111СЗ) и использовать отвлекающие снаряды (111СО). Дальность действия составляет до 3000 метров по горизонтали и до 600 метров по глубине.

Корабельные электронные системы включают Боевой информационный центр и систему

боевого авиасопровождения. Корабль имеет навигационную систему и средства связи, включая спутниковую связь. Корабль оснащён 8 котлами и 4 паровыми турбинами, каждая мощностью 50000 л.с., вращающими 4 вала с винтами фиксированного диаметра. Максимальная скорость составляет 29 узлов, дальность плавания на максимальной скорости — 3800 миль. Максимальная дальность плавания на скорости 18 узлов составляет 8500 миль.

Экипаж корабля насчитывает 1960 человек, включая 200 офицеров. Также корабль укомплектован 626 чел. лётно-технического состава, включая 40 чел. командного состава.

К настоящему времени авианосные силы США составляют 11 кораблей. Основой их являются тяжелые атомные авианосцы типа «Нимитц». Водоизмещение кораблей этого класса 91500-97000 тонн, размеры полетной палубы достигают 336 метров в длину и 77 метров в ширину. Экипаж включает 3200 человек, плюс авиационное крыло – 2800 человек. Ядерная энергетическая установка мощностью 260000 л.с. обеспечивает скорость полного хода 30 узлов (56 км/ч) и дальность плавания 1480-1850 тыс. км. Интервалы между перезарядками ЯЭУ составляют 10-

13 лет.

Упомянутые корабли , самые современные из действующих в настоящее время. CVN-76 «Рональд Рейган» служит с 2003 года, CVN-77 «Джордж Буш» в строю с 2009 года.

5

Реально существовавшая госструктура по разработке биологического наступательного оружия. После 1973 г. была создана как параллельная, гражданская, система подготовки к наступательной биологической войне, работавшая по заданию Генштаба. "Биопрепарат" был интегрирован в гражданское ведомство — Главное управление

микробиологической промышленности, став отраслеобразующим. Официально была нацелена на массовое производство вещей, в том числе необходимых для простых людей – витаминов и лекарств, антибиотиков и вакцин. Филиал под г.Бердском в Новосибирской области реально существовал, настоящее положение в отрасли и филиалах – только мои домыслы.

6

Туляремия – заболевание реально имеющее место, Возбудитель туляремии – бактерия (грамотрицательная палочка) *Francisella tularensis* встречается в

природе не более, чем в 50 организмах и особенно распространен среди грызунов(крыс, полевых мышей), кроликов и зайцев. Человек обычно заражается через контакт с инфицированными животными, через укусы насекомых, при потреблении в пищу зараженных пищевых продуктов или при вдыхании бактерий в аэрозольной форме.

Несмотря на то, что летальный исход при заражении туляремией случается лишь в пяти процентах случаев, микроорганизм, который вызывает развитие болезни, является одной из самых опасных инфекционных бактерий на Земле. В

1941 году Советский Союз сообщил о 10000 случаях заболевания. Позднее, во время битвы за Сталинград, это число выросло до 100000. Большинство случаев заражения зафиксировано на немецкой стороне конфликта. Бывший советский исследователь биологического оружия Кен Алибек (бежал в США в 1992г.) утверждает, что этот всплеск инфекции не был случайностью, а был результатом биологической войны.

Я считаю, что в условиях тотальной, мировой войны, когда одной из сторон культивируется тезис полного уничтожения населения противника без

разделения на военных и мирное население, могут быть применимы любые меры защиты, в том числе и оружие массового поражения. Поэтому мне непонятна истерика некоторых "правозащитников" и их сторонников по этому поводу.

Оружие массового поражения существует прежде всего как одно из средств сдерживания потенциального агрессора. И в условиях тотальной войны, важно использовать любую возможность для получения преимущества над врагом. Тем более если ОМП используется противником как средство шантажа, а тем более прямой агрессии, что происходило во

время Второй мировой войны. То же самое наверняка планируется сделать, если начнётся третий по счёту глобальный конфликт, в этом я нисколько не сомневаюсь.

Однако обращаю особое внимание читателей на то обстоятельство, что ситуация и сам боевой мутаген "Мираж-4" – суть вымысел автора. Мне не известно какие виды боевых вирусов реально существуют, или разрабатываются в России на настоящий момент.

Выражаю отдельную благодарность Денису Потанину, за консультацию по генезису бактерий и вирусов – А.К.

Имеется ввиду индивидуальный дыхательный аппарат, сокращённо — ИДА. Данный подвид представляет собой безпузырьковый дыхательный аппарат замкнутого цикла, где для дыхания используются газосмеси (азот, кислород, гелий). Ребризеры предназначены для работы на больших глубинах (50-120м) с продолжительностью нахождения на глубине до 300 минут и бескомпрессионного т.е. быстрого всплытия. Ярцев использует регенеративный ребризер с электронным контролем ppO_2 . С появлением кислородных датчиков отпала необходимость подавать "стабилизирующую" смесь с

большим запасом. Реальное значение p_{pO_2} в контуре ребризера отслеживается автоматически и в случае необходимости корректируется порцией газа из баллона. Все характеристики подобных современных аппаратов составляют предмет гостайны, я привожу лишь примерные.

8

Имеется ввиду единственный в своём роде подводный пистолет СПП-1М. кал.4,5х40R; Данное оружие разработано специально для боевых пловцов ВМФ СССР конструкторами Кравченко и Сазоновым. Пистолет использует спецбоеприпасы сильного

удлинения, визуально напоминающие дротик без оперения. Пуля такой конструкции, в отличие от боеприпасов от обычного пистолета, не теряет боевой эффективности в воде и способна поражать противника на расстоянии до 11 метров, на глубине до 20 метров.

Пистолет не самозарядный, имеет блок из четырех стволов, откидывающийся на шарнире вниз для перезарядки. Патроны объединяются в один блок при помощи плоской стальной обоймы, и извлекаются из стволов или заряжаются в них одновременно. Ударно-спусковой механизм только

двойного действия, то есть каждый выстрел производится самовзводом. Ударник расположен на вращающемся основании и при каждом нажатии на спусковой крючок взводится и проворачивается на четверть оборота, подходя к следующему стволу. Предохранитель выполнен на рамке слева, и имеет три положения: нижнее — «огонь», среднее — «предохранитель», верхнее — «перезарядка». При переводе предохранителя в верхнее положение происходит отпирание блока стволов для перезарядки оружия.

Описываемый в романе образец с литерой "М" в названии, имеет более надёжный УСМ выполненный

из современных материалов и увеличенную спусковую скобу.

9

Буквально: Автомат Двухсредный Специальный. Принят на вооружение ВМФ РФ в 2007г. Создан для замены морально устаревшей системы АПС(автомат подводный специальный), использовавшей дротиковидные боеприпасы, малопригодные для ведения боя вне водной среды.

В основу конструкции автомата АДС заложено использование двухсредного боеприпаса, позволяющего вести бой с ходу, без смены магазина. Группа конструкторов КБ Приборостроения

(КБП) в г.Тула к 2005 году разработала патрон под гильзу от российского штатного армейского патрона 5.45x39мм и имеющий те же внешние габариты. Стальная пуля с ведущими поясками длиной 53мм, в боевом положении утоплена в гильзу на большую часть своей длины. Такое решение позволило сохранить общие габариты нового патрона в заданных размерах, обеспечив при этом форму пули, пригодную для действий в водной среде. Новый патрон получил название ПСП, он комплектуется твердосплавной бронебойной пулей массой 16 грамм, имеющей начальную скорость (в воздушной среде) порядка 330 м/с. В

водной среде стабилизация пули и уменьшение сопротивления окружающей жидкости осуществляется посредством кавитационной полости, создаваемой вокруг пули при движении за счет плоской площадки в носовой части пули. Эффективная дальность стрельбы патроном ПСП под водой составляет примерно 25 метров на глубине 5 метров и до 18 метров на глубине погружения 20 метров.

АДС использует весь спектр обвеса современных автоматов: приборы бесшумно-беспламенной стрельбы, лазерные целеуказатели, коллиматорные и ночные оптические

прицелы, подствольный 40мм гранатомёт с удобной схемой спуска перед основным спусковым крючком. Автомат допускает стрельбу как обычными патронами калибра 5.45x39 (7Н6, 7Н10, 7Н22), так и подводными 5.45 ПСП путем установки магазинов с соответствующими патронами и переключения регулятора газоотводного механизма "вода/суша". Питание обоими типами патронов осуществляется из штатных магазинов от автоматов АК-74.

Недостатков у АДС, на мой взгляд, всего два: компоновка буллпап, не позволяющая использовать магазины большей

ёмкости и влияющая на показатели точность/скорость ведения огня; а также прицельная рамка выполненная в форме ручки для переноски, существенно увеличивающая силуэт бойца в положении лёжа т.к. оптика крепится на её верхнюю планку.

10

В первом романе серии — "Партизаны третьей мировой", Антон раздобыл пистолет с интегрированным глушителем ПБ. Это модификация на базе 9-мм пистолета системы Макарова. Серийно выпускается с конца шестидесятых годов прошлого века, до сих пор широко распространён в

войсках СпН и разведподразделениях обычных МСД(мотострелковых дивизиях) ВС РФ. Считается надёжными крайне неприхотливым оружием, хотя возможности боеприпаса на данный момент не отвечают полностью изменившимся условиям современной войны. Однако, если выбор не велик, то ПБ является вполне сносным выходом из положения.

ТТХ: УСМ: двойного действия. Калибр: 9х18мм Вес без патронов: 970 г в сборе с насадком глушителя. Длина: 310 мм в сборе, 170 мм со снятым ПББС. Длина ствола: 105 мм. Емкость магазина: 8 патронов.

Антону достался лучший в мире, по мнению автора, образец личного стрелкового автоматического оружия пехотинца — автомат системы Калашникова модернизированный со складным рамочным прикладом. АКМС имеет возможность(после замены фурнитуры) оснащения всеми видами обвеса, включая тактические фонари, лазерные целеуказатели, приборы бесшумно-беспламенной стрельбы, а также все виды оптических прицелов включая импортные. Данный автомат, это воплощенный опыт Великой Отечественной войны, оружие вот уже более тридцати лет спасающее жизнь своим владельцам.

Высочайшая надёжность конструкции гарантирует боевую эффективность в любых условиях, а пули калибра 7.62мм выпущенные из АКМ не оставляют противнику ни малейшего шанса на выживание. Это не реклама, к вящей зависти конкурентов, каждое слово автора могут подтвердить миллионы солдат и офицеров как в нашей стране, так и за её пределами.

Несмотря на демонстративное пренебрежение и мощную антипропаганду, американцы действительно производят и продают по всему миру автоматы Калашникова большими партиями без всякой лицензии. К слову о

качестве, делают АК американцы очень неплохо, в отличие от бывших союзников СССР по Варшавскому договору.

ТТХ: Калибр 7.62x39 мм Длина с разложенным прикладом: 870 мм. Длина ствола: 415 мм. Вес с пустым магазином: 3,14 кг. Емкость штатного секторного магазина – 30 патронов, 40 патронов и 75 патронов при использовании секторного или барабанного магазинов от унифицированного ручного пулемёта Калашникова. Темп стрельбы 600 выстрелов/мин.

12

Имеется ввиду армейский паёк, индивидуальный рацион

питания(ИРП). Как правило это набор из нескольких видов консервов(рыбные, мясные, овощные), галеты, чай, сахар и в последнее время газировка в порошке, повидло, сгущённое молоко. Пробовал разные варианты, но наш российский ИРП-7 вкуснее испанского, американского или китайского. Иностранцы злоупотребляют синтетикой, такой биомассой сыт не будешь.

13

Автомобиль ГАЗ-2330 "Тигр", создан по заказу и на деньги Саудовской Аравии, но арабы машину закупать не стали, тендер выиграл американский "хамви".

Безотносительно первоначальных планов, машина получилась удачная и на сегодняшний день это лучший джип производимый в России.

Всепроходимый ГАЗ-2330 ТИГР предназначен для перевозки людей и различных грузов по дорогам и без дорог. Самый крупный и мощный в России внедорожник представляет собой шасси рамной конструкции, несущее на себе основную часть агрегатов и кузов. Независимая торсионная подвеска всех колес и мощный двигатель обеспечивают Тигру исключительную проходимость на бездорожье и скорость до 140 км/ч на шоссе. Благодаря колесным редукторам

дорожный просвет оставляет целых 400 мм. ТИГР способен форсировать водные преграды глубиной до 1,2 м. Автомобиль имеет автоматическое централизованное регулирование давления воздуха в шинах в зависимости от дорожного покрытия. Если машина преодолевает снежные заносы, то достаточно нажатия кнопки на передней панели, чтобы уменьшить удельное давление, и тогда проходимость ТИГРА становится сравнимой с проходимостью танка.

14

Имеется ввиду один из самых боеспособных сегментов Коалиции. А именно реально существующий

отряд норвежских сил специальных операций – NORSOF. Норвежские диверсанты тренированы и обучены именно для рейдов в глубокий тыл противника, более того, их натаскивали именно на бои в условиях российского севера и северо-запада. Из достоверных источников автору известно, что бойцы данного подразделения прекрасно говорят по-русски, в совершенстве владеют боевой техникой и стрелковым оружием советского-российского производства. Примечательно, что во время операций в Афганистане ликвидацию наиболее опасных полевых командиров поручали

бойцам именно этого подразделения, поскольку US Special Operations Command официально признало: уровень подготовки норвежских диверсантов намного выше чем в их хвалёной "Дельте" и у "Морских котиков".

Подразделение Haerens Fallskjermjegerskole (HFJS), предшественник нынешнего НЖК, было сформировано в 1962 году как тренировочный центр для обучения обычных военнослужащих армии Норвегии парашютному делу. В 1966 и 1967 гг. школа, дислоцированная в Трандуме близ Осло, начала обучение своего собственного подразделения fallskjermjegertrupp — парашютного

взвода, предназначенного для разведки и диверсий в тылу врага, на территории за пределами досягаемости обычной конвенциональной армии. Штат взвода был набран из рядовых после одного года службы. Одновременно школа изменила название на Haerens Jegerskole.

В настоящее время бойцы подразделения часто используются в совместных с полицией антитеррористических операциях. MJL традиционно имеет скромный бюджет благодаря своей малочисленности. В 1997 году МЖК (еще в 1991 году MJL было переименовано в

Marinejegerkommandoen – MJK) состояла из 40 человек постоянного состава, в случае мобилизации расширяясь до 160 бойцов. В HJK (в 1997 году HJS также было переименовано, получив новое имя Haerens Jegerkommando – HJS) постоянный состав – 90, и в случае мобилизации – 210 человек. Штаб-квартира HJK в 1997 году была перенесена в армейский лагерь в Рене (Rena) под Остердаленом (Osterdalen). Термин NORSOF был впервые использован для обоих подразделений во время операции в Афганистане в 2001/2002 гг., и сейчас это название уже прижилось. В 2006 году HJK было официально

переименовано в Fosvarets
Spesialkommando/ Haerens
Jegerkommando (FSK/HJK), под этим
именем подразделение и фигурирует
в романе.

15

Единый ручной пулемёт – ПКП
"Печенег М". Он был разработан в
ЦНИИ Точного Машиностроения РФ,
в качестве дальнейшего развития
штатного армейского пулемета
системы Калашникова, с которым
имеет 80% унификацию по
основным узлам. В настоящее время
пулемет Печенег прошел армейские
испытания и состоит на вооружении
ряда подразделений армии и МВД.

Основной задачей при создании

ПКП "Печенег", было увеличение эффективности огня и избавиться от такого недостатка большинства современных единых пулеметов, как необходимость в сменном стволе. Результатом работ инженерно-конструкторской группы стало создание ствола с принудительным эжекционным воздушным охлаждением. Ствол имеет специально рассчитанное наружное оребрение и заключен в металлический кожух. При стрельбе пороховые газы, с большой скоростью выходящие из дула ствола, создают в передней части кожуха эффект эжекционного насоса, протягивая холодный воздух вдоль

ствола. Воздух забирается из атмосферы через окна в кожухе, выполненные под рукояткой для переноски, в задней части кожуха. Таким образом, удалось достигнуть высокой практической скорострельности без необходимости замены ствола – максимальная длина непрерывной очереди составляет порядка 600 выстрелов – т.е. три коробки с лентами по 200 патронов, или стандартный носимый боекомплект. При ведении затяжного боя пулемет может выстреливать до 1000 патронов в час без ухудшения боевых характеристик и уменьшения ресурса ствола, который составляет не менее 30 000 выстрелов.

Повышение эффективности огня, в сравнении с ПКМ, составило от 150% при огне со станка до 250% при огне с сошек.

Из недостатков: дульный тормоз способствует образованию значительного по размерам огненного факела при стрельбе; Также от нагрева ствола до ярко-вишнёвого цвета, образуется яркое свечение. Эти два фактора способствуют преждевременному вскрытию позиции пулемётного расчёта противником. Учитывая данные замечания военных, недостатки были частично устранены(новый дульный тормоз рассеивает вспышку и выхлоп при

ведении огня), был внесён ряд мелких усовершенствований. повышающих удобство при обращении с пулемётом. Доработанная модель поступила в войска. Модифицированный вариант "Печенег" используемый героями романа, имеет место быть в действительности, однако мне неизвестно устранены ли недостатки конструкции массово.

16

БПЛА 421-08 "Груша". Рабочая дальность — 5-10 км, рабочая высота — 100-500 метров. Скорость — 80/120км/ч. Вес комплекта оборудования — 11,5кг. Препятствием для работы может служить только

ветер, чья скорость при запуске не должна превышать 12 м/с (порывами до 15 м/с). Время непрерывного нахождения в воздухе также зависит от метеоусловий: от 3 часов (ветер, дождь) до 7-8 часов (хорошая погода, безветрие). Расчёт – 2 человека. В последних модификациях имеются тепловизор, улучшено сопряжение с системой тактического управления звена "Стрелец"(прообраз которой выведен в романе как такткомплекс "Звезда 3М"). Аппарат освоен и применяется в войсках РФ с 2009г.

17

Оборонительная ручная граната советского производства "Ф-1", в обиходе – "фенька". Простота и

надёжность позволили изделию пережить две больших мировых войны и кучу локальных конфликтов. Ф-1 предназначена для поражения живой силы противника осколками и ударной волной. Разработана конструктором Ф. И. Храмеевым в 1939 году на базе французской гранаты F.1 системы Лемона (отсюда её прозвище "лемонка", также по характерной форме). Граната до сих пор состоит на вооружении Российской армии. Из наиболее распространённых мифов наиболее курьёзный: дикая убойность "эфки" такова, что на двести метров от её осколков всем хана. Это от превратного толкования

инструкции по применению гранаты. Разлёт осколков и радиус сплошного поражения – суть две больших разницы. Поражение от подрыва идёт от силы ударной волны и ранений наносимых поражающими элементами чугунной "рубашки" гранаты. И того и другого в ручной гранате не слишком много, поэтому убить или сильно покалечить может лишь на близком расстоянии. Само собой, что осколки полетят дальше, некоторые улетают и на 200 метров, но серьёзных увечий и ранений они нанести на таком расстоянии не могут.

ТТХ: Масса снаряженной гранаты 600 гр. Масса взрывного

заряда –60 гр.Средняя дальность метания: 35-45 метров. Время горения запала: 3,2 – 4,2 сек. Радиус сплошного поражения живой силы осколками около 2-5 метров.

18

Эта сноска только для особо любопытных. Разметка на открытых прицелах АКМ для патронов УС и обычных патронов со стальным сердечником отличаются друг от друга. Для стрельбы с ПББС нужна замена прицельной планки на специальную, с двойной разметкой под баллистику дозвуковых патронов и для стрельбы обычными боеприпасами. На автомат, снабжаемый в комплекте ПББС,

такая планка как правило
предусмотрена по умолчанию.

19

Ропше исключительно повезло,
он получил специально созданный
для сил специального применения
автоматический пистолет Глок-18С.
Пистолет выпускается с 1986г и
изначально был создан как
альтернатива модели "17", для
антитеррористического
спецподразделения ЕКО Cobra
(Einsatzkommando Cobra) австрийской
федеральной полиции, которому
требовалось легкое компактное
оружие с возможностью стрельбы
очередями. Главное отличие от
Glock-17 заключается в наличии

режима автоматического огня, который включается рычагом переключения режимов стрельбы, расположенного на левой поверхности тыльной части затвора-кожуха. Glock-18 отличается так же размерами направляющих рамы и затвора-кожуха, деталей УСМ и ствола, что сделано для исключения взаимозаменяемости с другими моделями в целях не допущения переделки разрешенных на гражданском рынке оружия пистолетов в полностью автоматическое оружие. Также хочется особо отметить то обстоятельство, что механизм УСМ имеет режим "безопасного

действия". Ставить на предохранитель пистолет не нужно, достаточно просто выжать спуск до конца, что существенно экономит время, а что важнее времени в бою? Правильно: только его количество.

От предшественника его легко отличить по выступающей за пределы затвора-кожуха дульной части ствола с отверстиями сверху. Ропша верно подметил это броское различие, отверстия представляют собой интегрированный компенсатор реактивного типа, уменьшающий подброс оружия при стрельбе. В модели "18С" отверстия в стволе совпадают с отверстиями в затворе-кожухе как в модели 17С. Оружие

может использовать как стандартные магазины емкостью 19 патронов, так и магазины для модели 17. Имеются также магазины емкостью 31 патрон. Учитывая очень высокий темп стрельбы, предпочтительнее использовать именно последние, так как полностью снаряженный 31 патроном магазин в автоматическом режиме полностью опустошается чуть менее чем за две секунды. Пистолет продемонстрировал превосходную надежность работы при стрелковых испытаниях тысячами патронов в автоматическом режиме.

ТТХ: калибр: 9mm Parabellum.
Длина оружия: 186 мм Длина ствола:

114 мм Высота оружия: 155 мм.
Ширина оружия: 30 мм. Масса без
патронов: 624 г. Темп стрельбы: 1200
выстрелов в минуту.

Емкость магазина: 17, 19 и 31
патронов.

20

Автор не считает нужным
приводить точное количество
кораблей, их точное
местоположение. Однако же, база
подводных ракетных крейсеров на
Камчатке с кодовым названием
"Осиное гнездо" действительно
существует. Перечисленные в романе
лодки входят в состав ВМФ России и
соответствуют своим реальным
прототипам и установленному на

них вооружению.

21

Проект 949А (шифр «Антей»).
Подводные крейсера этого типа предназначены для борьбы с авианосными группами противника. Разработка проекта велась под руководством П.П. Пустынцева, а затем И.Л. Баранова. В результате модернизации лодки получают дополнительный отсек, позволивший улучшить внутреннюю компоновку средств вооружения и бортового оборудования. Теперь несколько выросло водоизмещение корабля, в то же время удалось уменьшить уровень демаскирующих полей и установить усовершенствованное

оборудование, что в свою очередь увеличивает шанс скрытно подойти к АУГ(авианосная ударная группа) противника, обманув находящиеся в её составе подлодки-перехватчики.

22

Бронзовая звезда(Bronze Star) – вручается так же военным иностранных государств, в случае генерала Сосновского медаль имеет отличительную литеру "V" от "Valor" (доблесть). В чём-то аналогична советской медали "За отвагу", так же вручаемой за личное мужество.

23

КНШ – имеется ввиду сокращённое от "Объединённый Комитет Начальников Штабов"(Joint

Chiefs of Staff или JCS). Комитет состоит из высших офицеров, представляющих четыре основных вида вооружённых сил, в ранге высших чинов командования своего вида войск. Как правило это генералы(сухопутные и военновоздушные силы) и адмиралы (военно-морские силы и корпус морской пехоты представлены каждый отдельно).

Комитет был образован Законом о национальной безопасности, который также создал единое министерство обороны США вместо министерств армии и ВМФ. Основная роль членов комитета — являться советниками заместителей

министра обороны по ВМФ, ВВС и армии; председатель комитета также является по должности советником Президента, министра обороны, советника по национальной безопасности, а также совета по национальной безопасности.

По сути, КНШ представляет собой неполный аналог российского Генерального штаба, выполняя сходные функции. Но с 1986 года Комитет потерял право непосредственного управления войсками; командующие единых боевых командований подчиняются непосредственно Президенту США через министра обороны. За КНШ остаются функции планирования,

подготовки и обучения
военнослужащих соответствующих
родов войск для боевых
командований. Реформа вышла
спорная, разделение функций
планирования и управления
войсками приводит к задержкам и
рассогласованности действий в ходе
ответственных операций и военных
компаний в целом.

24

НОРАД — Силы военно-
космической обороны США и
Канады(англ. North American
Aerospace Defense Command,
NORAD). Её основные задачи
состоят в обеспечении контроля
воздушного и околоземного

пространства Северной Америки, раннего предупреждения о воздушно-космическом нападении, противовоздушной и противоракетной обороны двух стран. НОРАД отслеживает все пуски ракет других стран, в том числе и российских.

25

«Стрела-2М» (индекс ГРАУ — 9К32, код по классификации МО США и НАТО: SA-7 Grail (Грааль)) — переносной зенитно-ракетный комплекс, принятый на вооружение ВС СССР в 1970Г.

Предназначен для поражения воздушных целей на средних, малых высотах, а также низколетящих в

диапазоне от 800м до 4000м(дальность) и 50м-2300м(высота). Боевой пуск производится с плеча, а также с боевых и транспортных машин. Изготовка к работе по нормативу – 10секунд. Состоит из зенитной управляемой 72мм ракеты с тепловой головкой самонаведения, источника питания и пускового механизма. В походном положении переносится на плечевом ремне за спиной стрелка-оператора. используется до сих пор, хотя со снабжения ВСРФ снята.Некоторое количество данных ПЗРК имеется на вооружении ВС Белоруссии.

Имеется ввиду 5-ая отдельная бригада специального назначения МО ВС Белоруссии. Примерное место дислокации – местность под Минском, в Марьиной Горке (Пуховичский район). Формирование 5-ой бригады ОбрСпн начало происходить в 1962 году.

За советские времена бойцы достигли уровня подготовки, который соответствовал уровню легендарного теперь отряда "Вымпел" КГБ СССР. Бойцы из Марьиной Горки принимали активное участие в боевых действиях во время афганской войны 1970-88гг. Через два года после вывода оттуда десантники из Марьиной Горки

снова попали на войну. Почти целиком бригада (805 человек) под командованием полковника Бородача находились в Армении. 31 декабря 1992 года бывшие советские спецназовцы присягнули на верность Белоруссии. Основными направлениями подготовки сегодняшних бойцов в части является диверсионная деятельность и разведка. На нарукавной эмблеме бригады, помимо прочего, есть стилизованное изображение чёрного лиса. По оценкам военных экспертов, 5-ая бригада ОбрСпн считается одной из самых боеспособных армейских частей специальной разведки на всём

постсоветском пространстве. Автор целиком и полностью разделяет это мнение. Такого уровня физической, боевой и морально-политической подготовки как в 5 ОбрСпн, мало где встретишь. Особенно хочется отметить уровень преємственности с советскими разведчиками. Так что спецвойска вероятного противника встречая бойцов белорусского спецназа — гарантированно встречают собственную смерть.

27

Имеется ввиду крупнокалиберный пулемёт "Корд" (индекс ГРАУ— 6П50) Калибр — 12.7мм.Пулемёт создан на Ковровском заводе им. Дегтярева

(ЗИД) в 1994г, для замены состоящих на вооружении в ВС РФ пулеметов НСВ и НСВТ. Само название "Корд" происходит от словосочетания "конструкция оружейников-дегтяревцев". Основной причиной разработки пулемета Корд стал тот факт, что производство пулеметов НСВ после развала СССР оказалось на территории Казахстана. Кроме того, при создании Корда ставилась цель повысить точность стрельбы по сравнению с пулемётом НСВ, равнозначного Корду по калибру и базовым ТТД.

Крупнокалиберный пулемет "Корд" использует газоотводную автоматику с длинным рабочим

ходом газового поршня, расположенного под стволом (что как раз и обеспечило возможность пехотного варианта изделия). Ствол пулемета быстросменный, воздушного охлаждения, на пулеметах новых выпусков оснащен эффективным дульным тормозом (значительно уменьшающего отдачу, минимизирует дульный факел вспышки и подброс). Запирание ствола осуществляется поворотным затвором. В конструкции пулемета предусмотрен специальный буфер подвижных частей, в сочетании с дульным тормозом тоже играет на снижение пиковой отдачи оружия

при стрельбе. Стрельба ведется с открытого затвора. Питание патронами — из нерассыпной металлической ленты с открытым (незамкнутым) звеном т.е. так же как у НСВ. Лента собирается из кусков по 10 звеньев при помощи патрона. Подача патронов из ленты — напрямую в ствол. Штатное направление движения ленты — справа налево, однако оно может быть легко изменено на обратное. Из органов управления на корпусе пулемета имеются только спусковой рычаг и ручной предохранитель. Органы управления огнем располагаются на станке либо установке.

Пользователи отмечают практически снайперскую точность, при стрельбе с оптикой на расстояние свыше 400м, большую плотность огня на подавление(пехота на открытой местности и в укрытиях полевого типа) и высокую эффективность по низколетящим целям в зенитном варианте(БПЛА, штурмовой вертолёт).

ТТХ: Калибр: 12,7x108 мм; Вес: 25.5 кг (тело пулемета) + 16 кг (станок 6Т7), или 7 кг (станок 6Т19); Длина: 1980 мм; Питание: лента 50 патронов; Темп стрельбы: 650-750 выстрелов/мин.

28

Имеется ввиду 105мм РПГ-29

"Вампир". Поступил на вооружение ВС СССР в 1989г. Является продолжателем традиций знаменитой "Семёрки", при этом превосходя РПГ-7 по многим показателям. "Вампир" имеет в качестве основного боеприпаса тандемную гранату полного реактивного действия ПГ-29В, что позволяет эффективно поражать цель на расстоянии до 500м. Граната удерживается на траектории благодаря восьми стабилизаторам, что обеспечивает высочайшую точность попадания. Также гранатомёт снабжается сошкой и штатной оптикой постоянной кратности 2.7X, традиционно есть и

открытый запасной прицел.

Как показала практика всех современных локальных войн, "Вампир" уверенно поражает все современные танки, преодолевая их системы динамической защиты и основное бронирование. В частности, в Ливане, арабы жгли с их помощью израильские "Меркавы", а в Ираке точно так же горели американские "Абрамсы". В то время как ни один зарубежный аналог, включая распеаренный американский РПГ корпуса морской пехоты — SMAW, не может справиться даже со старым советским танком Т-72(который выдерживает до 15 попаданий из

данного вида оружия и сохраняет боеспособность). Есть "показательные" стрельбы: Т-72 чихает от "гостинцев", но едет и воюет. Подбить советский танк получалось только из того же РПГ-29.

29

Имеется ввиду автомат Калашникова складной, укороченный – АКСУ. Он же "чебурашка", он же "ксюха". Автомат создан на базе АКС-74, для водителей бронетехники и лётчиков советской, и само собой российской армии. Изделие максимально унифицировано по узлам и деталям со старшим братом, отсюда его очевидные достоинства и

недостатки. Достоинства – мощный, для оружия данной категории, патрон и высокая мобильность автомата в условиях узких коридоров или скажем кабины пилота вертолѐта, либо истребителя. Недостатки – невысокая эффективная дальность ведения огня(около 130м), быстрый перегрев(после отстрела 60 патронов непрерывной стрельбы, часто начинаются "плевки"); Ещё можно реально оглохнуть поскольку из-за короткого ствола и конструкции надульника звуковая волна накрывает стрелка. Но несмотря на некоторые минусы, АКСУ вполне вменяемое оружие, которое легко освоить и вполне

уверенно можно использовать как личное оружие.

Автомат укорочен в двое, против АКС, ствол у него с соответственно передвинутой назад газовой камерой, укорочен также шток газового поршня; установлен специальный надульник, служащий расширительной камерой (для надежного функционирования газового двигателя автоматики) и пламегасителем. Крышка ствольной коробки имеет шарнирное крепление к ствольной коробке в передней ее части. прицел открытый, секторный, целик перекидной – с установками на 200 и 400 метров, закреплен на крышке ствольной коробки. В

остальном же механизмы, органы управления и общее устройство АКС-74У аналогичны устройству автомата АКС-74.

ТТХ: Калибр 5,45х39 мм. Длина: 735 мм и 490 мм со сложенным прикладом. Длина ствола: 210 мм. Вес без патронов: 2,71 кг. Емкость – 30 патронов в секторном отъёмном магазине. Могут также использоваться пулемётные магазины на 45 патронов от РПК-74. Темп стрельбы: 650 – 735 выстр/мин.

30

Имеется ввиду советский фронтовой штурмовик СУ-25 принятый на вооружение в 1980г,

стоящий на вооружении российской армии до сих пор. Су-25 (по кодификации НАТО: Frogfoot), это бронированный штурмовик, скорее даже летающий танк, предназначен для непосредственной поддержки сухопутных войск над полем боя днём и ночью при прямой видимости цели, а также уничтожения объектов с заданными координатами круглосуточно в любых метеоусловиях. В настоящее время производство СУ-25 свёрнуто в пользу СУ-39(улучшенный и доработанный вариант фронтового штурмовика).

СУ-25 отлично зарекомендовал себя во время войны в Афганистане,

также высоко эффективен был в обеих чеченских компаниях. Специалисты отмечают высокую живучесть и отличную манёвренность боевой машины: даже при получении критических повреждений не отмечено ни одной потери самолёта из-за взрыва топливных баков, гибель пилота отмечена как единичный(!) случай более чем за 30 лет лётной истории машины. По своим лётным и боевым характеристикам "Грач" значительно превосходит своего главного конкурента на поле боя — американский штурмовик А-10.

31

РГО — Ручная граната,

оборонительная; Хороша тем, что взрыв происходит от удара об поверхность, а не только от прогара замедлителя в запале. Особо хорошо себя показала во время боёв в горно-лесистой местности, в условиях ограниченного пространства городской застройки.

Граната с запалом двойного действия (ударно-дистанционным УДЗ) . Корпус – стальной, четырёхполусферный(три с внутренней насечкой, один с внешней). Масса гранаты – 530г, заряда ВВ – 92г. Средняя дальность броска: 25-40м. При взрыве образуется 670 – 700 осколков средней массой 0.46г, начальная

скорость разлёта – 1200 м/с, радиус разлёта убойных осколков – 50м, эффективного поражения живой силы – 16,5м.

32

РПГ-18 "Муха".64-мм советский реактивный гранатомёт одноразового использования. Эффективен на дистанции до 100м, пробивает 300мм брони, весит около 3.00кг. В настоящее время снят со снабжения российской армии, однако на складах и варсеналах частей всё ещё присутствует большое количество этих гранатомётов.

33

Автомат специальный бесшумный "Вал". Автомат создан в

ЦНИИ Точного Машиностроения (ЦНИИТОЧМАШ) под руководством П. Сердюкова(не путать с бывшим министром обороны РФ) в 1986г, и предназначался для вооружения различных подразделений специального назначения Минобороны и МВД СССР и пришёл на замену знаменитому комплексу "Тишина", где за основу был взят АКСУ. "Вал" создавался наравне со специальной снайперской 9мм винтовкой ВСС «Винторез» в рамках единого 9мм бесшумного комплекса оружия специального назначения.

Отдельно хочу отметить простую и вместе с тем уникальную конструкцию прибора беспламенно-

бесшумной стрельбы АС "Вал". не имеющую прямых аналогов в мире. ПББС двухкамерный, в передней камере расположены стальные сепараторы, дробящие и замедляющие поток пороховых газов, выходящий из ствола. Он легко отделяется от оружия и разбирается для чистки. Единственный минус – ведение огня из оружия со снятым ПББС не допускается.

АС "Вал" поступил на вооружение ВС и МВД СССР в конце 1988 году, вместе со специально разработанным для него 9мм дозвуковым патроном СП-6 с бронебойной пулей, и по настоящее время наряду с "Винторезом"

используется в Вооруженных Силах и структурах МВД и ФСБ России. Автомат позволяет вести эффективный огонь на дальности до 200 метров по противнику в современных индивидуальных средствах защиты (бронежилеты, шлемы), при низком уровне демаскирующих факторов (звук и пламя выстрела). Такие характеристики достигнуты путем использования как специально разработанных 9мм патронов с тяжелой дозвуковой пулей, так и интегрированного в конструкцию оружия глушителя звука выстрела. Благодаря указанным решениям уровень звукового давления выстрела

из АС составляет порядка 130 дБ(приблизительно как хлопок ладонями). Бронебойная пуля патрона СП-6 позволяет поражать цели, защищенные средствами защиты 3 класса по ГОСТ на дальностях до 150-200 метров. Возможно также использование снайперских патронов СП-5, созданных для винтовки ВСС, но они мало эффективны против современных средств индивидуальной защиты.

34

Имеется ввиду единый модернизированный ручной пулемёт системы Калашникова под калибр 5.45мм образца 1974г.Пулемёт

конструктивно практически не отличается от предшественника — РПК калибра 7.62мм, и построен на основе автомата АК-74. РПК-74 имеет идентичную АК-74 автоматику на основе газоотвода с запиранием ствола поворотом затвора. Огонь ведется с закрытого затвора, ствол несъемный, удлиненный и утяжеленный по сравнению с АК-74. Под стволом устанавливаются легкие складные сошки. Отличие только в более удобной форме приклада и замене деревянной фурнитуры на пластиковую. Плюс, у РПК-74М более удобный магазин на 45 патронов, с рифлёными щеками, который не скользит в руках.

Значительно уступает по боевым характеристикам пулемёту под 7.62мм – ПКМ. Однако в работе надёжнее большинства западных образцов вроде бельгийского "FN minimi"(десантный вариант), которому незначительно проигрывает в скорострельности.

35

USS «Cheyenne». Реально существующая атомная подлодка ВМС США. АПЛ типа «Лос-Анджелес» являются многоцелевыми подводными лодками, основное назначение борьба с ПЛ и надводными кораблями противника, ведение разведывательных действий, поддержка специальных операций

комбинированного типа, переброска спецподразделений, нанесение ударов, минирование, поисково-спасательные операции. Оборудованы 12 вертикальными пусковыми установками для крылатых ракет. Вооружены крылатыми ракетами типа «Томагавк». Сохранена возможность пуска противокорабельных ракет через торпедные аппараты. КР «Томагавк» в варианте для атаки береговых объектов имеет дальность 2500 км (с ядерной боеголовкой), 1600 км с обычной.

36

МакАдамс имеет ввиду зенитную самоходную установку

"Панцирь-С1" Принятую на вооружение российской армии в 1995г.

Новый комплекс смонтирован не на гусеничном шасси(ЗСУ "Шилка" или "Тунгуска" например), а на автомобиле «Урал-53234» с двигателем КАМАЗ-7406 мощностью 260 л.с. Это связано с назначением комплекса. должен прикрывать не войска в боевых порядках, а тыловые объекты. В ходе разработки новой ЗСУ учтён опыт самых последних локальных войн, в которых самолеты и крылатые ракеты летали на низких и сверхнизких высотах. При массированных налетах на сверхмалых высотах в условиях

силового радиопротиводействия и сложного рельефа местности современные тяжелые ЗРК типа «Патриот» (США) или С-300 (СССР) могут оказаться неэффективными. Кроме того, перехват дешевых малоразмерных целей подобными комплексами экономически нецелесообразен. Поэтому и создан «Панцирь» — сравнительно дешевый зенитный комплекс, весьма эффективно действующий в условиях хорошей видимости. У «Панциря» нет необходимости вести огонь с ходу и иметь броню. Помимо варианта, на автомобильном шасси имеется вариант в стационарном исполнении. Особенности его

состоят в том, что боевой расчет может размещаться в укрытии и вести работу с выносных пультов управления.

Комплекс «Панцирь» оснащен двенадцатью новыми зенитными управляемыми ракетами, превосходящими 9М311 по всем параметрам. Комплекс может одновременно наводить до трех ракет. Внешне и по компоновке новая ракета похожа на 9М311. Корпус ракеты бикалиберный, двигатель находится во второй отделяющейся ступени.

Артиллерийское вооружение «Панциря» состоит из двух 30-мм автоматических пушек 2А72. Эти

пушки входят в состав вооружения БМП-3 и несколько лет находятся в серийном производстве. Пушки одноствольные, темп 2А72 в семь с лишним раз ниже, чем у 2А3 8 на «Тунгуске». Такой низкий темп стрельбы был заложен в пушках 2А42 и 2А72, установленных в БМП-2, БМП-3 и БМД-3 только потому, что их назначением была борьба в первую очередь с наземными целями, а во вторую — с вертолетами, но никак не с истребителями и крылатыми ракетами.

37

Имеется ввиду трёхствольная крупнокалиберная система GAU-19, базирующаяся на конструкции

пулемета M134 'Minigun'. GAU 19 также использует автоматику с внешним приводом механизмов от электродвигателя постоянного тока, питаемого от бортовой сети носителя или от отдельной аккумуляторной батареи. Конструктивно этот пулемет практически полностью повторяет пулемет M134 Minigun. Его главными конструктивными отличиями являются меньший темп стрельбы, а также уменьшенное до 3 число стволов.

Описываемый в романе вариант это турельная кольцевая установка, монтируемая на автомобиле типа "хамви". Однако в некоторых случаях

GAU 19/A монтируют как неподвижную огневую точку на блокпостах и передовых базовых лагерях армии США. Пользователи отмечают исключительную точность при стрельбе короткими очередями и высокую степень поражения групповых целей с накрытием по площади. Из известных проблем – частое заедание механизма подачи ленты в условиях агрессивной внешней среды(песчаная пустыня, области крайнего севера).

ТТХ: калибр – 12,7х99мм; вес(с устройством подачи ленты и электродвигателем)– 63кг.Общая длина оружия –1181мм. Максимальный темп стрельбы – 2000

выстр/мин.

38

Уже упомянутая в романе САУ M109 Paladin PIM (Paladin Integrated Management), модернизирована в соответствии с требованиями, выработанными в рамках модульной концепции для бригад тяжёлого класса НВСТ (Heavy Brigade Combat Team) армии США для ведения огня высокоточными снарядами с корректируемой траекторией. В номенклатуре боеприпасов данной САУ есть такой, это M982 Excalibur – совместная разработка Raytheon Missile Systems и BAE Systems Bofors (Швеция). Снаряд использует спутниковое наведение, что

обеспечивает высокую точность при стрельбе из различных существующих и перспективных образцов 155-миллиметровых гаубиц. Его особенностью является высокая точность, практически вертикальный угол поражения и оптимальное рассеивание осколков. Это позволяет снизить нагрузку на подразделения обеспечения и уменьшить побочный ущерб от артиллерийского обстрела в условиях плотной городской застройки. M982 Excalibur Block.1a-2 отличается от предыдущей версии Block.1a-1 своей увеличенной дальностью (до 40 километров). Последние уже поставлены в войска в 2007 году.

МакАдамс использует фигурировавшую ранее в романе "Главный противник" модульную высокоточную систему MSR—Modular Sniper Rifle. Система базируется на лёгкой раме выполненной из высокопрочных алюминиевых сплавов и предлагает высокую точность стрельбы при удивительной для такой конструкции универсальности.

Имеется ввиду перспективный образец пистолет-пулемёта TDI KRISS Super V. Как и российский автомат АЕК, "Крисс" использует принцип сбалансированной

автоматики, однако затвор с балансиром ходят не по горизонтали "вперёд-назад", а по вертикали "сверху-вниз", что также обеспечивает низкий уровень отдачи при стрельбе в разных режимах(автомат/полуавтомат). Это немаловажно, при том, что в качестве основного боеприпаса используются мощные патроны калибров .45 и .40мм.

В данном изделии используется и ещё одна находка советских оружейников – "Крисс" не имеет маленьких частей в механизме, а также между ними допущен существенный люфт. Это делает данный ПП не требовательным к

чистке, уменьшает число отказов в работе, при этом не снижает точности и кучности огня. "Крисс" удобно лежит в руке благодаря конструкции несущей рамы(рамы Шептарского)и пистолетной рукояти взятой от советского малокалиберного спортивного пистолета МЦ-3. ПП имеет короткий силуэт,складной вбок приклад.Перед рукояткой управления огнем находится приемник магазинов. Питание оружия патронами осуществляется из отъемных коробчатых двухрядных магазинов к пистолету Glock 21, имеющих емкость 13 или 30 патронов. Данный ПП традиционно имеет возможность

установки различной оптики, передней рукояти и прибора беспламенно-безшумной стрельбы.

Основные характеристики:

Калибр: 11х43мм (.45 ACP), 10х22мм (.40 SW), Длина оружия: 617/406 мм Длина ствола: 140 мм Высота оружия: 175 мм, Масса без патронов: 2 кг, Темп стрельбы: 1000 выстр./мин, Емкость магазина: 30 патронов.

41

На самом деле, в американском табели о рангах есть звание "general of army". Однако это звание является специальным, что-то вроде генералиссимуса или маршала и в общем-то Греков правильно трактует

звание Бриггса.

42

Имеется ввиду АК-9.Изделие представляет собой компактный автомат на базе состоящего в настоящее время на вооружении ВС РФ АК-74М. Для стрельбы используются патроны типа СП калибра 9х39мм. Основное отличие от автоматов Калашникова – укороченный газоотводный механизм и ствол. Другое отличие – новая пистолетная рукоятка, обладающая значительно лучшей эргономикой. Цевье внизу имеет направляющие «пикатини», при помощи которых к оружию могут крепиться различные тактические фонари и лазерные

целеуказатели. Коллиматорные или оптические прицелы по-прежнему крепятся к левой части ствольной коробки, как на АК-74М. Складной полимерный приклад так же остался без изменений. Полимерный магазин вмещает 20 патронов, как и в АС, ВСС или ОЦ-14. Прицельная дальность стрельбы составляет 400 метров. К стволу может крепиться быстросъемный глушитель.

В данном случае, я вынужден привести только ТТХ и описание, ибо не могу с полным доверием или совершенно уж скептически отнестись ко всему слышанному об указанном образце.

РД – рюкзак десантника. Немного напоминает туристический рюкзак на раме, отличается от гражданских моделей лишь специфическим окрасом и наличием специального набора функций укладки.

44

Патроны СПП – имеются ввиду патроны со стальным сердечником повышенной пробиваемости. Они мощнее стандартных боеприпасов, значительно сильнее по отдаче при стрельбе. Индекс ГРАУ – 7Н23(7.62х39мм). Патроны УСП – дозвуковые, уменьшенной силы пробития. Применяются для стрельбы с прибором ПББС(прибор

беспламенно-бесшумной стрельбы). Их пробивная сила значительно меньше чем у стандартных и СПП, но пуля существенно тяжелее, головка окрашена в зелёный цвет.

45

ВССК "Выхлоп" Бесшумный крупнокалиберный снайперский комплекс. Разработан в Центральном КБ спортивного и охотничьего оружия, в г. Тула, в 2002 году, по специальному заказу Центра Специального Назначения (ЦСН) ФСБ России. Комплекс состоит из оружия и патронов к нему. Изделию присвоен индекс ГРАУ. Сейчас комплекс "Выхлоп" выпущен в небольшом количестве и состоит на

вооружении подразделений ЦСН
ФСБ России.

Основным назначением
снайперской винтовки ВССК
"Выхлоп" является малошумное и
беспламенное поражение
защищенных целей (автомобили,
прочая небронированная техника,
живая сила в тяжелых бронежилетах
или укрывшаяся в транспортных
средствах и т.п.) на дальностях до
600 метров. При этом за счет
использования пули с дозвуковой
начальной скоростью (порядка 290-
295 м/с) в сочетании с эффективным
глушителем обеспечивается
значительное снижение уровня звука
выстрела (громкость выстрела на

уровне 123 дБ).

Отдельно надо сказать о номенклатуре спецбоеприпасов. Большая эффективность действия по цели достигается использованием тяжелых крупнокалиберных пуль массой 59 грамм (патрон СЦ-130ПТ повышенной точности) и даже 76 грамм (патрон СЦ-130ВПС с повышенной пробивной способностью). Для патрона СЦ-130ПТ заявляется кучность стрельбы 25мм на дальности 100 метров (1 МОА / угловая минута), для патрона СЦ-130ВПС – гарантированное пробитие 16мм стальной плиты на дальности 200 метров или тяжелого бронежилета 5

класса защиты (по ГОСТ) на дальности 100 метров. Патроны используют специально изготовленные пули и относительно короткие гильзы цилиндрической формы – полная длина 12.7мм патрона СЦ-130 составляет 97мм против 145 мм у "обычного" отечественного крупнокалиберного патрона 12.7x108. За счет сравнительно небольшой (для выбранного калибра, разумеется) дульной энергии оружие под него получилось практически в два с половиной – три раза легче, чем винтовки под "обычные" крупнокалиберные патроны 12.7x108 или 12.7x99. Тем не менее, дульная

энергия пули патрона СЦ-130ПТ составляет порядка 2500 Джоулей (3 650 Дж для патрона СЦ-130ВПС), и за счет тяжелой пули с высоким баллистическим коэффициентом энергия лучше сохраняется на траектории пули по сравнению с "обычными" снайперскими патронами калибра 7.62мм или "бесшумными" 9мм патронами при стрельбе из винтовки ВСС "Винторез". Единственный из выявленных на данный момент существенных недостатков изделия – ВССК "Выхлоп" построена в компоновке буллпап и имеет интегральный глушитель, снимаемый для транспортировки или чистки

оружия. Механизм перезарядки ручной, с продольно скользящим затвором, управляемым рукояткой на правой стороне оружия. Запирание ствола осуществляется поворотной боевой личинкой затвора. Однорядный отъемный коробчатый магазин вмещает всего 5 патронов. Это существенно снижает скорострельность оружия, ограничивая круг выполняемых ею задач. Так же отмечается недостаточное количество специальных боеприпасов, производство которых существенно ограничено именно из-за скудной материальной базы отечественного военпрома.

В остальном, всё стандартно для винтовки такого назначения. На ствольной коробке винтовки сверху выполнены крепления для оптических или ночных прицелов, кроме того, винтовка оснащена резервными открытыми прицельными приспособлениями (мушка и целик), выполненными на складных основаниях. В передней части короткого пластикового цевья расположена складная двуногая сошка.

Сказано так много, потому что реальных данных от пользователей данной винтовки у меня нет покуда. Так что имеем то, что имеем.

Это уже дань традиции, но напомним тем кто читал мои книги и скажу специально для тех, кто читает впервые. ПКМ – ручной модернизированный пулемёт системы Калашникова. Надёжное и безотказное оружие, способное даже с расстрелянным в хлам стволом вполне уверенно работать и поражать живую силу противника. Это личное мнение автора, хотие соглашайтесь – хотите нет. ТТХ: Калибр – 7.62x54R . Вес – 7.5кг. Длина ствола – 645мм. Темп стрельбы – 650 выстр/мин. Питание – наборная стальная лента/короб на 100, 200 и 250 патронов.

Имеется ввиду ПВМН-12 (противовертолётная кумулятивного действия мина, носимого типа). Предназначена для выведения из строя низколетящих воздушных целей (самолетов, вертолетов, иных летательных моторных аппаратов) движущихся со скоростью до 360 км/час. Поражение цели при взрыве мины наносится ударным ядром, вылетающим в направлении цели на дальность до 150 метров.

Датчик цели комбинированный акустико-инфракрасный. Чувствительность акустического датчика составляет не более 0.6 децибел, что позволяет обнаруживать и уверенно селектировать шум

моторов мотодельтопланана дальности 0.6 км, вертолета до 3.2 км. Система селекции шумов позволяет выделять звук мотора самолета или вертолета на фоне шумов моторов наземной техники, взрывов, стрельбы.

Если шум распознан как шум мотора воздушной цели, то при приближении цели на расстояние менее 1 км производится разворот боевой части в сторону цели и включаются инфракрасные датчики цели (4-6 датчиков), которые определяют точное направление на цель и дальность до нее. Перезахват иной цели в это время исключается. Комбинация одновременной работы

акустического и инфракрасных датчиков исключают реагирование мины на тепловые противоракетные ловушки отстреливаемые целью.

При входе цели в зону поражения (полусфера радиусом 150 метров) производится подрыв мины и ударное ядро, движущееся со скоростью около 2500 км/час поражает цель. Целью считается источник звука и инфракрасного излучения одновременно (мотор летательного аппарата). Если цель не вошла в зону поражения, то при удалении на расстояние более 1 км. происходит отключение инфракрасных датчиков и мина вновь переходит в положение

ожидания цели. Срок работы в боевом положении – до 90 суток.

ТТХ: корпус металлический. Масса-12.0 кг. Масса взрывчатого вещества (ТГ-50)-6.4 кг. Размеры мины(в транспортируемом положении) – 45.5х47.4х47 см. Радиус зоны поражения в полусфере –150 м. Радиус зоны обнаружения цели в полусфере –1000 м.

Максимальная скорость цели – до 100 м/сек. Время перехода из режима ожидания в рабочий режим до 1.5 сек. Боевой работы от 30 до 90 суток.

48

МОН-50 это противопехотная мина направленного действия, с

радиусом поражения до 50 метров. Слабые, не самые лучшие советские противопехотки, именно из-за недостаточной плотности покрытия поражаемой площади. Имеет два достоинства: небольшой вес и безотказность в работе как автономно, так и в сети дистанционного подрыва при перепадах температур, в отличие от других противопехотных мин подобного типа. Всё вышеперечисленное — личное мнение автора.

49

Большинство мировых финансовых организаций: крупных банков, хэдж-фондов, промышленных

корпораций, так или иначе принадлежат этим двум семействам. Традиционно считается, что полномочные представители Ротшильдов и Рокфеллеров образуют некое теневое, «мировое правительство». И они же, таким образом, ответственны за все аспекты мировой политики проводимой Западом. Существование такого органа не доказано и вряд ли он существует как некая жёсткая иерархическая структура. При том характере отношений, которые существуют в мире элит, он может иметь в лучшем случае лишь совещательные, координационные функции. Сторонники «теории

заговора», часто и с удовольствием вают на эти семьи все непонятные обычным людям процессы, происходящие в мировой экономике и политике. И кто-то ловко подсунул конспирологам идею некоего сионистско-масонского заговора, продвигая простую идею, что всё что делают Рокфеллеры и Ротшильды, это де происки мирового еврейского лобби. Близорукая и крайне вредная, на мой взгляд, теория.

Мировой капитал уже давно интернационален и никаких расовых выгод не преследует. Всё, что интересует мировую правящую элиту, сводится лишь к разделу сфер влияния, захвату рынков сбыта и

получению сверхприбыли. А эти понятия национальности не имеют и тем более не служат интересам одной или группы стран. Они служат только тем самым семейным кланам, которые обрели вес и могущество в результате кровопролитных войн прошлого, настоящего и, если их не остановить, будущего. Война и только война всегда являлась и является для них быстрым средством получения прибыли, захвата рынков и территорий. И если принять меры, причём самые радикальные, вплоть до физического устранения, то на какое-то время маховики этой питающейся кровью и болью людей машины, притормозят. Этого

времени может хватить, чтобы одержать победу, закончив тем самым активную фазу конфликта. Ну а после в дело вступит сначала внешняя разведка, а в дальнейшем уже гуманитарные организации, чтобы повернуть финансовые потоки в мирное так сказать русло. Это вполне возможно, хотя и не принесёт быстрой и ощутимой прибыли, зато это работа на перспективу позволит ликвидировать большинство локальных конфликтов. Победить голод, нищету, болезни в глобальном масштабе. Таково моё мнение.